

Пентаграмма

Ю НЕСБЁ

ЗАГАДОЧНОЕ ЧИСЛО СМЕРТИ

Пентаграмма
Ю Несбё

Аннотация
Ю Несбё. Пентаграмма
Часть I
  Глава 1. Пятница. Яйцо
  Глава 2. Пятница. Список отпусков
  Глава 3. Пятница. Пробуждение
  Глава 4. Пятница. Статистика
  Глава 5. Пятница. «Андеруотер»
  Глава 6. Пятница. Вода
  Глава 7. Понедельник. Отставка
Часть II
  Глава 8. Вторник и среда. Чау-чау
  Глава 9. Среда. Исчезновение
  Глава 10. Четверг и пятница. Кошмар
  Глава 11. Воскресенье. Уход
  Глава 12. Воскресенье. Вифлеем
Часть III
  Глава 13. Понедельник. Прикосновение
  Глава 14. Понедельник. Барбара
  Глава 15. Понедельник. Vena amoris
  Глава 16. Понедельник. Диалог
  Глава 17. Вторник. Профили

Глава 18. Вторник. Пентакль
Глава 19. Среда. Под водой
Глава 20. Среда. Возведение соборов
Глава 21. Четверг. Пигмалион
Глава 22. Четверг и пятница. Откровение
Глава 23. Пятница. Число человека
Глава 24. Пятница. Отто Танген
Глава 25. Пятница. Глоссолалия
Часть IV
Глава 26. Суббота. Душа. День
Глава 27. Суббота. Операция
Глава 28. Суббота. Имитатор
Глава 29. Суббота. Он тонет
Глава 30. Суббота. Арест
Глава 31. Суббота. «Разве не радость – ненавидеть?»
Часть V
Глава 32. Воскресенье. Ласточки
Глава 33. Ночь на понедельник. «Благословение Иосифа»
Глава 34. Ночь на понедельник. Ультиматум
Глава 35. Ночь на понедельник. Полный бред
Глава 36. Понедельник. Фотография
Глава 37. Понедельник. Исповедь
Глава 38. Понедельник. Туча
Глава 39. Понедельник. Встречи

Глава 40. Понедельник. Дождь
Глава 41. Понедельник. Хеппи-энд
Глава 42. Понедельник. «Марин крест»
Глава 43. Ночь на вторник. «Ролекс»
Глава 44. Ночь на вторник. Бормотание

Аннотация

В спокойном и сонном летнем Осло совершено убийство – дерзкое и вызывающее. Виновник оставил полиции не только орудие преступления, но и маленький бриллиант в форме пятиконечной звезды, спрятав его под веком покойного. Вскоре норвежскую столицу потрясает череда загадочных событий, мистически связанных с цифрой пять: о ней настойчиво напоминают пять лучей звезды и изуродованная ладонь. Каждый пятый день полиция находит новую жертву таинственного преступника, которому всякий раз удается ускользнуть незамеченным.

Ю Несбё
Пентаграмма

Jo Nesbø
MAREKORS

Copyright © Jo Nesbø 2003
All rights reserved
Published by agreement with Salomonsson Agency

Серия «Звезды мирового детектива»

© А. Штрыков, перевод, 2009
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть I

Глава 1
Пятница. Яйцо

Дом был построен давно, еще в 1898 году. Поставили его на суглинке, потому сейчас он осел набок, так что вода, переливаясь через порог приоткрытой двери, пробиралась через спальню и темной полосой по дубовому паркету тянулась все дальше и дальше на запад. Немного отдохнув в выбоине на паркете и дождавшись подкрепления, вода испуганной крысой бежала к плинтусу. Тут ручеек раздваивался — уже две крысы пробирались, каждая в свою сторону, принюхиваясь к плинтусу в поисках пути. И вот одна из них нашла щелку между плинтусом и паркетными плашками. Там лежала монетка в пять крон с профилем короля Улафа[1] и датой — «1987». В прошлом году ее обронил плотник. Времена на дворе были далеко не из худших, да и заказы на мансарды сыпались один за другим, поэтому плотник даже не стал ее искать. Оказавшись под паркетом, вода быстро просочилась еще ниже. Еловые брусья никто не трогал с 1898

---

[1] Примечания: 1

Король Норвегии Улаф V (1903–1991). *(Здесь и далее — примеч. перев.)*

года (за исключением, пожалуй, 1968-го, когда перекрывали протекшую крышу), и с тех пор они благополучно рассыхались, так что между двумя из них была уже полусантиметровая щель. Через нее вода продолжила свой бег на запад, пока не достигла стены. Известковой штукатурке, как и раствору между кирпичами, перевалило за сотню лет. Их замешивал еще Якоб Андерсен, потомственный каменщик и отец пятерых детей. Как и у других тогдашних мастеров норвежской столицы, у Андерсена был свой рецепт приготовления штукатурки и раствора. Рецепт отличала не только известная одному лишь мастеру формула соотношения извести, песка и воды, но и особые ингредиенты: конский волос и свиная кровь. Якоб Андерсен искренне полагал, что волосы и кровь связывают штукатурку и придают ей дополнительную прочность. Коллеги по цеху только качали головами, но Андерсен уверял, что это фамильное изобретение. Его шотландские предки — и отец, и дед — использовали те же добавки, однако кровь брали овечью. И хотя Андерсен отказался от шотландской фамилии, взяв фамилию своего учителя, отвергать шестивековой опыт он не собирался. Некоторые строители считали его рецепт порочным, другие говорили,

что это от лукавого, а многие просто над ним смеялись. Возможно, кто-то из последних и сочинил историю, которая в конце концов превратилась в городскую легенду столицы, тогда носившей имя Христиания.

Посыльный из Грюнерлёкки[2] женился на своей кузине родом из Вермланда. Молодые переехали в однокомнатную квартиру на улице Сейльдуксгата, в дом, который среди прочих строил и Андерсен. Их первенцу не посчастливилось: он появился на свет с черными кудряшками и карими глазами. Мать была светловолосой и голубоглазой, ее ревнивый супруг — тоже. И как-то поздней ночью он связал жене руки за спиной, отвел ее в подвал и замуровал. Она стояла, связанная, зажатая между двумя стенами кирпичной кладки, которые заглушали ее крики. Муж, наверное, думал, что она там задохнется, но уж о чем о чем, а о вентиляции тогдашние строители умели позаботиться. Наконец бедная отчаявшаяся женщина начала грызть кирпич. И возможно, она бы и освободилась, потому что шотландец Андерсен, используя кровь и конский волос, считал, что можно сэкономить на более

[2] Примечания: 2

Грюнерлёкки — район Осло. В прошлом — рабочая окраина, ныне — модный квартал, место обитания богемы.

дорогой составной части раствора — извести. Стена стала уступать атаке крепких вермландских зубов. Но жажда жизни была слишком велика, женщина торопилась, и скоро она не могла уже ни жевать, ни глотать, ни сплевывать. Песок, камешки и кусочки обожженной глины забили ей дыхательное горло, лицо посинело, сердце билось все слабее, и вот дыхание остановилось.

Она умерла, как сказали бы многие.

Однако, согласно легенде, несчастная женщина, отведавшая свиной крови, вовсе не считала себя мертвой. Она с внезапной легкостью освободилась от пут, прошла сквозь стену и разгуливает теперь по городу. В Грюнерлёкке есть еще старики, которые с детства помнят легенду о женщине со свиной головой, что бродит по улицам с ножом в руке. И если маленькие дети выходят гулять поздно ночью, она отрезает им голову: ведь чтобы не исчезнуть вовсе, не развеяться как дым, ей нужно все время ощущать во рту вкус крови.

Не многие, правда, помнили имя каменщика, и мастер Андерсен так и продолжал замешивать свой особый раствор. Построил он и тот дом, по которому сейчас бежала вода, но через три года упал с лесов и умер, оставив потомкам в наследство двести крон и гитару. А спустя почти сто

лет строители начали использовать в цементном растворе искусственные волокна, чем-то напоминающие конский волос, а исследователи миланской лаборатории выяснили, что стены Иерихона упрочнялись кровью и верблюжьей шерстью.

Вода не просачивалась сквозь стену, она струилась вниз. В этом вода схожа с трусостью и иными пороками — все время стремится ниже и ниже, пытаясь достичь дна. Поначалу воду впитывала порошкообразная глинистая прослойка, но она быстро насытилась, и вода побежала дальше, по пути размывая газету «Афтенпостен» от 11 июля 1898 года, в которой сообщалось: в Христиании происходит настоящий строительный бум, и теперь можно надеяться, что прошли золотые деньки для бессовестных дельцов, спекулирующих недвижимостью. А на третьей странице говорилось, что полиция до сих пор не напала на след преступника, заколовшего насмерть молодую портниху. Ее тело на прошлой неделе было обнаружено в ванной комнате. В мае того же года на берегу Акерсельвы нашли изуродованный труп девушки. Почерк преступлений был схож, но полиция не торопилась объявлять о связи между этими двумя злодеяниями.

Вода миновала газеты, прошмыгнула под дощатый настил и побежала по обратной стороне натяжного потолка. Потолок отремонтировали после протечки, случившейся в 1968 году; его поверхность была перфорирована, и вода выглядывала в эти дырочки любопытными каплями. Они становились все тяжелее, и, когда сила притяжения одерживала верх над силой, удерживающей их на потолке, капли срывались и, пролетая три метра и восемь сантиметров, приземлялись. Вернее, приводнялись.

Вибекке Кнутсен жадно курила сигарету и выпускала дым в открытое окно четвертого этажа. Теплый вечерний воздух поднимался от прогретого асфальта на заднем дворе и подхватывал струйку дыма, быстро таявшую на фоне грязно-голубого фасада. Со стороны Уллеволсвейен слышался шум редких автомобилей. Обычно на этой улице царит оживленное движение, но сейчас, в сезон отпусков, город будто вымер. На подоконнике кверху лапками лежала муха, которой не хватило сообразительности спрятаться от жары. В той стороне квартиры, что выходила на Уллеволсвейен, было прохладнее, но Вибекке не нравился вид из того окна. Кладбище Христа Спасителя, полное знаменитостей. Мертвых зна-

менитостей. На первом этаже дома находился магазин, где, если верить вывеске, продавались «монументы», а проще говоря, надгробия; маркетологи назвали бы это «близость к рынку».

Вибекке прислонилась лбом к нагревшемуся оконному стеклу.

Поначалу она обрадовалась жаре, но радость быстро прошла, и теперь она скучала по прохладным ночам и людным улицам. Сегодня в магазине побывало всего восемь посетителей: пятеро до обеда и трое после. От скуки Вибекке выкурила тридцать сигарет, и, когда позвонил шеф, у нее так бешено колотилось сердце и так сильно болело горло, что она едва могла говорить. Но стоило ей вернуться домой и начать чистить картошку, как курить захотелось снова.

Вибекке бросила эту привычку два года назад, когда познакомилась с Андерсом. Причем он ее об этом не просил. Скорей наоборот. Когда они встретились на Гран-Канарии, он даже стрельнул у нее сигаретку. Так, для смеху. А спустя всего месяц после возвращения в Осло, когда они начали жить вместе, он чуть ли не сразу заявил, что немного пассивного курения не нанесет вреда их отношениям. И что онкологи наверняка преувеличивают. И что он вскорости привыкнет к

запаху дыма от ее одежды. На следующий день она решила бросить. Через несколько дней он сказал за ужином, что давно не видел ее с сигаретой, и она ответила, что всерьез никогда и не была курильщицей. Андерс улыбнулся, наклонился к ней через стол и ласково погладил по щеке:

— А знаешь, Вибекке, я так и думал.

Она услышала, как закипает вода в кастрюле, и посмотрела на сигарету. Оставалось три затяжки. Она сделала первую. Сигарета была совершенно безвкусной.

Она даже и не помнила, когда привычка к ней вернулась. Может, в прошлом году, когда он начал уезжать в долгие командировки? Или после Нового года, когда он чуть ли не каждый вечер стал задерживаться на работе? Может быть, она начала курить, потому что была несчастлива? А была ли она несчастлива? Они никогда не ссорились. Правда, почти и не спали вместе, но Андерс объяснил это непомерной загруженностью на работе, и тема была закрыта. Не то чтобы ей этого сильно не хватало. В те редкие разы, когда они занимались сексом, ей казалось, что он не с ней. А раз так, значит, и ей быть с ним необязательно.

Однако они не ссорились. Никогда. Андерсу не нравилось, когда повышают голос.

Вибекке посмотрела на часы. Четверть шестого. Почему он не идет? Обычно он предупреждал, что задержится. Она погасила окурок, и тот полетел на задний двор. Повернувшись к плите, она посмотрела на картошку. Попробовала вилкой самую большую картофелину. Почти готова. На поверхности кипящей воды плавали маленькие черные сгустки. Интересно, это от картошки или от кастрюли?

Вибекке попыталась вспомнить, что готовила в ней в прошлый раз, но тут открылась входная дверь. Она услышала в коридоре тяжелое дыхание и шум отлетающих в угол ботинок. Андерс вошел в кухню и открыл холодильник.

— Что? — спросил он.

— Мясная запеканка.

— Ясно… — Интонация вдруг пошла вверх, поставив после слова вопросительный знак.

Она знала, что он имеет в виду: «Снова мясо? А может, почаще готовить рыбу?»

— Хорошо, — сказал он без выражения и склонился над кастрюлей.

— Что ты делал? Ты весь промок от пота!

— Сегодня нет тренировки, и я проехался на велосипеде до Согне-фьорда и обратно. А что это в воде плавает?

— Не знаю, — ответила Вибекке. — Сама только что увидела.

— Не знаешь? А разве ты не училась на повара?

Он молниеносным движением схватил один из сгустков большим и указательным пальцами и попробовал на вкус. Она смотрела на его затылок, на негустые темные волосы, которые поначалу так ей нравились, — подстриженные, ухоженные, зачесанные на пробор. Он выглядел таким надежным, уверенным в себе. Как человек с большими планами на будущее. Причем не только на свое.

— Ну и на что похоже? — спросила она.

— Ни на что, — ответил он, по-прежнему разглядывая плиту. — На яйцо.

— Яйцо? Но я ведь мыла эту кастрюлю… — Она вдруг замолчала, не договорив.

Он обернулся:

— Что такое?

— Смотри, капает. — Она показала на его голову.

Он наморщил лоб и провел рукой по затылку. Потом, будто по команде, они вместе запрокинули головы и посмотрели на потолок. На нем висели две капли. Близорукая Вибекке вряд ли

заметила бы их, будь они чистыми и прозрачными, но они такими не были.

— Кажется, у Камиллы потоп, — сказал Андерс. — Позвони ей, а я схожу за консьержем.

Вибекке посмотрела на потолок. И снова на кастрюлю с черными сгустками. Сердце опять забилось в бешеном темпе.

— О господи… — прошептала она.

— Что еще? — спросил Андерс.

— Иди за консьержем, а потом вместе с ним поднимайся к Камилле. Я пока позвоню в полицию.

Глава 2
Пятница. Список отпусков

Из окон Полицейского управления Осло открывается замечательный вид на восточную часть городского центра. Здание управления стоит на возвышенности, которая продолжается грядою холмов, тянущейся от Грёнланна до Тёйена. Оно было построено в 1978 году. Стекло и металл, идеально горизонтальные полы — за это группе архитекторов (Телье, Торп, Осен) вручили диплом.

Когда телемонтер, тянувший кабели в высоких коридорах на седьмом этаже, упал с лесов и сломал позвоночник, он получил не только страховку, но еще и выговор от отца: «Семь поколений твоих предков были строителями. Мы всю жизнь работали между небом и землей, пока сила притяжения не срывала нас вниз. Мой дед попытался сбежать от проклятия, но оно настигло его по эту сторону Северного моря. В тот день, когда ты родился, я дал себе обещание, что ты избежишь этой судьбы, и думал, что мне удалось его сдержать. Какого черта ты, монтер, полез на

высоту шести метров?»

И вот сейчас именно по тем проводам, которые проложил сын потомственного строителя, сигнал тревоги из кол-центра шел прямиком на шестой этаж, в отдел по расследованию убийств (сотрудники называли его убойным отделом), в кабинет начальника Бьярне Мёллера. Мёллер в этот момент размышлял: радоваться ему или печалиться, что скоро он со всей семьей будет отдыхать в летнем домике, который они сняли на июль в Осе под Бергеном. Ос в июле означает скорее всего дрянную погоду, но в Осло обещали жару, и Бьярне был не прочь сменить ее на изморось. Однако занять в дождь двух непоседливых сорванцов, имея под рукой только колоду карт, — задача не из легких.

Бьярне Мёллер вытянул ноги, почесал за ухом и, выслушав сообщение, спросил:

— Как обнаружили труп?

— Вода потекла на соседей, — ответил дежурный. — Сосед с консьержем долго звонили в дверь, та была незаперта, и они вошли.

— Придется отправить туда людей.

Положив трубку, Мёллер вздохнул и принялся изучать список личного состава, проводя пальцем по толстому стеклу на столе. Половина

отдела отсутствовала. Так бывало каждый год в сезон отпусков. Но жители Осло отнюдь не оказывались из-за этого в большей опасности, потому что преступники в июле тоже устраивали себе отпуск, отчего на этот месяц в отделе по расследованию убийств традиционно приходилась пора затишья.

Палец Мёллера остановился на Беате Лённ. Он набрал номер службы криминалистической экспертизы на Кьёльберг-гате. Трубку не брали. Мёллер дождался, пока сигнал переведут на коммутатор.

— Беата Лённ в лаборатории, — ответил высокий голос.

— Мёллер из убойного отдела. Свяжитесь с ней.

Пауза. Голос принадлежал Карлу Веберу, начальнику службы, теперь уже пенсионеру. Он переманил к себе Беату Лённ из ведомства Мёллера, который расценивал этот случай как подтверждение теории неодарвинистов: единственное стремление индивида — в увеличении числа себе подобных. Вебер, очевидно, полагал, что его и Беаты Лённ генетика сильно совпадает. Конечно, с первого взгляда могло показаться, что между ними — многоопытным брюзгой Карлом

Вебером и тихой серой мышкой Лённ, которая совсем недавно закончила полицейскую академию и краснела, стоило с ней заговорить, — нет ничего общего. Но профессиональные гены у них точно были идентичными. Оба принадлежали к тому типу страстных охотников, которым достаточно почуять добычу, чтобы забыть про все на свете, сосредоточить внимание на какой-то технической зацепке, улике, видеозаписи, туманном сообщении и в итоге прийти к тому или иному заключению. Злые языки утверждали, что Вебер и Лённ нормально чувствуют себя только в лаборатории, а не среди людей, где психологические навыки следователя все-таки важнее, чем следы обуви и частички ниток с одежды.

Насчет лаборатории Вебер и Лённ были согласны, а вот про следы и нитки готовы были поспорить.

— Лённ.

— Привет, Беата! Бьярне Мёллер. У тебя есть время поговорить?

— Нет. А в чем дело?

Мёллер вкратце рассказал о происшествии и дал ей адрес.

— Направлю туда еще пару моих ребят, — добавил он.

— Кого?

— Кого найду. Все же в отпусках. — Положив трубку, Мёллер вернулся к списку.

Указательный палец остановился на Томе Волере.

В графе «отпуск» месяц проставлен не был. Впрочем, этому Бьярне Мёллер и не удивился. Ему порой казалось, что инспектор Том Волер вообще никогда не берет отпусков и почти не спит. Этот следователь был одной из двух «козырных карт» отдела. Все дела в идеальном порядке, все делается вовремя, и отличная раскрываемость. И в отличие от второго «козыря» Том Волер был человеком надежным, пользующимся всеобщим уважением, с незапятнанным личным делом. В общем, не сотрудник, а пример для подражания. С такими несомненными задатками руководителя Том со временем вполне мог рассчитывать на кресло начальника отдела полиции, которое сейчас занимал Мёллер.

Сигнал пробежал по проводам и зазвенел в телефонном аппарате на другом конце.

— Волер, — откликнулся звучный голос в трубке.

— Это Мёллер. У нас…

— Секунду, Бьярне. Сейчас закончу тут один

разговор.

Бьярне Мёллер ждал, барабанил по столешнице пальцами и думал, что Том Волер мог бы стать самым молодым начальником отдела за всю его историю. Хотя иногда Мёллер чувствовал беспокойство, оттого что вся ответственность ляжет именно на Тома. Может, из-за его возраста? Или все-таки из-за тех двух эпизодов со стрельбой? Два раза при задержании инспектор прибегал к оружию, а так как он был одним из лучших стрелков в полиции, оба случая имели летальный исход. Однако Мёллер понимал: как бы парадоксально это ни звучало, истории со стрельбой в конечном счете лишь добавляли Тому шансов на успех. Оружие он применял для самообороны — сотрудники ОСО[3], проводившие расследование, не только не нашли доказательств обратного, но и сделали заключение, что оба раза Том Волер проявил отличную сноровку и умение принимать решения в критических ситуациях. Разве можно дать лучшую рекомендацию кандидату на должность начальника?

— Извини, Мёллер. Мобильный. Чем я могу помочь?

---

[3] Примечания: 3

«Особые следственные органы» (SEFO) — служба по расследованию должностных преступлений.

— У нас появилось дело.

— Наконец-то!

Дальнейший разговор длился десять секунд. Оставалось найти еще одного человека.

Мёллер подумал было о следователе Халворсене, но тот значился в отпуске — укатил в родной Стейнкьер.

Указательный палец спускался все ниже: отпуск, отпуск, больничный…

Начальник тяжело вздохнул: он дошел до имени, видеть которое не хотел.

Харри Холе.

Одиночка. Пьяница. Enfant terrible всего отдела. Но — как и Том Волер — «козырь» шестого этажа. Если бы не это и не развившееся с годами странное пристрастие Мёллера рисковать головой (и начальственным креслом!) ради этого алкоголика, Харри Холе уже давно вылетел бы из полиции. В другой раз Мёллер в первую очередь позвонил бы именно ему, однако сейчас дела обстояли скверно.

Вернее, скверней обычного.

Неприятности начались четыре недели назад. Дело в том, что зимой Харри снова взялся за старое дело об убийстве Эллен Йельтен, своей коллеги и близкого друга, погибшей на берегу

Акерсельвы. Ко всем остальным расследованиям он сразу потерял интерес. А ведь дело Эллен давно уже раскрыли. Но у Харри интерес к нему мало-помалу перерастал в манию, и Мёллер, признаться, уже начал беспокоиться за его душевное здоровье. Серьезные неприятности начались месяц назад, когда Харри явился к нему со своими жуткими версиями о заговорах и интригах, но не смог привести ни доказательств, ни сколько-нибудь весомых аргументов в пользу своих фантастических обвинений против Тома Волера.

А потом Харри просто исчез. Через несколько дней Мёллер позвонил в ресторан «Шрёдер». То, чего он опасался, все-таки случилось: Харри снова ушел в запой. Чтобы как-то прикрыть его отсутствие, Мёллер проставил ему неделю отпуска. Потом еще раз. Обычно Харри подавал признаки жизни уже через неделю. А теперь их прошло четыре. Отпуск закончился.

Мёллер посмотрел на телефонную трубку, встал и отошел к окну. Было полшестого, но в парке перед зданием Управления по-прежнему почти никого не было, если не считать одного-двух доморощенных солнцепоклонников, которым жара была нипочем. На Грёнланнслейрет под навесами сидело несколько лавочников-зеленщиков. Даже

машины на улицах двигались медленнее, хотя пробок, разумеется, никаких не было. Мёллер провел рукой по волосам — старинная привычка, от которой, по словам жены, ему следовало избавиться, поскольку некоторым могло показаться, что он все время прихорашивается. Неужели, кроме Харри, никаких вариантов? Мёллер проводил взглядом пешехода, проследовавшего неуверенной походкой к Грёнланнслейрет. Подумал, что наверняка тот попробует зайти в «Равнен» и наверняка его туда не пустят. Тогда он пойдет и напьется в «Боксере», где произошел поворот в деле об Эллен и, возможно, в полицейской карьере Харри Холе. Мёллер чувствовал: время поджимает, надо уже решать, что делать с проблемой по имени Харри. Но это все-таки в будущем, сейчас есть более срочное дело.

Мёллер поднял трубку и подумал, что из-за этого чертова сезона отпусков приходится делать Харри и Тома Волера напарниками. Электрический сигнал покинул телье-торп-осеновский памятник порядку и через некоторое время проклюнулся телефонным звонком в царстве полного хаоса — в квартире на Софиес-гате.

Глава 3
Пятница. Пробуждение

Она снова вскрикнула, и Харри Холе открыл глаза.

Между лениво шелестящих занавесок сверкало солнце, с улицы донесся скрежет тормозящего на Пилестредет трамвая, и снова наступила тишина. Харри соображал, где находится. На полу. В своей спальне. Одетый. Пускай и не с иголочки. Живой. Ну, по крайней мере, не мертвый.

Лицо было покрыто густой маской пота, сердце стучало легко и часто, как шарик для настольного тенниса на бетонном полу. С головой дело обстояло хуже.

Харри на секунду задумался, размышляя, стоит дышать дальше или нет. Потолок и стены кружились перед глазами — в квартире не было ни картин, ни верхней лампы, чтобы зацепиться взглядом. Где-то на периферии зрения раскачивались резная книжная полка, спинка стула и обеденный стол, купленный в «Элеваторе». Спасибо, хоть сон закончился.

Это был все тот же детский кошмар. Не в силах

пошевелиться, словно пригвожденный, Харри старался закрыть глаза, чтобы не видеть ее искаженного лица и губ в неслышном крике. Огромные, пустые глаза в немом упреке. Когда он был маленьким, то видел в этом кошмаре младшую сестру — Сестрёныша, как он ее звал. А теперь вот — Эллен Йельтен. И Харри не знал, что хуже. Ее безгласный крик теперь озвучивали жалобно лязгавшие трамвайные рельсы.

Он лежал и молча смотрел на подрагивающее меж занавесок солнце, повисшее над улицами и домами района Бишлет. Только трамвай нарушал летнюю тишину. Харри, не моргая, смотрел на солнце, пока оно не превратилось в желтое сердце, бьющееся о тонкую голубую сердечную сумку, с каждым ударом выбрасывающее жару. Когда он был маленьким, мама говорила, что дети, которые долго смотрят на солнце, выжигают себе глазки и не видят в жизни больше ничего, кроме солнечного света. Этого он сейчас и добивался. Чтобы солнечный свет выжег все остальное. Чтобы он больше не видел, как Эллен лежит с разбитой головой на берегу Акерсельвы, а над ее телом склоняется чья-то тень. Тень, которую он три года подряд пытался поймать. И не поймал. Хотя цель была так близка, он не смог довести

работу до конца. Как всегда, ничего не смог.

Ракель…

Харри осторожно поднял голову и посмотрел на мертвый черный глаз автоответчика. Он не оживал вот уже несколько недель — с тех пор, как они с Мёллером и начальником криминальной полиции (начкрим, как они называли его для краткости) встретились в «Боксере». Наверное, и этот глаз выжгло солнце.

Черт, как же тут жарко!

Ракель…

Теперь он вспомнил. В какой-то момент лицо во сне стало лицом Ракели. Сестрёныш, Эллен, мама, Ракель. Женские лица. Они сменяли друг друга в пульсирующем ритме сердца и снова сливались в одно.

Харри со стоном уронил голову на паркет. Заметил над собой на краю стола бутылку «Jim Beam from Clermont, Kentucky». Бутылка была пуста. Виски испарилось, улетучилось. Ракель. Он закрыл глаза. Ничего не вернуть.

Он понятия не имел, сколько времени. Догадывался только, что уже слишком поздно. Или слишком рано. В общем, самое неподходящее время, чтобы проснуться. Вернее, чтобы спать. В это время нужно заниматься совсем другим

делом. Нужно пить.

В кармане брюк завибрировал мобильник. Он понял: от этого он и проснулся. Как будто ночная бабочка отчаянно бьет крыльями об освещенное окно. Харри выудил из кармана телефон.

Харри Холе медленно шагал к парку Санкт-Хансхёуген. Головная боль давила изнутри на глазные яблоки. До указанного Мёллером адреса было рукой подать, и Харри, рассудив, что прогулка прочищает мозги, побрызгал на лицо водой, отыскал в бельевом шкафу несколько бутылок, в одной из которых даже нашелся глоток виски, и отправился пешком. Прошел мимо бара «Андеруотер». С четырех до трех. По понедельникам — с четырех до часу. Воскресенье — выходной. Здесь он не был завсегдатаем — любимый «Шрёдер» находился на соседней улице, — но в голове у Харри (как и у большинства алкоголиков) была особая картотека, куда автоматически заносился каждый кабак и график его работы.

Харри улыбнулся отражению в черном окне: «В другой раз».

На углу он повернул направо и пошел по Уллеволсвейен, улице для машин, а не для людей. Привлекательного в ней было мало — разве что тень на правой стороне в жаркие дни.

Заметив нужный номер дома, Харри остановился и посмотрел на здание.

На первом этаже была прачечная с красными стиральными машинами. Листок на двери сообщал, что открыта она с 8.00 до 21.00, цена на сушку снижена — всего 30 крон. Перед одной из работающих машин сидела смуглая женщина и смотрела куда-то в пустоту. Рядом с прачечной красовалась витрина с надгробными памятниками, а еще дальше — над гибридом закусочной и лавки коробейника — зеленая неоновая вывеска «Кебабный двор». Харри оглядел грязный фасад. Краска на старых рамах потрескалась, но, судя по эркерам, над четвертым этажом располагались новые мансарды, а над недавно установленными звонками возле входной железной двери была камера слежения. Деньги в этом городе медленно, но верно текли с запада на восток. Харри увидел напротив верхней кнопки имя Камиллы Луен и позвонил.

— Да? — отозвался динамик.

Мёллер предупреждал, но Харри все равно вздрогнул, услышав голос Волера.

Он хотел ответить, но голосовые связки не слушались. Кашлянув, он предпринял вторую попытку:

— Холе. Открывайте.

Дверь зажужжала, и Харри взялся за шершавую чугунную ручку.

— Эй!

Он обернулся:

— Привет, Беата!

Рост Беаты Лённ был ниже среднего, волосы короткие, русые, глаза голубые. Не красавица, не дурнушка. Во внешности Беаты Лённ не было ничего, что привлекло бы чье-нибудь внимание. Вот разве одежда — белый комбинезон, похожий на скафандр.

Харри придержал дверь, пока Беата буксировала железные чемоданы.

— Ты только что пришла? — Харри старался не дышать на нее, когда она проходила мимо.

— Нет, надо было вернуться в машину за этим вот барахлом. Мы тут уже с полчаса. Ударился?

Харри потер шрам на переносице:

— Что-то вроде.

Он прошел за ней и очутился на лестнице.

— И как там наверху? — спросил он.

Беата поставила чемоданы перед лифтом и бросила быстрый взгляд на Харри.

— Я думала, твой принцип — «Сначала посмотри сам, потом спроси других». — И она нажала на

кнопку вызова рядом с зеленой дверью.

Харри кивнул. Беата Лённ была из тех представителей вида гомо сапиенс, кто запоминает все. Она могла выдать подробности уголовных дел, о которых Харри давно забыл и которые были закрыты еще до того, как Беата поступила в полицейскую академию. Кроме этого, у нее была феноменальная память на лица. В свое время она прошла обследование и потрясла психологов этой особенностью. Потому неудивительно, что она помнила все до мельчайших подробностей, что слышала от Харри в прошлом году, когда по городу прокатилась волна ограблений и им довелось работать вместе.

— Да, я предпочитаю доверять собственным впечатлениям, когда впервые оказываюсь на месте преступления. — Харри вздрогнул, когда сверху внезапно громыхнул лифт, и начал искать в карманах сигареты. — Но я не думаю, что буду заниматься этим делом.

— Это почему?

Харри не ответил. Вытащил из левого кармана джинсов смятую пачку «Кэмела» и выковырял из нее окурок.

— Ах да, припоминаю, — улыбнулась Беата. — Ты же рассказывал весной, что вы собираетесь в

отпуск. Кажется, в Нормандию? Везунчик…

Харри сунул бычок в зубы. Вкус — преотвратный. И больной голове это вряд ли поможет. Поможет только одно. Он покосился на часы. «Понедельник — с четырех до часу…»

— С Нормандией не получилось, — сказал он.

— Да?

— Да. И вообще не из-за этого. А из-за того, кому это дело поручено и кто ждет нас наверху. — Он затянулся и кивнул в сторону верхних этажей.

Беата пристально посмотрела на него:

— Да не зацикливайся ты на нем, Харри.

— Не зацикливаться, говоришь? — Харри выдохнул дым. — Он делает людям больно, Беата. Не мне тебе рассказывать.

Беата покраснела:

— Мы с Томом встречались совсем недолго, Харри, вот и все.

— Не тогда ли ты ходила с синяками на шее?

— Харри! Том никогда… — Беата осеклась, поняв, что повысила голос. Но эхо ее слов не достигло верхних этажей: его перекрыл глухой грохот приехавшего лифта. — Не любишь ты его, — уже тише сказала Беата, — вот и придумываешь. На самом деле у Тома есть положительные качества, о которых ты и не догадываешься.

— Хм… — Харри затушил окурок о стену.

Беата открыла дверь лифта и вошла.

— Ты не со мной? — Она посмотрела на Харри.

Тот стоял и стеклянными глазами смотрел на что-то. Лифт. Дверь, которую нужно открывать самому. Черная железная решетка, которую закрывают за собой, прежде чем лифт тронется. Снова крик. Немой крик. Харри покрылся потом. Глотка виски оказалось недостаточно.

— Что-то не так? — спросила Беата.

— Да нет, — сипло ответил Харри. — Просто не люблю старые лифты. Я лучше пешочком.

Глава 4
Пятница. Статистика

В доме действительно было две мансарды. Дверь одной из них была открыта, но поперек дверного проема была прикреплена оранжевая лента полицейского заграждения. Харри пришлось согнуться пополам, а когда он выпрямился во все свои сто девяносто два сантиметра, то чуть не упал — так закружилась голова. Гостиная. Дубовый паркет, косой потолок с окнами. Жарко, как в сауне. Небольшая квартира была обставлена в духе минимализма — совсем как его собственная, но на этом сходство заканчивалось. Тут стоял ультрамодный диван из «Хильмерс Хус», стол из «R.O.O.M.» и маленький пятнадцатидюймовый телевизор «Филипс» из прозрачного пластика холодного голубоватого цвета, который отлично сочетался со стереосистемой. В открытые двери Харри увидел кухню и спальню. Всё. Было на редкость тихо. У кухонной двери, скрестив руки и раскачиваясь с пятки на носок, стоял полицейский в потной насквозь униформе и, подняв одну бровь, изучал Харри. Когда тот по-

тянулся за удостоверением, полицейский криво улыбнулся и покачал головой.

«Все узнают обезьяну, — процитировал про себя Харри. — Обезьяна — никого»[4].

Он провел рукой по лицу:

— Где следственная группа?

— В ванной. — Полицейский кивнул в сторону спальни. — Лённ и Вебер.

— Вебер? А что, пенсионеров теперь тоже привлекают?

Полицейский пожал плечами:

— Сезон отпусков.

Харри посмотрел вокруг и вспомнил:

— Позаботьтесь о том, чтобы оградили лестницу и дверь на улицу. Люди ходят туда-сюда.

— Но…

— Это часть места преступления. Ясно?

— Я понимаю… — скрипучим голосом начал полицейский, и Харри понял, что двумя предложениями только что нажил себе на службе еще одного врага. Список был уже длинный. — Но у меня четкое указание…

— …стоять здесь, — донеслось из спальни, и в двери показался Том Волер.

---

[4] Примечания: 4

Фраза принадлежит норвежской журналистке и социологу Хильде Хёуаланн.

Хотя он был в черном костюме, ни капельки пота не было на лбу под прилизанными темными волосами. Том Волер был красивым мужчиной. Ростом чуть пониже Харри, но многие бы сказали обратное. Может быть, из-за его гордой осанки или непринужденной самонадеянности, которая не только нравилась окружающим, но и заражала их уверенностью: они чувствовали, что находятся на своем месте, подчиняясь приказам Волера. А может, красавцем он казался из-за выдающихся физических данных: никакой костюм не мог скрыть, что его владелец пять раз в неделю толкает штангу и занимается карате.

— И он будет находиться здесь, — продолжал Том Волер. — Я уже отправил парня вниз на лифте, чтобы он оградил все, что требуется. Все под контролем, Холе.

Последнюю фразу он произнес со странной полувопросительной интонацией.

Харри прокашлялся и спросил:

— Где она?

— Здесь, в ванной.

Волер сделал шаг в сторону и, когда Харри проходил мимо, изобразил озабоченность:

— Ударился, Холе?

Спальня была обставлена простенько, но со

вкусом и романтично. Двуспальная кровать, застеленная для одного человека, стояла у самой балки. На балке был вырезан странный рисунок: контур сердца и на нем треугольник. Наверное, память о любовнике, подумал Харри. Стену над кроватью украшали три постера с обнаженными мужчинами — выражаясь с эротической политкорректностью, что-то между откровенным искусством и легким порно. Никаких личных вещей или фотографий видно не было. Ванная комната находилась чуть дальше — практически в пределах спальни, и места в ней было ровно столько, сколько требовалось для раковины, туалета, душевой кабинки без занавеса и тела Камиллы Луен. Она лежала на плиточном полу, повернув лицо к двери, но смотрела на лейку душа, будто ожидая еще воды.

Одежды на ней не было, если не считать распахнутого белого халата, сейчас мокрого насквозь и закрывающего сливное отверстие душа. Беата стояла на пороге и фотографировала.

— Кто-нибудь выяснил, когда наступила смерть?

— Патологоанатом скоро будет, — откликну-

лась Беата. — Но rigor mortis[5] еще не наступило, да и тело не совсем остыло. Думаю, пару часов назад.

— А когда сосед с консьержем ее нашли, разве душ не был включен?

— А что?

— Теплая вода могла поддерживать температуру тела и отсрочить окоченение. — Харри посмотрел на часы: четверть седьмого.

— Скажем так, предположительно она умерла около пяти, — высказался Волер.

— Это почему? — спросил Харри, не оборачиваясь.

— Поскольку нет оснований считать, что труп переносили, будем исходить из того, что ее убили, когда она находилась в душе. Как видишь, тело и халат закрывают сливное отверстие. Это и вызвало затопление. Консьерж, выключивший воду, сказал, что открыта она была на полную мощность. Я смерил давление воды — неплохо для мансарды. Не так уж много времени требуется, чтобы вода залила такую маленькую ванную комнату и потекла в спальню. И до соседей она добралась довольно быстро. Женщина из ниж-

---

[5] Примечания: 5
Трупное окоченение *(лат.)*.

ней квартиры говорит, что было двадцать минут шестого, когда они обнаружили течь.

— Это всего час назад, — заметил Харри. — А вы уже полчаса как здесь. Кажется, все тут реагируют на события необычайно быстро.

— Ну, не все, — протянул Волер.

Харри промолчал.

— Я имею в виду патологоанатома. — Волер улыбнулся. — Ему уже полагается быть здесь.

Беата закончила фотографировать и обменялась взглядами с Харри.

Волер тронул ее за плечо:

— Если что, звони. Я на третьем, поговорю с консьержем.

— Хорошо.

Харри дождался, пока он уйдет, и спросил:

— Можно мне?..

Беата кивнула и отошла в сторону.

Подошвы чавкали по мокрому полу. Повсюду в ванной комнате были капельки воды. Собираясь в ручейки, они сбегали вниз. Глядя на зеркало, можно было подумать, что оно плачет. Харри присел на корточки; чтобы не потерять равновесия, оперся о стену, глубоко вдохнул воздух, но почувствовал только запах мыла. Других запахов, которых он ожидал, не было. Это дизосмия,

вспомнил Харри. О ней он читал в книге, которую брал у доктора Эуне, психолога, работающего с сотрудниками убойного отдела. Некоторые запахи мозг попросту отказывается воспринимать или начинает путать, ощущая приятные ароматы как отвратительные. В книге говорилось, что такая форма извращения обоняния часто объясняется эмоциональными травмами. Впрочем, сейчас Харри об этом не думал. Думал он о том, что не чувствует трупного запаха.

Камилла Луен была молодой. Харри дал бы ей лет двадцать семь — тридцать. Миловидная. Пухленькая. Гладкая загорелая кожа, которая, правда, уже приобрела характерную мертвенную бледность. Темные волосы, которые станут светлее, когда высохнут. И маленькая дырочка во лбу, которую сотрудник похоронного бюро без труда замажет косметикой. Больше макияжа такого рода тут и не требовалось, разве что сделать незаметной небольшую шишечку, набитую под правой бровью.

Харри сосредоточился на маленькой, идеально круглой черной дырочке во лбу. Не больше, чем дырочка в кроне[6]. Возможно, Харри и удивил-

[6] Примечания: 6

Некоторые норвежские монеты (в том числе монета в одну крону) имеют в середине круглое отверстие.

ся бы тому, через какие маленькие отверстия порой выходит человеческая жизнь, но нельзя доверять глазам: иногда кожа стягивается. Харри посчитал, что в данном случае пуля была больше входного отверстия.

— Паршиво, что она все это время пролежала в воде, — сказала Беата. — Иначе мы могли бы найти отпечатки пальцев убийцы или следы его ДНК на теле.

— Хм… Но на лоб-то вряд ли попало много воды. Вокруг входного отверстия — черная запекшаяся кровь. На коже почернение от выстрела. Рана может нам кое-что рассказать. Лупу?

Не отрывая взгляда от Камиллы Луен, Харри протянул руку и, почувствовав в ней благородную тяжесть немецкой оптики, приступил к изучению участка раны.

— Ну, что видно? — услышал Харри шепот Беаты у самого уха.

Как всегда, она была любопытной и жадной до знаний. Харри знал, что скоро придет день, когда он уже ничему не сможет научить ее.

— Серый оттенок на общем черном цвете входного отверстия говорит о том, что стреляли с близкого расстояния, но не вплотную, — сказал он. — Я думаю, расстояние было около полу-

метра.

— Да?

— По асимметрии отверстия можно сказать, что стрелявший целился сверху под углом.

Харри осторожно повернул голову убитой. Лоб еще не остыл.

— Выходного отверстия нет, — отметил он. — Это подтверждает, что стреляли под углом. Возможно, она стояла перед убийцей на коленях.

— Можно понять, из какого оружия стреляли?

Харри покачал головой:

— Это определит только патологоанатом с ребятами-баллистиками. Отверстие постепенно уменьшается, значит, оружие было коротконствольное — пистолет.

Харри стал систематично изучать труп, пытаясь подметить мельчайшие детали, но понял, что мозг, все еще затуманенный алкоголем, отсеивает подробности, которые могли бы ему пригодиться. Нет, могли бы пригодиться им. Это не его дело. Тем не менее он продолжил и, склоняясь над изуродованной рукой, буркнул:

— Дональд Дак.

Беата посмотрела на него непонимающе.

— Его так в комиксах рисуют, — пояснил Харри, — с четырьмя пальцами.

— Я комиксов не читаю.

Не хватало указательного. На его месте был черный от свернувшейся крови срез, где можно было различить ткань сухожилия и белую кость. Ровная, аккуратная работа. Харри осторожно тронул кость кончиком пальца. Срез оказался совершенно гладким.

— Кусачки, — сказал он, — или очень острый нож. Палец нашли?

— Не-а.

Харри внезапно почувствовал, что его мутит, и закрыл глаза. Пару раз вдохнул и выдохнул. Открыл глаза.

— Может, рэкетир, — предположила Беата. — Они используют кусачки.

— Может быть, — невнятно пробормотал Харри.

Он поднялся и увидел свои следы на белой плитке, а ему-то казалось, она розовая…

Беата наклонилась сделать крупную фотографию лица погибшей.

— Ну и крови же из нее натекло, — заметила она.

— Это потому, что ее рука лежала в воде, — сообщил Харри. — Вода не дает крови свернуться.

— Вся эта кровь — из отрезанного пальца?

— Да. И знаешь, что это значит?

— Нет, но чувствую, что скоро буду знать.

— А значит это, что Камилле Луен отрезали палец, когда сердце у нее еще билось. То есть до того, как в нее стреляли.

Беата зажмурилась.

— Спущусь поговорю с соседями, — сказал Харри.

— Когда мы переехали, Камилла уже жила в мансарде. — Вибекке Кнутсен бросила быстрый взгляд на своего сожителя. — Мы с ней не так уж много общались.

Они с Харри сидели в гостиной на четвертом этаже, под мансардой. На первый взгляд могло показаться, что хозяин тут именно Харри: он вальяжно развалился в одном из кресел, а его собеседники, неестественно выпрямив спины, примостились на краешке дивана.

Харри подумал, глядя на них, что эта пара — какая-то непарная. Да, обоим за тридцать. Но Андерс Нюгорд был поджарым и жилистым, как марафонец. Отглаженная голубая рубашка, короткие волосы, аккуратная деловая прическа, тонкие губы, нервные движения. И хотя лицо его было открытым и детским — можно сказать, невинным, — от владельца его веяло аскетической

строгостью. А у Вибекке Кнутсен на щеках весело играли ямочки, ее пышные формы подчеркивал обтягивающий леопардовый топ. Морщинки вокруг губ свидетельствовали о многих сигаретах, а морщинки у глаз — о частых улыбках.

— Чем она занималась? — спросил Харри.

Вибекке посмотрела на сожителя, но он не ответил, и она заговорила снова:

— Насколько мне известно, она работала в рекламном агентстве. Дизайнером. Или вроде того.

— Вроде того, — повторил Харри и с безразличным видом сделал запись в своем блокноте.

Это был прием, которым он всегда пользовался в разговоре со свидетелями. Не смотри на них — и они будут чувствовать себя раскованнее. Покажи, будто их показания тебя не впечатляют, — и они обязательно захотят рассказать что-нибудь интересное. Нужно было ему идти в журналисты. Как ему казалось, журналисты терпимее к тем, кто появляется на работе в пьяном виде.

— У нее был жених?

Вибекке покачала головой.

— Любовники?

Вибекке нервно засмеялась и опять взглянула на своего сожителя.

— Мы же не подслушиваем под дверями, — ре-

шил вдруг вмешаться Андерс Нюгорд. — Думаете, убийца — любовник?

— Не знаю пока, — ответил Харри.

— Да это-то понятно!

Харри почувствовал в его голосе раздражение.

— Мы здесь живем, и нам бы не помешало знать ваше мнение о том, что тут происходит. Это похоже на бытовое убийство? Или, может быть, у нас тут в округе разгуливает маньяк? — повысил голос Андерс.

— Может быть, у вас тут в округе разгуливает маньяк. — Харри отложил ручку и посмотрел на собеседников.

Он заметил, как вздрогнула Вибекке Кнутсен, но внимание свое сосредоточил на Андерсе Нюгорде.

Когда людям страшно, их легче разозлить — материал первого курса полицейской академии. Потому не стоит без надобности нервировать испуганных. Но Харри сделал из правила совершенно другой вывод. Куда полезнее их раздражать. Рассерженные часто говорят не то, что думают. Вернее, не то, что думали сказать.

Андерс посмотрел на него ничего не выражающими глазами.

— Но вероятнее всего, убийца — именно ее

молодой человек, — добавил Харри. — Жених, любовник или кто-то, с кем у нее были отношения, которые она прекратила.

— Почему вы так думаете? — Андерс Нюгорд приобнял Вибекке за плечо.

Это смотрелось забавно, потому что рука у него была короткая, а ее плечи — довольно широкие.

Харри откинулся на спинку кресла:

— Статистика. Можно мне закурить?

— Вообще-то у нас не курят. — Тонкие губы Нюгорда растянулись в улыбке.

Харри запихал пачку обратно в карман, но заметил, что Вибекке при этом опустила глаза.

— А что вы имеете в виду под статистикой? — спросил Андерс Нюгорд. — Что заставляет вас думать, будто она распространяется на данный конкретный случай?

— Ну что ж, прежде чем ответить на два ваших вопроса, я спрошу, разбираетесь ли в статистике вы, Нюгорд? Знаете термины «распределение вероятности», «стандартизованное нормальное отклонение»?

— Нет, но я…

— Вот и хорошо, — оборвал его Харри, — потому что в данном случае это и не понадобится. Столетняя уголовная статистика всего мира дает

возможность утверждать, что убийца — именно ее ухажер. Или, если у нее нет ухажера, тот, кто считал себя таковым. Это ответ на первый ваш вопрос. Да и на второй.

Андерс Нюгорд фыркнул и убрал руку с плеча Вибекке.

— Но это же дилетантство! Вы ведь ничего не знаете о Камилле Луен.

— Это верно, — подтвердил Харри.

— Так почему же вы беретесь утверждать?..

— Потому что вы спросили, — прервал его Харри. — И если у вас вопросов больше нет, можно я попробую задать свои?

Нюгорд собирался что-то на это ответить, но передумал и злобно уставился на стол. Возможно, Харри ошибся, но ему показалось, что губы Вибекке дрогнули в чуть заметной улыбке.

— Как вы считаете, Камилла Луен употребляла наркотики? — спросил Харри.

Нюгорд вскинул голову:

— Почему мы должны так считать?

Харри закрыл глаза и промолчал.

— Нет, — мягко и тихо ответила Вибекке. — Мы так не считаем.

Харри открыл глаза и благодарно ей улыбнулся. Андерс Нюгорд посмотрел на нее с удивлением.

— Ее дверь была не заперта, верно?

Андерс кивнул.

— Вам это не показалось странным? — продолжил допрос Харри.

— Не особенно. Она же была дома.

— Хм… У вас на двери простой замок, и я заметил, что вы… — кивнул он Вибекке, — заперли его, когда я вошел.

— Она у нас стала пугливой. — Нюгорд похлопал сожительницу по коленке.

— Осло теперь не то, что раньше. — Вибекке на мгновение встретилась с Харри глазами.

— Это верно, — согласился он. — И кажется, Камилла Луен тоже это понимала. В ее квартире двойной секретный замок и еще цепочка, поэтому я решил, что она не из тех, кто отправляется в душ, не заперев входную дверь.

Нюгорд пожал плечами:

— Возможно, пока она мылась в душе, вошедший открыл замок отмычкой.

Харри покачал головой:

— Это только в кино такие замки открывают отмычками.

— А может, с ней в квартире уже кто-то был? — предположила Вибекке.

— Кто?

Харри выдержал паузу. Когда он понял, что заполнять ее никто не собирается, он встал с кресла:

— Вас еще пригласят для дачи показаний. Благодарю за содействие. — На пороге он обернулся: — Кстати, а кто из вас позвонил в полицию?

— Я, — ответила Вибекке. — Андерс пошел за консьержем, а я позвонила.

— До того, как нашли тело? А почему…

— В воде, которая протекла в нашу комнату, была кровь.

— Да? А как вы это поняли?

Андерс Нюгорд тяжело и устало вздохнул и положил руку на плечо Вибекке.

— Она ведь была красная, разве не так?

— Ну, — протянул Харри. — Не только же кровь красная.

— Верно, — сказала Вибекке. — Дело не в цвете.

Андерс Нюгорд удивленно посмотрел на нее. Вибекке улыбнулась, но Харри заметил, что она убрала плечо из-под руки сожителя.

— Одно время я жила с поваром, и мы на пару содержали столовую. Там я кое-что узнала про еду. В том числе и то, что в крови содержится белок и, если капнуть ее в воду горячее шестидесяти

пяти градусов, она сворачивается комочками. Как если бы в кипящей воде треснуло яйцо. Когда Андерс попробовал один такой комочек и сказал, что на вкус он похож на яйцо, я поняла, что это кровь и случилось что-то серьезное.

Андерс Нюгорд слушал ее с открытым ртом. Его загорелое лицо вдруг побледнело.

— Всего доброго, — пробормотал Харри и вышел.

Глава 5
Пятница. «Андеруотер»

Харри ненавидел тематические пабы: ирландские пабы, пабы, где все пьют, раздевшись по пояс, пабы, где обсуждаются новости, а больше всего — любимые пабы знаменитостей, где на стенах висят портреты скандально известных завсегдатаев. В «Андеруотере» это была мутная смесь морских тем — подводного плавания и пиратской романтики. Правда, на четвертой полулитровой кружке Харри перестало раздражать и бульканье зеленой воды, и шлемы от скафандров водолазов, и незатейливая скрипучая мебель. Могло быть и хуже. В прошлый раз народ решил развлечься пением, и в какой-то момент Харри показалось, что он на мюзикле, а не в баре. Он внимательно огляделся и со спокойным сердцем убедился, что никто из четверых гостей не собирается петь и танцевать.

— Как настроение? Праздничное? — спросил он барменшу, когда та поставила перед ним кружку.

— В семь вечера? — ответила барышня вопро-

сом и дала ему сотню сдачи, хотя полагалось две.

Если бы Харри мог, то отправился бы в «Шрёдер». Но ему почему-то думалось, что туда его не пустят, а пойти и выяснить это не хватало храбрости. Не сегодня. Из случившегося в четверг в его памяти остались какие-то обрывки. Или в среду? Кто-то из посетителей вспомнил, что Харри показывали по телевизору как героя норвежской полиции, потому что он застрелил маньяка в Сиднее. Кто-то отпустил пару замечаний, как-то его обозвал, и что-то из этого Харри не понравилось. Интересно, дошло ли до потасовки? Не исключено, что костяшки пальцев и переносицу он мог разбить, споткнувшись о брусчатку на Доврегата.

Зазвонил телефон. Харри посмотрел на номер и в очередной раз отметил, что звонит не Ракель.

— Да, шеф.

— Харри? Ты где? — Бьярне Мёллер был встревожен.

— Под водой. В баре «Андеруотер». А что такое?

— Какой еще водой?

— Солоноватой. Полуречной-полуморской. У вас — как это? — очень занятой голос.

— Ты пьян?

— Не так, как хотелось бы.

— Что?

— Ничего. Аккумулятор садится, шеф.

— Один сотрудник, который был на месте преступления, грозился написать на тебя рапорт. Говорит, ты был определенно пьян, когда пришел.

— Почему «грозился», а не «грозится»?

— Я отговорил. Ты был пьян, Харри?

— Разумеется, нет, шеф.

— Ты точно уверен в том, что сейчас говоришь, Харри?

— А вы точно уверены в том, что хотите это знать?

Мёллер недовольно вздохнул в трубку:

— Харри, так дальше продолжаться не может. Я должен принять меры.

— Хорошо. Для начала отстраните меня от этого дела.

— Что?

— Вы все прекрасно расслышали. Я с этой свиньей работать не буду. Найдите другого.

— У нас не хватает людей, чтобы…

— Тогда увольняйте. Мне плевать.

Харри положил телефон во внутренний карман. Он слышал, как голос Мёллера дрожит и бьется о грудную клетку, — даже приятно. До-

пив пиво, Харри встал и, покачиваясь, вышел навстречу теплому летнему вечеру. Третье такси, которое он окликнул на Уллеволсвейен, остановилось.

— Хольменколлвейен, — сказал Харри и откинул потную голову на прохладную спинку кожаного сиденья.

По дороге он смотрел в заднее окно, наблюдая, как в бледно-голубом небе кружатся в поисках еды ласточки. В воздухе как раз появилась мошкара. Самое время для ласточек, чтобы подкрепиться, — с этого момента и до заката.

Такси остановилось возле большого и мрачноватого деревянного дома.

— Подъехать к крыльцу? — осведомился водитель.

— Нет, постоим тут, — сказал Харри.

Он посмотрел на дом. Ему показалось, что в окне он заметил Ракель. Олегу, наверное, скоро пора в кровать. Впервые с момента размолвки Харри приехал сюда. На душе скребли кошки…

— Сегодня ведь пятница?

Таксист с опаской посмотрел в зеркало и медленно кивнул.

Дни. Недели. Господи, как же быстро растут эти мальчишки!

Харри помассировал лицо, пытаясь втереть немного жизни в то, что сейчас больше всего напоминало посмертную маску.

А ведь зимой казалось, что все не так уж плохо.

Харри тогда раскрыл пару крупных преступлений, у него был свидетель по делу Эллен, он не пил. А еще Ракель и он перешли от простой влюбленности к совместному строительству семейной жизни, и ему это нравилось. Нравились выезды на природу, пикники для детей, на которых Харри жарил на углях мясо. Нравилось приглашать отца и Сестрёныша на воскресный ужин и смотреть, как его сестра с синдромом Дауна играет с девятилетним Олегом. И самое замечательное — влюбленность не проходила. Ракель даже стала поговаривать, что неплохо бы Харри переехать к ним, аргументируя это тем, что дом слишком велик для них с Олегом, а Харри не слишком старался найти контраргументы.

— Поглядим. Вот только разберусь с делом Эллен, — пообещал он.

Проверкой их чувств должна была стать поездка в Нормандию: три недели в старинном поместье и неделя на речном теплоходе.

Но тут дела пошли вкривь и вкось.

Всю зиму он занимался делом Эллен. Усердно, даже слишком. Харри не умел работать иначе. К тому же Эллен Йельтен была не просто коллегой, а его лучшим другом. Три года назад они вместе охотились на человека по кличке Принц, занимавшегося контрабандой оружия.

Эллен убили бейсбольной битой на берегу Акерсельвы. Улики указывали на неонациста Сверре Ульсена, который уже успел засветиться в полиции. Увы, показаний его они так и не услышали: во время ареста Том Волер прострелил ему голову — как он заявил, это была самооборона. Но Харри был уверен, что за убийством стоит Принц, и уговорил Мёллера разрешить ему провести собственное расследование. Мотивы были личными, а значит, официально расследование Харри вести не мог. Мёллер тогда решил сделать исключение — как поощрение за успехи Харри при раскрытии других дел. Этой зимой наметился прорыв. Отыскался свидетель, который вечером, когда произошло убийство, видел, как Сверре Ульсен беседует с кем-то в красной машине в Грюнерлёкке всего в паре сотен метров от места преступления. Этим свидетелем был некто Рой Квинсвик, бывший неонацист с судимостью, а ныне новообретенный прихожанин Фила-

дельфийского прихода. Квинсвика нельзя было назвать образцовым свидетелем, но он долго и упорно всматривался в предложенную Харри фотографию и сказал: да, именно этот человек сидел в машине рядом со Сверре. Человеком на фотографии был Том Волер.

Хотя Волера Харри подозревал давно, подтверждение догадки потрясло его еще и потому, что это означало: в полиции Волер не единственный оборотень, иначе Принц просто не смог бы проворачивать столь масштабные аферы. Стало быть, Харри не может доверять никому. Поэтому о Рое Квинсвике он молчал, понимая, что второй такой удачи не будет. Одно неверное движение — и запахнет гнилью, а будет гниль — будут и крысы. Значит, надо быть во всеоружии.

Харри начал в глубокой тайне готовить оборону. Это оказалось не так просто, как он думал. Не зная, кому можно довериться, он дожидался, пока все уйдут с работы, и копался в архивах, залезал во внутреннюю сеть, распечатывал электронную почту и списки входящих и исходящих телефонных звонков от тех, кто, по его сведениям, был как-то связан с Волером. Вечерами он просиживал в машине поблизости от Юнгсторг, наблюдая за посетителями пиццерии «У Герберта», где

ошивались неонацисты, — по версии Харри, контрабанда оружия проходила через них. Не добившись результатов, Харри стал шпионить за Волером и кое-кем из коллег, особенно за теми, кто, насколько он знал, проводит много времени в экернском тире. Он следил за ними издалека. Сидел в машине перед их домами и не смыкал глаз, покуда все спали. На рассвете, измотанный, возвращался к Ракели и, прикорнув на пару часов, снова шел на работу. Потом она попросила его в сдвоенные дежурства ночевать дома. Он не сказал ей, что ночью работает не по графику, не по приказу.

Потом стало еще хуже.

Как-то вечером он решил-таки побывать «У Герберта». Потом зашел еще раз. Поговорил с ребятами. Угостил пивом. Разумеется, они знали, кто он такой, но бесплатное пиво — оно и есть бесплатное пиво. Они пили, ухмылялись и молчали. Наконец он понял, что им ничего не известно, но захаживать не перестал. Возможно потому, что там Харри чувствовал себя рядом с пещерой дракона, из которой, если проявить терпение, чудовище обязательно вылезет. Ни Волер, ни его коллеги так и не появлялись. Тогда он вернулся к слежке за домом Волера.

Однажды ночью в двадцатиградусный мороз на пустой улице показался паренек в короткой легкой курточке. Шаткой походкой, выдающей наркомана, он прошел мимо машины Харри, остановился у дома Волера, посмотрел по сторонам и попытался вскрыть замок. Харри прекрасно понимал: вмешайся он — и его разоблачат, поэтому оставался в машине. Наверное, парень совсем туго соображал и плохо держался на ногах, потому что в какой-то момент его инструмент со звоном отлетел от замка и наркоман рухнул в сугроб перед домом. И не поднялся. В одном из окон зажегся свет. Волер отдернул занавески. Харри ждал. Ничего не происходило. Минус двадцать. У Волера — свет в окне. Паренек не двигался. Уже позже Харри спрашивал себя, что ему, черт возьми, нужно было делать?! Аккумулятор в телефоне сел на морозе, и он даже не мог вызвать «скорую». Он сидел. Шли минуты. Проклятый наркоман. Минус двадцать один. Чертов наркоман. Конечно, можно было бы уехать оттуда, добраться до больницы и сообщить о происшедшем. В дверях дома показался человек. Волер. Он смешно смотрелся в халате, сапогах, шапке и варежках. С собою он нес два шерстяных одеяла. Харри с удивлением наблюдал, как Том Волер проверяет

пульс и зрачки наркомана, а затем заворачивает его в одеяла. Потом Волер долго стоял на пороге и смотрел в сторону Харри. Через несколько минут подъехала «скорая помощь».

В тот раз Харри, вернувшись домой, сел в кресло и всю ночь слушал рок-группу «Raga Rockers» — свою, норвежскую, и американца Дюка Эллингтона, а потом пошел на работу, не переодеваясь уже в течение сорока восьми часов.

Первая ссора между ним и Ракелью случилась одним апрельским вечером.

Харри в последний момент отменил выезд на природу, и Ракель заметила, что он уже в третий раз подряд нарушает обещание. Обещание, данное Олегу, подчеркнула она. Харри заявил, что прикрываться Олегом непорядочно и на самом деле ей просто не нравится, что ее прихотям уделяют меньше внимания, чем поискам убийц Эллен. Она назвала Эллен привидением, сказала, что Харри зациклился на мертвом человеке. Что это ненормально и до добра не доведет, что это некрофилия и вообще — занимается он расследованием не ради Эллен, им движет жажда мести.

— Тебе нанесли рану, — закончила она, — и теперь ты всеми силами стараешься отомстить.

Когда Харри в отвратительном настроении

выходил из комнаты, за лестничными перилами мелькнула пижама и испуганные глаза Олега.

После этого Харри вообще перестал заниматься чем-либо, что не касалось поиска убийц. Впотьмах читал чужую электронную почту, всматривался в черные окна домов и вилл, подкарауливая людей, которые так и не появлялись. Урывками спал в квартире на Софиес-гате.

Дни стали светлее и длиннее, а он так ничего и не нашел.

И как-то ночью вернулся детский кошмар. Сестрёныш. Ее поднимающиеся вверх волосы. Перекошенное болью лицо. Его собственная беспомощность. Следующей ночью кошмар пришел снова. И снова.

Друг детства, таксист Эйстейн Эйкеланн, который, когда не крутил баранку, пил «У Малика», говорил, что на Харри лица нет, и даже предлагал возить его на работу и обратно. Харри отказался и из последних сил продолжал свою безумную гонку.

Оставалось только ждать, когда она приведет его в пропасть.

Земля стала осыпаться из-под ног из-за такой прозаической вещи, как неоплаченный счет. Стоял конец мая, Харри и Ракель уже несколько

дней не разговаривали. Он проснулся в кабинете от ее телефонного звонка. Ракель сказала, что турагентство напоминает о плате за усадьбу в Нормандии. В их распоряжении была неделя, после чего турагентству придется перепродать право аренды другим клиентам.

— Крайний срок — пятница. — После этих слов она положила трубку.

Харри отправился в уборную, побрызгал лицо холодной водой и встретился взглядом со своим отражением в зеркале. Мокрый светлый «ежик», красные от лопнувших сосудов глаза, темные мешки под ними, впалые щеки. Попробовал улыбнуться и увидел желтозубый оскал. Он сам себя не узнавал. Тут он понял: Ракель права. Это крайний срок. Для него и Ракели. Для него и Эллен. Для него и Тома Волера.

В тот же день он пошел к своему непосредственному начальнику Бьярне Мёллеру — единственному человеку в полиции, которому он полностью доверял. Слушая рассказ Харри, Мёллер то кивал, то качал головой и в итоге сказал, что это дело, по счастью, не в его компетенции и Харри нужно идти прямиком к начальнику криминальной полиции. Но до этого десять раз подумать: а стоит ли? Харри, думая, вышел из

квадратного кабинета Мёллера и направился к овальному, где работал начальник криминальной полиции. Постучался, зашел и выложил все свои козыри. Свидетеля, который видел Тома Волера и Сверре Ульсена вместе, и то, что именно Волер застрелил Ульсена при аресте. Все, что у него было после пяти месяцев мучений, погони за призраками, пяти месяцев на грани сумасшествия.

Начкрим спросил, какой, по мнению Харри, у Тома Волера был мотив, чтобы пойти на убийство Эллен Йельтен.

Харри ответил, что Эллен располагала опасной информацией. В тот вечер, когда ее убили, она оставила на автоответчике Харри сообщение о том, что знает, кто такой Принц, заправляющий контрабандой оружия и вооруживший преступников в Осло не хуже, чем солдат спецназа.

— Но когда я ей перезвонил, к сожалению, было слишком поздно, — сказал Харри, пытаясь понять выражение лица собеседника.

— А на убийство Сверре Ульсена? — продолжал тот.

— Когда мы напали на след Ульсена, Принц убил его, чтобы он никому не рассказал, кто стоит за убийством Эллен.

— И вы говорите, что этот Принц…

— …Том Волер, — уверенно произнес Харри.

Начкрим молча кивнул, потом добавил:

— Стало быть, один из самых уважаемых наших инспекторов.

Следующие десять секунд Харри казалось, что он в вакууме — ни воздуха, ни звуков. Он знал: здесь и сейчас его полицейская карьера может оборваться.

— Хорошо, Холе. Прежде чем принимать решение, мне бы хотелось поговорить с вашим свидетелем. — Начальник встал. — И надеюсь, вы понимаете, что с этого момента и впредь это дело должно оставаться между нами.

— Сколько мы будем здесь стоять?

От голоса таксиста Харри вздрогнул. Он уже почти спал.

— Поехали обратно, — сказал он и бросил последний взгляд на деревянный дом.

Когда они ехали по Киркевейен, зазвонил мобильный телефон. Говорила Беата:

— Кажется, нашли оружие. Ты был прав. Пистолет.

— Что ж, поздравляю нас обоих.

— Спасибо… Найти его было нетрудно. Лежал в мусорной корзине под мойкой.

— Марка и номер?

— «Глок двадцать три». Номер сточен.

— Следы остались?

— Такие же, как на большей части оружия, конфискованного нами в Осло.

— Ясно, не читается. — Харри переложил телефон в левую руку. — Неясно только, зачем ты мне все это рассказываешь. Я этим делом не занимаюсь.

— Я бы не говорила с такой уверенностью, Харри. Мёллер сказал…

— Мёллер и вся вонючая полиция Осло могут проваливать к дьяволу!

Харри сам вздрогнул от звука своего голоса и увидел в зеркале, как нахмурился таксист.

— Извини, Беата. Я… Ты еще там?

— Да.

— Я сейчас немного не в себе.

— Ничего, не горит.

— Что?

— Дело может подождать.

— Рассказывай давай.

Она вздохнула:

— Ты заметил у Камиллы Луен шишку чуть ниже правой брови?

— Да, конечно.

— Я подумала: возможно, ее ударил убийца или она сама ударилась при падении. Но оказалось, никакой шишки не было!

— Как так?

— Патологоанатом потрогал ее, она такая твердая! Потом он сунул палец под веко. И знаешь, что он нашел?

— Ну… — протянул Харри. — Нет…

— Маленький красноватый драгоценный камень в форме звезды. Мы полагаем, бриллиант. Что ты на это скажешь?

Харри глубоко вздохнул и посмотрел на часы. До закрытия бара оставалось целых три часа.

— Что я этим делом не занимаюсь, — сказал он и выключил телефон.

Глава 6
Пятница. Вода

«Сухо, но я вижу, как полицейский выходит из-под воды. Вода для жаждущих. Дождевая вода, речная вода, морская вода.

Он меня не заметил. Качаясь, он вышел на Уллеволсвейен и там пытался остановить такси. Никто не хотел его сажать. Как лодочник — беспокойную душу, которая бродит вдоль берега реки. Да, и я знаю, каково это, когда тебя отталкивают те, кто тебе дорог. Когда нужна поддержка, а получаешь отказ. Когда понимаешь, что все вокруг на тебя плюют, а тебе не на кого плюнуть. И постепенно догадываешься о том, что же тебе нужно делать».

Глава 7
Понедельник. Отставка

Харри зашел в магазин, открыл стеклянную дверь молочного отдела и прислонился к ней. Стащил потную футболку и закрыл глаза, ощущая кожей прохладный воздух.

Синоптики предсказывали тропическую жару этой ночью, и люди в магазине запасались мясом для гриля, пивом и минеральной водой.

У мясных полок спиной к Харри стояла женщина. Он сразу узнал ее по цвету волос и пышным формам. Когда она обернулась, Харри увидел, что на ней топик, по расцветке напоминающий зебру, но столь же обтягивающий, как тот, леопардовый. Вибекке Кнутсен подумала, положила коробки с бифштексами обратно, вместе с тележкой перешла к холодильнику и достала оттуда две упаковки трескового филе.

Харри надел футболку и закрыл стеклянную дверь. Молока ему не хотелось. И мяса. И трески тоже. Ему хотелось чего-нибудь простого — совсем немного, лишь бы это можно было съесть. Нет, он не был голоден, но желудок требовал

еды. Он начал ныть еще прошлым вечером, и по опыту Харри знал, что, если сейчас чего-нибудь не съесть, он не удержит в себе ни капли спиртного. Сейчас в тележке лежал пеклеванный хлеб и пакет из «Винной монополии»[7] через дорогу. Он добавил к этому полцыпленка, шесть упаковок пива «Ганза», безразлично продефилировал мимо фруктового отдела и оказался в очереди на кассу прямо за Вибекке Кнутсен. Не нарочно, но, возможно, и не совсем случайно.

По-прежнему не замечая Харри, она обернулась, наморщила нос, как будто почувствовала какой-то неприятный запах (чего Харри исключить не мог), и попросила у кассирши два блока легких сигарет «Принс».

— А мне сказали, у вас там не курят.

Вибекке повернулась, с удивлением посмотрела на него и подарила ему три разные улыбки. Первая была быстрой, автоматической. Вторая — из тех, что возникают, когда мы встречаем знакомых. А когда касса осталась позади, появилась и третья улыбка — любопытная.

— Вы, я погляжу, решили устроить себе пир, — сказала Вибекке, пытаясь утрамбовать покупки в

[7] Примечания: 7

«Винная монополия» — сеть государственных магазинов, обладающих исключительным правом продажи спиртных напитков в Норвегии.

один пластиковый пакет.

— Вроде того, — пробормотал Харри и улыбнулся в ответ.

Она слегка наклонила голову набок, полоски на топике дрогнули.

— Много гостей?

— Не много, но все незваные.

Кассирша протянула ему сдачу, но он кивнул на копилку Армии спасения.

— А им нельзя указать на дверь? — Улыбка Вибекке теперь заиграла и в ее глазах.

— Ну-у… Как раз таких гостей выдворить не так-то легко.

Бутылки «Джима Бима» весело звякнули об упаковку «Ганзы».

— Да? Старые товарищи-собутыльники?

Харри посмотрел на нее. Кажется, она действительно хотела узнать, в чем дело. Это было для него тем более удивительно, что она, как ему показалось, жила вместе с таким правильным мужчиной. Вернее, такой правильный мужчина жил с ней.

— У меня нет товарищей, — сказал Харри.

— Стало быть, дама. И наверное, из назойливых?

Ему захотелось открыть перед нею дверь, но

та открывалась автоматически. Удивительно, но Харри этого не помнил, хотя покупал здесь продукты несколько лет подряд. Они вышли на улицу и остановились друг против друга.

Харри не знал, что ответить, поэтому сказал правду:

— Три дамы. Иногда они приходят, если я недостаточно выпью.

— Что-что? — Она прикрыла глаза ладонью от солнца и посмотрела на него.

— Ничего, извините. Просто мысли вслух. То есть мыслями это не назовешь… но все равно вслух. Наверное, я болтун. Мне… — Он не понимал, почему Вибекке до сих пор не ушла.

— Они у нас все выходные по лестнице туда-сюда бегали, — сказала она.

— Кто? — удивился Харри.

— Да полиция.

До Харри медленно дошло, что с того дня, когда он был в квартире Камиллы Луен, прошли суббота и воскресенье. Он попытался найти свое отражение в витрине магазина. Суббота и воскресенье? На кого же он сейчас похож?

— Вы, полицейские, нам ничего не рассказываете, — продолжала Вибекке, — а в газетах пишут только, что у вас пока нет никаких зацепок. Это

так?

— Я этим делом не занимаюсь, — ответил Харри.

— А, ну да. — Вибекке Кнутсен кивнула и снова заулыбалась. — А знаете что?

— Что?

— На самом деле ничего страшного.

Пару секунд Харри соображал, что она имеет в виду. Потом засмеялся и зашелся жутким кашлем.

— Забавно, я вас раньше в этом магазине не видел, — сказал он, отдышавшись.

Вибекке пожала плечами:

— Кто знает? Может, мы скоро опять встретимся?

Она наградила его лучезарной улыбкой и пошла домой. Пластиковые пакеты и ее пышные формы покачивались из стороны в сторону.

«Ты, я и африканский зверь» — эта мысль показалась Харри такой громкой, что он испугался, не произнес ли он ее вслух.

У входной двери дома на Софиес-гате сидел мужчина. Пиджак он перекинул через плечо. Рубашка темнела пятнами пота на груди и под мышками. Одной рукой мужчина держался за живот. Увидев Харри, он встал.

Харри задержал дыхание и собрался с силами. Это был Бьярне Мёллер.

— О господи, Харри!

— О господи, шеф!

— Знаешь, как ты выглядишь?

Харри достал ключи и ответил вопросом на вопрос:

— Вы считаете, я не в лучшей форме?

— Тебя же попросили помочь нам с расследованием на выходных! А от тебя ни слуху ни духу. И на работу сегодня не вышел.

— Проспал, шеф. Это, кстати, не так далеко от истины, как вы думаете.

— Может, и предыдущие четыре недели ты тоже проспал? До того, как я тебя вызвонил в прошлую пятницу?

— Ну, уже на вторую неделю туман рассеялся. Я позвонил на работу, но мне сказали, что я значусь в отпуске. Полагаю, это ваших рук дело.

Харри начал подниматься по лестнице, за ним по пятам следовал начальник.

— Мне пришлось, — простонал Мёллер, снова хватаясь за живот. — Четыре недели, Харри!

— Хм… Наносекунда по вселенским масштабам.

— И ни единого слова о том, где ты пропада-

ешь!

Харри не без труда вставил ключ в замок:

— Сейчас услышите.

— Что именно?

— Единое слово о том, где я пропадаю. Здесь. — Харри распахнул дверь квартиры, и их обдало кисловато-сладковатой вонью старого мусора, пива и сигаретных окурков. — Вам было бы легче, если б вы это знали?

Он вошел внутрь. Мёллер и тут последовал за ним, хотя и не без колебаний.

— Можете не разуваться, шеф! — крикнул Харри из кухни.

Мёллер тяжело вздохнул и постарался пройти через комнату так, чтоб не наступить на разбросанные по полу пустые бутылки, переполненные пепельницы и виниловые пластинки.

— Ты что же, Харри, хочешь сказать, что все эти четыре недели ты сидел тут и пил?

— Я делал перерывы, шеф. Долгие перерывы. Я ведь в отпуске, верно? На прошлой неделе я практически ни капли в рот не взял.

— У меня плохие новости, Харри! — крикнул Мёллер, открывая оконную защелку.

Ему пришлось трижды навалиться всем телом на раму, прежде чем окно открылось. Он снова

охнул и расстегнул ремень и верхнюю пуговицу на брюках. Обернувшись, он увидел в дверях Харри с открытой бутылкой виски в руке.

— Что за новости? — Харри посмотрел на расстегнутый ремень. — Пороть меня пришли? Или насиловать?

— Живот болит, — пожаловался Мёллер. — Несварение желудка.

— Хмм… — Харри понюхал горлышко бутылки. — Несварение желудка — это занятно. Я и сам маялся животом, поэтому почитал кое-какую литературку по этому вопросу. Переваривание пищи занимает от двенадцати до двадцати четырех часов. У всех. И пища проходит через ваши внутренности не дольше, а просто больнее.

— Харри…

— По стаканчику, шеф? Пахнет вроде как настоящее.

— Я пришел, чтобы сказать: «Все, Харри! Стоп!»

— Завязали? — с интересом спросил Харри.

— Заткнись! — Мёллер ударил по столу так, что пустые бутылки подпрыгнули. Потом он осел в зеленое кресло и провел рукой по лицу. — Много раз, Харри, я рисковал своей должностью, чтобы спасти твою. Но ведь есть люди, которые для меня ближе, чем ты. Это о них я должен заботиться.

Все, Харри. Больше я тебе помогать не смогу.

— А-а… — Харри плюхнулся на диван и налил виски в ближайший стакан. — О помощи я вас не просил, шеф, но все равно спасибо. За все хорошее. Ваше здоровье!

Мёллер глубоко вздохнул и закрыл глаза.

— Знаешь что, Харри? Иногда ты ведешь себя как самый наглый, эгоистичный и тупой в мире мешок с дерьмом, — с обидой сказал он.

Харри пожал плечами и залпом осушил стакан.

— Я написал приказ о твоей отставке.

Харри налил себе еще.

— Он лежит на столе начальника криминальной полиции. Не хватает только его подписи. Ты понимаешь, что это значит, Харри?

Харри кивнул и поинтересовался:

— Вам точно не налить перед уходом, шеф?

Мёллер встал. В двери он обернулся:

— Ты не представляешь, как мне больно видеть тебя таким, Харри. Ракель и эта работа — вот и все, что у тебя было. Сначала ты не сумел удержать Ракель. А теперь — работу.

«Я потерял и то и другое четыре недели назад», — подумал Харри, и эта мысль набатом отдалась в его голове.

— Мне действительно больно, Харри. — И дверь за Мёллером закрылась.

Сорок пять минут спустя Харри уже спал в кресле. Да, гости к нему пришли. Но не три дамы, а начкрим.

Четыре недели и три дня назад начальник криминальной полиции сам предложил устроить встречу в «Боксере», приюте блаженных бражников. Под самым носом Полицейского управления и в двух шагах от грязных задних дворов со сточными канавами. Только он сам, Харри и Рой Квинсвик. Объяснив это тем, что, покуда не принято никакого решения, действовать лучше по возможности неофициально, чтобы у него всегда был путь к отступлению.

О таком пути для Харри он не говорил.

Харри опоздал в «Боксер» на четверть часа. Начкрим сидел за одним из дальних столиков с бокалом пива. Когда Харри подсел к нему, он кожей почувствовал его тяжелый взгляд. Глубоко посаженные голубые глаза сверкали по обе стороны от узкой аристократической переносицы. У начальника были густые седые волосы, прямая осанка и поджарая фигура — насколько позволял возраст. В общем, он был из особой породы шестидесятилетних стариков — сложно поверить в то,

что они когда-нибудь будут выглядеть по-настоящему старыми. В убойном отделе его называли Президентом, не только из-за овального кабинета, но и потому, что разговаривал он как глава государства, особенно в официальной обстановке. Но сейчас обстановка была «по возможности неофициальной». Начальник криминальной полиции открыл безгубый рот и спросил:

— Вы один?

Харри заказал официанту минеральную воду «Фаррис», взял со стола меню, изучил первую страницу и как можно беззаботнее бросил:

— Он передумал.

— Ваш свидетель передумал?

— Да.

Начкрим медленно тянул пиво из бокала.

— Он был готов выступать свидетелем в течение пяти месяцев, — добавил Харри. — Мы с ним говорили еще позавчера. Как вы думаете, свиные рульки тут ничего?

— Что он сказал?

— Мы договорились, что сегодня я заберу его после службы в Филадельфийском приходе. А когда я туда пришел, он сказал, что передумал. Он понял: в машине со Сверре Ульсеном сидел все-таки не Том Волер.

Собеседник посмотрел на Харри. Потом резким движением вскинул левую руку и взглянул на часы, что, как понял Харри, означало завершение встречи.

— Тогда нам остается только предполагать, кого именно видел в машине ваш свидетель. Что скажете, Холе?

Харри сглотнул, посмотрел на меню:

— Рульки. Пожалуй, все же свиные рульки.

— Извините, мне пора. Запишите на мой счет.

Харри выдавил смешок:

— Вы очень любезны, шеф. Не буду лукавить, у меня было неприятное предчувствие, что мне грозит остаться тут наедине с меню.

Начкрим нахмурился и с раздражением в голосе ответил:

— Позвольте и мне не лукавить с вами, Холе. Всем известно, что вы с инспектором Волером на дух друг друга не переносите. В тот самый момент, когда вы представили мне свои высосанные из пальца обвинения, у меня возникло подозрение, что на ваши доводы сильно повлияла личная антипатия. И это подозрение, насколько я понял, полностью подтвердилось. — Начальник криминальной полиции отодвинул бокал от края стола, встал и застегнул пиджак. — Посему, Холе,

скажу вам кратко и, надеюсь, ясно. Убийство Эллен Йельтен раскрыто, а дело — закрыто. Ни вы, ни кто-либо еще не представили достаточных оснований для нового расследования. Если вы еще раз вернетесь к этому делу, это будет нарушением приказа и я без колебаний подпишу бумагу о вашей отставке. И не потому, что я сквозь пальцы смотрю на преступников в наших рядах, а потому, что мой долг — поддерживать рабочую обстановку и не допускать, чтобы личные отношения влияли на служебные. Нам не нужны те, кто на пустом месте наводит панику. Если я еще раз узнаю о ваших обвинениях против Волера, вас немедленно отстранят от должности и дело передадут в ОСО.

— Какое дело? — глухо спросил Харри. — Волер против Йельтен?

— Холе против Волера.

Начальник ушел, а Харри продолжал сидеть и смотреть на полупустой бокал. Да, он мог послушаться приказа, но это ничего бы не изменило. Он уже готов. Он проиграл и теперь превратился в угрозу для своих. Предатель-параноик, часовая бомба, от которой предпочтут избавиться при первой возможности. Стоит только Харри дать повод.

Официант принес бутылку «Фарриса» и спросил, не будет ли он заказывать что-нибудь из еды или напитков. Харри облизнул пересохшие губы… Стоит только дать повод, и все покатится, увеличиваясь в размерах, как снежный ком с горы.

Он отодвинул «Фаррис» в сторону и ответил официанту…

Четыре недели и три дня назад все началось. И закончилось.

Часть II

Глава 8
Вторник и среда. Чау-чау

Во вторник температура воздуха в Осло поднялась до двадцати девяти градусов в тени, и уже в три часа народ повалил из офисов на пляжи Хука и Вервенского залива. Толпы туристов собирались в кафе под открытым небом на Акер-Брюгге и в Фрогнер-парке[8], где они, обливаясь потом, делали непременное фото Монолита, после чего спешили к фонтану, надеясь, что ветер окатит их освежающим душем из водяных брызг.

В остальном же городская жизнь протекала тихо и напоминала замедленную съемку: раздетые по пояс дорожные рабочие склонились над своей техникой, строители на лесах на старом здании Государственной больницы смотрят на пустые улицы, таксисты, собравшись в теньке, болтают об убийстве на Уллеволсвейен. Признаки активной жизни подавала только Акерсгата, где поставщики сенсаций давали волю своему

---

[8] Примечания: 8

Фрогнер-парк, или парк Вигеланна, известен размещенными там работами скульптора Густава Вигеланна (1869–1943), среди которых наиболее известны «Злой мальчик» и Монолит из человеческих тел.

насмешливому стилю и с воодушевлением терзали пока еще свежее убийство. Многие штатные газетчики были в отпусках, и редакторы бросили на это дело всех: от студентов-журналистов на летней подработке до скучающих сотрудников из политического отдела. Только обозревателей культуры никто не трогал. Но все равно было спокойнее, чем обычно. Может быть, потому что «Афтенпостен» переехала с богатой традициями улицы газетчиков в центр, раскидав конторы в убогих провинциальных небоскребах, скребущих и без того чистое небо.

Город воодушевленно разворачивал большое строительство в районе Бьёрвика, но у ведущего криминальной хроники Рогера Йендема из кабинета открывался вид только на Плату — рынок наркоманов на задворках чудесного нового мира. Он поймал себя на том, что нет-нет да и ищет там глазами Томаса. Но Томас сидел сейчас в Уллерсму — отбывал наказание за попытку вторжения в дом полицейского этой зимой. Впрочем, стоило ли по этому поводу расстраиваться? Теперь Рогер хотя бы перестал бояться, что однажды увидит младшего брата погибшим от передозировки.

В «Афтенпостен» не торопились с назначением нового редактора, после того как старый согла-

сился уйти по сокращению штата, и попросту поручили криминальную хронику отделу новостей. В действительности это означало, что Рогеру Йендему пришлось за ту же зарплату взвалить на себя и редакторские обязанности. Сейчас он сидел за столом, положив пальцы на клавиатуру, и пристально вглядывался в лицо женщины, фотографию которой недавно сделал фоном для рабочего стола. Эта женщина вот уже в третий раз собрала вещи и оставила и его, и квартиру на Сейльдуксгата. Он знал, что на этот раз Деви не вернется и пора идти дальше. Рогер зашел в настройки экрана и сменил фоновый рисунок. Для начала.

По распоряжению начальства Рогеру нужно было отложить текущий сюжет про героин. И хорошо: писать про наркотики ему никогда не нравилось. Деви утверждала, что это из-за Томаса. Рогер постарался на время забыть и о ней, и о младшем брате и сосредоточиться на порученном сюжете. Ему надо было написать статью об убийстве на Уллеволсвейен, а там, глядишь, наметится развитие, новые повороты, появятся подозреваемый или подозреваемые. Работа обещала быть легкой: все указывало на сексуальную подоплеку, а детали — просто клад для журна-

листа! Молодая незамужняя женщина двадцати восьми лет застрелена дома, в собственном душе, в пятницу, среди бела дня. Орудием убийства, скорее всего, был пистолет, обнаруженный в мусорном ведре в той же квартире. Соседи ничего не видели, посторонних в доме не замечено, и лишь один из жильцов считает, что слышал что-то вроде выстрела. Поскольку ничто не указывает на ограбление, полиция придерживается версии, что Камилла Луен сама впустила преступника, однако никто из ее знакомых не вызывает серьезных подозрений, так как у всех более или менее хорошее алиби. Камилла Луен, автор текстов в рекламном агентстве «Лео Бурнетт», в тот день уехала с работы в четверть пятого, а в шесть у нее была назначена встреча с двумя подругами в Доме художников, что делает маловероятным предположение, будто она пригласила кого-то к себе в гости. Маловероятно и то, что кто-то позвонил Камилле Луен с улицы и попросил впустить, представившись чужим именем: над звонками установлена камера наблюдения.

И если заголовков «Психоделическое убийство» или «Сосед почувствовал вкус крови» окажется недостаточно, про запас имелись некоторые подробности, которые еще на пару дней обеспечат

живое любопытство читателей. У Камиллы Луен отрезан указательный палец на левой руке, а под веком найден красноватый бриллиант-звездочка.

Рогер Йендем начал статью с исторического вступления — для большего драматизма, но потом решил, что материал этого не требует, и уничтожил написанное. Некоторое время он сидел, обхватив голову руками, потом дважды щелкнул по значку «Корзина», навел мышку на пункт «Очистить» и замер в нерешительности. Эта фотография — последняя память о Деви. Из квартиры он убрал все, что могло о ней напомнить, даже выстирал свитер, который она у него иногда брала, — он любил надевать его из-за запаха ее духов.

— Прощай, — шепотом сказал Рогер и нажал на кнопку. Потом вернулся к статье. Решил заменить «Уллеволсвейен» на «Кладбище Христа Спасителя» — лучше звучало. И начал писать. На этот раз все получилось отлично.

К семи вечера народ потянулся с пляжей домой — весьма неохотно. В безоблачном небе по-прежнему жарко пылало солнце. Еще в девять люди в солнечных очках пили пиво в уличных кафешках, оставляя скучать без дела официантов

душных ресторанов. В полдесятого солнце скрылось за алеющим Уллерном, но долгожданная прохлада так и не наступила. Люди возвращались домой. Еще одна тропическая ночь обещала бессонницу и насквозь пропотевшие простыни.

Рабочий день на Акерсгата заканчивался, в редакции решили в последний раз обсудить первую страницу. От полиции новостей не было. Вряд ли они что-то скрывали, скорее всего, им попросту нечего было сказать. Но с другой стороны, молчание открывало простор для домыслов. Самое время проявить творческий подход.

Примерно в это же время в Уппсале, в желтом деревянном доме с яблоневым садом, раздался звонок. Беата Лённ протянула руку к телефону и подумала, не проснулась ли этажом ниже мама. Наверняка проснулась от звонка.

— Спала? — спросил хриплый голос.

— Нет, — ответила Беата. — А что такое?

— Я только что встал.

Беата села на кровати:

— И как дела?

— Ну что я тебе могу сказать? Плохо — вот что я скажу. — Пауза. Голос Харри казался глухим и далеким, и Беата понимала, что причина не в телефонной связи. — Что нового по уликам?

— Только то, что в газетах, — сказала она.

— А что в них?

Она вздохнула:

— Да ты и так знаешь. Мы собрали в квартире отпечатки пальцев и ДНК, но пока не нашли ничего, что могло бы помочь в поисках убийцы…

— Преступника, — поправил Харри.

— Преступника, — зевнув, согласилась Беата.

— Выяснили, откуда бриллиант?

— Работаем. Мы проконсультировались у ювелиров: красные бриллианты не редкость, но у нас в стране их не так много. Они сомневаются, что это работа норвежского мастера. А если камень заграничный, то и преступник, возможно, не наш соотечественник.

— Хмм…

— Что такое, Харри?

Он откашлялся, прежде чем ответить:

— Пытаюсь быть в курсе событий.

— В прошлый раз ты заявил, что этим делом не занимаешься.

— Ну, не совсем так.

— Скажи откровенно, что тебе нужно?

— Ну, я проснулся из-за того, что увидел кошмар…

— Мне приехать и побаюкать тебя?

— Нет. — Снова пауза. — Мне снилась Камилла Луен. И ваш бриллиант.

— И что?

— Я, кажется, кое-что понял.

— Ну же!

— Я, правда, не уверен… Но знаешь, в старые времена покойникам перед погребением клали на глаза монеты.

— Не слышала.

— Чтобы заплатить лодочнику, который перевозит души через Стикс, реку мертвых. Если душа не могла переправиться на другой берег, она не обретала покоя. Поразмысли над этим.

— Спасибо за совет, Харри, но я в загробную жизнь и привидения не верю.

Харри не ответил.

— Еще что-то? — поинтересовалась Беата.

— Один вопросик. Слыхала, что начкрим на этой неделе ушел в отпуск?

— Конечно.

— Может, ты знаешь и когда он вернется?

— Через три недели. А ты?

— Что я?

Беата услышала в трубке щелчок зажигалки и вздохнула:

— Когда ты вернешься?

Она услышала, как Харри на том конце затянулся, задержал дыхание и медленно выдохнул. Потом ответил:

— А я думал, ты в привидения не веришь.

Примерно в то же время, как Беата положила трубку, в своей квартире от колик проснулся Бьярне Мёллер. До шести часов он лежал и корчился в постели, потом встал, медленно позавтракал без кофе — и сразу почувствовал себя лучше. А когда он в начале девятого пришел на работу, боли, к его удивлению, исчезли совсем. Добравшись на лифте до кабинета, он с блаженством закинул ноги на стол, выпил кофе и стал изучать свежие газеты.

На первой странице «Дагбладет» под заголовком «Тайный любовник?» красовалась фотография улыбающейся Камиллы Луен. Той же фотографией встречал читателей и «Верденс Ганг», но название статьи было: «Жертва ревности». Из всех газет по-настоящему интересовалась правдой только «Афтенпостен» в обзорной статье о преступлении.

Мёллер покачал головой, посмотрел на часы и набрал номер Тома Волера, который только-только должен был закончить утреннюю планерку со следственной группой.

— Нет, сдвигов пока никаких, — отозвался Волер. — Расспросили соседей и всех продавцов в близлежащих магазинах. Проверили такси, которые в указанное время были поблизости. Поговорили с осведомителями и проверили алиби старых знакомых с сомнительным прошлым. Но, так сказать, откровенных подозреваемых у нас нет. Честно говоря, мне не кажется, что это кто-то из старых знакомых. Признаков сексуального насилия нет, деньги и ценности на месте, и почерк незнакомый. Взять хотя бы палец и бриллиант…

У Мёллера в животе заурчало. Он надеялся, что это от голода.

— А хорошие новости у тебя есть?

— Полицейский участок в Майорстуа выделил нам троих сотрудников, так что в нашей группе теперь десять человек. Сотрудники Крипоса согласились помочь Беате разобраться с предметами, найденными в квартире. Мы собрали хорошую команду, учитывая, сколько народу в отпусках. Ну, как новость?

— Спасибо, Волер, будем надеяться, все наладится.

Мёллер положил трубку и через плечо бросил взгляд в окно, намереваясь вернуться к газетам. Но так и остался сидеть, неудобно вывернув шею

и глядя на газон перед зданием, потому что увидел, как со стороны Грёнланнслейрет появилась знакомая фигура и медленно, но целеустремленно направилась в сторону Полицейского управления.

Мёллер встал, вышел в коридор и крикнул Йенни, чтобы та принесла ему еще одну чашку кофе. Потом вернулся в кабинет и спешно достал из ящика стопку старых бумаг.

Через три минуты в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Мёллер, деловито рассматривая двенадцатистраничное заявление от гражданина, который обвинял ветеринарную клинику на Шиппергата в неправильном лечении, повлекшем за собой смерть двух его чау-чау.

Дверь открылась, и Мёллер рукой изобразил жест «ну проходите, проходите», продолжая изучать страницу, где подробно описывался экстерьер собак, их удивительные таланты и перечислялись награды с выставок.

— А, это ты! — поднял-таки взгляд Мёллер. — Я думал, мы тебя уволили.

— Хм… Моя отставка лежит неподписанной на столе у начальника криминальной полиции, и, пока она там, нам придется иногда встречаться.

Или вы против, шеф? — Харри налил себе кофе и с чашкой подошел к окну, обогнув стол Мёллера. — Но это не означает, что я буду заниматься делом Камиллы Луен.

Бьярне Мёллер обернулся и посмотрел на Харри. Он и раньше не раз видел, как Холе, еще вчера лежавший на смертном одре, на следующий день заявлялся на работу красноглазым Лазарем. Но все равно — до сих пор удивлялся.

— Харри, если ты думаешь, что про отставку я пошутил, то ошибаешься. На этот раз я не предупреждаю, а сообщаю: это окончательное решение. Все прошлые разы, когда ты нарушал инструкции и правила, я за тебя заступался, но сейчас брать на себя ответственность я уже не могу. — Бьярне Мёллер поискал в глазах Харри хоть тень мольбы и не нашел. К счастью. — Вот так, Харри. Все, конец.

Тот не ответил.

— Да, пока не забыл. Стандартная процедура: зайди в оружейку, сдай все железки, что на тебе числятся, — попросил начальник.

Харри кивнул. Мёллер внимательно вглядывался в его лицо, но так и не увидел того, что ожидал. А пытался он разглядеть удивленного мальчишку, которому только что отвесили под-

затыльник. Мёллер потрогал нижнюю пуговицу рубашки. Да, разобраться в Харри непросто.

— Если думаешь, что с пользой проведешь здесь последние недели, я не возражаю — приходи. От должности тебя не отстранили, зарплату за этот месяц все равно получишь. Да и что у тебя есть, кроме работы…

— Хорошо, — безразлично ответил Харри и встал. — Пойду посмотрю, на месте ли еще мой кабинет. Нужна будет помощь — только скажите, шеф.

Бьярне Мёллер натужно улыбнулся:

— Спасибо за заботу, Харри.

— Например, с этими вашими чау-чау, — предложил Харри, тихо закрывая за собой дверь.

Харри стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел на рабочий кабинет, который он делил со следователем Халворсеном. Его аккуратно прибранный стол — сейчас Халворсен был в отпуске — стоял вплотную к столу Харри. Над сейфом висела фотография Эллен Йельтен — еще с тех пор, когда вместо Халворсена здесь была она. Другую стену почти целиком закрывала карта Осло, на которой кнопками и надписями было обозначено, где в ночь убийства находились Эллен, Сверре Ульсен и Рой Квинсвик. Харри

подошел к стене, посмотрел на карту, резким движением сорвал ее и положил на полку в сейф. Достал из кармана пиджака фляжку, сделал быстрый глоток и прислонился лбом к прохладной металлической поверхности.

Больше десяти лет он проработал в этом кабинете. Номер шестьсот пять — самый маленький кабинет в красной зоне шестого этажа. Даже когда было принято блестящее решение сделать его инспектором, Харри отказался переезжать. В шестьсот пятом не было окон, но именно отсюда он воспринимал мир. На этих десяти квадратных метрах он учился работать, отмечал свои победы и переживал поражения, посвящая всю свою жизнь изучению человеческой натуры. Он попытался вспомнить, чем еще он занимался в последние десять лет. Что-то же должно было быть. Обычно люди работают по восемь часов в сутки, ну, не больше двенадцати. А ведь были и выходные.

Харри сел на свое расшатанное кресло, оно радостно скрипнуло. Давненько он не сидел на нем!

Без пятнадцати шесть Бьярне Мёллер уже обычно был дома, с женой и детьми. Но поскольку они гостили у бабушки, он решил эти тихие деньки

посвятить разбору скопившихся бумаг. Убийство на Уллеволсвейен несколько нарушило его планы, но сегодня он хотел наверстать упущенное.

Когда позвонили из кол-центра, Мёллер не без раздражения ответил, что звонят они не по адресу и пропавшими занимается не убойный отдел, а дежурная часть.

— Извините, Мёллер, в дежурной части никого нет, все в Грефсене, на пожаре. А заявитель уверен, что в этом исчезновении есть что-то криминальное.

— У нас кто не разъехался по домам, работает над убийством на Уллеволсвейен. А значит… — Он осекся. — Хотя нет! Погодите-ка…

Глава 9
Среда. Исчезновение

Водитель нехотя нажал на тормоз, и машина остановилась перед светофором на площади Александра Кьелланда.

— Или поедем с мигалкой и визжалкой? — спросил он, оборачиваясь к заднему сиденью.

Харри отрешенно покачал головой, глядя на парк. Когда-то этот парк был простым газоном с двумя скамейками, на которых обитали друзья «зеленого змия», перекрикивающие шум движения песнями и руганью. Но пару лет назад на площади имени писателя решили навести порядок. За несколько миллионов парк вычистили, добавили зеленых насаждений, положили асфальт, устроили дорожки для прогулок и даже оборудовали миленький каскадный фонтан. Без сомнения, такой парк еще больше располагал к песням и ругани.

Машина повернула направо, к Саннергата, проехала мост через Акерсельву и остановилась у дома, указанного Мёллером.

Сказав водителю, что обратно он доберется

сам, Харри вышел из машины и огляделся. Через дорогу находилось новое офисное здание, пока оно пустовало и, если верить газетам, обещало пустовать еще долго. Его окна отражали табличку с нужным Харри адресом на белом, недавно отремонтированном доме, построенном в стиле, чем-то напоминающем функционализм. Фасад уже был щедро украшен граффити. На автобусной остановке неподалеку Харри увидел темнокожую девушку, она стояла, скрестив руки на груди, жевала резинку и разглядывала рекламный плакат «Дизеля» на другой стороне улицы.

Отыскав нужное имя у верхнего звонка, Харри представился и пошел вверх по лестнице. Человек, который вышел его встречать, выглядел весьма примечательно: черная бородка, буйная шевелюра, лицо цвета красного бургундского вина и подходящего цвета рубаха, которая доходила до сандалий на босых ногах.

— Хорошо, что вы так быстро приехали, — сказал он, протягивая Харри свою лапищу.

Только так ее и можно было назвать: кисть Харри утонула в ладони мужчины, который представился как Вилли Барли.

В ответ Харри назвал свое имя и попытался выдернуть руку. Физических контактов с мужчи-

нами он не любил, а это рукопожатие тянуло на объятия. Но Вилли Барли вцепился в него, как в спасительную соломинку.

— Лисбет пропала, — произнес он срывающимся, на удивление высоким голосом.

— Нам сообщили, Барли. Можно пройти?

— Пошли.

Следуя за ним, Харри оказался в еще одной мансарде. Но если в маленьком жилище Камиллы Луен господствовал минимализм, в этом — не в пример большем — хозяин пытался воссоздать дух неоклассицизма, и делал это так усердно, что гостиная стала походить на интерьер для вечеринки в античном стиле. Вместо стульев здесь были ложа, словно из голливудской версии Древнего Рима. Деревянные балки украшала лепнина, придавая им вид дорических и коринфских колонн. Их Харри так и не научился различать, зато сразу узнал рельеф на стене в коридоре — «Ясон с золотым руном» Бертеля Торвальдсена. Он видел его в детстве, когда с мамой и Сестрёнышем ездил в музей в Копенгагене. Очевидно, квартиру совсем недавно отремонтировали: Харри заметил свежую побелку, даже почувствовал запах раствора.

В гостиной был накрыт стол на двоих. Вилли

провел гостя дальше, на крышу, на большую, выложенную плиткой террасу, выходящую во внутренний двор, образованный стенами четырех соседних домов. Об античности здесь ничто не напоминало — обычная норвежская терраса. На гриле дотлевали какие-то угли.

— Вечером в мансардах так душно, — извиняющимся тоном сказал Барли, предлагая Харри пластиковый стул рококо.

— Я заметил. — Харри подошел к краю площадки и глянул вниз, во двор.

Высоты он обычно не боялся, но после длительных запоев у него даже от скромных высот начинала кружиться голова. Харри успел различить два старых велосипеда, развевающуюся на ветру белую простыню и быстро отвел взгляд.

Напротив, через двор, на балконе с черной железной решеткой, за столом, заставленным темными пивными бутылками, сидели двое молодых мужчин. Увидев Харри, они приветственно подняли бокалы, он кивнул в ответ и подумал: «Как странно, что внизу ветер, а здесь — нет».

— Бокал красного вина? — Барли уже начал наливать себе из початой бутылки. Харри заметил, что руки у него дрожат. На бутылке красовалась надпись: «Domaine La Bastide Sy…» Название

должно было быть длиннее, но нервные пальцы уже успели отодрать кусок этикетки.

Харри присел:

— Спасибо, я не пью на работе.

Барли скривился и со стуком поставил бутылку на стол.

— Конечно. Простите меня, я просто не в себе. Господи, да и мне сейчас лучше бы не пить.

Он поднес стакан к губам и начал громко глотать, роняя на рубаху капли, которые расползались по ней темными пятнами.

Харри посмотрел на часы, давая Барли понять, что надо бы поторопиться.

— Она хотела только дойти до магазина, купить картофельного салата для котлет. — Барли с трудом переводил дыхание. — Всего два часа назад она сидела на вашем месте.

Харри поправил солнечные очки.

— Ваша жена отсутствует всего два часа?! — с удивлением спросил он.

— Да-да, знаю, это не так долго, но она собиралась дойти до магазина «Киви» за углом и тут же обратно.

На балконе напротив сверкнула следующая бутылка. Харри провел рукой по лбу, посмотрел на мокрые пальцы и задумался, обо что бы вы-

тереть пот. Впрочем, стоило положить руку на раскаленный пластиковый подлокотник, и влага моментально испарилась.

— Вы звонили друзьям и знакомым? Были в магазине, разговаривали с продавцом? Может, она с кем-то встретилась и решила выпить пива. Может…

— Нет, нет, нет! — Барли вытянул перед собой руки с растопыренными пальцами. — Она не могла! Она не из таких.

— Не из каких?

— Она из тех… которые возвращаются.

— Ну…

— Сначала я позвонил ей на сотовый, но она, конечно, оставила его здесь. Потом друзьям, которых она могла бы встретить. Потом в магазин, в Полицейское управление, в три полицейских участка, Уллеволскую больницу и Государственный госпиталь, обзвонил все отделения неотложной помощи. Ничего. Nothing. Rien[9].

— Понимаю, Барли, вы нервничаете.

Барли наклонился над столом и произнес дрожащими, мокрыми от вина губами:

— Я не нервничаю. Я боюсь до смерти. Разве это

---

[9] Примечания: 9
Ничего *(англ. и фр.)*.

возможно: выйти из дома в одном купальнике и с пятьюдесятью кронами, зная, что дома жарятся котлеты, и потом решить погулять?

Харри задумался. Он уже хотел было принять предложение Барли насчет вина, но тот успел вылить остатки в свой бокал. Самое время встать, поблагодарить за гостеприимство и уйти, напоследок попросив Барли перезвонить, если супруга не вернется к ночи, и успокоив рассказами о том, что подобные случаи не редкость, но, как правило, все заканчивается благополучно. Но что-то ему мешало так поступить. Возможно, деталь про бикини и пятьдесят крон? Или, может быть, то, что он весь день чего-то ждал и вот теперь выпала возможность отсрочить одинокий вечер в захламленной квартире? Но скорее всего, неприкрытый панический страх Барли. Раньше Харри часто недооценивал интуицию, и свою, и чужую. И это всегда дорого ему обходилось.

— Мне нужно сделать пару звонков, — сказал он.

Без пятнадцати семь в квартиру Вилли и Лисбет Барли пришла Беата Лённ, а еще через пятнадцать минут — кинолог в сопровождении немецкой овчарки. Он представил себя и своего пса — обоих звали Иванами.

— Так вышло случайно. Это не моя собака.

Харри заметил, что Иван ждет от него насмешливого комментария, но промолчал.

Пока Вилли Барли искал в спальне недавние фотографии Лисбет и одежду, по которой Иван-пес мог бы взять след, Харри быстро и тихо делился мыслями с Беатой и кинологом:

— Значит, так. Она может быть где угодно. Возможно, она его бросила, или почувствовала недомогание, или тайком пошла куда-нибудь. Миллион вариантов. Но ее также могли бросить на заднее сиденье и изнасиловать четверо подростков, загоревшихся от вида женщины в купальнике. Мне не хочется, чтобы вы искали ее по какому-то одному из этих вариантов. Просто ищите.

Беата и Иван кивнули: им было ясно.

— Скоро тут появятся патрульные. Беата, прочеши с ними окрестности, поговори с народом. Особенно в магазине, куда она собиралась. Потом переговори со здешними жильцами. А я пойду вон к тем друзьям на балконе напротив.

— Думаешь, они что-то знают? — спросила Беата.

— У них отличный обзор, а сидят они, судя по количеству пустых бутылок, уже прилично.

Лисбет, по словам мужа, весь день была дома. Я хочу узнать, видели ли они ее на террасе, а если видели, то когда.

— А смысл? — спросил кинолог, дергая за поводок Ивана.

— Потому что если дама в бикини не выходила на террасу из этой парилки, то это очень и очень подозрительно.

— Конечно, — шепнула Беата. — Подозреваешь мужа?

— Мужа я подозреваю из принципа, — сказал Харри.

— А смысл? — повторил Иван.

— Ищите мужчину. Всегда виноват муж, — выдал Харри.

— Первый закон Холе, — пояснила Беата.

Иван поочередно смотрел то на Харри, то на нее:

— А… разве не он заявил о ее исчезновении?

— Он, — согласился Харри, — но все равно ищите мужчину. Поэтому вы с Иваном начинаете работать не на улице, а тут. Придумайте какое-нибудь объяснение, но мне нужно, чтобы вы сначала проверили квартиру и чердак с подвалом. Хорошо?

Кинолог Иван пожал плечами и обменялся

удрученным взглядом с тезкой.

Те двое на балконе напротив оказались на поверку вовсе не парнями, как решил было Харри, увидев их с террасы, а взрослыми женщинами примерно одного возраста. Одна из них была большой любительницей постеров Кайли Миноуг, а другая носила прическу-«ежик» и футболку с надписью «Тронхеймский орел». У Харри не было никаких доказательств того, что они лесбиянки, но он позволил себе такое предположить. Расположившись в кресле перед хозяйками — совсем как пять дней назад перед Вибекке Кнутсен и Андерсом Нюгордом, — Харри начал разговор:

— Извините, что вытащил вас с балкона.

Одна из женщин, представившаяся Рутой, рыгнула, прикрыв рот ладонью, и ответила:

— Да все в порядке. Верно? — Она хлопнула соседку по колену.

Мужской жест, подумал Харри, вспоминая при этом слова психолога Эуне: «Стереотипы укрепляются, потому что люди бессознательно ищут их укрепления». Именно поэтому полицейские, исходя из так называемого опыта, считают преступников дураками. А преступники считают дураками полицейских.

Харри вкратце обрисовал собеседницам об-

стоятельства дела, те воззрились на него с удивлением.

— Конечно, все скоро выяснится, но нам в полиции приходится и такими случаями заниматься. Для начала надо установить время.

Женщины серьезно кивнули.

— Отлично. — Харри изобразил им «улыбку Холе» — так Эллен называла гримасу, которую он делал, когда хотел выглядеть мягким и приветливым.

Рута рассказала, что они с полудня сидели на балконе. Видели, как до полпятого Лисбет и Вилли Барли лежали на террасе, потом Лисбет вошла внутрь, а Вилли разжег огонь. Он крикнул что-то про картофельный салат, жена отозвалась из комнаты. Потом он тоже зашел внутрь и вернулся минут через двадцать уже с биточками («А, это те угли», — подумал Харри). Через некоторое время — соседки сошлись на пятнадцати минутах шестого — они увидели, как Барли звонит по телефону.

— У нас через двор все отлично слышно, — сообщила Рута. — И мы услышали, как другой телефон зазвонил в комнате. По Барли было заметно, что он раздражен, — он швырнул на стол свой мобильник.

— Наверное, пытался дозвониться жене, — прокомментировал Харри, но, заметив, как женщины переглянулись, пожалел о том, что сказал «наверное». Он сменил тему: — А сколько времени требуется, чтобы дойти до магазина за углом и купить там салат?

— До «Киви»? Я добегаю минут за пять, если нет очереди.

— Лисбт Барли нь-бегает, а хоит мельно, — тихо сказала ее подруга на жутком диалекте.

— Так вы с ней знакомы?

Рута и «Тронхеймский орел» снова переглянулись, будто согласовывая ответ.

— Нет. Н-мы ё знаем.

— Да? Откуда?

— Кажется, в «Верденс Ганг» была статья о том, что Вилли Барли этим летом ставит в Национальном театре мюзикл?

— Не, Рут, эт-была ток-заметка.

— Нет, статья, — раздраженно откликнулась Рута. — Лисбет в главной роли. Большое фото, все дела. Наверняка вы видели.

Харри хмыкнул:

— Этим летом я… не столь активно следил за газетами.

— Да вы что! Был скандал! Эти зазнайки-теат-

ралы считают, что это лето станет для Национального театра позором. Ты название мюзикла помнишь? «Моя красная леди»?

— «Прекрасная», — буркнула «Тронхеймский орел».

— То есть они занимаются театром? — вмешался Харри.

— И театром тоже. Вилли Барли везде поспевает: эстрада, фильмы, мюзиклы…

— Он пр-дюсер, а она — пьвица.

— Вот как?

— Да, вы ведь помните: до замужества ее фамилия была Харанг.

Харри покачал головой, будто извиняясь за собственное невежество.

Рута глубоко вздохнула:

— Лисбет с сестрой пели в «Спиннин Уил»[10]. Лисбет была просто куколка, вроде Шанайи Твейн. А голос такой… низкий, с хрипотцой!

— Они не б-ли так уж п-пулярны, Рут.

— Зато пели в программе Видара Лённ-Арнесена. И продали кучу дисков.

— К-сет, Рут.

— Без разницы. Я видела, как «Спиннин Уил»

---

[10] Примечания: 10

«Spinnin' Wheel» — букв. «Крутящееся колесо» *(англ.)*.

продавали в том большом музыкальном магазине на улице Карла Юхана. Ничего так разбирали! Они хотели записать диск в Нэшвилле, все дела. Но потом ее нашел Барли и решил сделать из нее звезду мюзикла. Но это случилось уж давно.

— Восьмь лет н-зад, — сказала «Тронхеймский орел».

— Лисбет Харанг завязала со «Спиннин Уил» и вышла за Барли. Деньги, известность… Неужели не слышали?

— И колесо больше не вращалось?

— А?

— Он пр-группу, Рут.

— А, да! Сестра продолжала петь одна, но звездой-то была Лисбет. Думаю, «Спиннин Уил» сейчас выступает в каком-нибудь горном отеле или на теплоходе.

Харри встал:

— Ну и последний вопрос: как, по-вашему, протекает семейная жизнь Вилли и Лисбет?

«Тронхеймский орел» и Рута вновь обменялись взглядами-позывными.

— Здесь все хорошо слышно. У них и спальня выходит во двор.

— Вы слышали, как они ругаются?

— Они не ругаются. — Они выразительно на

него посмотрели.

Смысл сказанного пару секунд доходил до Харри, после чего он, к своему неудовольствию, почувствовал, что краснеет.

— Стало быть, у них все было замечательно, — смущаясь, сказал он.

— Дверь на террасу все лето распахнута. Порой мне даже хотелось забраться на крышу, обойти вокруг двора и спрыгнуть к ним на террасу, — осклабилась Рута. — Немножко пошпионить, а? Несложно ведь: встаешь на перила, потом — ногу на водосточный желоб, и…

«Тронхеймский орел» толкнула ее в бок.

— Но это и не требуется, — очнулась Рута. — Лисбет мастер… как это?

— Звуковых эффектов, — подсказала «Тронхеймский орел».

— Вот-вот. И все интересное можно представить по голосу.

Харри почесал в затылке.

— Такому низкому, с хрипотцой, — осторожно улыбнулась «Тронхеймский орел».

Вернувшись, Харри застал в квартире работающих Ивана и Ивана. Кинолог Иван обливался потом, а пес Иван вывалил из пасти язык, красный, как банты на День Конституции.

Харри осторожно сел на одно из лож и попросил Вилли Барли рассказать все еще раз, с самого начала, о том, что и когда произошло после обеда. История Барли подтверждалась показаниями двух женщин.

Харри заметил в его глазах искреннее отчаяние и начал уже думать, что, если что-то криминальное и произошло, этот случай — исключение из статистических данных. Но он все больше уверялся в том, что Лисбет скоро вернется. Или муж — или никто. Статистически рассуждая.

Вернулась Беата и сказала, что во всем доме застала жильцов только в двух квартирах и они не слышали и не видели ничего подозрительного ни на лестнице, ни на улице.

Постучали, Беата открыла. Явился патрульный в форме. Харри сразу его узнал — тот самый, что стоял на посту на Уллеволсвейен. Не обращая внимания на Харри, он заговорил с Беатой:

— Мы поговорили с людьми на улице и в «Киви», проверили соседние дворы и подъезды. Ничего. Но многие ведь в отпусках — на улицах тут пусто, женщину могли затолкать в машину так, что никто бы и не заметил.

Харри увидел, как съежился Вилли Барли.

— Наверное, стоило бы проверить парочку па-

кистанцев, которые держат тут лавки, — добавил патрульный, ковыряясь мизинцем в ухе.

— А почему именно их? — спросил Харри.

Полицейский наконец повернулся к нему:

— А вы разве не читали криминальную статистику, инспектор? — Он сделал особое ударение на последнем слове.

— Читал, — ответил Харри. — Насколько я помню, лавочники там не на первых позициях.

Патрульный ответил, внимательно разглядывая мизинец:

— Мне кое-что известно о мусульманах, как и вам, инспектор. Для их народа женщина в бикини будто сама просит, чтобы ее изнасиловали. Можно сказать, это даже их долг.

— Хм?

— Такая уж религия.

— Думаю, вы путаете ислам и христианство.

С террасы спустился кинолог:

— Нам с Иваном тут больше делать нечего. Нашли в мусоре пару обугленных котлет, ну и все. Кстати, другие собаки здесь недавно бывали?

Харри посмотрел на Вилли. Тот только покачал головой. Судя по выражению лица, голос его сейчас не слушался.

— На входе Иван вел себя так, будто почуял

другую собаку, хотя это мог быть какой-нибудь еще запах. Мы готовы идти на чердак и в подвал. Кто-нибудь нас проводит?

— Да. Конечно. — Вилли встал.

Они исчезли за дверью, и полицейский поинтересовался у Беаты, может ли он идти.

— Спроси у старшего, — ответила она.

— Он уснул. — Полицейский с ухмылкой кивнул в сторону Харри, который как раз примерял древнеримское ложе.

— Патрульный, — не открывая глаз, тихо позвал Харри, — подойдите ближе, будьте добры.

Полицейский подошел и встал перед Харри, широко расставив ноги и засунув большие пальцы за ремень.

— Да, инспектор?

Харри открыл один глаз.

— Если вы еще хоть раз, поддавшись убеждениям Тома Волера, напишете на меня докладную, я позабочусь о том, чтобы вы проходили в патруле до конца службы. Ясно, патрульный?

Полицейский изменился в лице. Когда он открыл рот, Харри был готов выслушивать мольбы или желчные тирады, а услышал тихую и спокойную речь.

— Во-первых, никакого Тома Волера я не знаю.

Во-вторых, считаю своим долгом докладывать, когда сотрудники полиции появляются на работе в пьяном виде, подвергая себя и коллег опасности. А в-третьих, у меня нет желания служить нигде, кроме как в патруле. Разрешите идти, инспектор? — закончил полицейский.

Харри обвел его взглядом Циклопа. Потом снова закрыл глаз и, сглотнув, сказал:

— Будьте так любезны.

Услышав, как хлопнула дверь, он тихо застонал. Хотелось выпить. Внутри все горело.

— Пошли? — спросила Беата.

— Ты иди, — откликнулся Харри. — Я останусь, помогу Ивану обойти улицы, когда они разберутся с чердаком и подвалом.

— Уверен?

— Абсолютно.

Харри поднялся на террасу. Посмотрел на ласточек, послушал звуки, доносящиеся из открытых окон. Поднял со стола бутылку красного вина. Там еще оставалось на донышке, и он допил. Помахал Руте и «Тронхеймскому орлу», которые этого все равно не заметили, и вернулся в квартиру.

В спальне тоже были видны следы ремонта.

Перед шифоньером стояла незакрепленная дверца с зеркалом. Рядом с застеленной дву-

спальной кроватью стоял открытый ящик с инструментами. Над кроватью висела фотография Вилли и Лисбет. Харри особо не вглядывался в снимок, который Вилли отдал патрульному, но теперь увидел, что Рута подметила верно: Лисбет и вправду была просто куколкой. Светлые волосы, голубые блестящие глаза, стройная фигура с почти что осиной талией. Минимум на десять лет младше Вилли. На фотографии они выглядели загорелыми и счастливыми. Наверное, это был снимок, сделанный во время их поездки за границу. На заднем плане виднелись величественный старый замок и конная статуя. Может быть, Франция. Нормандия.

Харри сел на край кровати и с удивлением заметил, как та просела. Водяной матрац. Он лег и ощутил, как кровать подстраивается под форму его тела. Приятно было чувствовать кожей прохладное покрывало. Вода в резиновом матраце переливалась при каждом его движении. Харри закрыл глаза.

Ракель… Они плыли по реке. Нет, по каналу. Вниз по течению на теплоходе, и вода звонко целовала его борта. Они были в каюте, и Ракель лежала рядом с ним в постели. Тихо смеялась, когда он с ней шептался. А потом притворялась,

будто спит. Ей это нравилось — притворяться. Такая игра. Харри повернулся посмотреть на нее. Взгляд упал сначала на зеркало, в котором отражалась кровать целиком, потом — на открытый ящик с инструментами. Сверху лежал небольшой шпатель с зеленой рукояткой. Он поднял инструмент. Легкий и маленький, слегка испачканный в штукатурке.

Харри уже собирался положить резец обратно, когда рука вдруг замерла.

В ящике лежала часть человеческого тела. Они и раньше попадались ему на месте преступления — отрезанные части тела. Но секунду спустя он сообразил, что видит весьма реалистичный фаллоимитатор телесного цвета.

Он снова лег, так и не выпустив из рук шпатель. К горлу подкатил ком.

После стольких лет работы, когда каждый день приходилось копаться в чужих вещах, фаллоимитатор не был таким уж потрясением. И ком к горлу подкатил по другой причине.

Эта кровать.

Нет, надо выпить.

Здесь все очень хорошо слышно.

Ракель.

Он пытался не думать, но поздно.

Ее тело.

Ракель.

Харри почувствовал возбуждение. Он закрыл глаза, и ему показалось, будто ее рука сонным, случайным движением легла ему на живот. И лежала там, не собираясь исчезать. Харри почувствовал ухом ее губы, теплое дыхание… Ее бедра, которые двигались при самом легком его прикосновении. Маленькая мягкая грудь с чувствительными сосками, которые становились твердыми от его дыхания. Ее тело, которое дразнит его и открывается ему. Ком в горле рос — как будто хотелось плакать.

В квартиру вошли. Харри вздрогнул, сел на кровати, расправил покрывало, встал и, отойдя к зеркалу, потер лицо ладонями.

Вилли настоял на том, чтобы сопровождать кинолога: посмотреть, не возьмет ли Иван след.

Они вышли на Саннергата. Беззвучно отъехал с остановки красный автобус. Из заднего окна на Харри смотрела маленькая девочка, ее круглое личико становилось все меньше и меньше, пока наконец не исчезло вместе с автобусом в направлении Руделёкки.

Они прошли до магазина «Киви» и обратно, но собака ни на что не реагировала.

— Это не значит, что вашей жены здесь не было, — обратился к Вилли Иван. — На городской улице, где полно транспорта и пешеходов, запах человека мог и затеряться.

Харри посмотрел вокруг. Ему казалось, что за ним наблюдают, но на улице никого не было, а окна домов отражали только черное небо и солнце. Пьяный бред.

— Ладно, — сказал Харри. — Большего мы пока сделать не можем.

Вилли смотрел на него с тем же отчаянием.

— Все хорошо, — заверил его Харри.

Вилли ответил без всякой интонации, как будто диктовал метеосводку:

— Нет. Все плохо.

— Фу! Иван, ко мне! — крикнул кинолог, натягивая поводок.

Собака сунула нос под переднее крыло припаркованного на тротуаре «гольфа».

Харри похлопал Вилли по плечу, стараясь не встречаться с ним взглядом, и произнес дежурные фразы:

— Всем патрульным машинам сообщили. Если до полуночи она не объявится, мы отправим разыскную группу. Хорошо?

Вилли не ответил.

Иван лаял и рвался с поводка.

— Секунду, — сказал кинолог. Он встал на четвереньки и заглянул под машину. — Господи! — охнул он и сунул туда руку.

— Нашел что-нибудь? — спросил Харри.

Кинолог повернулся к нему, в руке он держал дамскую туфлю на шпильке. Харри услышал у себя за спиной тяжелое дыхание Вилли Барли.

— Это ее туфля, Вилли?

— Все плохо, — повторил тот. — Все плохо.

Глава 10
Четверг и пятница. Кошмар

В четверг вечером перед почтой в Руделёкке остановилась красная почтовая машина. Содержимое ящиков ссыпали в мешок и отправили на Бископ-Гуннерус-гате, дом 14, более известный как главпочтамт Осло. В тот же вечер в сортировочном терминале письма расфасовывали по размеру, и пузатый коричневый пакет оказался рядом с другим письмом такого же формата. Конверт прошел через несколько пар рук, но, разумеется, никого не заинтересовал. На географической сортировке ему тоже не уделили особого внимания, и конверт сначала оказался в блоке для Восточной Норвегии, а потом — в партии с индексом 0032.

И вот он снова лежал в мешке в красной почтовой машине, готовый к завтрашней отправке. Была ночь, большая часть Осло спала.

— Все хорошо. — Мальчик потрепал круглолицую девочку по голове. Длинные тонкие волосы приставали к пальцам. Электростатическое электричество.

Ему было одиннадцать. Ей — семь. Брат и сестра. Приходили навещать маму в больнице.

Подошел лифт, открылась дверь. Мужчина в белом халате отодвинул железную решетку, коротко улыбнулся им и вышел. А они вошли.

— А лифт почему такой старый? — спросила девочка.

— Потому что дом старый, — сказал мальчик, закрывая решетку.

— Это больница?

— Не совсем. — Он нажал на кнопку «1». — Это дом, где уставшие люди могут немножко отдохнуть.

— А мама устала?

— Да, но все хорошо. Не прислоняйся к двери, Сестрёныш.

— А?

Лифт рывком тронулся, и ее длинные светлые волосы зашевелились. Электричество, подумал мальчик, глядя, как они медленно встают дыбом. Она схватилась за голову и закричала. От ее тонкого, пронзительного крика он замер. Ее волосы зацепились за что-то по ту сторону решетки. Возможно, их защемило дверью. Он попробовал пошевелиться, но словно окаменел.

— Папа! — крикнула она, вставая на цыпочки.

Но папа ушел раньше, чтобы подогнать машину.

— Мама! — закричала она, поднимаясь в воздух.

Но мама лежала в постели с улыбкой на бледном лице. Оставался только он.

Она дергала ногами в воздухе, вцепившись в волосы руками.

— Харри!

Только он. Только он может ее спасти. Если бы только он мог пошевелиться.

— Помоги-и-ите!

Харри рывком сел на постели. Сердце в груди бешено колотилось.

— Черт!

Услышав свой хриплый голос, он снова рухнул на подушку.

Между шторами серела ночь. Он взглянул на электронные часы: красные цифры сообщали, что сейчас четыре часа двенадцать минут. Ад в летнюю ночь. Кромешный.

Харри свесил ноги с кровати и направился в туалет. Не глядя справил нужду. Больше он сегодня не уснет.

В холодильнике было пусто, если не считать бутылки легкого пива, которая оказалась тогда в

его корзине по недосмотру. Он открыл шкафчик над мойкой. С полок смотрел молчаливый строй бутылок из-под пива и виски. Все как одна пустые. В припадке внезапной ярости он ударил в самую их гущу и слышал их звяканье даже после того, как закрыл шкафчик. Он снова посмотрел на часы. Пятница. В пятницу — с девяти до шести. Стало быть, «Монополька» откроется нескоро.

Харри сел у телефона в гостиной и набрал номер Эйстейна Эйкеланна.

— «Такси Осло».

— Как там на дорогах?

— Харри, ты, что ли?

— Добрый вечер, Эйстейн.

— Добрый? Да я уже полчаса без дела сижу.

— Сезон отпусков.

— Знаю. Владелец такси уехал за город, в Крагерё, а мне оставил самую медленную тачку самого медлительного города Скандинавии. Черт меня дери! Как после нейтронной бомбы!

— Не думал, что ты любитель попотеть на работе.

— Приятель, я потею, как свинья! Этот скупердяй покупает машины без кондиционера. Да мне после смены приходится напиваться, чтобы восстановить уровень жидкости в организме.

Но это и стоит будь здоров! Вчера я потратил на выпивку больше, чем наварил за день.

— Мне тебя искренне жаль.

— Надо было идти ломать коды.

— Хакерничать? За что тебя как раз выгнали из Норвежского банка и вкатили полгода условно?

— Да, но у меня хорошо получалось. А тут… Кстати, хозяин подумывал о том, чтобы сократить объем работы, но я вкалываю по двенадцать часов. Нам не хватает шоферов. Харри, не хочешь поработать таксистом?

— Спасибо, я над этим подумаю.

— Зачем звонишь-то?

— Мне нужно что-нибудь, чтобы уснуть.

— Сходи к врачу.

— Ходил. Он выписал мне имован. Знаешь, такое снотворное в таблетках? Не помогло. Просил что-нибудь посильнее, но он отказал.

— От тебя небось разило? Еще бы он дал тебе рогипнол, Харри!

— Он сказал, что я еще молод для тяжелого снотворного. А у тебя есть?

— Спятил? Это ж верный путь за решетку. Но есть флунипам. Почти то же самое. Одна таблетка — и валишься без задних ног.

— Хорошо. Я сейчас слегка на мели, но отдам

деньги сразу, как получу зарплату. А сны тоже — того?

— А?

— Я перестану видеть сны?

На пару секунд на том конце повисла тишина.

— Знаешь, Харри, я тут сообразил, флунипам-то у меня кончился. Да и потом, опасный он. И сны видеть не перестанешь, скорей наоборот.

— Гонишь.

— Ну… Да и не нужен тебе флунипам. Просто попробуй успокоиться. Сделай перерыв.

— Перерыв? Ты и сам понимаешь, что это невозможно.

Харри услышал, как открылась дверь машины и Эйстейн послал кого-то к черту. Потом заговорил снова:

— Это из-за Ракели? — Харри не ответил. — Поссорились с ней? — Харри услышал какой-то треск и подумал, что это рация. — Ау, Харри! Друг детства спрашивает, не разбилась ли твоя жизнь вдребезги, а ты молчишь?

— Разбилась, — тихо сказал Харри.

— Что случилось?

Харри перевел дыхание:

— В общем, я сам вынудил Ракель ее разбить. Я провалил одно дело, над которым долго работал. Я

не выдержал. Запил и три дня пролежал пьяный в дерьмо, не слышал телефонных звонков. На четвертый она пришла сама. Позвонила, вошла. Сначала сердилась. Говорила, что я не могу вот так просто уйти, что обо мне спрашивал Мёллер. Потом погладила меня по лицу и спросила, чем может помочь.

— А ты ее выставил за дверь? Так, что ли?

— Я сказал, что у меня все хорошо. И тогда она сразу загрустила.

— Надо думать. Девчонка ж тебя любит.

— Она так и сказала. Но еще сказала, что не может во второй раз совершить ту же ошибку.

— Это какую?

— У Олега отец был алкоголиком. И все трое из-за этого страдали.

— И что ты ответил?

— Что она права. Что от таких, как я, надо держаться подальше. Тогда она улыбнулась и ушла.

— Теперь у тебя кошмары?

— Да.

Эйстейн тяжело вздохнул:

— Знаешь что, Харри? Тебе уже ничего не поможет, кроме…

— Знаю, — перебил Харри. — Пули.

— Вообще-то я хотел сказать: «Тебя самого».

— И это знаю. Забудь, что я тебе звонил, Эйстейн.

— Уже забыл.

Харри забрал с кухни бутылку легкого пива. Сел в кресло и недоверчиво посмотрел на этикетку. Со вздохом слетела крышка. Он отложил на стол импровизированную открывалку. Шпатель с зеленой рукояткой и золотистым налетом штукатурки на металлической части.

Утром в пятницу, часов в шесть, солнце выглянуло из-за Экеберга, и в его лучах здание Полицейского управления засверкало, как кусок хрусталя. Охранник на входе читал газету и зевал во весь рот. Когда на пороге появилась первая ласточка рабочего дня, он отложил «Афтенпостен».

— Пишут, будет еще жарче, — провозгласил охранник так, будто радовался, что наконец-то может перебросится с кем-то словечком.

Высокий светловолосый мужчина посмотрел на него усталыми голубыми глазами, но ничего не сказал в ответ.

Охранник заметил, что, хотя оба лифта стояли на первом этаже, вошедший направился вверх по лестнице, и снова уткнулся в «Афтенпостен», где писали о том, что женщина, пропавшая в среду среди бела дня, до сих пор не объявилась.

Журналист Рогер Йендем цитировал Бьярне Мёллера, который сообщил, что под автомобилем рядом с домом, где жила пропавшая, найдена ее туфля и это подтверждает подозрение о том, что совершено преступление, но с уверенностью об этом говорить пока рано.

По дороге к полке корреспонденции Харри полистал газеты, потом взял два последних доклада о поисках Лисбет Барли. На автоответчике было пять сообщений, почти все от Вилли Барли. И весьма однообразные. Барли требовал бросить на поиски больше народу, говорил о ясновидящих и собирался объявить в газете о крупном вознаграждении тому, кто поможет найти Лисбет.

А в последнем сообщении кто-то просто дышал в трубку.

Харри перемотал запись и прослушал ее снова, потом еще раз.

Нельзя было различить, мужчина это или женщина. Тем более — Ракель это или нет. На экране значилось: «22:10 — НОМЕР НЕ ОПРЕДЕЛЕН». Так обычно обозначался телефон Ракели, когда она звонила с Хольменколлвейен. Но если она звонила, то почему не на мобильный?

Харри перечитал отчеты. Ничего. Перечитал внимательнее. Ничего. Он глубоко вздохнул и

взялся за отчеты в третий раз.

Закончив, он взглянул на часы и отправился за новой порцией корреспонденции. Взял отчет одного из осведомителей, переложил на правильную полку коричневый пакет для Бьярне Мёллера и вернулся в кабинет.

Осведомитель писал коротко и ясно: «Ничего».

Харри перемотал назад запись на автоответчике, включил воспроизведение и, увеличив звук, с закрытыми глазами откинулся на спинку кресла. Попытался вспомнить ее дыхание. Почувствовать его.

— Бесит, когда они вот так не представляются, а?

Волосы на затылке встали дыбом. Нет, не от слов — от голоса. Харри медленно повернулся в кресле. Кресло недовольно завизжало. В дверях он увидел Тома Волера.

Тот стоял, прислонившись к косяку, и с улыбкой поигрывал яблоком.

— Не желаешь? Австралийские. А на вкус — как райские, — предложил он.

Харри отрицательно покачал головой, не спуская с Тома глаз.

— Можно войти? — спросил Волер.

Харри не ответил. Волер вошел и закрыл за со-

бой дверь. Обойдя стол, он плюхнулся в свободное кресло и поднес яблоко к глазам.

— Харри, ты заметил, что мы с тобой всегда приходим на работу раньше остальных? Любопытно, да? Учитывая, что мы и домой уходим позже всех.

— Ты сидишь в кресле Эллен, — заметил Харри.

Волер хлопнул по подлокотнику:

— Харри, нам с тобой пора поговорить.

— Говори.

Прищурив один глаз, Волер поднял яблоко к светильнику на потолке.

— И не грустно тебе в кабинете без окон? — усмехнувшись, спросил он.

Харри не ответил.

— Ходят слухи, ты от нас уходишь, — сказал Волер.

— Слухи?

— Ну, это, наверное, громко сказано. Можно иначе: у меня есть свои источники. Ты ведь уже начал подыскивать себе подходящее место? В охранном агентстве? Или в страховом? Или, может быть, юрисконсультом устроишься? Да мало ли куда может приткнуться следователь с дипломом юриста. — Его крупные белые зубы

вонзились в яблоко. — Возможно, не везде хорошо отнесутся к послужному списку с отметками о пребывании на работе в пьяном виде, самовольных отгулах, превышении полномочий, неподчинении старшим и нарушении профессиональной этики.

Его челюсти усиленно заработали, с хрустом перемалывая кусок сочного яблока.

— Но! Но… — продолжал Волер. — Даже если на работу тебя не примут, это не конец света. Их ведь можно понять: кто же ищет на свою голову приключений. Хотя человек, несмотря ни на что, был инспектором, причем одним из лучших. Да и платят они не очень. А ведь в конце-то концов к этому все и сводится. Чтобы за хорошую работу хорошо платили. Чтобы были деньги на еду, жилье и, допустим, на бутылку коньяка. Или ты предпочитаешь виски?

Харри заметил, что сжимает челюсти так сильно, что заболели зубы под пломбами.

— А еще лучше, — развивал свою мысль Волер, — зарабатывать так, чтоб иной раз чем-нибудь себя побаловать. Например, съездить куда-нибудь. С семьей. Например, в Нормандию.

В голове у Харри что-то щелкнуло, как будто перегорел предохранитель.

— Мы с тобой во многом не похожи, Харри. Но это не означает, что я не уважаю тебя как специалиста. Я всегда считал тебя целеустремленным, талантливым, творческим человеком. А главное — упрямым. Отличное качество для жизни в обществе, где идет борьба за выживание. К сожалению, в этой борьбе в ход не всегда идут те средства, какие нам нравятся. Но если хочешь победить, нужно уметь бить конкурентов их же оружием. И еще… — Волер понизил голос. — Уметь правильно выбирать союзников. Таких, с которыми можешь чего-то добиться.

— Чего ты хочешь, Волер? — Голос Харри дрогнул.

— Помочь тебе. — Волер встал. — Как сейчас — так быть не должно.

— А как сейчас?

— А сейчас мы с тобой враги, и у начальства на столе лежит сам знаешь какая бумага. — Он направился к двери. — Сейчас у тебя не хватает денег, чтобы сделать что-нибудь хорошее для себя или своих близких… — Он взялся за дверную ручку. — Подумай над этим, Харри. Из того лабиринта, в котором ты оказался, тебя выведет только одно.

«Пуля», — подумал Харри.

— Ты сам, — сказал Волер и ушел.

Глава 11
Воскресенье. Уход

Она лежала в постели и курила. Смотрела на его спину перед приземистым комодом, на то, как лопатки двигаются под шелком жилета, заставляя ткань переливаться оттенками черного и синего. Она перевела взгляд на зеркало. Его руки уверенными мягкими движениями завязывали галстук. Ей нравились его руки. Ей нравилось смотреть, как они работают.

— Когда вернешься? — спросила она и поймала в зеркале его взгляд и улыбку, тоже уверенную и мягкую. Она надула губки.

— Так скоро, как только смогу, любовь моя.

Никто не говорил этого слова так, как он. «Liebling», любимая. С заметным акцентом и напевной интонацией. Она словно заново влюбилась в немецкий язык.

— Надеюсь, завтра, вечерним самолетом, — сказал он. — Ты будешь по мне скучать?

Она не удержалась от улыбки. Он засмеялся. И она засмеялась. Черт, ну почему он имеет над ней такую власть?

— Уверена, в Осло тебя дожидаются по уши влюбленные девушки. — Она продолжала улыбаться.

— Надеюсь. — Он застегнул жилет и достал из шкафа пиджак. — Ты погладила носовые платки, любовь моя?

— Они у тебя в чемодане, вместе с носками, — ответила она.

— Отлично.

— Ты едешь на встречу с ними?

Он подошел к кровати и склонился над ней.

— А ты как думаешь?

— Не знаю. — Она обняла его за шею. — Каждый раз, когда ты возвращаешься, от тебя пахнет женщиной.

— Это потому, что я никогда не уезжаю надолго, любовь моя. Как давно мы вместе? Двадцать шесть месяцев? Значит, вот уже двадцать шесть месяцев я пахну тобой.

— И только? — Она притянула его к себе.

Он легко поцеловал ее в губы:

— И только. Извини, любовь моя, самолет… — И высвободился из ее объятий.

Она смотрела, как он подходит к комоду, открывает ящик, достает паспорт и билеты, кладет их в карман и застегивает пиджак. И все это

одним скользящим точным движением, что одновременно и возбуждало, и пугало ее. И если бы большая часть его действий не сопровождалась той же точностью и уверенностью, она бы сказала, что он, наверное, всю жизнь учился уходить. Бросать.

Хотя за последние два года они столько времени провели вместе, она знала о нем на удивление мало. Он никогда не скрывал, что в прошлой жизни у него было очень много женщин. Говорил, что часто менял возлюбленных, потому что отчаянно искал ее. Бросал очередную, как только понимал, что это не она, и продолжал поиски до тех пор, пока два года назад прекрасным осенним вечером судьба не привела его в бар на Вацлавской площади, где он и встретился с ней.

Самая очаровательная история беспорядочных связей, которую она когда-либо слышала.

Во всяком случае, лучше, чем у нее. Она продавала любовь за деньги.

— Зачем ты едешь в Осло?

— По делам, — ответил он.

— Почему ты мне никогда о них не рассказываешь?

— Потому что мы любим друг друга.

Он тихо затворил за собою дверь, и она услы-

шала его шаги на лестнице.

Снова одна. Она закрыла глаза и подумала, что хорошо будет, если его запах останется в постели до его приезда. Потрогала цепочку на шее. С тех пор как он ее подарил, она никогда ее не снимала. Даже в ванной. Провела пальцами по кулону и вспомнила о его вещах. О белом накрахмаленном пасторском воротничке, который положила рядом с носками. Почему она о нем не спросила? Быть может, потому, что чувствовала: она и так задает слишком много вопросов. Ей не хотелось его раздражать.

Вздохнув, она посмотрела на часы и снова закрыла глаза. День был пустой. В два — консультация у врача, и все. Она принялась отсчитывать секунды, а пальцы все гладили кулон — красноватый бриллиант, ограненный звездочкой.

На первой странице «ВГ» помещалась статья о «краткой, но бурной истории» Камиллы Луен и одной знаменитости со студии норвежского государственного радиовещания — НРК, чье имя, впрочем, не раскрывалось. Газета раздобыла размытое курортное фото Камиллы в открытом купальнике. Очевидно, чтобы подчеркнуть намек статьи на основную составляющую истории.

«Дагбладет» в этот же день опубликовала ин-

тервью со старшей сестрой Лисбет Барли, Тойей Харанг. В статье, озаглавленной «Она всегда уходила», Тойя вспоминала привычки Лисбет и пыталась объяснить ее поведение: «Она ушла из „Спиннин Уил“, так почему бы и сейчас не уйти?»

На фотографии Тойя, улыбаясь, позировала в ковбойской шляпе. Харри подумал, что она вряд ли хотела, чтобы ее запечатлели с улыбкой до ушей, но фотографы не предупредили ее, когда начали снимать.

— Пива. — Он сел за барную стойку «Андеруотера» и принялся за «ВГ».

Писали, что все билеты на концерт Брюса Спрингстина на стадионе «Валле Ховин» проданы. Замечательно. С одной стороны, Харри терпеть не мог концерты на стадионах. А с другой — помнил, как лет в пятнадцать Эйстейн нарисовал фальшивые билеты на концерт Спрингстина и они вдвоем пробрались с ними в «Драмменсхаллен». И все были на высоте. И Спрингстин, и Эйстейн с Харри.

Отложив эту газету в сторону, он открыл «Дагбладет» на странице с портретом сестры Лисбет. Сходство было потрясающее. Харри звонил ей в Тронхейм, но ничего от нее не узнал. Вернее,

ничего интересного. Не его вина, что разговор затянулся минут на двадцать. Она объяснила, что в ее имени ударение падает на «я» — Тойя́ — и назвали ее вовсе не в честь сестры Майкла Джексона, которую зовут Ла-То́йя с ударением на «о».

С исчезновения Лисбет прошло четыре дня, а дело, выражаясь без обиняков, не продвинулось ни на йоту.

То же касалось и убийства Камиллы Луен. Даже Беата загрустила. Все выходные проработала, помогая немногим оставшимся на лето следователям, — и ничего. Хорошая она девчонка, Беата. Жалко ее.

Так как Камилла была дамой светской, они попытались восстановить картину ее передвижений за неделю до убийства, но и это ни к чему не привело.

Харри собирался рассказать Беате, как Волер заходил в его кабинет и в более-менее открытой форме предложил продать ему душу. Но так и не рассказал. Беате и без того есть над чем голову поломать. Прийти с этим к Мёллеру — поднимется шум. Лучше уж просто обо всем забыть.

Харри уже допивал второй полулитровый бокал, когда увидел ее в полумраке, за одним из столиков у стены. Она с еле заметной улыбкой

смотрела прямо на него. На столе перед нею стояло пиво, в пальцах была сигарета.

Харри взял свой бокал и направился к ней:

— Можно?

Вибекке Кнутсен кивнула на свободный стул:

— А здесь какими судьбами?

— Живу неподалеку, — объяснил Харри.

— Это я уже поняла, но раньше ты здесь не появлялся.

— У меня возникли разногласия в моем постоянном ресторане касательно происшествия, случившегося на прошлой неделе.

— Не пускают? — с хрипотцой рассмеялась она.

Харри этот смех понравился. И она сама — тоже. Возможно, из-за макияжа и полумрака. Ну и что? Ему понравились глаза — живые, игривые. Детские и умные. Совсем как у Ракели. Но на этом сходство заканчивалось. У Ракели были узкие, чувственные губы. А широкий рот Вибекке казался еще больше от ярко-красной помады. Ракель одевалась элегантно и неброско, а стройностью немногим уступала балерине — ни единой складочки жира. Вибекке сегодня была в тигровом топике, столь же кричащем, как и леопардовый. Ракель ассоциировалась у Харри с приглушенны-

ми тонами: темные глаза и волосы, загар. Вибекке выделялась в полумраке рыжими волосами и белой кожей. Особенно — кожей ног.

— И что ты тут делаешь одна? — спросил он.

Она пожала плечами и сделала глоток из стакана:

— Андерс уехал, вернется только к вечеру. Я тут развлекаюсь.

— И далеко он уехал?

— В Европу или еще куда… Знаешь ведь, они никогда ничего не рассказывают.

— А чем он занимается?

— Продает утварь для церквей и молелен. Кафедры, запрестольные перегородки, кресты и прочее. Новые и бывшие в употреблении.

— Надо же. И у него есть дела в Европе?

— Когда какой-нибудь швейцарской церкви нужна новая кафедра, ее можно привезти из Олесунна, а старую отреставрировать и переправить в Стокгольм или Нарвик. Он постоянно в разъездах, проводит в них больше времени, чем дома. Особенно в последнее время. Собственно говоря, последний год. — Она затянулась сигаретой. — А сам он даже и не лютеранин.

— Нет?

Она покачала головой, выпуская густой дым из

красных, покрытых мелкими морщинками губ, и подтвердила:

— Его родители были пятидесятниками. Он вырос среди всего этого. Я была однажды на их «службе». Знаешь, стало жутковато, когда они начали бессвязно лопотать на несуществующем языке, называя это глоссолалией[11]. А ты бывал?

— Два раза, — ответил Харри. — В Филадельфийском приходе.

— Обрел спасение души?

— Увы, мне просто нужно было найти там свидетеля по одному делу.

— Ну-ну, не обрел Христа, так хотя бы свидетеля.

Харри пожал плечами:

— Увы, и того нет: он там больше не появлялся, да и по указанным адресам я не смог его найти. А уж спасения души я точно не обрел.

Харри допил пиво и подозвал бармена. Вибекке прикурила новую сигарету.

— Я весь день пыталась к тебе дозвониться на работу.

— Вот как? — Харри вспомнил пустой входя-

---

[11] Примечания: 11

Кульминацией обряда «крещения Духом Святым» у пятидесятников считается знамение дара (глоссолалия, произнесение непонятных, бессмысленных звуков в состоянии религиозного экстаза).

щий звонок на автоответчике.

— Да, но мне сообщили, что ты этим делом не занимаешься.

— Если ты о деле Камиллы Луен, то так оно и есть.

— Так что я поговорила с другим, который приходил на вызов. Симпатичный такой.

— Том Волер?

— Да. Рассказала ему кое-что про Камиллу. Тебе в прошлый раз не смогла.

— Почему?

— Потому что там был Андерс. — Она глубоко затянулась. — Он очень болезненно реагирует, если я говорю что-то порочащее Камиллу, просто в бешенство приходит. Хотя мы ее почти и не знали.

— А зачем тебе ее порочить, если ты ее не знала?

Вибекке пожала плечами:

— Я так не думаю, это Андерс так считает. У него твердая позиция, что за всю жизнь женщина может заниматься сексом только с одним мужчиной. — Она ткнула окурок в пепельницу и добавила: — А лучше вообще ни с кем.

— Значит, у Камиллы мужчин было больше, чем рекомендует Андерс?

— Она обращалась к ним по имени. Имена были разные.

— Откуда тебе это известно? Плохая звукоизоляция?

— Нет, звукоизоляция между этажами прекрасная. Зимой вообще ничего не слышно, но летом, когда окна открыты… Знаешь, в таких дворах…

— …все очень хорошо слышно. Знаю-знаю.

— Именно. Андерс часто со злостью захлопывал окно спальни. А когда я говорила, что ей там, наверное, хорошо, уходил и ложился в гостиной.

— Ты об этом хотела мне рассказать?

— Да. И еще. Мне тут позвонили. Я поначалу решила, что это Андерс, но, когда он звонит, на заднем плане обычно слышится шум. Он ведь звонит с улицы, когда выезжает в Европу. Удивительно, что шум всегда совершенно одинаковый — как будто он всякий раз звонит из одного и того же места. Ну, не важно. А тут звук был другой. В другой раз я просто положила бы трубку и не вспомнила об этом, но после того, что случилось с Камиллой… Да и Андерс уехал…

— Ну и?

— Да нет, ничего страшного. — Она устало улыбнулась, и ее улыбка Харри тоже понравилась. — Кто-то просто дышал в трубку, но я

испугалась. Потом решила позвонить тебе. Волер сказал, что этим займется, но номер, с которого звонили, разумеется, не удалось определить. А убийцы, они ведь всегда возвращаются на место преступления, да?

— Это в романах, — ответил Харри. — Я бы выбросил это из головы.

Он покрутил бокал. Лекарство начинало действовать.

— А ты и Андерс, случайно, не знакомы с Лисбет Барли?

Вибекке высоко подняла накрашенные брови:

— Это которая пропала? С какой стати?!

— Да, действительно, с какой стати?.. — пробормотал Харри, не понимая, почему этот вопрос пришел ему в голову.

Когда они вышли из «Андеруотера», было почти девять. Харри казалось, что он двигается по палубе корабля в шторм.

— Я живу близко, чуть ниже по улице, — сообщил он. — Не хочешь…

Вибекке чуть наклонила голову набок и улыбнулась.

— Харри, не делай того, о чем будешь жалеть.

— Жалеть?

— Последние полчаса ты только и рассказывал,

что о своей Ракели. Уже забыл?

— Я же сказал, что я ей не нужен.

— Ну и я тебе не нужна. А нужна тебе твоя Ракель. Или другая Ракель.

Она взяла его за плечо:

— Может, на какую-то секунду я и подумала, что все могло бы быть иначе. Так ведь не иначе же. Да и Андерс скоро придет домой.

Харри пожал плечами, покачнулся и сделал шаг в сторону.

— Давай хоть до дома тебя провожу, — пробормотал он.

— Харри! Тут пройти метров двести.

— Справлюсь.

Вибекке расхохоталась и взяла его под руку. Они медленно шли по Уллеволсвейен, мимо проезжали автомобили и пустые такси, а вечерний ветер целовал лица, как умеет целовать только в Осло и только в июле. Харри слушал ровное жужжание ее голоса и думал о том, что же сейчас делает Ракель.

Они остановились перед черной железной дверью.

— Спокойной ночи, Харри.

— А… ты поедешь на лифте?

— А что?

— Ничего. — Харри сунул руки в карманы и почувствовал, что теряет равновесие. — Осторожно. Спокойной ночи.

Вибекке с улыбкой подошла к нему и поцеловала в щеку. Харри жадно втянул ноздрями ее запах.

— Может быть, в следующей жизни, — шепнула она.

Дверь мягко и бесшумно закрылась за ней и тихо защелкнулась. Харри стоял и смотрел на витрину, пытаясь сосредоточиться. Что-то было не так. Нет, не выбор надгробных плит, а отражение. На краю тротуара через улицу стояла машина. Если б Харри хоть немного интересовался ими, то знал бы, что это эксклюзивная игрушка — спортивный японский автомобиль.

— Чтоб тебя… — тихо выругался Харри, выходя на дорогу.

Мимо, визгливо сигналя, проехало такси. Он подошел к машине и встал у двери водителя. Темное стекло опустилось.

— Что, черт возьми, ты здесь делаешь? — прошипел Харри. — Шпионишь за мной?

— Добрый вечер, Харри, — зевнул Том Волер. — Наблюдаю за квартирой Камиллы Луен. Смотрю, кто приходит-уходит. Не на пустом же месте воз-

никла идея, что преступник всегда возвращается на место преступления.

— Это бред, — сказал Харри.

— Как ты сам понимаешь, больше уцепиться-то не за что. Убийца оставил нам не много улик.

— Преступник, — поправил Харри.

— Или преступница.

Харри пожал плечами и сделал шажок в сторону, чтобы не упасть. Приоткрылась дверца со стороны пассажира.

— Залезай, Харри. Надо поговорить.

Харри посмотрел на открытую дверцу. Подумал. Сделал еще один шаг в сторону. Обошел машину и сел.

— Подумал? — Волер убавил звук в магнитоле.

— Да, подумал, — ответил Харри, ерзая: на тесном ковшеобразном сиденье было неудобно.

— И какой же правильный вывод ты сделал?

— Судя по всему, тебе нравятся красные японские спортивные автомобили. — Харри с размаху хлопнул по приборной панели. — Солидная вещь. Скажи… — Харри сосредоточился на дикции. — Ты в таком автомобиле разговаривал со Сверре Ульсеном в Грюнерлёкке в тот вечер, когда убили Эллен?

Волер несколько секунд молча смотрел на него,

прежде чем ответить:

— Харри, я не понимаю, о чем ты.

— Нет? Ты ведь знал, что Эллен догадалась: это ты стоишь за контрабандой оружия. И позаботился о том, чтобы Сверре Ульсен убил ее, прежде чем она кому-нибудь расскажет. А когда узнал, что я напал на след Сверре Ульсена, поспешил обыграть все так, будто он открыл стрельбу при задержании. Как и тот парень на портовом складе. Ты вообще мастер решать проблемы при задержании.

— Харри, ты пьян.

— Два года я искал факты против тебя, Волер. Ты знал об этом?

Волер молчал.

Харри рассмеялся и снова хлопнул по панели. Та как-то нехорошо затрещала.

— Знал, разумеется! Будущий начальник отдела знает все. Как ты дошел до жизни такой? Расскажи.

Волер выглянул на улицу. Из «Кебабного двора» вышел мужчина. Посмотрев по сторонам, он направился вниз по улице, к церкви Святой Троицы. Волер и Харри молчали. Мужчина свернул на дорогу между кладбищем и госпиталем Девы Марии.

— Хорошо, — тихо сказал Волер. — Если хочешь, я тебе исповедаюсь, но учти: тот, кто выслушивает исповеди, может оказаться перед неприятным выбором.

— Плевал я на неприятности.

— Сверре Ульсен получил заслуженную кару.

Харри медленно повернул голову в сторону Волера: тот сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку.

— Заметь, не потому, что я его боялся. Здесь ты промахнулся, — продолжал Том Волер бесстрастным голосом.

— Хм?

Волер вздохнул и открыл глаза:

— Ты хоть раз задумывался о том, что заставляет таких, как мы, делать то, что мы делаем?

— Только этим и занимаюсь.

— Какое у тебя первое воспоминание, Харри?

— Воспоминание о чем?

— Например, мое, — не обратил внимания на вопрос Волер, — это ночь и отец, который склонился над моей кроватью. — Он погладил руль. — Мне тогда было четыре или пять. От отца пахнет табаком и надежностью. Знаешь ведь. Самый отцовский запах. Обычно он приходил домой, когда я уже был в кровати. И я знал,

что на работу он уйдет рано утром, еще до того, как я встану. Знал, что, если я открою глаза, он улыбнется, потреплет меня по голове и уйдет. Я притворялся спящим, чтобы он побыл со мной чуть подольше. А иногда я действительно спал, и мне снился кошмар про женщину с головой свиньи, которая ходит по улицам и пьет кровь маленьких детей, я вскрикивал и просил его посидеть со мной. Вот тогда он сидел рядом, а я лежал с открытыми глазами и все смотрел и смотрел на него. У тебя с отцом было так же, Харри?

Харри пожал плечами:

— Мой отец был учителем и много времени проводил дома.

— А мой был рабочим. Как и у моих друзей, Гейра и Соло. Они жили от нас через двор. Мы выросли вместе в Старом городе. Серые восточные кварталы, но за нашим двором следил профсоюз — у нас все было чисто и опрятно. Мы считали себя не пролетариатом, а вроде как предпринимателями. У Соло отец даже купил киоск, и там работала вся семья. У нас все много работали. Но больше всех работал мой отец. С утра до вечера. Как машина, которую выключают только на воскресенье. Мои родители не были особо религиозными, хотя отец полгода изучал богословие в

вечерней школе, потому что дед хотел сделать из него священника. Когда дед умер, отец забросил учение, но мы каждое воскресенье посещали церковь в Волеренге, а потом отец ходил с нами до Экеберга и Эстмарки. А в пять мы наряжались к воскресному ужину дома. Скукота, скажешь ты? А я всю неделю ждал воскресенья. А потом наступал понедельник, и он снова уходил. Всегда на какую-нибудь стройку, где нужно было работать сверхурочно. Мы экономили. На белое, на серое и на черное, как говаривал отец. Больше-то не на что. Когда мне было тринадцать, мы переехали в западную часть города, в домик с яблоневым садом. Отец говорил, там лучше. В новой школе у всех в нашем классе, кроме меня, родители были юристами, экономистами, врачами. По соседству с нами жил судья. У него был сын — мой ровесник. Иоаким. Отец хотел, чтобы я стал таким, как он. Говорил, что, если я собираюсь стать одним из них, надо хорошо знать их жизнь: условности, язык, неписаные правила. Но мне не было дела до соседского мальчишки. Разве что до их собаки — немецкой овчарки, которая выла на крыльце ночи напролет. И после школы я ехал на трамвае в Старый город, к Гейру и Соло. Как-то мать с отцом пригласили всех соседей на барбекю, но

те дружно отказались под разными вежливыми предлогами. Помню, тем летом соседи часто собирались на барбекю друг у друга. Смеялись. А нас никто так и не пригласил.

— А смысл у этого повествования есть? — спросил Харри, стараясь чисто выговаривать слова.

— Тебе решать. Мне замолчать?

— Ну что ты! Сегодня по телику как раз ничего интересного.

— Как-то в воскресенье мы, по обыкновению, собирались в церковь. Я стоял на улице и ждал мать с отцом, а соседская овчарка за забором рычала на меня и лаяла. Не знаю почему, но я открыл калитку. Наверное, думал, что она злая потому, что она все время одна. Собака была не на цепи, она прыгнула на меня, повалила и укусила за щеку. У меня до сих пор шрам.

Волер показал, но Харри ничего не увидел.

— Судья крикнул на собаку, и она убежала. Потом он сказал, чтобы я убирался из его сада к чертям. Меня повезли в больницу. Мать рыдала, а отец почти не раскрывал рта. Мы вернулись домой, у меня был страшный шов — от подбородка до уха. Отец пошел к судье. Вернулся с почерневшим лицом и говорил еще меньше. Молча мы съели воскресное жаркое, а ночью я проснулся

неизвестно отчего. Было тихо. Потом я догадался. Овчарка. Она больше не выла. Потом я услышал, как кто-то вошел в дом, и почему-то понял, что мы больше никогда не услышим того воя. Тихо открылась дверь спальни, и я быстро закрыл глаза, но успел увидеть молоток. Запахло табаком и надежностью. Я притворился, что сплю.

Он протер руль, смахивая невидимую пылинку.

— Я сделал то, что сделал, потому что знал: Сверре Ульсен убил одну из наших. Я сделал это ради Эллен, Харри. Ради нас. Теперь ты знаешь: я убил человека. Донесешь на меня или как?

Харри молча смотрел на него.

Волер опять закрыл глаза:

— Харри, против Ульсена были только косвенные улики. Он мог остаться на свободе. Я не мог этого допустить. А ты мог бы, Харри? — Волер открыл глаза, повернул голову и встретился с ним взглядом. — Мог бы?

Харри сглотнул:

— Тебя видели в машине вместе со Сверре Ульсеном. У меня был свидетель. Это тебе известно?

Волер пожал плечами:

— Я несколько раз говорил с Ульсеном. Он был неонацистом и уголовником. Это по нашей части,

Харри.

— Но тот, кто вас видел, вдруг расхотел говорить. Ты ведь с ним побеседовал? Угрозами заставил замолчать?

Волер покачал головой:

— Харри, на такие вопросы я не отвечаю. Хоть ты и решил быть в нашей команде, есть строгое правило: знать надо только то, что помогает тебе в работе. Правило суровое, зато хорошо работает. И мы хорошо работаем.

— Ты говорил с Квинсвиком? — с трудом выдавил Харри.

— Квинсвик — это твоя очередная ветряная мельница. Забудь о нем, Харри. Подумай о себе. — Он наклонился ближе и понизил голос. — Что тебе терять? Да посмотри в зеркало…

Харри моргнул.

— Вот именно, — сказал за него Волер. — Алкоголик лет под сорок, без работы, без семьи, без денег.

— В последний раз спрашиваю… — Харри хотел это выкрикнуть, но не получилось. — Ты говорил с… с Квинсвиком?

Волер выпрямился на сиденье:

— Иди домой, Харри. И подумай, чем ты кому обязан. Коллегам? Которые прожевали тебя, по-

считали, что горький, и выплюнули? Начальству, которое, почуяв неладное, готово драпать во все лопатки? Или все-таки ты прежде всего обязан себе самому? Человеку, который многие годы старается сделать улицы Осло более или менее безопасными в государстве, которое больше заботится о преступниках, чем о полицейских. Харри, в своей области ты — один из лучших. У тебя, в отличие от прочих, есть талант. А зарабатываешь все одно паршиво. Я могу тебе предложить зарплату в пять раз больше, но и это не главное. Я могу предложить тебе уважение. Уважение! Подумай над этим.

Харри попытался сосредоточить взгляд на Волере, но лицо расплывалось. Он поискал ручку двери и не нашел. Чертовы япошки! Понаделают же машин! Волер перегнулся и открыл дверь.

— Я знаю, что ты искал Роя Квинсвика, — сказал Волер. — Развею твои сомнения: да, я разговаривал с Ульсеном в Грюнерлёкке тем вечером. Но это не значит, что я каким-то образом причастен к убийству Эллен. Я молчал, чтобы не усложнять и без того напряженную ситуацию. Поступай как знаешь, но поверь: свидетельство Роя Квинсвика ничего нового не даст.

— Где он? — спросил Харри.

— А если я скажу, что-то изменится? Ты мне поверишь?

— Возможно. Кто знает?

Волер вздохнул:

— Согнсвейен, тридцать два. Живет в подвале, в комнатке, где раньше жил его отчим.

Харри повернулся и помахал такси.

— Но как раз сегодня у него спевка, — продолжал Волер. — Там недалеко. В Староакерском приходском доме.

— Староакерском?

— Он перешел из Филадельфийского прихода в Вифлеемский.

Свободное такси притормозило, постояло с секунду, а потом снова рвануло в сторону центра. Волер криво улыбнулся:

— Перейти — не означает потерять веру, Харри.

Глава 12
Воскресенье. Вифлеем

В восемь вечера воскресенья усталый, но довольный Бьярне Мёллер, позевывая, запер ящик письменного стола и протянул руку к настольной лампе. Жуткий наплыв представителей прессы после убийства и исчезновения успел схлынуть, и в эти выходные он мог спокойно поработать. Кипа бумаг, возвышавшаяся на столе в начале поры отпусков, поубавилась вдвое. А теперь домой — выпить виски со льдом и посмотреть новый выпуск передачи «Такт за тактом». Он нащупал выключатель и, в последний раз окинув взглядом расчищенный стол, заметил толстый коричневый конверт, который, кажется, взял с полки корреспонденции еще в пятницу. Стало быть, так он и лежал — за бумагами.

Если вдуматься, конверт мог подождать до завтра. Мёллер пощупал его — внутри было что-то не совсем понятное. Он вскрыл конверт ножом и сунул пальцы внутрь. Письма не было. Перевернул конверт, но ничего не выпало. Тогда он потряс конвертом и услышал, как от пластиковой

внутренней стороны что-то отклеилось. Это что-то упало на стол, перепрыгнуло через телефон и шлепнулось на список дежурств.

Внезапно начались колики. Бьярне Мёллер некоторое время стоял, согнувшись пополам, и жадно хватал ртом воздух, прежде чем смог выпрямиться и набрать телефонный номер. И будь ему сейчас до того, он бы подметил, что именно на этот номер в списке дежурств и указывал выпавший из конверта предмет.

Марит влюбилась. Опять.

Она посмотрела на крыльцо приходского дома. В массивной белой двери было круглое окошко с железной Вифлеемской звездой, и свет, проходя через окно, падал на лицо нового мальчика. Он разговаривал с одной из хористок. Марит уже несколько дней подряд гадала, как бы привлечь к себе его внимание, но ничего не придумала. Просто подойти и заговорить? Плохое начало. Надо дождаться подходящего случая. На спевке на прошлой неделе он высоким и чистым голосом рассказывал о своем прошлом. О том, что посещал Филадельфийский приход. А до того — он был неонацистом! Одна девчонка рассказывала, что у него кое-где огромная нацистская татуировка. Разумеется, все согласились, что это ужасно, но

от этого интерес Марит только увеличился.

В глубине души она чувствовала, что это потому, что она влюбилась, интерес к новому и неизвестному скоро пройдет. Что нужен-то ей в жизни не он, а парень вроде Кристиана. Кристиан был регентом хора, его родители тоже принадлежали к этому приходу, и он сам иногда проповедовал на молодежных встречах. А такие, как Рой, слишком часто изменяют вере.

Сегодня спевка затянулась. Они разучили новую песню и вдобавок повторили почти весь репертуар. Когда приходили новички, Кристиан любил демонстрировать им свои таланты. Обычно они репетировали в залах на Гейтснорсвейен, но в сезон отпусков их закрывали, так что приходилось снимать приходской дом на Акерсбаккен. Хотя миновала полночь, они, как обычно, стояли после спевки на улице. Гул голосов напоминал жужжание насекомых и придавал ночному воздуху дополнительное напряжение. Может, дело было в жаре. Или в том, что супружеские и влюбленные пары разъехались по отпускам и теперь не хватало их улыбок и переглядываний. На вопросы подруг Марит отвечала невпопад и поглядывала в сторону Роя, думая о том, где же у него большая нацистская татуировка.

Одна из подруг толкнула ее локтем и кивнула на мужчину, который поднимался по Акерсбаккен.

— Глядите, пьяный, — сказала одна хористка.

— Бедняга, — сказала другая.

— Именно такие пропащие души и нужны Иисусу. — Это сказала София. Такое говорила только она.

Остальные кивнули. И Марит тоже. И тут до нее дошло. Вот он, случай. Она без колебаний покинула подруг и пошла наперерез мужчине.

Он остановился и посмотрел на нее сверху вниз: оказался выше, чем она думала.

— Ты знаешь Иисуса? — высоким чистым голосом, с улыбкой спросила Марит.

У мужчины было ярко-красное лицо и блуждающий взгляд.

Разговор позади стих. Краем глаза Марит заметила, что Рой и девочки на лестнице смотрят в ее сторону.

— Увы… — прогнусавил незнакомец. — Да и ты тоже не знаешь, дочка. Но может, ты знаешь Роя Квинсвика?

Марит почувствовала, что краснеет, и так и не смогла выдать следующее предложение: «А знаешь ли ты, что Он ищет встречи с тобой?»

— Ну? — спросил мужчина. — Он здесь?

Она посмотрела на его бритую голову, тяжелые ботинки и вдруг испугалась. Неонацист? Кто-то из старых дружков Роя? Пришел отомстить за предательство? Или звать обратно?

— Я… — начала Марит, но человек прошел мимо.

Она обернулась и успела увидеть, как Рой торопливо скрылся в приходском доме и захлопнул дверь.

Пьяный быстро зашагал по гравию, но вдруг покачнулся и перед лестницей бухнулся на колени.

— Господи… — прошептала одна из девочек.

Человек поднялся.

Марит увидела, как Кристиан поспешно отошел с дороги, когда тот рванул по лестнице. На верхней ступеньке он несколько секунд балансировал, готовый опрокинуться на спину, но в конце концов переместил центр тяжести вперед и взялся за дверную ручку.

Марит ахнула.

Он потянул дверь на себя. Вот удача! Рой запер ее.

— Черт! — хриплым пьяным голосом взревел мужчина и с размаху ударил лбом по круглому окошку. На ступеньки со звоном брызнуло

стекло.

— Стойте! — крикнул Кристиан. — Вы не имеете…

Человек обернулся на крик. Во лбу у него торчал треугольный осколок. Ручеек крови раздваивался у переносицы.

Больше Кристиан ничего не говорил.

Пьяный открыл рот и начал выть. Звук был холодный, как лист стали зимой. Снова повернувшись к двери, он набросился на нее с кулаками — Марит никогда прежде не видела такой ярости. Выл как волк и молотил по двери. Плоть против дерева. Потом он начал бить по железной звезде в окне. Марит казалось, что она слышит, как рвется кожа. Разлетающиеся брызги крови окропили белую дверь красным.

— Сделайте же что-нибудь! — крикнул кто-то.

Она увидела, как Кристиан достал мобильник.

Выломав звезду, мужчина внезапно опустился на колени.

Марит подошла ближе. Остальные старались держаться поодаль, а ей вдруг захотелось подойти ближе. Сердце в груди бешено колотилось. У ступенек она почувствовала на плече руку Кристиана и остановилась. Было слышно, как незнакомец жадно хватает ртом воздух, будто вы-

брошенная на берег рыба. Казалось, он плачет.

Когда пятнадцать минут спустя за пьяным явилась полиция, он, скорчившись, лежал на верхней ступеньке. Его подняли на ноги и без всякого сопротивления препроводили в машину. Одна из женщин-полицейских спросила собравшихся, хотят ли они о чем-либо заявить. Но те покачали головами — они и не вспомнили о разбитом окне.

Машина уехала. Осталась лишь теплая летняя ночь. «Как будто и не было ничего», — подумала Марит. Она даже не обратила внимания на то, как вышел бледный Рой и тут же куда-то пропал, не почувствовала, что ее обнял Кристиан. Она смотрела на искореженную оконную звезду. Теперь звезда висела вверх ногами, так что два луча указывали вверх, два — в стороны, а один — вниз. Марит видела этот знак в одной книжке, и она поплотнее запахнулась в куртку, хотя на улице было жарко.

Было за полночь, и в стеклах Полицейского управления отражалась луна. Бьярне Мёллер прошел через пустую автостоянку и дальше — в изолятор временного содержания. Внутри он увидел три пустых стола, за которыми должны

были сидеть дежурные, а осмотревшись, нашел и самих дежурных — в соседней комнате перед телевизором. И фильм он узнал сразу: «Жажда смерти» — старое кино с Чарльзом Бронсоном. Старший дежурный тоже был ему знаком. Грот по прозвищу Плакса — из-за красного шрама, который бежал от левого глаза вниз по щеке. Насколько Мёллер помнил, Грот всегда служил в изоляторе, и каждому было известно, что он здесь всем и заправлял.

— Алё! — крикнул Мёллер.

Не отрываясь от экрана, Грот поднял указательный палец, ткнул в младшего сотрудника, и тот нехотя повернулся в кресле.

Мёллер помахал пропуском. Впрочем, этого и не требовалось: его узнали.

— Где сидит Холе? — крикнул он.

— Тот дурила? — прохрипел Грот, глядя, как Чарльз Бронсон в жажде мести поднимает пистолет.

— Думаю, в камере номер пять, — сказал молодой сотрудник. — Вас проводят надзиратели. Если найдете кого-нибудь.

— Спасибо. — Мёллер направился к камерам.

В изоляторе было около сотни камер, но бóльшая часть пустовала. Сейчас определенно

был период спада. Не заходя к надзирателям, Мёллер зашагал по галерее мимо железных дверей. Шаги рассыпались эхом. Нет, изолятора он не переносил. Невыносим был, во-первых, сам абсурд, что здесь запирают людей. Во-вторых, атмосфера грязи и разрушенных жизней. А в-третьих, то, что тут творится. Мёллер, к примеру, помнил, как один человек, отбывавший предварительное заключение, пожаловался, что Грот направил на него струю из пожарного шланга. Сотрудники ОСО жалобу отклонили: размотав шланг, они увидели, что того не хватает и на половину расстояния до камеры, где предполагалось происшествие. Во всем Полицейском управлении, пожалуй, только в ОСО не знали, что Грот, опасаясь шумихи, попросту отрезал кусок шланга.

Как и в остальных камерах, в пятой вместо привычного замка было нехитрое устройство, позволяющее открывать дверь только снаружи.

Посреди камеры, обхватив голову руками, сидел Харри. Первое, что бросилось Мёллеру в глаза, был насквозь пропитанный кровью бинт на правой руке. Харри медленно поднял голову и посмотрел на начальника. На лбу красовался пластырь, глаза были воспаленными. Как будто он плакал. Пахло рвотой.

— А почему ты не на койке? — спросил Мёллер.

— Не хочу спать, — не своим голосом прошептал Харри. — Не хочу снов.

Мёллер поморщился, пытаясь скрыть потрясение при виде израненного Холе. Ему и раньше приходилось видеть Харри не в лучшие дни. Но сейчас было что-то особенное.

Он кашлянул:

— Пойдем.

Когда они шли на выход, Плакса-Грот и его молодой коллега не удостоили их ни единым взглядом, но Мёллер заметил, что Грот выразительно покачал головой.

На стоянке Харри вырвало. Он стоял согнувшись и изрыгал желчь вперемешку с бранью. Мёллер прикурил сигарету и протянул ему:

— Тебя не записали. Все неофициально.

Харри засмеялся, закашлялся, потом произнес:

— Спасибо, шеф. Приятно сознавать, что, когда меня уволят, мой послужной список будет чуточку чище.

— Не в этом дело. А в том, что иначе пришлось бы моментально отстранить тебя от должности.

— Ну и что?

— В ближайшие дни мне будет нужен такой

следователь, как ты. То есть такой, как ты, когда трезвый. Вопрос в том, можешь ли ты не пить.

Харри выпрямился и с силой выдохнул дым.

— Вы знаете, что я могу. Вот захочу ли? — спросил он скорее себя, чем начальника.

— Не знаю, Харри. Захочешь?

— Для этого нужна веская причина, шеф.

— Да. Полагаю, что нужна.

Мёллер в задумчивости посмотрел на своего инспектора. Представил картину со стороны: летняя ночь, они стоят одни на автостоянке посреди Осло в бледном свете луны и фонаря, полного дохлых насекомых. Вспомнилось все, через что они прошли вместе. Все проблемы, которые они решили. И не решили. Но все равно. Неужели после многих лет работы бок о бок их пути вот так банально разойдутся?

— Насколько я тебя знаю, — произнес наконец Мёллер, — на ноги тебя может поставить только одно — работа.

Харри не ответил.

— И работа для тебя есть. Если захочешь.

— Что за работа?

— Вот это я получил сегодня в конверте и сразу бросился искать тебя.

Мёллер разжал кулак, луна и фонарь осветили

ладонь и пластиковый пакет из службы криминалистической экспертизы. Начальник ждал, что скажет Харри.

— Хм… — отреагировал тот. — А где остальное тело?

В пакете лежал длинный тонкий палец с красным лаком на ногте. На пальце было кольцо с драгоценным камнем в виде пятиконечной звезды.

— Больше ничего нет, — ответил Мёллер. — Только средний палец левой руки.

— Эксперты определили чей?

Бьярне Мёллер кивнул.

— Так быстро?

Мёллер еще раз кивнул и схватился рукой за живот.

— Хм… Стало быть, Лисбет Барли, — сказал Харри.

Часть III

Глава 13
Понедельник. Прикосновение

«Ты на телеэкранах, любовь моя. Целая стена тебя. Двенадцать изображений, которые двигаются одинаково, отличаясь лишь малейшими оттенками и яркостью. Ты идешь по парижскому подиуму, останавливаешься, поводишь бедрами, смотришь на меня заученным холодным, невидящим взглядом, а потом поворачиваешься спиной. Эффектно. Отворачиваться — всегда эффектно, и ты это знаешь, любовь моя.

Сюжет окончен, и вот ты смотришь на меня двенадцатью строгими взглядами, и по твоим губам я читаю двенадцать одинаковых новостей. Ты сообщаешь их беззвучно, и я люблю тебя за эту беззвучность.

Потом — наводнение где-то в Европе. Смотри, любовь моя, это мы бредем в воде по улицам.

И я рисую пальцем твою звезду на выключенном телевизоре, на мертвом и пыльном экране. Но между ним и кончиком моего пальца проскальзывает напряжение. Электричество. Крупица жизни. Она рождается от моего прикос-

новения.

Вершина звезды касается тротуара перед красным кирпичным домом на другой стороне перекрестка. Отсюда, из магазина, я хорошо вижу его в промежутках между телевизорами. Один из самых оживленных городских перекрестков, любовь моя, и обычно здесь огромные пробки, но сегодня машины стоят лишь на двух из пяти лучей, расходящихся от черной асфальтированной сердцевины. Пять лучей, любовь моя! Сегодня ты весь день лежишь в постели и ждешь меня. У меня осталось только одно дело, и я приду. Если хочешь, я могу положить в тайник письмо и прошептать тебе заученные наизусть слова: „Любовь моя, я постоянно думаю о тебе. До сих пор ощущаю поцелуи твоих губ, прикосновение твоего тела…“

Открываю дверь и выхожу из магазина. Мир заливает солнце. Солнце. Заливает. Жди меня».

День для Мёллера начался скверно.

Ночью он вызволял Харри из изолятора, а с утра проснулся от болей. Живот раздуло, как воздушный шар.

Но самое плохое было впереди.

Впрочем, в девять он в этом засомневался, когда трезвый Харри явился на утреннее совещание.

За столом к тому времени уже сидели Том Волер, Беата Лённ, четверо оперативников и двое сотрудников убойного отдела, которых вчера вечером вызвали из отпуска.

— Всем доброе утро, — начал Мёллер. — Надеюсь, все уже в курсе, над чем мы сейчас работаем. Два дела, предположительно два убийства, совершенные, по всем признакам, одним преступником. Короче, все слишком уж похоже на кошмар. — Он зарядил в проектор первый слайд. — Слева мы видим левую руку Камиллы Луен с отрезанным указательным пальцем. Справа — средний палец Лисбет Барли, присланный мне в конверте. Трупа ее у нас, конечно, нет, но Беата сравнила отпечатки пальцев, снятые в квартире Барли. Беата, молодец! Отличная интуиция, отличная работа.

Покрасневшая Беата, стараясь казаться равнодушной, сидела и тихо постукивала карандашом по блокноту.

Мёллер сменил изображение и продолжил:

— Под веком Камиллы Луен был найден вот этот драгоценный камень, красноватый бриллиант пятиугольной формы. А справа — перстень с пальца Лисбет Барли. Как видите, красный оттенок чуть светлее, но форма идентичная.

— Мы пытались определить происхождение первого бриллианта, — сказал Волер. — Безуспешно. Направили изображения в Антверпен, в две крупнейшие мастерские по огранке, но оттуда пришел ответ, что это не их работа и если она была сделана в Европе, то, возможно, в России или на юге Германии.

— Мы связались с «Де Бирс» — крупнейшим в мире покупателем алмазов, — добавила Беата. — Их специалист говорит, что при помощи спектрометрического анализа можно точно определить, откуда этот бриллиант. Для оказания помощи следствию этот специалист сегодня вечером прилетит из Лондона.

Руку поднял Магнус Скарре — молодой следователь, в отделе относительно новенький.

— Возвращаясь к сказанному. Мёллер, я не понимаю, почему вы считаете это кошмаром. Ведь это же двойное убийство, а значит, искать придется не двух преступников, а одного. По-моему, напротив, следовало бы…

Он услышал тихое покашливание и заметил, что внимание собравшихся обратилось на Харри Холе, до сих пор тихо сидевшего в кресле в глубине комнаты.

— Как, говоришь, тебя зовут? — спросил Харри.

— Магнус.

— Фамилия?

— Скарре. — В голосе следователя слышалось раздражение. — Можно было и запомнить…

— Нет, Скарре, я не запомнил. А вот ты постарайся запомнить, что я сейчас тебе скажу. Когда следователю приходится работать с преднамеренным, а значит, хорошо спланированным убийством, он знает, что у преступника масса преимуществ. Он может подчистить следы, обзавестись неплохим алиби на момент убийства, избавиться от орудия преступления и так далее. Но одного преступник от следователя скрыть не может. Чего?

Магнус Скарре дважды моргнул.

— Мотива, — сам ответил Харри на вопрос. — Прописная ведь истина? Мотив. Именно с него мы начинаем оперативное расследование. Настолько фундаментальное понятие, что про него порой забывают. Пока однажды не появится воплощение самого страшного кошмара следователя — преступник без мотива. Вернее, с таким мотивом, который не укладывается в человеческой голове.

— Холе, вы рисуете черта на стене. — Скарре посмотрел на остальных. — Мы ведь еще не зна-

ем, что за мотив у этих преступлений.

Теперь кашлянул Том Волер.

Мёллер заметил, что Харри стиснул зубы.

— Он прав, — сказал Волер.

— Разумеется, я прав, — откликнулся Скарре. — Это ведь очевидно…

— Замолчи, Скарре, — оборвал его Волер. — Прав инспектор Холе. Над этими делами мы работаем уже десять и пять дней соответственно. И до сих пор мы не обнаружили между жертвами никакой связи. До сих пор. А когда единственная связь между жертвами — это то, как их лишают жизни, а также ритуалы и какие-то закодированные послания, в голову приходит слово, которое я бы рекомендовал вслух не произносить, но и не забывать. А еще я рекомендовал бы Скарре и остальным недавним выпускникам полицейской академии закрывать рты и открывать уши, когда говорит Холе.

В комнате стало тихо.

Мёллер увидел, что Харри пристально смотрит на Волера.

— Подытожим, — сказал Мёллер. — Теперь вам будет еще сложнее: продолжаем усиленно работать над двумя отдельными убийствами и рисуем на стене большого, толстого и страшного

черта. Никто, кроме меня, с журналистами не говорит. Следующая планерка — в пять. Вперед!

В лучах прожектора стоял мужчина в элегантном твидовом костюме. Поигрывая изогнутой трубкой и покачиваясь с пятки на носок, он надменным взглядом мерил оборванку перед собой.

— Сколько вы думаете платить мне за уроки? — обратился он к ней.

Оборванка тряхнула головой и, уперев руки в боки, ответила:

— Да уж я знаю, сколько полагается. Одна моя подружка учится по-французски у самого настоящего француза, так он с нее берет восемнадцать пенсов в час. Но с вашей стороны бессовестно было бы столько запрашивать, — ведь то француз, а вы меня будете учить моему родному языку; так что больше шиллинга я платить не собираюсь. Не хотите — не надо[12].

Вилли Барли сидел в полумраке двенадцатого ряда и не сдерживал слез. Они стекали по шее и, миновав расстегнутый ворот рубашки из тайского шелка, текли дальше — по груди и животу. Не переставая. Он сидел, зажав рот ладонью, чтобы

---

[12] Примечания: 12

Здесь и далее в этом отрывке приводятся реплики из комедии Бернарда Шоу «Пигмалион» (перевод Е. Калашниковой).

всхлипывания не отвлекали актеров и режиссера в пятом ряду.

Когда кто-то коснулся его плеча, он вздрогнул и обернулся. Над ним нависла огромная мужская фигура. В беспомощном ожидании Барли не мог пошевелиться.

— Да? — прошептал он, давясь слезами.

— Это я, — прошептала в ответ фигура. — Харри Холе. Из полиции.

Вилли Барли отнял руку ото рта и посмотрел на фигуру пристальнее.

— А, ну да, конечно, — сказал он с облегчением в голосе. — Извините, Холе, тут так темно, и я решил…

Полицейский сел рядом с ним:

— Решили что?

— Вы же в черном. — Вилли утер нос платком. — Мне подумалось, что вы священник. Священник, который принес… плохие новости. Глупо, да?

Полицейский не ответил.

— Ах, Холе, я жутко себя чувствую. У нас первая костюмированная репетиция. Посмотрите на нее, — сказал Барли.

— На кого?

— На Элизу Дулитл. На сцене. Когда я ее увидел,

то на секунду вдруг решил, что это Лисбет, что мне только приснилось, будто она пропала. — Вилли нервно перевел дыхание. — Но тут она заговорила, и моя Лисбет исчезла.

Он увидел, что полицейский в удивлении смотрит на сцену.

— Потрясающее сходство, да? Поэтому я ее и пригласил. Этот мюзикл задумывался для Лисбет.

— А это… — начал Харри.

— Да, ее сестра.

— То́йя? То есть я хотел сказать — Тойя́?

— До сих пор мы никому не рассказывали, а сегодня вечером пресс-конференция.

— Ну, это привлечет внимание общественности.

Тойя развернулась и, споткнувшись, громко выругалась. Партнер развел руками и посмотрел на постановщика.

Вилли вздохнул:

— Общественность — это еще не все. Видите, тут еще работать и работать. Задатки у нее, конечно, есть, но выступать на сцене Национального театра — это вам не ковбойские песни петь в местном клубе в каком-нибудь Сельбу. Два года я учил Лисбет, как вести себя на театральной сцене, а

тут у нас на все — две недели.

— Если я мешаю, Барли, изложу дело кратко.

— Дело? — В полумраке Вилли попытался прочитать хоть что-нибудь на лице собеседника. Ему опять стало страшно, поэтому, когда Харри открыл рот, он заторопился его уверить: — Вы мне вовсе не мешаете, Холе. Я просто продюсер. Знаете, тот, кто задает импульс. А работают сейчас другие…

Он махнул рукой в сторону сцены, где мужчина в твидовом костюме как раз говорил:

— Я возьму эту чумазую замухрышку и сделаю из нее герцогиню!

— Режиссер, декоратор, актеры, — пояснил Барли. — А я с завтрашнего утра — всего лишь зритель этой… — Он замолчал, подбирая нужное слово, и закончил: — Комедии.

— Да уж. У всех свои таланты.

Вилли невесело засмеялся, но режиссер тут же посмотрел в их сторону, и он замолчал.

— Вы правы. Двадцать лет я был танцором. Надо сказать, очень скверным. Но в балетной труппе всегда не хватает мужчин, так что лучше меня танцевали немногие. В сорок лет нас гонят на пенсию, и мне пришлось искать другую работу. Тогда я понял, что настоящий мой талант — не

танцевать, а находить танцоров. Организовывать спектакли — вот и все, на что я годен, Холе. Но знаете что? Малейший успех кружит нам голову. И только потому, что пару раз вышло по-нашему, мы уже считаем, что мы боги или уж точно кузнецы своего счастья. А потом вдруг — такое. И мы понимаем, насколько на самом деле беспомощны. Я… — Вилли осекся. — Вам скучно слушать?

Собеседник покачал головой и все же произнес то, из-за чего пришел:

— Дело касается вашей супруги.

Вилли зажмурился, будто в ожидании боли.

— Мы получили письмо. С отрезанным пальцем. Боюсь, он принадлежит ей.

Вилли сглотнул. Он никогда не считал себя мстительным человеком, но теперь почувствовал, что камень на сердце начал тяжелеть и обретать цвет. Желтый. Как ненависть.

— Знаете, Холе, стало даже легче. Я ведь все время этого боялся. Что он сделает ей больно. Можешь обещать мне одну вещь, Харри? Ничего, что я на «ты»?

Полицейский кивнул.

— Найди его. Найди его, Харри. И накажи. Накажи… сурово. Обещаешь?

В темноте Вилли показалось, что его собесед-

ник кивнул. Но уверен он не был: разглядеть мешали слезы.

— Я полицию позову, вот сейчас позову! — крикнула Тойя.

Харри сидел в кабинете и смотрел на стол. Он так устал, что казалось, нет сил даже дышать.

Вчерашние эскапады, закончившиеся изолятором и очередным кошмаром, — все это не даром далось, а встреча с Вилли Барли его добила. Обещание поймать преступника и эти слова Барли о том, что его жене сделали «больно». Харри не сомневался: Лисбет Барли мертва.

С самого утра его тянуло выпить. Сначала это был естественный позыв организма, потом — панический страх из-за того, что он сам перекрыл себе доступ к целебному снадобью, не захватив с собою ни фляги, ни денег. А теперь желание выпить перешло в ту фазу, когда и физическая боль, и страх разрывали организм на кусочки. Злобный враг ломал изнутри его кости, откуда-то из-под сердца лаяли псы. Господи, как же он их ненавидел! Так же сильно, как они ненавидели его.

Рывком встав, он подошел к сейфу. В понедельник он поставил туда полбутылки виски «Беллз». Интересно, он только сейчас об этом вспомнил или думал об этом все время? Холе уже привык,

что Харри обманывает Харри. По-разному. Он уже собирался открыть сейф, но вдруг остановился, уловив странное движение: у Эллен на фотографии дрогнули губы. Он сошел с ума или она действительно улыбнулась?

— Что уставилась, стерва? — пробормотал он, и через мгновение портрет слетел со стены и упал на пол. Стекло разбилось. Эллен по-прежнему улыбалась. Харри потрогал забинтованную правую руку, она опять заныла.

Он снова потянулся к сейфу и тут увидел на пороге двоих человек. И сообразил, что они стоят здесь уже некоторое время, а их отражение могло показаться движением на фотографии.

— Привет, — сказал один из вошедших, глядя на Харри с удивлением и испугом.

Харри сглотнул и отпустил ручку сейфа.

— Привет, Олег.

Мальчик был в кедах, синих шортах и желтой футболке сборной Бразилии. Харри знал, что на спине красуется девятка и фамилия — Роналдо. Эту футболку он купил ему на заправочной станции одним зимним воскресеньем, когда они с Олегом и Ракелью выезжали в Нурефьелль покататься на лыжах.

— Встретил его внизу, — сказал Том Волер и

положил ладонь Олегу на голову. — Стоял на входе, спрашивал тебя, и я решил привести его сюда. Так ты, Олег, играешь в футбол?

Мальчик не отвечал, уставившись на Харри темными глазами. Они у него были такие же, как у матери: порой бесконечно кроткие, а иногда безнадежно суровые. Сейчас Харри не мог с уверенностью определить, какие именно. Темные — и все.

— Нападающий? — Волер с улыбкой потрепал Олегу волосы.

Харри посмотрел на сильные длинные пальцы, на липнущие к ним темные волосы Олега, и у него стали подкашиваться ноги.

— Нет. — Мальчик по-прежнему смотрел на Харри. — Защитник.

— Послушай, Олег. — Волер вопросительно посмотрел на коллегу. — Харри тут боксирует с тенью. Я тоже иногда так делаю, когда что-нибудь раздражает. Может, прогуляемся на верхний этаж? Я покажу тебе вид с площадки, а Харри пока тут приберется.

— Я останусь здесь, — ровным голосом сказал Олег.

Харри кивнул.

— Ладно, Олег. Приятно было тебя увидеть. —

Волер похлопал мальчика по плечу и ушел.

Олег остался на пороге.

— Как ты сюда добрался? — спросил Харри.

— На метро.

— Один?

Олег кивнул.

— Ракель знает?

Олег покачал головой.

— Так и будешь там стоять? — еле выдавил Харри, чувствуя, как сильно саднит в пересохшем горле.

— Я хочу, чтобы ты вернулся к нам домой.

Харри позвонил, и через некоторое время в кабинет ворвалась Ракель. Глаза у нее были совсем черные, а голос — пронзительный.

— Где ты был? — вскрикнула она.

На мгновение Харри решил, будто вопрос адресован не только сыну, но ее взгляд скользнул мимо него и остановился на Олеге.

— Мне не с кем было поиграть, — опустил голову мальчик, — и я приехал сюда на метро.

— На метро? Один? Но как…

— На меня никто не обратил внимания, — ответил Олег. — Я думал, тебе будет приятно, мам. Ты ведь тоже говорила, что хочешь, чтобы…

Она рывком притянула его к себе.

— Знаешь, как я за тебя перепугалась, мой маленький? — сказала Ракель, обнимая сына, но глядя при этом на Харри.

Ракель и Харри стояли у садовой ограды и молча смотрели вниз — на город и фьорд. Парусники казались отсюда крохотными белыми треугольниками на синем квадрате моря. Харри обернулся на огромный бревенчатый дом, потемневший от времени, построенный для суровых зим, а не для летнего отдыха. Между яблонями перед открытыми окнами порхали бабочки.

Харри посмотрел на Ракель. Она была босиком, в голубом платье и красной кофточке. Чуть ниже цепочки с крестиком, доставшимся ей от матери, кожа поблескивала капельками пота. Харри подумал, что знает про нее все. Запах кофточки, изгиб спины под платьем, соленый вкус ее потной кожи. Чего она хочет и почему молчит.

От всех этих знаний не было никакого толку.

— Как жизнь? — спросил он.

— Отлично, — ответила она. — Сняла дачный домик. Получилось только на август: поздно спохватилась. — Голос звучал ровно, в нем не чувствовалось ни жалобы, ни обвинения. — Повредил руку?

— А, царапина, — отмахнулся Харри.

Ей на лицо упала прядь волос, и он с трудом удержался, чтобы не убрать ее.

— Вчера сюда приходил оценщик, осматривал дом, — сказала она.

— Оценщик? Ты ведь не собираешься его продавать?

— Харри, для нас двоих дом слишком большой.

— Да, но он же тебе нравится. Ты тут выросла. И Олег тоже.

— Не надо мне об этом напоминать. Дело в том, что ремонт обошелся вдвое дороже, чем я предполагала, а теперь пора менять крышу. Этот дом — старый.

Харри посмотрел на Олега: тот стоял напротив гаражной стены и молотил по футбольному мячу. Удар — мяч полетел в сторону, а он, закрыв глаза, протянул руки к воображаемым трибунам.

— Ракель?

Она вздохнула:

— Что, Харри?

— Ты не можешь на меня смотреть, когда я с тобой говорю?

— Нет. — Голос ее не был ни злым, ни взволнованным. Ровным.

— А если я брошу? Что-нибудь изменится?

— Не сможешь, Харри.

— Я про полицию.

— Я поняла.

Харри ковырнул носком ботинка землю:

— Я бы мог найти работу поспокойней, чаще бывал бы дома. Занялся бы с Олегом. Мы бы…

— Перестань, Харри! — Это прозвучало резко. Она попыталась сдуть прядь с лица, наклонила голову и скрестила руки на груди, как будто в этот жаркий день ей стало зябко. — Я говорю «нет», — сказала она чуть слышно. — Ничего не изменится. Проблема не в твоей работе, а… в тебе, Харри. — Она перевела дыхание, повернулась и посмотрела ему в глаза. — Проблема — в тебе.

Харри увидел, что она готова заплакать.

— Уходи, — прошептала она.

Он собирался что-то сказать, но передумал. Вместо этого кивнул парусам во фьорде.

— Ты права, — согласился он. — Проблема во мне. Скажу два слова Олегу да пойду. — Через пару шагов он обернулся. — Не продавай дом, Ракель. Не продавай, слышишь? Я что-нибудь придумаю.

Она улыбнулась сквозь слезы и прошептала:

— Ты удивительный ребенок. — Она протянула руку, словно хотела погладить его по щеке, но он стоял слишком далеко, и рука упала. — Береги

себя, Харри.

По дороге его прошиб холодный пот. Без четверти пять. Надо поторопиться, чтобы не опоздать на совещание.

«Я в здании. Пахнет подвалом. Я стою не двигаясь и изучаю таблички. Слышу голоса на лестнице, но не боюсь. Я невидимка, но им этого не видно. Понимаешь? Это не парадокс, любовь моя, просто я так мыслю. Все можно представить в виде парадокса — это несложно. Это только слова, двусмысленности языка. Но хватит слов, и языка хватит. Я смотрю на часы. Вот мой язык. Ясный и без парадоксов. Я готов».

Глава 14
Понедельник. Барбара

Барбара Свендсен в последнее время стала задумываться о времени. Не то чтобы у нее была склонность к философии — большинство знакомых сказали бы, что как раз наоборот. Просто прежде ей и в голову не приходило, что всему свое время и время это уходит. Несколько лет назад она поняла, что карьеры в модельном бизнесе ей не сделать, и удовлетворилась званием экс-манекенщицы. Звучало неплохо, хотя с голландского слово «манекен» переводится как «маленький человек». Про это ей рассказал Петтер. Как и про все остальное, что он считал для нее необходимым. Это он устроил ее на работу в бар «Хед-Он» и достал таблетки, приняв которые она могла без опасений доехать с работы в университетский район Блиндерн, где вроде как училась на социолога. Но время Петтера, таблеток и университетских фантазий прошло, и одним прекрасным днем она оказалась без Петтера, без таблеток и без зачета, с одними задолженностями: и в университете, и в аптеке. Ну и с работой

в самом скучном баре Осло. Выпустив из рук все, что имела, Барбара заняла денег у родителей и отправилась в Лиссабон — отдохнуть, осмотреться, может быть, подучить португальский.

Вначале Лиссабон казался ей очаровательным. Стремительно пролетали дни, но ее это нисколько не тревожило. Ведь время тогда не уходило, а, наоборот, приходило. Деньги закончились, а вместе с ними — все забавы и вечная верность Марко. Зато домой она вернулась куда опытнее. Например, узнала, что в Португалии экстези дешевле, чем в Норвегии, хотя вреда от него не меньше, что португальский язык невероятно сложный, а время — невозобновляемый ресурс.

Потом она в хронологической последовательности встречалась с Рольфом, Роном и Рональдом. Звучало забавно, на деле же было так себе. Хотя Рональд был очень даже ничего. Но время ушло и прихватило с собой Рональда.

Она вернулась домой, в свою старую комнату, и только тогда мир понемногу успокоился, а вместе с ним — время. Она перестала ходить в бары, завязала с таблетками и начала тешить себя мечтой о повторном поступлении в университет. Некоторое время работала на кадровое агентство «Мэнпауэр». После четырехнедельного

испытательного срока ее взяли на постоянную работу дежурным администратором в конторе «Халле, Тюне и Веттерлид», которая располагалась на площади Карла Бернера, а если говорить о престиже, то в нижних строчках рейтингов городских адвокатских контор, специализирующихся на взыскании долгов.

С тех пор прошло четыре года.

На эту работу она согласилась в первую очередь потому, что в «Халле, Тюне и Веттерлид» время — как выяснилось — текло медленнее, чем везде. Стоило только войти в красное офисное здание и нажать в лифте на кнопку пятого этажа, как время замедлялось. Проходила если не целая вечность, то уж точно половина ее, прежде чем двери лифта открывались, выпуская тебя в безбрежный океан еще более медлительного времени. Дежуря за стойкой, Барбара часто поглядывала на часы над дверью, наблюдая, как нехотя ползут секунды, минуты и часы. Иногда, если захотеть и сосредоточиться, она могла вовсе остановить время. Удивительно, что для остальных сотрудников оно, казалось, текло быстрее. Как будто они с Барбарой пребывали в параллельных, но разных временны́х измерениях. Стоило звякнуть телефону у нее на стойке, и люди вылетали в

коридор, словно в немом кино, но все это вроде бы ее не касалось. Она, точно робот, механически подстраивалась под их скорость, а сознание продолжало существовать в своем, замедленном темпе.

Взять хотя бы последнюю неделю. Обанкротился крупный конкурент, и все забегали, зазвонили как сумасшедшие. Веттерлид сказал ей, что наступает время хищников, готовых как можно больше отхватить от освободившейся доли рынка, — драгоценная возможность для их компании пробраться в элитный дивизион. Сегодня он попросил ее подольше задержаться на работе: переговоры с бывшими клиентами прогоревшей компании затягиваются до шести вечера, а им ведь нужно показать, что в «Халле, Тюне и Веттерлид» все в образцовом порядке, верно? Беседуя с Барбарой, Веттерлид, как обычно, смотрел на ее грудь, а Барбара, как обычно, улыбалась и автоматически сводила лопатки вместе — как учил Петтер, инструктируя ее для работы в «Хед-Он». Теперь это стало рефлексом. Каждый выпячивает то, что у него есть. Такой принцип, по крайней мере, усвоила Барбара Свендсен.

Взять хотя бы вошедшего только что курьера-велосипедиста. Наверняка под его шлемом и

смотреть-то не на что. Именно поэтому он не снял ни черных очков, ни маски, рассудила она. Сказал, что знает, в какой кабинет доставить пакет, и медленно пошел по коридору, демонстрируя Барбаре свои крепкие ягодицы в обтягивающих шортах. Или вот уборщица, которая сейчас придет. Она, как известно, буддистка, или индуистка, или как ее там? Аллах, как известно, повелел им скрывать тело под кучей одежд, похожих на простыни. Зато у нее очень белые зубы. Так что же она делает? Верно, ходит и лыбится, как крокодил на экстези. Выпячивается как может.

Барбара смотрела на секундную стрелку. В дверь кто-то вошел.

Вошедший, среднего роста кругленький мужчина, тяжело дышал. Очки у него запотели, и Барбара решила, что он поднимался по лестнице. Четыре года назад, только устроившись, она бы не отличила костюм из магазина «Дрессман» за две тысячи крон от модели из «Прада». Зато потом научилась оценивать не только костюмы, но также галстуки и — вот верный показатель для работника сферы услуг — обувь.

Этот новый визитер, протирающий очки, особого впечатления не производил. Он смахивал на толстяка из той американской комедии «Сейн-

фелд», имени которого Барбара не помнила, потому что сериала не смотрела. Но одежда… А судить следует именно по ней. Легкий костюм в тонкую полоску, шелковый галстук и туфли ручной работы — все говорило о том, что у Халле, Тюне и Веттерлида, возможно, вскоре появится интересный клиент.

— Добрый день, могу ли я чем-нибудь помочь? — спросила Барбара и улыбнулась своей почти самой очаровательной улыбкой. Самую очаровательную она берегла для визитера, который был бы похож на мужчину ее мечты.

— Думаю, можете, — улыбнулся в ответ гость и, достав из нагрудного кармана платок, вытер лоб. — Я пришел на встречу, не были бы вы столь любезны принести мне стакан воды?

Барбаре послышался в его голосе иностранный акцент, но какой именно, она не поняла. Его вежливая и одновременно властная манера вселила в нее твердую уверенность: перед ней крупная рыба.

— Разумеется, — сказала она. — Секундочку.

Пока шла по коридору, она вспомнила, что пару дней назад Веттерлид говорил что-то о возможной премии всем сотрудникам, если по итогам года будет хороший результат. Тогда, может, фир-

ма раскошелится на питьевую воду, как в других заведениях. Внезапно время рывком ускорилось, но через несколько секунд снова потекло медленно, а те секунды каким-то странным образом будто выпали из ее жизни.

Барбара вошла в женский туалет. Включив воду, взяла со стойки пластиковый стаканчик и сунула под струю палец. Теплая. Посетителю придется немного подождать. По радио объявляли, что температура воды в озерах Нурмарки — около двадцати двух градусов, а питьевую ведь забирали из Маридальского. Если дать ей стечь подольше, она станет холодной и приятной. Гадая, почему это так получается, она смотрела на палец. Когда вода станет достаточно холодной, он побледнеет и почти перестанет что-либо чувствовать. Безымянный палец левой руки. Когда же на нем появится обручальное кольцо? Главное — чтобы сердце к тому времени не побледнело и не перестало что-либо чувствовать. Барбара ощутила движение воздуха, но оно тут же прекратилось, и она не стала оборачиваться. Вода оставалась такой же теплой. А время шло, утекало, совсем как вода. Бред! До тридцати ей оставалось почти два года. Времени еще через край.

Раздался какой-то звук, и Барбара подняла голову. В зеркале она увидела две белые двери кабинок. Неужели кто-то зашел, а она не заметила?

Струя вдруг стала ледяной. Барбара вздрогнула. Вода поднимается с большой глубины, поэтому она и охладилась. Барбара подставила под струю пластиковый стаканчик, и тот быстро наполнился до краев. Что-то шепнуло ей, что надо поторопиться. Она обернулась и выронила стаканчик.

— Я вас напугал? — Голос звучал обеспокоенно.

— Извините, — сказала она, забыв сдвинуть лопатки. — Я сегодня что-то нервничаю. И вообще, это женский туалет. — Она наклонилась за стаканчиком.

Стаканчик кувыркнулся на полу и встал на дно. В нем еще оставалось немного воды. Возможно, когда Барбара протягивала к нему руку, она увидела в круглом зеркальце воды свое отражение, а рядом со своим лицом могла бы заметить какое-то движение. Но тут время опять потекло медленно, бесконечно медленно. Напоследок Барбара успела подумать, что оно вот-вот закончится.

Глава 15
Понедельник. Vena amoris

Белый, с рыжими подпалинами ржавчины «форд-эскорт» Харри Холе подъехал к телемагазину. Казалось, две полицейские машины и спортивное чудо Волера случайным образом раскиданы по тротуару вокруг тихого по вечерам перекрестка с громким названием «площадь Карла Бернера».

Харри припарковался, достал из кармана шпатель и положил его на пассажирское сиденье. Когда он не мог отыскать ключи в квартире, то брал с собой стамеску и кусок стальной проволоки и, прочесав окрестности, находил любимый автомобиль на Стейнберггата с ключами в замке зажигания. Шпатель с удобной зеленой рукояткой отлично подходил, чтобы поддеть им дверь, после чего ее без труда можно было открыть при помощи проволоки.

Дорогу Харри перешел на красный. Медленно. К большим скоростям организм не был готов. Желудок и голова болели, потная рубашка липла к телу. Было без пяти шесть, и он уже давно не

принимал своего лекарства, но обещаний себе никаких не давал.

Вывеска сообщала, что контора «Халле, Тюне и Веттерлид» находится на пятом этаже. Харри вздохнул и посмотрел на лифт: блестящие металлические двери, автоматика, никаких решеток.

Лифт был марки «Коне». Двери закрылись, и Харри почувствовал себя закупоренным в консервной банке. Когда лифт поехал вверх, он постарался не слушать скрежет механизма и закрыл глаза. Тут же открыл их снова — на обратной стороне век словно отпечатались картины с Сестрёнышем.

Дверь в приемную отворил патрульный в форме.

— Она там, — махнул он рукой вдоль коридора, за стойку администратора.

— Криминалисты?

— Едут.

— Они очень обрадуются, если мы заблокируем лифт и перекроем выход внизу.

— Хорошо.

— А дежурная часть кого прислала?

— Ли и Хансена. Они собрали тех, кто был на этаже, когда нашли тело. Сейчас берут показания в одном из залов для переговоров.

Харри пошел по коридору. Грязные ковры, выцветшие репродукции картин в стиле национального романтизма — наверное, были у этой фирмы деньки и получше. А может, их как раз и не было.

Дверь в женский туалет была приоткрыта. Ковер скрадывал звук шагов, и Харри подошел неслышно. Он остановился перед дверью, когда услышал голос Тома Волера. Тот, похоже, говорил по телефону:

— Если это от него, то он больше через нас не проходит. Да, но я беру это на себя.

Харри распахнул дверь и увидел Волера, сидящего на корточках.

— Привет, Харри. Секунду, сейчас освобожусь.

Харри стоял на пороге, переваривая эту картину и слушая пощелкивание голоса в телефоне Волера.

Помещение было на удивление большим — примерно двадцать квадратных метров, на которых размещались две кабинки и три раковины под длинным зеркалом. От мощных ламп дневного света, белых стен и такой же плитки болели глаза. Возможно, именно из-за ослепительно-белого фона женский труп на полу походил на выставочный экспонат. Стройная, молодая на вид

женщина сидела на коленях, уронив на пол лоб, как при намазе, разве что руки были под телом. Платье задралось, открывая узкие трусики танга. В швах между плитками от головы женщины до сливного отверстия в полу тянулись темно-красные прожилки крови — как будто их нарисовали для полноты эффекта.

Вес тела был сбалансирован и держался на пяти точках: запястья, колени и лоб. Ее одежда, странная поза и сверкающая кожа ягодиц навеяли Харри мысли о секретарше, которая пришла удовлетворить похотливого шефа. Снова стереотипы. Кто знает, может, шефом была как раз она?

— Конечно, но этим мы сейчас заниматься не можем, — сказал Волер. — Перезвони вечером.

Он положил телефон во внутренний карман, но продолжал сидеть на корточках. Харри заметил, что рука инспектора лежит на белой коже женщины, чуть ниже трусиков. Вероятно, для опоры.

— Любопытная картина, а? — спросил Волер, словно прочитав мысли Харри.

— Кто это?

— Барбара Свендсен, двадцать восемь лет, из Бестума. Работала здесь дежурным администратором.

Харри присел рядом с Волером.

— Как видишь, стреляли в затылок, — продолжал тот. — Вероятно, из того самого пистолета, который лежит там, под раковиной. От него еще пахнет кордитом.

Харри посмотрел в угол, где лежал черный пистолет с большой шишкой, навинченной на ствол.

— «Ческа збройовка», — прокомментировал Волер. — Чешский пистолет со специальным глушителем.

Харри кивнул. Ему захотелось спросить, не был ли этот пистолет одним из контрабандных товаров Волера и не об этом ли только что шел разговор по телефону.

— Интересная поза, — отметил он.

— Да, полагаю, она сидела на корточках или стояла на коленях, а потом упала головой вперед.

— Кто ее нашел?

— Одна из женщин-адвокатов. Кол-центр получил звонок в семнадцать одиннадцать.

— Свидетели?

— Никто из тех, с кем мы говорили, не видел каких-либо подозрительных лиц, пришедших или ушедших за последний час, и не заметил ничего странного. Единственный посетитель, ко-

торый пришел на встречу с кем-то из адвокатов, говорит, что Барбара ушла из-за стойки в шестнадцать пятьдесят пять принести ему стакан воды, но не вернулась.

— Хм… Стало быть, она пошла сюда?

— Вероятно. До кухни оттуда идти куда дальше.

— Неужели по пути от стойки сюда ее никто не видел?

— Между туалетом и приемной — два кабинета, но сотрудники к тому времени уже разошлись по домам, кое-кто еще работал за закрытыми дверьми или в залах для переговоров.

— А что посетитель? Как он поступил, не дождавшись ее?

— В пять у него была встреча, он не стал ждать администратора и вышел в коридор — искать кабинет адвоката, с которым собирался встретиться.

— То есть он тут неплохо ориентируется?

— Нет, говорит, что здесь впервые.

— Хм… Значит, он — последний, кто видел ее перед смертью?

— Угу.

Харри отметил, что рука Волера осталась там, где и была.

— Выходит, убийство произошло в промежутке от четырех пятидесяти пяти до пяти одиннадцати.

— На ощупь — именно так, — сказал Волер.

Харри уткнулся в блокнот.

— Это обязательно? — тихо спросил он.

— Что именно?

— Щупать ее.

— А тебе не нравится?

Харри не ответил. Волер наклонился ближе:

— То есть, Харри, ты утверждаешь, что никогда их не щупал?

Харри попробовал сделать запись в блокноте, но ручка не писала.

Волер усмехнулся:

— Не отвечай, по тебе и так видно. Харри, любопытство не порок, а одна из причин, по которым мы пошли в полицию. Разве нет? Любопытство и тяга к острым ощущениям. Например, любопытно узнать, каков на ощупь свежий труп, еще не холодный, но уже и не теплый.

— Я…

Том Волер схватил его за руку, и Харри выронил авторучку.

— Потрогай! — Волер прижал его ладонь к бедру убитой.

Харри тяжело засопел. Сначала ему захотелось отдернуть руку, но он не стал этого делать. Ладонь Волера на запястье была горячей и сухой. Кожа убитой казалась какой-то резиновой и чуть теплой.

— Чувствуешь? Вот они, острые ощущения, Харри. Где ты их будешь искать, когда закончится служба? Как другие бедолаги — на видео или на дне бутылки? Или все же в настоящей жизни? Настоящая жизнь — вот что я тебе предлагаю. Чувствуешь, Харри? Ну, да или нет?

Харри откашлялся:

— Я только хотел сказать, что до приезда криминалистов лучше ничего не трогать.

Волер пристально посмотрел на него и, весело подмигнув, отпустил руку со словами:

— Ты прав. Я ошибся. — Он встал и вышел.

Харри продолжало мутить, он старался дышать глубоко и спокойно. Беата не простит, если его вывернет прямо на месте преступления.

Он прислонился щекой к холодной плитке и, приподняв край пиджака Барбары, заглянул под него. Между коленями и дугой туловища лежал белый пластиковый стаканчик, но внимание привлек не он, а ее рука.

— Черт, — прошептал Харри. — Черт…

В шесть двадцать на этаже адвокатской конторы появилась Беата. У женского туалета она нашла Харри. Тот сидел на ковре, прислонившись к стене, и пил из белого пластикового стаканчика.

Остановившись перед ним, Беата поставила на пол железные чемоданы и провела тыльной стороной ладони по раскрасневшемуся потному лбу.

— Прошу прощения, — сказала она. — Загорала на пляже. Сначала заскочила домой переодеться, потом — на Кьёльберг-гате за оборудованием. А тут еще какой-то идиот заблокировал лифт — пришлось по лестнице тащить.

— Хм… И правильно сделал: надо подойти к этому делу со всей осторожностью. Журналисты уже что-нибудь пронюхали?

— Там на солнышке греется стайка. Небольшая. Все ж в отпусках.

— Боюсь, отпуск закончился.

Беата скривилась:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Идем. — Харри провел ее в туалет и сел на корточки. — Загляни под тело и увидишь. Безымянный палец отрезан.

Она ойкнула.

— Крови не так много, — продолжал Харри. — Значит, отрезали после смерти. А еще — вот. — Он убрал волосы с левого уха Барбары.

Беата наморщила носик:

— Сережка?

— В виде сердца. В правом ухе — совсем другая, серебряная. Вторую серебряную сережку я нашел на полу в одной из кабинок. Значит, эту вдел убийца. Забавно, что она еще и открывается. Вот так. Необычное содержимое, тебе не кажется?

Беата кивнула:

— Красная пятиконечная бриллиантовая звезда.

— И что мы имеем?

Она посмотрела на него и спросила:

— Теперь это слово можно произнести вслух?

— Маньяк? — Бьярне Мёллер прошептал это так тихо, что Харри непроизвольно сильнее прижал трубку к уху.

— Мы на месте преступления, почерк тот же самый, — сказал он. — Шеф, самое время выдергивать людей из отпусков. Нам понадобятся все, кто в состоянии ходить и ползать.

— Возможно, кто-нибудь копирует?

— Исключено. Об отрезанных пальцах и бриллиантах знаем только мы.

— Как все нехорошо-то, Харри.

— Хорошие серийные убийцы вообще редкость.

Мёллер некоторое время молчал, потом окликнул:

— Харри?

— Я здесь, шеф.

— Мне придется попросить тебя в последние недели твоей службы помочь Волеру разобраться с этим делом. Кроме тебя, в отделе ни у кого нет особого опыта раскрытия серийных убийств. Знаю, ты откажешься, но все равно прошу тебя. Иначе нам не справиться, Харри.

— Хорошо, шеф.

— Пойми: это важнее ваших с Томом разногласий и… Постой, что ты сказал?

— Я сказал «хорошо».

— То есть согласен?

— Да, но мне пора бежать. Мы здесь задержимся, так что завтра с утра соберите следственную группу. Том предлагает часов в восемь.

— Том? — удивился Мёллер.

— Том Волер.

— Нет, я знаю, кто это, просто ты никогда не называл его по имени.

— Меня ждут, шеф.

— Ну давай.

Харри сунул телефон в карман и, швырнув стаканчик в мусорное ведро, заперся в кабинке — теперь уже мужского туалета, — наклонился к унитазу и больше не сдерживал тошноту.

Позже он стоял перед раковиной и, открыв воду, смотрел на свое отражение, слушал гул голосов в коридоре. Помощник Беаты просил людей держаться за заграждениями, Волер распоряжался выяснить, кто находится у здания, а Магнус Скарре кричал коллеге, чтобы тот купил ему чизбургер без — без! — картофеля фри.

Когда вода стала холодной, Харри нагнулся и начал жадно пить, позволяя струйкам течь по щекам, затекать в ухо, за шиворот, под рубашку, в рукав. Он пил и не слушал внутреннего врага. А потом снова забежал в кабинку, чтобы его вырвало.

Когда он вышел на улицу, был ранний вечер, площадь Карла Бернера опустела. Харри закурил и отмахнулся от подошедшего журналиста. Тот остановился. Харри узнал его. Кажется, Йендем? С ним он разговаривал после сиднейского дела. Журналистом Йендем был не хуже остальных, даже чуточку лучше.

Телемагазин еще не закрылся, и Харри зашел.

Внутри никого не было, если не считать толстяка в грязной фланелевой рубашке. Он сидел за столом и читал журнал. Вентилятор на столе трепал его прическу и разносил по помещению запах пота.

Харри показал удостоверение и спросил, не было ли кого-нибудь странного в магазине или рядом.

Толстяк фыркнул:

— Они все тут немного странные. Скоро у всей округи крыша съедет.

— А кого-нибудь, кто был бы похож на убийцу? — сухо уточнил Харри.

Толстяк сощурил один глаз:

— Не из-за этого ли столько полицейских машин понаехало?

Харри кивнул.

Толстяк пожал плечами и вернулся к журналу.

— А кто из нас не похож на убийцу, инспектор?

Харри уже собирался уйти, но вдруг увидел на одном из телеэкранов свой автомобиль. Камера скользнула по площади Карла Бернера и остановилась на красном кирпичном здании, потом картинка сменилась на диктора ТВ-2, а еще через мгновение — на показ мод. Харри глубоко затя-

нулся сигаретой и закрыл глаза.

Ему навстречу по подиуму — нет, по двенадцати подиумам — шла Ракель. Она вышла из стены экранов и встала перед ним, держа руки на бедрах, бросила на него взгляд, резко мотнула головой, развернулась и ушла.

Харри снова открыл глаза.

Было восемь вечера. Он старался не думать, что совсем недалеко, на Тронхеймсвейен, есть бар и там наливают крепкие спиртные напитки.

Оставалась самая сложная часть вечера. А потом — еще и ночь.

Десять вечера. Термометр милостиво сбросил пару градусов, но было все еще жарко. Он лениво лежал и ждал, когда подует береговой бриз. Или морской. Хоть какой-нибудь. В службе криминалистической экспертизы было пусто, только в кабинете Беаты еще горел свет. Убийство весь день поставило с ног на голову. С площади Карла Бернера Беата примчалась сюда после звонка Бьёрна Хольма, коллеги, который сообщил, что к ним приехала какая-то женщина из «Де Бирс» и толкует о каких-то бриллиантах.

Теперь она внимательно слушала невысокую женщину, которая говорила на таком потрясаю-

щем английском, какой только можно ожидать от голландки, обосновавшейся в Лондоне.

— На алмазах природа оставляет свои геологические отпечатки, — сообщала сотрудница «Де Бирс». — Каждый уникален, к тому же существуют сертификаты, отображающие происхождение камня и переходящие при покупке от хозяина к хозяину, почему можно проследить, кто был их владельцем. Боюсь, правда, не в данном случае.

— Почему? — спросила Беата.

— Потому что те два камня, которые вы мне показали, относятся к «кровавым» алмазам.

— Это из-за цвета?

— Нет, из-за того, что они по большей части добываются в Киуву, в Сьерра-Леоне. Алмазы из этой страны бойкотируются по всему миру, поскольку месторождения находятся под контролем повстанцев, а те на вырученные деньги финансируют войну — единственно с целью наживы. Потому и «кровавые». Думаю, эти камни — новые. Из Сьерра-Леоне их, скорее всего, контрабандой перевезли в другую страну, где изготовили поддельные сертификаты, по которым они добыты, скажем, на известном месторождении в ЮАР.

— А вы можете предположить, куда их могли

перевезти?

— Большая часть оказывается в странах бывшего соцлагеря. После падения «железного занавеса» у специалистов по подделыванию документов появились новые клиенты. За такие сертификаты хорошо платят. Но я не только поэтому считаю, что камни пришли из Восточной Европы.

— А еще почему?

— Такие бриллианты-звезды я видела и раньше. Их переправляли из Чехии и бывшей ГДР. И у тех качество тоже было среднее.

— Среднее?

— Красные алмазы, конечно, красивы, но ценятся ниже прозрачных. Найденные вами экземпляры не чистые, с примесями. Когда при огранке бóльшая часть алмаза стачивается, для работ используют далеко не лучшие камни.

— Так значит, ГДР и Чехия. — Беата закрыла глаза.

— Так сказать, квалифицированное предположение. Если у вас больше нет вопросов, я еще могу успеть на последний самолет в Лондон.

Беата открыла глаза и встала.

— Извините, сегодня был долгий и сумбурный день. Вы нам очень помогли, и мы вам бесконечно благодарны за то, что вы любезно согласились

приехать.

— Ах, бросьте. Надеюсь, мои сведения помогут поймать вашего преступника.

— А мы-то как надеемся! Позвольте заказать для вас такси…

Пока Беата дожидалась ответа из центрального таксопарка, она заметила, что специалист по алмазам разглядывает руку, в которой она держит трубку. Беата улыбнулась.

— У вас очень красивый перстень. Обручальное кольцо?

Беата покраснела:

— Не мое. Это кольцо папа при обручении подарил маме. Мне оно досталось после его смерти.

— Теперь ясно, почему на правой. Обычно его носят на левой руке. Точнее, на третьем пальце левой руки.

— На среднем? А мне казалось, на безымянном.

Женщина улыбнулась:

— Вы, наверное, не знаете старинной, еще египетской традиции.

— Нет.

— Египтяне считали, что к среднему пальцу от сердца тянется кровеносный сосуд любви, по-латыни — vena amoris.

Подъехало такси, и она ушла, а Беата какое-то время разглядывала свою руку. Левую. Средний палец.

Потом позвонила Харри.

— Оружие чешское, — откликнулся он, выслушав ее рассказ.

— Может, что и прояснится, — сказала Беата.

— Может быть, — ответил Харри. — Как, говоришь, называется та вена?

— Vena amoris.

— Vena amoris, — пробормотал Харри и положил трубку.

Глава 16
Понедельник. Диалог

«Ты спишь. Я кладу руку на твое лицо. Ты ведь ждешь меня? Я целую твой живот. Я скольжу поцелуями вниз, и ты начинаешь двигаться в волнообразном волшебном танце. Ты молчишь, делаешь вид, будто спишь. Можешь просыпаться, любовь моя. Твою игру несложно разгадать».

Харри дернулся и сел на постели. Через несколько секунд он понял, что проснулся от собственного крика. Вгляделся в полумрак, изучая тени у штор и шкафа. Упал головой на подушку.

Что ему снилось? Полутемная комната. Два тела движутся навстречу друг к другу в постели. Лиц не разглядеть. Харри направил на одно из них фонарик — и тут же проснулся от крика.

Он посмотрел на столик у кровати. Электронные часы обещали еще два с половиной часа до семи. За такое время можно во сне добраться до самого адского пекла и вернуться обратно. Но спать нужно. Нужно. Набрав воздуху, словно перед прыжком в воду, Харри закрыл глаза.

Глава 17
Вторник. Профили

Харри глядел поверх головы Тома Волера на минутную стрелку настенных часов.

Сегодня, чтобы усадить всех сотрудников в большом зале зеленого сектора шестого этажа, пришлось поставить дополнительные стулья. Настроение было чуть ли не торжественным. Никакого перешептывания — все тихо сидят и что-то пишут в блокнотах, дожидаясь восьми часов. Харри насчитал семнадцать склоненных голов. Стало быть, отсутствует только один. Перед ними, скрестив руки на груди и поглядывая на «ролекс», стоял Том Волер.

Секундная стрелка достигла нужной точки и замерла по стойке «смирно».

— Приступим, — объявил Том Волер, и все дружно выпрямились. — Руководителем следственной группы назначен я, моим помощником будет Харри Холе.

В едином порыве удивления все повернули головы к дальнему краю стола, где сидел Харри.

Волер продолжил:

— Прежде всего хочу поблагодарить тех из вас, кто по первому сигналу, не заставляя себя долго ждать, бросил отпуск, путевки и прочее, чтобы приехать сюда. Боюсь, вскоре придется пожертвовать не только отпуском. Но времени рассыпаться в благодарностях у меня не будет, так что я говорю вам спасибо на месяц вперед. Идет?

Собравшиеся захихикали и закивали. Так хихикают и кивают будущему начальнику, подумал Харри.

— Во многих отношениях этот день — особенный.

Волер включил проектор. На экране за его спиной появилась первая страница «Дагбладет» с крупным заголовком: «Маньяк разбушевался?» Никаких фотографий. Просто два слова угловатым шрифтом. В наше время уважающая себя редакция не стала бы печатать на первой странице вопросительный знак. Мало кому было известно (а уж в этом зале точно никому), что решение добавить вопросительный знак было принято за пару минут до того, как выпуск отправили в печать, и для этого понадобилось дозвониться до главного редактора, который отдыхал в Тведестранне.

— В Норвегии серийных убийц не было с восьмидесятых, когда свирепствовал Арнфинн Нессет, — сказал Волер. — По крайней мере, нам о них неизвестно. Маньяк для Норвегии — редкость. Причем такая, что о нем узнает вся страна. Так что, ребята, за нами сейчас наблюдают миллионы глаз.

Он артистично выдержал паузу, хотя мог бы обойтись и без нее: значимость нынешнего расследования сотрудники поняли еще вчера, когда их обзванивал Мёллер.

— Если это действительно серийный убийца, — продолжал Волер, — нам в чем-то даже повезло. Прежде всего, потому что среди нас есть человек, который раскрыл подобное дело. Думаю, все вы помните блестящее расследование инспектора Холе в Сиднее. Харри?

Харри снова оказался в центре всеобщего внимания. Откашлялся. Почувствовав, что голос может подвести, откашлялся еще раз и произнес:

— Не уверен, что моя работа в Сиднее — пример для подражания. — Он кисло улыбнулся. — Как вы, наверное, помните, закончилось все тем, что преступника я застрелил.

Никто не засмеялся и даже не ухмыльнулся. Харри же не будущий начальник.

— Ну, могло бы быть и хуже. — Волер снова посмотрел на «ролекс». — Многим здесь знаком психолог Столе Эуне. Несколько раз мы уже прибегали к его помощи. Сегодня он согласился прийти и рассказать о мании убийства. Кому-то это все известно, но повторение — мать учения. Он придет в…

Открылась дверь. Сотрудники обернулись: в зал, тяжело дыша, вошел мужчина в твидовом костюме. Над четко очерченным округлым брюшком красовался оранжевый бант. Потная лысина, потное лицо, на котором бросались в глаза темные (крашеные?) брови и очки — такие узкие, что возникало сомнение, можно ли хоть что-нибудь в них увидеть.

— Вспомни о солнце… — начал Волер.

— …оно и взойдет, — завершил Столе Эуне, доставая из нагрудного кармана платок и протирая им лоб. — И, черт возьми, светит нещадно!

Он дошел до стола и плюхнул на пол потертую кожаную сумку.

— Доброе утро, уважаемые. Приятно видеть так много молодых особ, которые не поленились проснуться в столь ранний час. С кем-то из вас я знаком, а кое с кем пока не встречался.

Харри улыбнулся. Уж с ним-то Эуне встречался.

Много лет назад Харри заявился к нему со своими проблемами, и, хотя Эуне не был специалистом по лечению алкоголизма, он постарался ему помочь, а впоследствии их знакомство переросло даже в некоторое подобие дружбы.

— Открывайте блокноты, шалопаи! — Эуне кинул пиджак на спинку кресла. — Вид у вас как на похоронах, и, в общем-то, это оправданно. Но прежде чем я уйду, хочется увидеть на ваших лицах хоть одну улыбку. Это приказ. А теперь будьте внимательны: говорить и писать буду быстро.

Эуне схватил лежащий у белой доски фломастер и начал с бешеной скоростью писать одно, рассуждая в это время совершенно о другом:

— Есть все основания полагать, что серийные убийцы существуют с тех самых пор, когда на земле стало достаточно людей, чтобы убивать их сериями. Но многие берут за точку отсчета тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год, так называемую «осень ужаса», когда впервые было задокументировано дело о серии убийств с явно сексуальным мотивом. Жертвами первого маньяка в истории Нового времени стали пять женщин. Личность преступника установить так и не удалось, и он бесследно исчез, получив в народе прозвище Джек Потрошитель.

Теперь о вкладе нашей страны в список серийных убийц. Как вам всем известно, в восьмидесятые годы медицинский работник Арнфинн Нессет отравил свыше двадцати пациентов. Но самым известным норвежским маньяком стал не он, а Белл Ганнес. Редкое явление — женщина-маньяк. Эмигрировав в Америку, она в тысяча девятьсот втором году вышла замуж и обосновалась со своим заморышем в пригороде Ла-Порта, штат Индиана. Я говорю «заморыш», потому что он весил семьдесят килограммов, а она — сто двадцать. — Эуне провел пальцами по подтяжкам. — По мне, так нормальный вес…

По залу прокатились смешки.

— И вот эта милая пышка убивает сначала мужа, потом нескольких детей и неизвестное количество кавалеров, которых заманивает к себе домой через объявления в чикагских газетах. Их тела нашли в тысяча девятьсот восьмом, когда дом при странных обстоятельствах сгорел. Нашелся и обгорелый обезглавленный труп женщины, который полиция, очевидно, должна была принять за хозяйку. Позже поступали доносы от свидетелей, видевших Белл в разных городах Америки, но ее так и не нашли. В этом суть моего рассказа. К сожалению, для серийных убийц

случаи Джека и Белл типичны. — Эуне закончил писать. — Найти их не удается. — И он поставил фломастером жирную точку.

Собравшиеся в молчании смотрели на него.

— Итак, — продолжил Эуне. — Понятие «серийный убийца» — весьма спорное. Как и все, о чем я собираюсь рассказать. Это можно объяснить тем, что психология до сих пор не выросла из детских штанишек, да и психологи — народ, который обожает препираться. Я вам расскажу то, что, с одной стороны, нам вроде бы известно, а с другой — совершенно неизвестно. А именно о серийных убийствах, которые многие видные ученые считают неосмысленными проявлениями тех видов душевных заболеваний, которых, по мнению других ученых, не существует. Это понятно? Вижу, некоторые из вас заулыбались, что не может не радовать.

Эуне ткнул указательным пальцем в первый пункт на доске:

— Типичный серийный убийца — белый мужчина в возрасте от двадцати четырех до сорока лет. Может орудовать и с напарником, но, как правило, действует в одиночку. Верным признаком серии служат издевательства над жертвами. В качестве последних могут быть кто угодно,

но, как правило, это представители одной и той же этнической группы, за редким исключением незнакомые убийце. Первую жертву он выбирает обычно в хорошо знакомом ему районе. Бытует мнение, что серийным убийствам всегда сопутствуют особые ритуалы. Это не всегда так. Но если вы в своей работе наткнулись на какие-то ритуалы, имейте в виду: они часто связаны с серийными убийствами.

Эуне перешел к другому пункту на доске — «ПСИХОПАТ/СОЦИОПАТ».

— Но самая типичная черта серийного убийцы — он, как правило, американец. Почему? Ответ на этот вопрос знает только Бог — плюс, разумеется, пара профессоров с факультета психологии в Блиндерне. В этой связи интересно, что те, кто знает о серийных убийцах больше остальных, — американская юстиция и ФБР, — делят их на две категории: психопатов и социопатов. Упомянутые блиндернские профессора считают и термины, и само разделение бредом, тем не менее на родине серийных убийц большинство судов придерживается «правила Макнотена». Оно гласит: только преступник-психопат в момент преступления не осознает, что делает, а значит, в отличие от социопата он не может быть приго-

ворен к тюремному заключению или смертной казни — что для богоизбранной Америки куда характернее. В смысле, применительно к серийным убийцам. Хм… — Эуне понюхал фломастер и удивленно поднял бровь.

Волер поднял руку. Эуне кивнул.

— Наказание — это очень интересно, — сказал Волер. — Но вначале надо его поймать. Нет ли у вас совета, который мы можем использовать на практике?

— С ума сошли? Я ведь психолог. — Раздался смех, Эуне с довольным видом поклонился. — Конечно, Волер, все вам будет. Но сначала хочу сказать, что если кто-то уже подустал, то крепитесь: впереди вас ждут еще более суровые испытания. Судя по опыту, поймать серийного убийцу не так просто. Особенно если он не того типа.

— Какого именно? — раздался голос Магнуса Скарре.

— Давайте посмотрим на классификацию ФБР. Убийцы-психопаты и социопаты. Психопат обычно — маргинал, без работы, без образования, с запятнанной биографией и рядом социальных проблем. Социопат, напротив, умен, удачлив и живет нормальной жизнью. Психопат выделя-

ется, его легко заподозрить. А социопат теряется в толпе. Например, для соседей и знакомых социопата раскрытие его — всегда потрясение. Однажды я разговаривал с сотрудницей ФБР, которая составляет профили серийных убийц, и она сказала, что в первую очередь всегда смотрит на время убийства. Ведь чтобы совершить такое преступление, нужно время. Для нее важно было понять, совершаются ли убийства в будни, в выходные или в сезон отпусков. Последнее указывает на то, что у убийцы есть работа. А значит, растет вероятность, что перед нами социопат.

— То есть если наш преступник убивает в пору всеобщих отпусков, значит у него есть работа и он социопат? — уточнила Беата Лённ.

— Разумеется, пока рано делать такие выводы. Но вкупе с остальными фактами — вполне вероятно.

— Если я вас верно понял, это дурные новости, — сказал Волер.

— Правильно. Наш преступник — совсем неправильного типа. Он социопат.

Эуне обвел собрание взглядом, дал информации усвоиться и продолжил:

— Американский психолог Джоэль Норрис утверждает, что в связи с каждым убийством

серийный убийца проходит шесть фаз. В первую — фазу «ауры» — человек перестает адекватно осознавать действительность. Следующие опустим, а вот пятая — «тотемная» — это само убийство, точка кульминации. Или, вернее, антикульминации. Потому как убийство никогда не приносит маньяку желаемого катарсиса, обновления, с которым он связывает умерщвление себе подобного. Поэтому за убийством следует шестая фаза — «угнетения», которая плавно перетекает в первую — «ауры».

— Стало быть, круговорот, — сказал Бьярне Мёллер, который появился незаметно для собравшихся и некоторое время внимательно слушал лекцию. — Как перпетуум-мобиле.

Эуне кивнул:

— Похоже, но вечный двигатель повторяет свои действия без каких-либо изменений. А серийный убийца со временем меняет свой подход. Связано это — что радует — с потерей самообладания и вместе с тем — что совсем не радует — с растущей жаждой крови. Первое убийство — это всегда психологический порог, через который нужно переступить, поэтому после него он долго «остывает» — длинная первая фаза и тщательная подготовка к следующему убийству. Если серий-

ный убийца уделяет большое внимание деталям и ритуалам и почти не рискует быть раскрытым, значит, он пока находится на ранней стадии: оттачивает технику, чтобы действовать еще эффективнее. На этой стадии ловить его — занятие неблагодарное. Но чем больше он убивает, тем короче становится первая фаза, и времени на подготовку, как правило, он дает себе все меньше. Места преступления выбирает небрежно, ритуалы выполняет кое-как, рискует больше. Все это говорит о росте фрустрации, или, выражаясь иначе, об эскалации агрессивности. Он теряет самообладание, и поймать его становится легче. Впрочем, если вы подберетесь к нему достаточно близко, но не поймаете, то можете просто спугнуть. Маньяк на время затаится, а потом начнет по новой. Надеюсь, от этих примеров вы не почувствовали себя угнетенными?

— До этой фазы пока не дошли, — ответил Волер. — А можете ли вы сказать что-то конкретное по нашему делу?

— Хорошо, — согласился Эуне. — Итак, уважаемые, мы имеем три убийства.

— Два! — снова встрял Скарре. — Лисбет Барли пока что числится без вести пропавшей.

— Три убийства, — повторил Эуне. — Поверьте

мне, молодой человек.

Некоторые из присутствующих переглянулись. Скарре, похоже, собирался что-то сказать, но передумал. Эуне продолжал:

— Эти три убийства совершены с равными временными интервалами. Во всех трех случаях проведены ритуалы с расчленением трупа жертвы и его украшением. Он отрезает один палец и компенсирует это бриллиантом. Компенсация при членовредительстве — черта, за редким исключением присущая убийцам, которые воспитывались в семье со строгими моральными устоями. Кстати, верный след, поскольку в этой стране не так уж много таких семей.

Никто не засмеялся.

Эуне вздохнул:

— Юмор висельника. Возможно, я кажусь циничным, да и шутки могли бы быть куда лучше, — просто не хочу похоронить себя в этом деле еще до начала расследования. И вам советую мыслить так же. Но вернемся к теме. Судя по ритуалам и временны́м промежуткам между убийствами, в данном случае уровень самообладания достаточно высок — убийца находится еще на ранней стадии.

Раздалось покашливание.

— Да, Харри? — откликнулся Эуне.

— Выбор жертвы и места.

Эуне приложил палец к подбородку, подумал и кивнул:

— Ты прав, Харри.

Присутствующие снова переглянулись, на этот раз с озадаченным видом.

— Прав в чем? — выкрикнул Волер.

— Выбор жертвы и места преступления указывает на обратное, — ответил Эуне. — Убийца быстро переходит в фазу, когда он теряет самообладание и начинает безудержно убивать.

— Как так? — удивился Мёллер.

— Харри, может, сам объяснишь? — предложил Эуне.

— Первое убийство произошло в квартире Камиллы Луен, где она жила одна, верно? — Харри говорил, не поднимая взгляда от стола. — Преступник мог войти и выйти без особого риска быть пойманным или узнанным. И убийство с ритуалами мог совершить спокойно. Но уже во второй раз он начинает сильно рисковать. Лисбет Барли он похищает в жилом районе, среди бела дня, очевидно, он был в автомобиле. А у автомобиля, как известно, есть номера. Третье преступление — просто игра в рулетку. Дамский

туалет в офисном здании. Конечно, после установленного рабочего дня, но вокруг было столько народу, что ему прямо-таки повезло, что его не заметили или, по крайней мере, не запомнили.

Мёллер повернулся к Эуне:

— И какой из всего этого вывод?

— Главный вывод состоит в том, что выводы делать рано. Пока что можно предположить, что перед нами расчетливый социопат, и неизвестно, держит ли он ситуацию под контролем или вот-вот сорвется.

— А надеяться на что?

— Если согласиться с предположениями Харри, убийца скоро потеряет голову и устроит бойню. В этом случае его будет легко поймать. В другом случае — убийства будут не столь частыми, но, судя по опыту, поймать его в обозримом будущем не удастся. Выбирайте сами.

— И где, по-вашему, начинать поиски?

— Верь я в статистику, как многие мои коллеги, сказал бы: среди энуретиков, живодеров, насильников и пироманов. Особенно пироманов. Но в статистику я не верю. А поскольку альтернативных богов у меня нет, отвечу: понятия не имею. — Эуне закрыл фломастер колпачком.

Тишина стала гнетущей.

— Хорошо, ребята, — вскочил Том Волер. — Придется немного поработать. Для начала мне нужно, чтобы вы еще раз взяли показания у всех, с кем уже говорили, проверили всех ранее осужденных за убийство и представили мне список тех, кого судили за изнасилование или поджигательство.

Наблюдая за тем, как Волер распределяет задания, Харри отметил про себя его уверенность, умение прислушаться к дельным практическим замечаниям подчиненных, а по отношению к прочим — силу и решительность.

Часы над дверью показывали без четверти девять. День только начинался, а Харри уже чувствовал себя без сил. Как старый, умирающий лев перед прайдом, где он когда-то мог претендовать на роль вожака. Не то чтобы ему когда-нибудь хотелось им стать, но падение все равно было ужасным. Все, что ему теперь оставалось, — это тихо лежать в надежде, что кто-нибудь бросит ему кость с остатками мяса.

И ведь бросили. И неплохую кость.

От приглушенной акустики комнаты для допросов Харри начинало казаться, будто он говорит в перину.

— Импорт слуховых аппаратов, — ответил невысокий толстячок и огладил правой рукой

шелковый галстук, крепившийся к белоснежной рубашке незаметной золотой булавкой.

— Слуховых аппаратов? — переспросил Харри, разглядывая выданный Волером протокол допроса. В графе «имя» было записано «Андре Кляузен», а в «профессии» — «индивидуальный предприниматель».

— Проблемы со слухом? — осведомился Кляузен с сарказмом.

— Хм… Значит, вы приходили в «Халле, Тюне и Веттерлид» обсудить слуховые аппараты?

— Я хотел провести оценку договора о посредничестве. Один из ваших любезнейших коллег вчера вечером снял с него копию.

— Эту? — Харри указал на папку.

— Именно.

— Я посмотрел на дату подписания договора. Два года назад. Вы собирались его обновить?

— Нет, просто хотел удостовериться, что не остался в дураках.

— Только сейчас?

— Лучше поздно, чем никогда.

— А постоянного юрисконсульта у вас нет, Кляузен?

— Есть, но, боюсь, к старости он начал сдавать. — Улыбка Кляузена сверкнула золотым

зубом. — Я попросил устроить ознакомительную встречу, чтобы услышать, что эта контора может мне предложить.

— Вы договорились о встрече перед выходными? С конторой, которая специализируется на взыскании долгов?

— Я понял это только в ходе встречи. Вернее, того короткого урывка, после которого началась вся эта суета.

— Но если вы ищете нового адвоката, то встречу наверняка назначили нескольким. Можете назвать их фамилии?

В лицо Кляузену Холе не смотрел. Еще здороваясь с ним, Харри понял, что его собеседник не из тех, чье выражение лица выдает мысли. Возможно, из-за природной скрытности, или профессии, для которой нужна невозмутимость преферансиста, или полученного воспитания, прививше го ему мысль о том, что выдержка — великая добродетель. Поэтому Харри искал другие признаки, чтобы догадаться, лжет Кляузен или говорит правду. Например, не проведет ли он лишний раз рукой по галстуку. Не провел. Кляузен просто сидел и смотрел на Харри из-под полуопущенных век, как будто происходящее было ему не то чтобы неприятно, но скучновато.

— Большинство адвокатских контор, которые я обзвонил, не собирались планировать встречи до окончания сезона отпусков, — ответил он. — А «Халле, Тюне и Веттерлид» оказались куда отзывчивее. Скажите, меня в чем-то подозревают?

— Подозревают всех, — сказал Харри.

— Fair enough[13], — отозвался Кляузен с великолепным английским произношением.

— На родном языке, я заметил, вы говорите с небольшим акцентом.

— Да? Хотя в последние годы я часто бываю за границей. Наверное, поэтому.

— А куда вы ездите?

— Вообще-то в основном по Норвегии. Посещаю больницы и разные учреждения. Остальное время провожу в Швейцарии, на заводе-изготовителе. Продукция совершенствуется, нужно быть в курсе. — И снова в его голосе послышалась насмешка.

— У вас есть жена? Дети?

— Если вы ознакомились с бумагами, которые уже заполнил ваш коллега, то знаете, что я не женат.

Харри снова уставился в протокол:

---

[13] Примечания: 13
Что ж, справедливо *(англ.)*.

— Ясно. Значит, вы живете один… э-э-э… на улице Гимле-террассе?

— Нет, — ответил Кляузен. — Я живу с Трулсом.

— Ага. Понятно.

— Понятно ли? — Кляузен улыбнулся, и веки опустились еще чуть ниже. — Трулс — золотистый ретривер.

Боль разламывала голову, болели даже глаза. До обеда Харри нужно было взять показания еще у четырех человек, сил на это у него уже не оставалось.

Он попросил Кляузена еще раз рассказать все, что случилось, с того момента, как он вошел в здание на площади Карла Бернера, и до приезда полиции.

— С превеликим удовольствием, инспектор, — равнодушно ответил тот.

Откинувшись на спинку кресла, Харри стал слушать плавный и уверенный рассказ Кляузена о том, как он приехал на такси, добрался до нужного этажа на лифте и, поговорив с Барбарой Свендсен, пять или шесть минут ждал, когда она вернется с водой. Не дождавшись, пошел самостоятельно искать дверь с табличкой «Халле».

Харри увидел пометку Тома Волера: Халле

подтверждал, что Кляузен постучался к нему в кабинет в начале шестого.

— Вы не видели, как кто-нибудь входил или выходил из женского туалета?

— От стойки, где я ждал, двери не видно, а когда я пошел по коридору, по дороге никого не встретил. Это я повторяю уже не в первый раз.

— И не в последний. — Харри громко зевнул и провел рукой по лицу.

В этот момент в окошко комнаты для допросов постучал Магнус Скарре. Он показал на часы. В человеке за его спиной Харри узнал Веттерлида. Кивнув, он в последний раз взглянул на бумаги.

— Тут сказано, что при вас в приемную никто подозрительный не входил и не выходил.

— Все верно.

— Тогда спасибо вам за содействие. — Харри вернул протокол в папку и остановил запись на диктофоне. — Уверен, ваша помощь еще понадобится.

— Подозрительный никто, — повторил Кляузен, вставая.

— Что?

— Я сказал, что не видел в приемной никого подозрительного, но заходила уборщица…

— Да, мы с ней разговаривали. Она сказала, что

направлялась на кухню и никого не видела.

Харри встал и посмотрел на список. Следующий допрос свидетеля — в четверть одиннадцатого, комната номер четыре.

— И еще курьер, — добавил Кляузен.

— Курьер?

— Да. Вышел из коридора как раз перед тем, как я отправился искать Халле. Привозил что-то, а может, доставлял. Почему вы так на меня смотрите, инспектор? Обычный курьер-велосипедист. Для адвокатской конторы, честно говоря, ничего подозрительного.

Полтора часа спустя, проверив «Халле, Тюне и Веттерлид» и все до единой службы курьерской доставки в Осло, Харри точно знал: в понедельник компании никто ничего не доставлял и не привозил.

Через два часа после дачи показаний Кляузену вновь пришлось посетить полицию, на этот раз чтобы описать курьера.

Впрочем, многого от него добиться не удалось. Рост — около метра восьмидесяти. Нормального телосложения. Пристально Кляузен его не разглядывал. Да и вообще мужчинам это не интересно и не подобает, заметил он и повторил, что курьер был одет как обычно: желто-черная узкая фут-

болка, короткие брюки и велосипедные ботинки, которые щелкали, даже когда он ступал по ковру. Лицо закрыто шлемом и черными очками.

— А рот? — спросил Харри.

— А рот — белой повязкой, — ответил Кляузен, — как у Майкла Джексона. Я так понимаю, курьеры надевают их от выхлопных газов.

— В Нью-Йорке и Токио — да. Но тут Осло.

Кляузен пожал плечами:

— Я не обратил особого внимания.

Отпустив его, Харри вошел в кабинет к Тому Волеру. Тот сидел, приложив к уху трубку, и что-то бормотал.

— Думаю, у меня появилась версия, как убийца проник в квартиру Камиллы Луен, — сказал Харри.

Не заканчивая разговора, Том Волер отложил трубку.

— Там, где она жила, к домофону ведь подключена видеокамера?

— И?.. — Волер подался вперед.

— Кто может позвонить в любую квартиру, показать в камеру лицо в маске, зная при этом, что его обязательно впустят?

— Ну разве что рождественский дед.

— Вряд ли. Зато ты впустишь того, кто, по-тво-

ему, привез тебе срочную посылку или букет цветов. Курьера-велосипедиста.

Волер отключил телефон.

— С того момента, как вошел Кляузен, — продолжил Холе, — до появления в приемной курьера прошло больше четырех минут. Но курьеры так не работают. Прибежал-отдал-убежал, а не шатаются четыре минуты черт знает где.

Волер медленно кивнул.

— Курьер, — повторил он. — Все гениальное просто. Тот, кто может под благовидным предлогом зайти к кому угодно, прикрывая лицо маской. Кого все видят, но никто не замечает.

— Троянский конь, — заметил Харри. — Просто находка для маньяка.

— И никому не кажется подозрительным, что курьер в спешке удирает на транспортном средстве без номерных знаков, на котором в городе скрыться проще всего. — Волер положил руку на телефон. — Я распоряжусь выяснить, кто видел курьера-велосипедиста рядом с местами преступлений в указанное время.

— Тут еще кое о чем надо позаботиться, — сказал Харри.

— Да-да, — согласился Волер. — Надо предупредить людей, чтобы остерегались неизвестных

курьеров.

— Верно. Займетесь этим с Мёллером?

— Да. И еще…

Харри остановился на пороге.

— Великолепная работа, Харри, — похвалил Волер.

Харри ответил ему коротким кивком и вышел.

Уже через три минуты по коридорам убойного отдела поползли слухи, что Харри напал на след.

Глава 18
Вторник. Пентакль

Николай Луб осторожно положил пальцы на клавиши. В пустой комнате зазвучала мягкая, нежная музыка. Петр Ильич Чайковский, Концерт номер один си-бемоль минор для фортепиано с оркестром. Многие пианисты считали это произведение сложным и лишенным изящества, но для уха Николая не было на свете музыки прекраснее. Стоило заиграть те немногие такты, которые он помнил, и в сердце просыпалась ностальгия. И пальцы невольно искали те самые, нужные клавиши на расстроенном пианино в Староакерском приходском доме.

Он выглянул в открытое окно. Со стороны кладбища доносилось пение птиц. Вспомнились летние дни в Ленинграде и отец, который брал его с собой туда, где когда-то бушевала война, а теперь в забытых братских могилах лежали дед Николая и братья отца и матери.

«Послушай, — говаривал отец, — как красиво поют птицы».

Кто-то кашлянул. Николай обернулся.

На пороге стоял высокий мужчина в футболке и джинсах. Одна ладонь забинтована. Николай сразу же принял его за дебошира — из тех, что иногда сюда наведываются.

— Могу я чем-нибудь помочь? — Из-за плохой акустики голос прозвучал менее дружелюбно, чем ему хотелось.

Незнакомец переступил порог:

— Надеюсь. Я пришел исправлять содеянное.

— Отрадно слышать, — сказал Николай. — Но я не исповедник. Там, у входа висит табличка, на ней часы приема. Приходите, когда указано.

Человек подошел ближе. По черным кругам под глазами Николай понял, что тот давно не спал.

— Я пришел починить звезду, которую сломал.

Через пару секунд до Николая дошел смысл его слов.

— Ах вон оно что… — протянул он. — Но это тоже не ко мне. Хотя, прямо скажу, мне и самому не нравится, что звезда выломана и висит вверх ногами. — Он улыбнулся. — Для церкви, мягко говоря, неподобающе.

— Так вы здесь не работаете?

Николай покачал головой:

— Мы просто иногда снимаем этот зал. Я из храма Святой равноапостольной княгини Ольги.

Мужчина поднял бровь.

— Русская православная церковь, — пояснил Николай. — Я иеромонах и пресвитер. А вам нужно найти кого-нибудь из руководства здешней церкви.

— Хм. Спасибо. — Мужчина не уходил. — Чайковский? Первый концерт для фортепиано?

— Верно. — Николай даже удивился: этот норвежец в футболке совсем не походил на образованного человека. Скорее на бродягу.

— Мне его играла мама, — пояснил тот. — Говорила, что это трудное произведение.

— У вас хорошая мама.

— Да, она была очень доброй. Почти святой. — Он криво улыбнулся.

Эта улыбка смутила Николая. Какая-то она была противоречивая: дружелюбная и циничная, вроде бы радостная, но в ней угадывалась и душевная мука.

— Спасибо за помощь, — сказал мужчина и направился к двери.

— Не за что.

Николай повернулся к фортепиано и сосредоточился. Осторожно нажал на клавишу, почувствовал, как мягко и неслышно молоточек коснулся струны… И вдруг подумал, что не услышал, как

закрывается дверь. Обернувшись, он увидел, что незнакомец стоит у двери и разглядывает звезду в разбитом окошке.

— Что-то случилось? — спросил иеромонах.

Мужчина поднял взгляд:

— Да нет. А почему вам кажется неподобающим, что звезда висит вверх тормашками?

Николай усмехнулся:

— Это же перевернутая пентаграмма!

На лице у собеседника отразилось непонимание.

— Пентаграмма, или пентакль, — древний священный символ не только в христианстве. Видите — пятиконечная звезда, нарисованная без отрыва руки. Похожа на звезду Давида. Изображения пентаграммы находят на могильных камнях, которым по нескольку тысяч лет. Но перевернутая пентаграмма — когда три луча внизу, а два вверху — один из основных символов в демонологии.

— Демонологии? — Голос прозвучал спокойно и уверенно, как будто собеседник Николая привык получать ответы.

— Учение о силах зла. Оно возникло, когда люди еще верили, что зло в мире исходит от демонов.

— А теперь что, демонов отменили?

Николай повернулся на табурете. Неужели он ошибся? Слишком пытливый ум для дебошира или бродяги.

— Я из полиции. — Мужчина словно прочитал его мысли. — Мы там привыкли спрашивать.

— Ясно. А почему вы спрашиваете именно об этом?

Холе пожал плечами:

— Не знаю. Я этот символ видел совсем недавно. Сейчас не вспомню, где именно и насколько это важно. А какому демону он соответствует?

— Дьяволу, — сказал Николай по-русски и нажал сразу три клавиши — диссонанс. — Сатане.

Вечером Олауг Сивертсен открыла дверь на балкон, откуда было видно Бьёрвику, села в кресло и проводила взглядом проходящий поезд. Каменный дом, в котором она жила, был самым обычным. Необычным было его месторасположение. Вилла Валле, названная так в честь архитектора, построившего ее в 1891 году, стояла в окружении шпал и рельсов Центрального вокзала — посреди железнодорожной зоны, соседствуя с рабочими палатками и мастерскими Норвежских государственных железных дорог. Проектировалась она для семьи станционного смотрителя и его подручных. Поэтому и стены

были толще обычного, чтобы смотритель и его супруга не вскакивали каждый раз с постели при приближении поезда. Вдобавок смотритель попросил каменщика, знаменитого своим особым раствором, от которого кладка становилась прочнее (благодаря чему он и получил этот заказ), укрепить стены еще немного. Если поезд ненароком сойдет с рельсов и врежется в дом, пусть уж пострадает машинист, а не домашние, рассудил смотритель. Но до сих пор в величественный дом станционного смотрителя не врезался ни один поезд, и он стоял, словно чудесный замок посреди клубка металлических змей.

Олауг закрыла глаза и подставила лицо солнечным лучам.

В молодости она не любила солнца: кожа краснела, начиналось раздражение. Ах, как тогда она скучала по влажному, прохладному лету Северо-Западной Норвегии! Теперь Олауг состарилась, ей было под восемьдесят, сменились и предпочтения: она любила не холод, а тепло, не темноту, а свет, не одиночество, а компанию, звуки, а не тишину.

А в 1941 году все было совсем не так. Прощай, родная Аверёйя! — шестнадцатилетней девушкой она приехала в Осло по этим же самым

рельсам и устроилась на виллу Валле прислугой к группенфюреру Эрнсту Швабе и его супруге Ранди. Швабе, высокий, холеный, аристократичный, поначалу внушал Олауг страх, но хозяева относились к ней с дружелюбием и уважением, и вскоре она поняла, что бояться ей нечего, главное — проявлять в своей работе ту самую хваленую немецкую основательность и пунктуальность.

Эрнст Швабе, начальник отдела наземного транспорта вермахта, сам выбрал привокзальную виллу. Его супруга Ранди, очевидно, тоже работала в этом отделе, но Олауг ни разу не видела ее в униформе. Из окна комнаты для прислуги были видны сад и рельсы. В первые недели она никак не могла заснуть из-за грохота поездов, гудков и прочего городского шума, но потом привыкла. А через год, получив первый отпуск и приехав домой, она по ночам вслушивалась в тишину, пытаясь уловить хоть какие-нибудь звуки — признаки присутствия людей.

Люди… Их побывало много на вилле Валле в войну. Супруги Швабе часто принимали у себя гостей: и немцев, и норвежцев. Если б народ только знал, сколько местных видных деятелей побывало в гостях у вермахта, чтобы выпить, закусить и покурить! После войны Олауг чуть ли не первым

делом попросили сжечь уцелевшие визитки с именами гостей. Она сделала, как попросили, и ни словом ни с кем об этом не обмолвилась, хотя порой хотелось, когда знакомые лица появлялись в газетах с речами о том, как тяжело они пережили иго нацистской оккупации. Олауг молчала по веской причине: когда немцы капитулировали, ей сразу же пригрозили отнять ее мальчика, которого она любила больше всего на свете. И страх появился снова.

Олауг закрыла глаза и подставила лицо лучам заходящего солнца. Солнце устало за день — и неудивительно. Целый день оно торчало на небе, вытягивая соки из цветов на ее подоконнике. Олауг улыбнулась: господи, какой же молодой она была! Скучает ли она по прошлому? Может, и нет. Хотя ей не хватает общества, жизни, людей. Раньше она не понимала, что означает одинокая старость, а теперь…

Быть одной — это еще не беда. Куда хуже быть никому не нужной. Ей стало горько просыпаться и знать, что, если она целый день вообще не встанет с постели, никто этого не заметит.

Поэтому она взяла в дом постоялицу. Славную девчушку из Нур-Трённелага. Ине всего на пару лет больше, чем было Олауг, когда она приехала

в Осло, и живет она в той же комнате для прислуги. Наверное, по вечерам лежит и скучает по тишине родного городка, мечтая сбежать от столичного шума.

А может, она не права: ведь у Ины появился кавалер. Олауг никогда его не видела и уж тем более с ним не разговаривала, но слышала из спальни его шаги по задней лестнице, где для Ины был персональный вход. Во времена молодости Олауг с этим было строго, а сейчас… Кто может запретить Ине приводить мужчин в свою съемную комнату? Да Олауг и не хотела, она боялась, что однажды Ина уедет с кем-нибудь и оставит ее одну. Она ведь стала почти как близкая подруга или как дочка, которой у Олауг никогда не было.

Молодых тяготит дружба со стариками, Олауг прекрасно это понимала, поэтому она старалась не быть навязчивой. Ина всегда была с ней приветлива и дружелюбна, но иногда пожилой женщине казалось, что это из-за низкой квартплаты.

В семь вечера начиналась церемония, ставшая уже почти ритуалом: Олауг брала поднос с чайником, чашками, пирожными и шла угощать Ину. Вести разговоры она предпочитала именно в ее комнате. Странно, но до сих пор эта комната

нравилась Олауг больше других. Именно там она чувствовала себя дома. Болтали они обо всем на свете. Ина с особенным интересом слушала про войну и про то, что происходило на вилле Валле. И Олауг охотно рассказывала, как сильно Эрнст и Ранди Швабе любили друг друга, как часами просиживали в гостиной, беседуя, и иногда он ласково поправлял ей выбившийся из прически локон, а она нежно склоняла голову ему на плечо. Бывало, Олауг подглядывала за ними из-за кухонной двери. У Эрнста Швабе была статная фигура, густые черные волосы, высокий чистый лоб и взгляд, который так быстро из шутливого становился серьезным, из гневного — озорным, из уверенного, когда он был занят важными делами, в ребячливый — в делах мелких и повседневных. Ранди Швабе нравилась Олауг еще больше, она любовалась ее блестящими рыжими волосами, лебединой шеей и удивительными глазами, цвет которых переливался от голубого до темно-синего. Таких красивых глаз Олауг ни у кого никогда не видела.

Когда она наблюдала за ними в такие минуты, то думала, что эти родственные души созданы друг для друга и ничто в мире не сможет их разлучить. Правда, иногда после ухода гостей

веселье на вилле Валле сменялось громкими скандалами.

После одного такого скандала, когда Олауг уже была в постели, к ней в комнату постучался Эрнст Швабе. Не включая свет, он присел на край кровати и сказал, что его супруга в гневе ушла из дома и ночевать будет в гостинице. По запаху она определила, что он выпил. Она была молода и неопытна и растерялась, когда этот мужчина, на двадцать лет старше ее, которого она уважала, которым восхищалась и в которого — да! — немножко была влюблена, попросил ее снять ночную рубашку, чтобы посмотреть на ее тело.

В тот первый вечер он ее не тронул. Просто посмотрел на нее, погладил по щеке и сказал, что она очень красива. Потом встал и вышел. И ей показалось, что он, непонятно почему, еле сдерживал слезы.

Олауг закрыла балконную дверь и встала. Скоро семь. Она приоткрыла дверь на заднюю лестницу и увидела на коврике перед Ининой дверью пару дорогих мужских туфель. Значит, у нее гость. Олауг присела на кровать и стала слушать.

В восемь дверь скрипнула. Она услышала, как кто-то обувается и сбегает вниз по лестнице. К удаляющимся шагам добавился еще какой-то

звук, похожий на топот собачьих лап. Она пошла на кухню и поставила чайник.

Несколько минут спустя она постучалась к Ине в дверь. И удивилась, когда та не ответила. Было слышно только, как в комнате тихо играет музыка.

Она постучалась снова — по-прежнему никто не ответил.

— Ина?

Олауг толкнула дверь — та поддалась. Первым делом она обратила внимание на спертый воздух. Окна были закрыты, занавески опущены — в комнате было очень темно.

— Ина?

Молчание. Может, спит? Олауг переступила порог и посмотрела за дверь, где стояла кровать. Пусто. Странно. Старые глаза привыкли к темноте, и она различила фигуру Ины в кресле-качалке у окна. Было похоже, что она спит: глаза закрыты, голова слегка повернута набок. Олауг по-прежнему не понимала, откуда звучит эта тихая музыка.

Она подошла к креслу:

— Ина?

Квартирантка и сейчас не ответила. Держа поднос одной рукой, Олауг другой осторожно

потрогала щеку девушки.

С глухим стуком упал на ковер чайник, за ним — две чашки, серебряная сахарница с немецким имперским орлом, пепельница и шесть пирожных.

В то мгновение, когда упал чайник Олауг — а вернее, семьи Швабе, — Столе Эуне поднял свой чайник, а вернее, чайник Полицейского управления Осло.

Решив устроить в своем кабинете совещание, Бьярне Мёллер пригласил Эуне и ведущих следователей: Тома Волера, Харри Холе и Беату Лённ.

Все трое выглядели уставшими. Возможно, из-за того, что появившаяся было надежда поймать лжекурьера постепенно угасала.

После объявлений по телевидению и радио в полицию стали поступать звонки. Только что Том Волер подготовил по ним краткую сводку: из двадцати четырех звонков тринадцать поступило от знакомых активистов, которые спешили поделиться мнениями всегда — даже когда ничего не видели. Оставалось одиннадцать сигналов. Из них шесть указывали на настоящих велокурьеров, а четыре сообщали уже знакомую информацию: в понедельник около пяти вечера в районе площади Карла Бернера видели вело-

сипедиста. Правда, выяснилось, что уехал он по Тронхеймсвейен. Единственный интересный звонок поступил от таксиста, который видел парня на велосипеде, в шлеме, очках и желтой футболке рядом со Школой искусства и ремесла: он ехал в гору по Уллеволсвейен незадолго до предполагаемого момента убийства Камиллы Луен. Ни одна служба курьерской доставки не планировала маршрутов через Уллеволсвейен в это время, но позже объявился парень из «Скорохода», который сознался, что решил сделать крюк, чтобы глотнуть пивка в уличном кафе у Санкт-Хансхёуген.

— Иными словами, все впустую? — обобщил Мёллер.

— Рано еще делать пессимистические выводы, — ответил Волер.

Мёллер кивнул, но выражение лица у него было невеселое. Все в комнате, кроме Эуне, знали, что первые отклики на просьбу полиции самые результативные: у людей память короткая.

— А что говорят наши патологоанатомы? — спросил Мёллер. — Нашли что-нибудь, что поможет определить личность преступника?

— Увы, — сказал Волер. — Ни спермы, ни крови, ни волос, ни кожи — ничего. Из физических

следов — только пулевые отверстия.

— Интересно, — протянул Эуне. И на грустный вопрос Мёллера, что же тут интересного, пояснил: — Стало быть, для половых нужд он жертв не использовал — это нетипично для серийного убийцы.

— А может, его мания не связана с сексуальными мотивами?

Эуне покачал головой:

— Сексуальные мотивы присутствуют всегда. Всегда.

— А может, он как Питер Селлерс в фильме «Эффект присутствия»?[14] — подал голос Харри. — «I like to watch»[15].

Остальные посмотрели на него с непониманием.

— Может, ему для полового удовлетворения вовсе не обязательно их трогать. — Харри старался не смотреть на Волера. — Ему достаточно самого убийства и вида трупа.

— Это вероятно, — одобрил Эуне. — Обычно убийце хочется добиться семяизвержения, но

---

[14] Примечания: 14

«Being There» (1979), фильм по книге Ежи Косинского, режиссер — Хэл Эшби.

[15] Примечания: 15

«Люблю наблюдать» *(англ.)*.

он может при этом не оставлять семени на месте преступления. Или — если у него хватит самообладания — дождаться, пока он будет в безопасности.

На пару секунд все притихли. Харри знал, что остальные думают о том же, о чем и он: что же убийца сделал с пропавшей Лисбет Барли?

— А найденное оружие?

— Проверено, — откликнулась Беата. — Проведенные эксперименты показывают девяносто девять и девять десятых процента вероятности, что именно из найденных пистолетов и были совершены убийства.

— Хорошо, — сказал Мёллер. — А есть идеи, откуда они взялись?

Беата покачала головой:

— Серийные номера сточены, следы на их месте — такие же, как на большей части конфискованного нами оружия.

— Н-да… — задумался Мёллер. — Снова эта могучая и таинственная «лига контрабандистов».

— Над этой бедой Интерпол бьется уже пятый год — и все без толку, — заметил Том Волер.

Харри качнулся на стуле, посмотрел на Волера и впервые (к собственному удивлению) почувствовал, что даже восхищается им, как можно

восхищаться хищником, который идеально приспособлен для выживания.

Мёллер вздохнул:

— Итак, мы проигрываем три — ноль, и противник не думает уступать инициативу. Так что, ни у кого действительно нет стоящих идей?

— Не знаю, тянет ли это на идею…

— Выкладывай, Харри.

— Тут что-то вроде интуиции… Касательно мест преступлений… Что-то их объединяет, но я еще не понял что. Первое убийство произошло в мансарде дома по Уллеволсвейен. Второе — примерно в километре к северо-востоку, на Саннергата. А третье — приблизительно на том же расстоянии, но уже на восток, в офисном здании на площади Карла Бернера. Он перемещается, и у меня такое чувство, что у него существует четкая схема.

— Почему ты так думаешь? — спросила Беата.

— Своя территория, — ответил Харри. — Психолог объяснит.

Мёллер повернулся к Эуне, который как раз сделал глоток из чашки:

— Что скажете, Эуне?

— Ну-у… — скривился тот. — На «Цейлон Кенилворт» не тянет.

— Я не про чай.

— Мёллер, это называется юмором, — вздохнул Эуне. — Я понимаю, к чему ты клонишь, Харри. У серийных убийц есть строгие предпочтения касательно географии преступлений. Грубо говоря, можно выделить три типа. — Он стал загибать пальцы. — Убийца стационарный, который заманивает или затаскивает жертв к себе домой и убивает там. Убийца территориальный, орудующий в определенном районе, как Джек Потрошитель, который убивал только в кварталах, где процветала проституция, — хотя тут его территорией может быть весь город. И убийца-гастролер, на совести которого бывает больше всего жизней. Так, американцы Оттис Тул и Генри Ли Лукас разъезжали из штата в штат и на пару убили больше трехсот человек.

— Понятно, — сказал Мёллер и взглянул на Холе. — Ну и что там у тебя насчет четкой схемы, Харри?

Тот пожал плечами:

— Я же говорю, шеф: просто интуиция.

— Я знаю, что объединяет места преступления, — пришла на помощь Харри Беата.

Все, как по команде, посмотрели на нее. Она густо покраснела, как будто пожалев о сказанном, но храбро продолжила:

— Он ищет места, где жертвы чувствуют себя в безопасности. В собственной квартире. На своей улице днем. В женском туалете на собственном рабочем месте.

— Отлично, Беата, — похвалил Харри и получил в ответ быстрый благодарный взгляд.

— Очень хорошее наблюдение, барышня, — согласился Эуне. — И уж коль скоро мы заговорили о схемах передвижения, могу добавить еще кое-что. Убийцы-социопаты часто настолько самоуверенны, что их схемы легко проглядываются. Особая черта таких убийц в том, что они пристально наблюдают за ходом следствия и редко упускают возможность оказаться рядом со следователями. Расследование для них — игра в кошки-мышки с полицией, и многим серийным убийцам нравится видеть замешательство полицейских.

— Стало быть, где-то рядом сейчас сидит этот тип, смотрит в щелочку и радуется… — Мёллер потер ладони. — Ну, если на сегодня все…

— У меня есть небольшой комментарий, — сказал Харри. — Про бриллиантовые звезды, которые убийца оставляет жертвам…

— Выкладывай.

— У них по пять лучей. Почти что пентаграм-

ма.

— Почему «почти»? Насколько я знаю, это пентаграмма и есть.

— Пентаграмму можно нарисовать без отрыва руки пятью взаимопересекающимися линиями.

— Ага! — встрял Эуне. — В этой фигуре скрыто золотое сечение. Очень любопытная. Кстати, вы слышали теорию, что, когда в эпоху викингов кельты собирались крестить Норвегию, они начертили над югом страны священную пентаграмму, чтобы потом размещать по ней города и церкви?

— А при чем тут бриллианты? — спросила Беата.

— Дело не в самих бриллиантах, а в их форме. В пентаграмме. Я помню, что видел ее на одном из мест преступления, — никак не вспомню где. Может, звучит и глупо, но я считаю, что это важно.

— То есть, — Мёллер подпер подбородок кулаком, — ты помнишь что-то, чего не помнишь, но считаешь, что это важно.

Харри потер лицо ладонями:

— Когда осматриваешь место преступления, мозг работает так интенсивно, что впитывает в себя мельчайшие детали, даже те, которые могут и не пригодиться. Они лежат мертвым грузом,

пока не появится какая-нибудь новая деталь, которая напомнит о том, что ты знал, но забыл. В итоге запутываешься, где что впервые заметил, но нутром чуешь, что это важно. На что это похоже?

— На психоз, — зевнул Эуне.

Остальные повернулись к нему.

— Вы можете хотя бы делать вид, что смеетесь, когда я шучу? — спросил психолог. — Харри, это похоже на работу нормального, напряженно работающего мозга — в этом нет ничего страшного.

— Я думаю, четыре мозга тут уже наработались. — Мёллер встал, и тут же зазвонил телефон. — Слушаю, Мёллер… Секунду.

Он передал трубку Тому Волеру.

— Да?

Стулья уже заскрипели, но Волер сделал знак рукой, прося всех задержаться.

— Отлично, — сказал он и положил трубку.

Остальные смотрели на него с нетерпением.

— Появилась свидетельница. Она видела, как в тот вечер, когда убили Камиллу Луен, из одного дома по Уллеволсвейен, рядом с кладбищем Христа Спасителя, вышел велокурьер. Она запомнила это потому, что ей показалась странной

белая повязка у него на лице. У любителя пива в Санкт-Хансхёуген такой не было. Она не запомнила номер дома, но, когда Скарре повез ее по Уллеволсвейен, сразу же его признала. В этом доме жила Камилла Луен.

Мёллер хлопнул по столу:

— Ну наконец-то!

Олауг сидела на постели, приложив ладонь к шее. Пульс медленно успокаивался.

— Как же ты меня напугала, — чужим, хриплым голосом произнесла она.

— Извините, я так устала, — сказала Ина, поднимая последнее пирожное, — и не слышала, как вы вошли.

— Это я должна перед тобой извиниться, — отозвалась Олауг. — Ворвалась без приглашения… и не увидела, что у тебя эти…

— Наушники, — рассмеялась Ина, — и очень громкая музыка — Коул Портер.

— Знаешь, я не слежу за всей этой новомодной музыкой.

— Коул Портер — старый музыкант. Джазист, американец. По-моему, он уже умер.

— Эх ты! Такая молоденькая, а слушаешь мертвых музыкантов.

Ина рассмеялась. Поднос она опрокинула слу-

чайно, когда почувствовала, как что-то коснулось ее щеки, и непроизвольно дернула рукой. Оставалось подмести с пола сахарный песок.

— Его музыку записал для меня один друг.

— Ишь ты, улыбается, — сказала Олауг. — Этот твой кавалер, что ли?

Спросила и пожалела: как бы Ина не подумала, что она за ней шпионит.

— Возможно, — ответила Ина, и в глазах ее мелькнул задорный огонек.

— Он небось тебя старше? — Олауг хотела намекнуть, что даже не видела его. — Раз такую старую музыку-то любит.

Но тут же пожалела и об этом вопросе. Вот ведь привязалась, старая перечница! На секунду она испугалась, вдруг Ина, рассердившись на нее, подыщет другое жилье.

— Да, капельку старше. — Ина лукаво улыбнулась, и хозяйку это насторожило. — Наверное, как вы с господином Швабе.

Олауг рассмеялась вместе с ней — от облегчения.

— Подумать только, он сидел там же, где вы сейчас, — заметила Ина.

Олауг огладила одеяло:

— Действительно.

— А когда он в тот вечер чуть не плакал, как вы думаете, это потому, что он не мог вас заполучить?

Олауг продолжала гладить одеяло. Грубая шерсть казалась такой приятной на ощупь.

— Не знаю, — сказала она. — Я побоялась спрашивать. Вместо этого сама придумывала ответы, которые мне больше всего нравились. Чтобы было о чем помечтать вечерами. Наверное, поэтому и влюбилась так сильно.

— А вы с ним вместе куда-нибудь ходили?

— Да. Однажды он меня вывез на Бюгдёй. Мы купались. Вернее, я купалась, а он смотрел. Он меня называл «моя нимфа».

— А когда вы забеременели, его жена догадалась, что ребенок от него?

Олауг пристально посмотрела на Ину и покачала головой.

— Они уехали в мае сорок пятого. А я узнала, что беременна, только в июле. — Она похлопала по одеялу ладонью. — Тебе, милая, наверное, надоели мои старые истории. Давай лучше о тебе поговорим. Что у тебя за кавалер?

— Хороший человек.

У Ины было все то же мечтательное выражение лица, с которым она слушала рассказы Олауг

об Эрнсте Швабе — ее первом и последнем любовнике.

— Он мне кое-что подарил. — Ина открыла ящик письменного стола и достала маленький сверток, перевязанный золотой лентой. — Но не разрешил открывать до нашей помолвки.

Олауг улыбнулась и погладила Ину по щеке. Хорошая она девушка!

— Он тебе нравится?

— Он не такой, как все. Он… старомодный. Ему не хочется, чтоб мы торопились с… ну, вы знаете.

Олауг кивнула:

— Сначала надо убедиться, что это мужчина твоей жизни, а уж потом — все остальное.

— Я знаю, — ответила Ина, — но это так нелегко — убедиться. Он только что был здесь, и, перед тем как он ушел, я сказала ему, что мне нужно время подумать, а он сказал, что понимает, ведь я еще такая молодая.

Олауг хотела спросить, не было ли с ним собаки, но удержалась: вопросов было и так уже достаточно. В последний раз проведя рукой по одеялу, она встала:

— Ну, моя хорошая, пойду опять ставить чайник.

Это пришло как откровение. Не чудесное, просто — откровение.

Остальные уже полчаса как разошлись. Харри закончил чтение допроса двух сожительниц — соседок Лисбет Барли, выключил настольную лампу и некоторое время всматривался в темноту кабинета. И вдруг — бац! Оттого ли, что он выключил свет, как будто перед сном, оттого ли, что на секунду перестал думать, но перед глазами у него словно возникла четкая фотография.

Зайдя в кабинет, где хранились ключи от помещений, в которых были совершены преступления, он выбрал нужный и поехал на Софиес-гате, откуда с фонариком прошелся до Уллеволсвейен. Близилась полночь. Прачечная на первом этаже была закрыта, а в магазине надгробий и памятников одинокий огонек высвечивал пожелание: «Покойся с миром».

Харри прошел в квартиру Камиллы Луен и запер дверь изнутри.

Ни мебели, ни других предметов из спальни не убирали, но из-за звонкого эха шагов казалось, будто после смерти владелицы квартира стала странно пустой, какой раньше не была. Вместе с тем Харри казалось, что он не один. Не то чтобы он был слишком религиозным, но в душу верил.

Потому что всякий раз, когда он видел труп, у него возникало странное чувство, будто тело не только претерпело какие-то физиологические изменения, но лишилось чего-то важного. Тела были похожи на высосанных пауками мух. Не было самого существенного: того света, иллюзорного сияния, которое исходит от давно погасших звезд. Тело становилось бездушным. Отсутствие души и заставляло Харри верить в ее существование.

Лунного света, падающего сквозь окно в потолке, было достаточно, и Харри, не трогая выключателя, прошел в спальню, где зажег фонарик и направил его на балку рядом с кроватью. У него захватило дыхание: там оказалось вовсе не сердце поверх треугольника, как он подумал вначале.

Харри сел на кровать и ощупал рисунок. Судя по всему, линии были вырезаны недавно. Вернее — ломаная линия, пентаграмма.

Харри посветил на пол. Его покрывал тонкий слой пыли, кое-где на паркете пыль свалялась в клубки. Очевидно, прибраться Камилла Луен не успела. Рядом с ножкой кровати он нашел то, что искал, — деревянные стружки.

Харри облокотился на мягкий, удобный матрац,

пытаясь сообразить. Если эту звезду над кроватью вырезал убийца, что бы она могла означать?

— Покойся с миром, — пробормотал Харри и закрыл глаза.

Он слишком устал, чтобы мыслить ясно, а в голове вертелся еще один вопрос: почему, собственно, он обратил внимание на пентаграмму? Ведь пятиконечные звезды бриллиантов — это вам не рисунок без отрыва руки. Так почему же он додумался до взаимосвязи? А может, и не додумался? Может, он поспешил? Может, он подсознательно связал пентаграмму с чем-то другим, что он видел на месте преступления, но еще не вспомнил?

Он попытался представить себе места преступлений.

Лисбет на Саннергата. Барбара на площади Карла Бернера. И Камилла. Здесь. В душе рядом. Почти что голая. Мокрая кожа. Он пощупал ее. Из-за теплой воды кажется, что с момента смерти прошло меньше времени.

Он трогает ее кожу. Беата это видит, а он не может оторваться. Кожа словно резиновая. Он смотрит на Камиллу и замечает, что и она смотрит на него — с каким-то странным блеском в глазах. Вздрогнув, он отдергивает руку, и глаза медленно

гаснут, как выключенный телеэкран. Странно, думает он и кладет руку ей на щеку. Теплая вода из душа сочится сквозь одежду. Блеск медленно возвращается. Он кладет другую ладонь ей на живот. Глаза оживают, он чувствует пальцами движение ее тела. Да, к жизни ее вызвали его прикосновения. Без них бы она пропала, умерла. Он прислоняется лбом к ее лбу. Вода затекает под одежду, окутывает кожу. Только сейчас он видит, что глаза у нее не синие, а карие, а бледные губы наливаются кровью. Он прижимается губами к ее губам и отшатывается: они холодные как лед.

Она смотрит на него, ее рот приоткрыт.

— Что ты здесь делаешь?

Сердце Харри замерло. Отчасти оттого, что эхо этих слов еще звучало в комнате, а значит, он услышал их не во сне. Отчасти потому, что голос не был женским. Но в основном оттого, что над ним склонилась чья-то фигура.

Потом сердце снова забилось. Фонарик еще горел, и Харри дернулся за ним, но тот упал на пол и описал круг. Тень странной фигуры в бешеном танце заскакала по стенам.

Потом зажглась верхняя лампа.

Свет ударил в глаза, и Харри непроизвольно заслонил лицо руками. Прошло несколько секунд

— ни выстрелов, ни ударов. Харри опустил руки.

Он узнал мужчину перед собой.

— Скажите на милость, чем вы тут занимаетесь? — спросил мужчина.

На нем был розовый халат, но все равно не верилось, что он только что проснулся. Прическа выглядела идеальной.

Это был Андерс Нюгорд.

— Я проснулся от шума наверху. — Нюгорд нацедил Харри чашку кофе. — Сразу решил, что в мансарду забрался вор, который узнал, что в квартире никого нет.

— Понятно, — сказал Харри. — Но я, кажется, запирал за собой дверь.

— Я взял дубликат у консьержа. Так, на всякий случай.

Харри услышал шарканье и обернулся.

В дверном проеме возникла Вибекке Кнутсен — в ночной рубашке, с сонным лицом и растрепанными рыжими волосами. Без макияжа и в холодном свете кухни она выглядела старше, чем в той версии, которую Харри видел раньше. Заметив его, она вздрогнула:

— Что случилось? — Ее взгляд заметался между Харри и Нюгордом.

— Проверял кое-что в Камиллиной кварти-

ре, — поспешил ответить Харри, заметив ее испуг. — Сел на постели отдохнуть и уснул на несколько секунд. Ваш муж услышал шум, поднялся и разбудил меня. Устал я за день.

И он, не зная зачем, демонстративно зевнул.

Вибекке взглянула на своего сожителя:

— Что это на тебе?

Андерс Нюгорд посмотрел на розовый халат, как будто сам увидел его впервые:

— Ой, я, наверное, выгляжу по-дурацки! — Он хохотнул. — Я купил его в подарок тебе, дорогая. Лежал в чемодане. В спешке ничего больше не нашел. Держи.

Он ослабил пояс, снял халат и кинул его Вибекке.

— Спасибо, — только и смогла выдавить она.

— Кстати, а ты-то почему не спишь? — Нюгорд продолжал глупо улыбаться. — Разве ты не приняла снотворное?

Вибекке в смущении посмотрела на Харри.

— Спокойной ночи, — пробормотала она и исчезла.

Андерс подошел к кофемашине и поставил на нее свою чашку. Его плечи и спина были бледными, почти белыми, а предплечья — загорелыми, как у дальнобойщика летом.

— Обычно она ночью спит как сурок, — произнес он.

— А вы, надо думать, нет.

— Почему вы так думаете?

— Откуда бы вам иначе знать, что она спит как сурок?

— Она сама так говорит.

— А вы просыпаетесь, только когда слышите шаги наверху?

Андерс посмотрел на Харри и кивнул:

— Вы правы, Холе. Я плохо сплю. Не так-то легко заснуть после того, что случилось. Лежишь, думаешь, строишь версии.

Харри отпил из чашки:

— Не поделитесь?

Андерс пожал плечами:

— Я не так много знаю о массовых убийцах. Если этот — из них.

— Не из них. Это серийный убийца. Большая разница.

— Ну да, а вы не заметили, что у жертв есть что-то общее?

— Все они — молодые женщины. Что-то еще?

— Все они были или оставались неразборчивыми в половых связях.

— Что?

— Почитайте газеты. То, что написано об их прошлом, говорит само за себя.

— Но Лисбет Барли — замужняя женщина, и, насколько нам известно, она была верной женой.

— В супружестве — да. Но до этого она выступала в группе, которая разъезжала туда-сюда и играла на дискотеках. Не будьте наивны, Холе.

— Хм… И какой вывод вы делаете?

— Убийца, который берет на себя смелость выносить другим смертный приговор, считает себя Богом. А в Послании к евреям, глава тринадцатая, стих четвертый, говорится: «…блудников же и прелюбодеев судит Бог».

Харри кивнул и посмотрел на часы.

— Я запишу, Нюгорд.

Андерс постучал пальцами по чашке:

— Нашли, что искали?

— Да, я нашел пентаграмму. Полагаю, вам известно, что это такое, раз вы занимаетесь церковной утварью.

— Вы имеете в виду пятиконечную звезду?

— Да. Как Вифлеемская. Часом, не знаете, что она может означать? — Харри опустил голову, будто смотрел на стол, а сам внимательно изучал лицо Нюгорда.

— Кое-что. Пять — важнейшее число в черной

магии. А вверх указывало два луча или один?

— Один.

— Тогда это не знак тьмы. Описанный вами символ может означать жизненную энергию и желания. Где вы ее увидели?

— На балке над постелью.

— А-а, — протянул Нюгорд. — Тогда это отличный символ, «марин крест» называется.

— «Марин крест»?

— Языческий знак. Его чертили над входом, чтобы уберечь дом от мары.

— Это еще что такое?

— Мары-кошмары. Мара — злой дух в обличье женщины, которая садится спящему на грудь и посылает ему дурные сновидения. Язычники считали ее призраком. Ничего странного, что слово «мара» восходит к индоевропейскому «мер».

— Ну, в языках я не силен.

— «Мер» означает смерть, мор. — Нюгорд посмотрел в чашку. — Или убийство.

Вернувшись домой, Харри обнаружил на автоответчике сообщение от Ракели. Она спрашивала, не сводит ли Харри Олега во Фрогнербад завтра, она с трех до пяти будет у дантиста. Это просьба Олега, уточнила она.

Харри сидел и слушал запись, пытаясь вспом-

нить дыхание в трубке, когда кто-то позвонил несколько дней назад, но потом бросил это занятие.

Он разделся и лег в постель. Прошлой ночью он убрал одеяло и сегодня укрылся одним пододеяльником. Во сне он запутался, попал ногой в отверстие, пытаясь вырваться, перепугался и проснулся от треска рвущейся ткани. Темнота за окном уже начинала светлеть. Он отшвырнул пододеяльник на пол и отвернулся к стене.

Потом пришла мара. Она навалилась ему на грудь и прижалась губами к его губам. Голова закружилась. Мара склонилась к самому уху и горячо в него дохнула. Огнедышащий дракон. Бессловесное сообщение из автоответчика. Она хлестала его по ногам и бедрам, и боль была сладкой, и она говорила, что скоро он не сможет любить никого, кроме нее, поэтому нужно привыкать.

Лишь когда над крышами домов взошло солнце, она оставила его в покое.

Глава 19
Среда. Под водой

Время подходило к трем часам. Харри припарковался рядом с Фрогнербадом — теперь ему стало ясно, где собираются все те, кто еще остался в Осло. Перед билетными кассами выстроилась почти стометровая очередь. Пока распаренные тела шаг за шагом продвигались к живительной хлорированной влаге, он решил почитать «ВГ».

Новостей по делу о серийном убийце не было, однако газетчики все же нарыли материала на целых четыре страницы. Туманно-загадочные заголовки были обращены к тем, кто уже некоторое время следил за развитием событий. Появилось новое словосочетание — «дело о велокурьере-маньяке». Все было знакомо, полиция особо не отличалась от газетчиков, и Харри предположил, что утренние совещания редакции на Акерсгата как две капли воды похожи на утренние совещания следственной группы. Он увидел заявления все тех же свидетелей (которые в интервью вспомнили даже больше, чем на допросах), ознакомился с социологическими опросами

(где люди говорили, что им страшно, жутко или жутко страшно), а также прочел мнение служб курьерской доставки, которые требовали компенсации: поскольку теперь велокурьеров никуда не пускали, работать стало невозможно, и вообще — полиция должна поймать этого типа. Догадок о связи «дела о велокурьере» с исчезновением Лисбет Барли больше не строили, теперь об этом говорили в полный голос, как об установленном факте. Под огромным заголовком «Заменяю сестру» красовалось фото Тойи Харанг и Вилли Барли перед Национальным театром. И подпись: «Энергичный продюсер не собирается менять планы».

Харри пробежал глазами текст статьи и остановился на словах Барли:

> «The show must go on» – «представление продолжается». В нашей профессии это не просто легкомысленное заявление, но суровая правда, написанная кровью. Я знаю: что бы ни случилось, Лисбет с нами. И эта пьеса – знак уважения Лисбет, великой артистке, еще не раскрывшей своего таланта, но она обязательно его еще раскроет, я не могу поверить в обратное!

Наконец попав внутрь, Харри не сразу со-

образил, куда идти. Последний раз он был во Фрогнербаде двадцать лет назад. Хотя, по правде говоря, ничего особенно не изменилось, разве что подновили фасады и добавили высокую синюю горку. А в остальном — тот же запах хлора, легкие мелкие капельки воды в воздухе над бассейнами, играющие маленькими радугами, шлепанье босых ног по асфальту, очередь дрожащих детей в мокрых плавках в тени перед киоском.

Ракель и Олега он нашел на газоне у бассейнов.

— Привет. — Губы Ракель улыбнулись, а глаз не было видно за большими солнечными очками «Гуччи».

Она была в желтом купальнике. Мало кто из женщин не устрашится надеть желтый купальник — Ракель была одной из них.

— Знаешь что? — спросил Олег, склонив голову набок и пытаясь вытрясти из уха воду. — Я прыгнул с «пятерки».

Харри сел рядом, на траву, хотя на большом пледе было достаточно места.

— У, врунище!

— А вот и нет! Прыгнул!

— С пяти метров? Да ты каскадер!

— А ты тоже прыгал с «пятерки», Харри?

— Спрашиваешь!

— А с «семерки»?

— Н-да, было дело. Прыгал, и еще как!

Харри выразительно посмотрел на Ракель, но та наблюдала за сыном. Олег перестал трясти головой и спросил замирающим голосом:

— А с «десятки»?

Харри повернул голову к вышке, откуда доносился радостный визг и редкие мегафонные команды спасателей. «Десятка». Вышка казалась черно-белой буквой «Т» на фоне синего неба. Нет, в последний раз он был во Фрогнербаде не двадцать лет назад, а чуть позже. Одной летней ночью они с Кристиной перелезли через забор, залезли на вышку и легли рядом на самом верху. Так они и лежали под звездным небом. Лежали и разговаривали. Он тогда верил, что больше в жизни никого не полюбит.

— Нет, с «десятки» я не прыгал, — сказал он.

— Никогда? — В голосе Олега Харри услышал разочарование.

— Никогда. Только нырял — головой вниз.

— Нырял? — подпрыгнул Олег. — Так это же еще круче! А это все-все-все видели?

— Нет, это же было ночью. Вокруг совсем никого не было.

Олег вздохнул:

— А зачем тогда показывать, какой ты смелый, если тебя все равно никто не видит?..

— Я тоже иногда над этим задумываюсь.

Харри попытался поймать взгляд Ракель, но ее солнечные очки были слишком темными. Она собрала сумку и надела поверх купальника футболку и короткую джинсовую юбку.

— Но это труднее, — добавил он. — Когда ты один и никто тебя не видит.

— Спасибо, что согласился мне помочь, Харри, — поблагодарила Ракель. — Это очень мило с твоей стороны.

— Мне и самому приятно, так что можешь не торопиться. Я здесь буду, сколько тебе нужно.

— Сколько нужно дантисту, — поправила она. — Надеюсь, это будет недолго.

— И как вошел в воду? — не отставал Олег.

— Как обычно, — ответил Харри, продолжая смотреть на Ракель.

— К пяти вернусь, — сказала она. — Не меняйте место.

— Мы ничего менять не будем, — заверил Харри и тут же пожалел о сказанном. Не лучшее время для пафоса. Будут случаи и поудобнее.

Он проводил ее взглядом, думая о том, насколь-

ко трудно, наверное, записаться к стоматологу в сезон отпусков.

— Хочешь посмотреть, как я прыгаю с «пятерки»? — спросил Олег.

— А то! — ответил Харри, снимая футболку.

Олег посмотрел на него:

— Ты что, Харри, никогда не загораешь?

— Никогда.

Сначала пару раз прыгнул Олег. Потом Харри снял джинсы и поднялся на трамплин вместе с ним. Там он стал объяснять Олегу, как правильно прыгать. Некоторые в очереди неодобрительно косились на свободные семейные трусы Харри со звездами Евросоюза.

— В воздухе ты летишь горизонтально, — объяснял Харри на пальцах. — Выглядит неважнецки. Народ думает, что ты упадешь плашмя, но в последний момент… — сжал он большой и указательный пальцы, — ты группируешься и падаешь в воду одновременно руками и ногами.

Холе разбежался и прыгнул. Перед тем как он сгруппировался и вошел в воду, раздался свисток спасателя.

— Эй, я же сказал, что «пятерка» закрыта! — услышал Харри мегафон, едва появившись на поверхности.

Олег помахал ему с вышки, и Харри поднял вверх большой палец, показывая, что он понял. Вылез из воды, спустился по лестнице и очутился у иллюминатора, через который просматривался бассейн. Он водил пальцем по холодному запотевшему стеклу и смотрел на сине-зеленую водную массу. Вот у поверхности появились плавки и отчаянно работающие ноги, будто взбивающие облако на синем небосводе. Вспомнился «Андеруотер».

Появился Олег. В облаке пузырьков он замедлил движения, но вместо того, чтобы подняться вверх, поплыл вниз — к иллюминатору, у которого стоял Харри.

Они посмотрели друг на друга. Олег улыбался, размахивая руками. Его лицо казалось бледно-зеленым. Харри не слышал звуков, но видел, как двигаются его губы, как колышутся на голове волосы, сейчас больше всего похожие на водоросли. Назойливо стучались воспоминания, но Харри упрямо отгонял их прочь. Они смотрели друг на друга, находясь по разные стороны стекла, в ярких лучах солнца, в мире беззаботного шума и одновременно — полной тишины. Вдруг у Харри появилось тревожное предчувствие беды.

Правда, в следующую секунду оно его покину-

ло: Олег дернул ногами и поплыл вверх. Харри словно остался у пустого телеэкрана. Пустого запотевшего телеэкрана, на котором он начертил… Стоп! Теперь ясно, где он это видел!

— Олег! — крикнул он, взбегая по лестнице.

Вообще-то говоря, людьми Карл мало интересовался. За те двадцать лет, что он держал телемагазин на площади Карла Бернера, он ни разу не задался вопросом, кем, собственно, был его тезка, в честь которого назвали площадь. Неинтересен ему был и высокий полицейский, только что предъявивший удостоверение, и стоящий рядом мальчишка с мокрыми волосами. Да и до девушки, о которой полицейский говорил, — ее нашли в сортире у адвокатов из офисного здания напротив — ему дела не было. Единственной особой, в данный момент интересовавшей Карла, была девчонка на фотографии в мужском журнале. Его очень занимало, сколько ей лет и правда ли, что она из Тёнсберга и любит загорать на балконе так, что ее могут видеть проходящие мимо мужчины.

— Я заходил в тот день, когда убили Барбару Свендсен, — сказал полицейский.

— Ну, раз вы говорите… — пожал плечами Карл.

— Видите этот выключенный телевизор у окна? — показал полицейский.

— «Филипс». — Карл отложил журнал в сторону. — Нравится? Пятьдесят герц. Плоский кинескоп. Объемное звучание. ТВ-текст. Может принимать радиопередачи. Стоит семь девятьсот, но вам я продам за пять девятьсот.

— Смотрите, кто-то начертил рисунок на пыльном экране!

— Хорошо, — вздохнул Карл. — Пять шестьсот.

— Да плевал я на телевизор! — повысил голос полицейский. — Я хочу знать, кто это сделал.

— С чего вдруг? — спросил Карл. — У меня до сих пор не было желания об этом докладывать.

Полицейский нагнулся над стойкой, и по цвету его лица Карл понял, что ответ ему не понравился.

— Послушайте! Мы ищем преступника. И у меня есть основания полагать, что он стоял здесь и водил пальцем по экрану. Вам ясно?

Карл молча кивнул.

— Отлично. А теперь, пожалуйста, напрягите память, — настойчиво посоветовал полицейский.

Звякнул колокольчик над дверью, в магазин вошла женщина с железным чемоданом. Поли-

цейский обернулся к ней.

— «Филипс», — показал он.

Женщина кивнула, не говоря ни слова, села перед стеной экранов на корточки и открыла чемодан.

Карл смотрел на них, широко открыв глаза.

— Ну? — потребовал полицейский.

До Карла начало доходить, что это поважнее Лизы из Тёнсберга.

— Я не запоминаю каждого, кто сюда заходит, — запинаясь, сказал он.

Это означало, что он вообще никого не запоминает. Лица для него давно ничего не значили. Даже лицо Лизы он уже успел забыть.

— Каждого мне и не нужно, — медленно произнес полицейский. — Нужен только один. Тот самый. Кажется, за день к вам не так часто и заходят.

Карл послушно покачал головой.

— А по фотографии вы его узнаете?

— Не уверен. Я и вас-то не узнал, так что…

— Харри… — подал голос мальчишка.

— Но вы видели, как кто-то чертил по экрану?

— Харри…

Да, в тот день Карл обратил внимание на одного посетителя. Он вспомнил о нем в тот вечер,

когда заходили из полиции и спрашивали про подозрительных людей. Дело в том, что тот посетитель ничего особенного не делал. Просто стоял и смотрел на экраны, что для телемагазина вполне естественно. Ну и что он должен был сказать? Что кто-то, чью внешность он не запомнил, стоял в магазине и казался подозрительным? И получить за это кучу неприятностей?

— Нет, — ответил Карл, — я не видел, чтобы кто-нибудь чертил по экрану.

Полицейский что-то пробормотал.

— Харри… — Мальчишка потянул полицейского за рукав. — Уже пять часов.

Полицейский замер и посмотрел на часы.

— Беата, — обратился он к женщине. — Нашла что-нибудь?

— Говорить пока рано, — обернулась она к нему. — Следов тут достаточно, но он чертил так, что сложно найти целый отпечаток пальца.

— Позвонишь.

Колокольчик звякнул снова. Карл и женщина с железным чемоданом остались одни.

Он придвинул было к себе Лизу из Тёнсберга, но передумал. Положил журнал на стол фотографией вниз и подошел к женщине из полиции. Та маленькой щеточкой аккуратно собирала с

телевизора пыль. Теперь и он увидел начерченную на экране фигуру. Неудивительно, что она сохранилась до сих пор: Карл нечасто утруждал себя уборкой.

— Что обозначает этот символ? — спросил он.

— Не знаю, — откликнулась женщина. — Знаю только, как он называется.

— Как?

— «Марин крест».

Глава 20
Среда. Возведение соборов

Харри и Олег встретили Ракель у ворот Фрогнербада. Она подбежала к Олегу и, обняв его, бросила на Харри сердитый взгляд.

— Где ты был? Что случилось? — прошептала она.

Харри стоял, бессильно опустив руки, и переминался с ноги на ногу. Он знал, что может ей ответить, где он был, — спасал чужие жизни. Но это было бы неправдой. А правдой было то, что с ним случилось, причем давно. Он всегда занимался своими, и только своими, делами, предоставляя другим расхлебывать последствия. Так всегда было и будет, и то, что он попутно спасает жизни, — всего лишь побочный эффект.

Вместо этого он сказал:

— Я устал. — Это, по крайней мере, была правда.

— Мы ездили туда, где побывал серийный убийца! — радостно выдал Олег, но тут же замолк, уловив скептический мамин взгляд.

— В общем… — начал Харри.

— Нет! — оборвала его Ракель. — Даже не пытайся!

Харри пожал плечами и грустно улыбнулся Олегу:

— Позвольте мне хотя бы довезти вас до дома.

Ответ он знал заранее.

Он стоял и провожал их взглядом. Ракель уходила быстро и решительно, а Олег на полдороге обернулся и помахал ему рукой. Харри помахал ему в ответ.

Глаза болели от солнца.

Столовая в Полицейском управлении находилась на самом верхнем этаже. Харри прибыл сюда прямиком из Фрогнербада и, проходя по пустым коридорам седьмого этажа, отметил, что Тома Волера тоже нет на месте, хотя свет в кабинете горит. Оглядевшись в дверях, Харри заметил в столовой только одного посетителя, сидевшего за столиком спиной к Харри.

Он подошел к стойке и посмотрел на телевизор, висящий в углу. Показывали розыгрыш лотереи. Харри проследил за тем, как очередной шар катится по желобу, потом звук сделали тише, но он услышал, как женский голос объявил: «Пять. Цифра пять». Кому-то повезло.

Шаркнул отодвигаемый стул.

— Привет, Харри. Они уже закрылись, — раздался голос Тома.

— Знаю, — ответил Харри. — Решил зайти покурить. — Он кивнул на открытую площадку на крыше, которая круглый год служила им курилкой.

Вид оттуда открывался замечательный, но воздух был таким же жарким и душным, как и внизу, на улице. Косые лучи заходящего солнца прошивали город и тонули в Бьёрвике — районе, который готовился сменить привычные шоссе, склады и пустующие дома на оперу, гостиницы и элитное жилье. Богатство собиралось подмять под себя весь город. Харри вспомнился сюжет про африканского сома — большую черную рыбу, которой в засуху не хватает ума перебраться в водоемы поглубже и ее ловят руками в вонючих, постепенно высыхающих лужах. Строительство уже началось: на фоне закатного неба высились жирафьи силуэты башенных кранов.

— Будет просто супер! — Том подошел совершенно неслышно.

— Поглядим. — Харри затянулся сигаретой. Он не совсем понимал, о чем речь.

— Тебе понравится, — заверил Волер. — Главное — привыкнуть.

Харри представил себе, как в грязном, пересохшем водоеме сомы бьют хвостами, беззвучно разевают рты, пытаясь привыкнуть жить без воды.

— Мне нужен ответ, Харри, нужно знать: с нами ты или нет.

Захлебнуться воздухом… Пожалуй, такая смерть для сома не хуже других. Захлебнуться — это даже относительно удобно.

— Звонила Беата, — сообщил Харри. — Она проверила отпечатки пальцев в телемагазине. Нет ни одного отчетливого, а владелец магазина ничего не помнит.

— Жаль. Эуне говорит, в Швеции к забывчивым свидетелям применяют гипноз. Надо бы взять на вооружение.

— Надо бы.

— После обеда пришли интересные результаты от патологоанатомов о Камилле Луен.

— Хм?

— Оказывается, она была беременна. Второй месяц. Но никто из знакомых, кого мы допросили, не догадывается, от кого мог быть ребенок. Вряд ли это имеет отношение к убийству, но информация интересная.

— Хм…

Они постояли молча. Волер подошел к перилам, облокотился.

— Харри, я знаю, что ты меня не любишь. Я и не прошу меня любить. Но раз уж мы работаем вместе, надо больше доверять друг другу, быть более открытыми…

— Открытыми, говоришь?

— Да. Удивлен?

— Немного.

Том Волер улыбнулся:

— А ты попробуй. Что ты хотел бы знать обо мне? Спрашивай о чем угодно.

Харри подумал, а потом сказал:

— Хорошо. Я хотел бы знать, что заставляет твои шестеренки работать.

— То есть?

— То есть что заставляет тебя просыпаться утром и делать то, что ты делаешь. Зачем все это? Какая у тебя цель?

— Я понял. — Теперь наступило время задуматься Тому. Он долго молчал, потом указал на краны. — Видишь их? Мой прапрадед приехал сюда из Шотландии. Всем его богатством были шесть сатерлендских овец и письмо из абердинского цеха каменщиков. Этого хватило, чтобы его приняли в цех в Осло. Он участвовал в стро-

ительстве домов вдоль Акерсельвы и восточнее — вдоль железной дороги. Они стоят до сих пор. Его дело продолжали дети. Потом — внуки. Так очередь дошла до моего отца. Прадед взял норвежскую фамилию, но, когда мы переехали в западную часть города, отец сменил ее на прежнюю — Волер. Wall — стена. Звучит, может, и не слишком гордо, но отец считал, что для будущего судьи она подходит больше, чем Андерсен.

Харри с удивлением посмотрел на Волера:

— Так ты собирался стать судьей?

— Да, когда поступал на юридический, и стал бы, если бы не случай.

— Какой случай?

Волер пожал плечами:

— Несчастный. На производстве. Отец погиб. И вот что странно: когда умирает отец, понимаешь, что дороги в жизни ты выбирал не для себя, а для него. И я понял, что с другими студентами на юридическом не имею ничего общего. Я был наивным идеалистом. Верил, что мы будем высоко нести знамя справедливости и создавать современное правовое государство. А выяснилось, что большинству просто нужна степень и место, на котором можно зарабатывать достаточно, чтобы нравиться девчонкам в Уллерне. А, да что я тебе

говорю, ты ведь и сам учился на юриста…

Харри кивнул.

— Наверное, у меня это в крови, — сказал Волер. — Я всегда любил строить. Что-нибудь большое. Когда я был еще совсем маленьким, то строил из конструктора огромные замки — намного больше, чем у остальных детей. А на юридическом понял, что я другой, не такой, как эти людишки с мелкими мыслишками, и через два месяца после похорон пошел поступать в полицейскую академию.

— И стал лучшим из выпуска, если верить слухам.

— Одним из лучших.

— Что же, в полиции у тебя получилось построить свой замок?

— Нет, Харри, не получилось. Ни у кого не получается. В детстве, чтобы мои постройки были выше, я отнимал детали конструктора у других. Весь вопрос в том, что ты хочешь построить. Жалкую маленькую лачугу для жалкой маленькой жизни — или театры и соборы, величественные здания, которые будоражат воображение, заставляя тянуться к возвышенному. — Волер провел рукой по перилам. — Возводить соборы — это призвание, Харри. В Италии каменщиков,

погибших при их строительстве, почитали как мучеников. Хотя сооружали соборы на благо человечеству, все до единого они стоят на человеческих костях и крови — так говаривал мой дед. И так будет всегда. На крови моей семьи стоит не одно здание, которое видно отсюда. А мне хочется большей справедливости. Для всех. И я буду использовать те строительные материалы, которые сочту нужными.

Харри посмотрел на огонек своей сигареты:

— И я тоже строительный материал?

Волер улыбнулся:

— Можно было бы выразиться более деликатно, но мой ответ — да. Если тебе будет угодно. У меня есть варианты… — Он не договорил, но Харри догадывался о продолжении: «…а у тебя — нет».

Глубоко затянувшись, он тихо спросил:

— А если я соглашусь?

Волер поднял бровь и изучающе посмотрел на Харри. Потом ответил:

— Получишь первое задание, которое выполнишь в одиночку, не задавая вопросов. Все до тебя проходили через это. Испытание на верность.

— И в чем оно состоит?

— Со временем все узнаешь, но придется сжечь кое-какие мосты.

— Означает ли это нарушение норвежских законов?

— Разумеется.

— Ага, — сказал Харри. — Чтобы у вас что-то против меня было и не возникало соблазна вас выдать.

— Я бы сказал это иначе, но суть ты уловил.

— А о чем речь? О контрабанде?

— Сейчас я тебе ответить не могу.

— А откуда тебе знать, вдруг я «крот» из ОСО?

Волер перегнулся через перила и показал вниз:

— Видишь ее, Харри?

Харри подошел к краю площадки и взглянул на парк. На зеленой траве еще лежали загорающие.

— В желтом купальнике, — подсказал Волер. — Хороший цвет, правда?

Внутри у Харри скрутило, и он резко выпрямился.

— Ты о нас плохо думаешь, — сказал Волер, продолжая смотреть вниз. — Мы следим за теми, кто нужен нашей команде. Она хорошо держится, Харри, но нужно ей то же, что и большинству женщин. Мужская забота, внимание. А времени у тебя немного: такие дамы недолго бывают одинокими.

Харри выронил сигарету, и та полетела вниз,

отмечая свой путь шлейфом искр.

— Вчера по всей Восточной Норвегии передавали пожарное предупреждение, — заметил Волер.

Харри не ответил, только вздрогнул, когда собеседник положил руку ему на плечо.

— Чтобы показать нашу добрую волю, я даю тебе два дня. Если за это время ответа от тебя не будет, предложение теряет силу.

Холе сглотнул раз, другой, пытаясь выговорить одно только слово. Но язык не слушался, во рту пересохло хуже, чем при африканской засухе.

Наконец у него получилось.

— Спасибо.

Беате Лённ работа нравилась. Нравилась рутина и надежная размеренность. Она знала, что талантлива, и знала, что это знает вся служба криминалистической экспертизы на Кьёльберггате, дом 21. Работа была единственной важной составляющей ее жизни — ради нее она и вставала по утрам. Все остальное просто заполняло перерывы.

Ей принадлежал верхний этаж дома в Уппсале, где она жила с мамой. Они прекрасно ладили друг с другом, а уж отец, пока был жив, и вовсе в Беате души не чаял. Наверное, поэтому она и пошла по его стопам в полицию. Хобби у нее

не было. Хотя она встречалась со следователем Халворсеном, соседом Харри по кабинету, у нее не было никакой уверенности в будущем их отношений. В журнале «Она», правда, писали, что такого рода сомнения естественны, поэтому все же стоит пойти на риск. Но риск и сомнения Беата не любила. Она любила свою работу.

Подростком она краснела от одной только мысли о том, что кто-то о ней думает, и бóльшую часть времени искала различные способы спрятаться. Краснела она по-прежнему, зато теперь ей было куда спрятаться — за грязные кирпичные стены службы экспертизы, где часами можно было в тишине и спокойствии изучать отпечатки пальцев и следы обуви, отчеты по баллистике и сопоставлению голосов, видеозаписи, анализы ДНК, крови и фрагменты тканей — бесконечные улики, с помощью которых распутывались сложные и громкие дела. Беата поняла, что в ее работе опасностей не так уж много. Главное — говорить громко и четко, стараться не краснеть, не терять лица и не стыдиться неизвестно отчего. Кабинет на Кьёльберг-гате стал ее крепостью, а униформа — доспехами.

Было уже полпервого ночи, когда телефонный звонок оторвал ее от лабораторных отчетов по

пальцу Лисбет Барли. На экране телефона высветилось «неизвестный номер», и сердце бешено забилось. Только бы не он!

— Беата Лённ.

Он! Его слова звучали, словно резкие удары.

— Почему ты не позвонила мне насчет отпечатков?

Она на секунду задержала дыхание. Потом ответила:

— Харри сказал, что передаст тебе.

— Спасибо, передал. В следующий раз информируй в первую очередь меня. Ясно?

К горлу подкатил ком — Беата не знала, от страха или от злости.

— Хорошо.

— Ты еще что-нибудь говорила ему, чего не говорила мне?

— Нет. Разве что про результаты исследования вещества, которое мы обнаружили под ногтем присланного пальца.

— У Лисбет Барли? И что вы там нашли?

— Экскременты.

— Что?

— Дерьмо! — в раздражении повысила она голос.

— Мерси, я в курсе, что такое экскременты. Есть

догадки, откуда они?

— Да, — коротко ответила Беата.

Не дождавшись продолжения, он сказал:

— Задам вопрос иначе. Чьи они?

— Наверняка не знаю, но могу предположить.

— Ах, будьте так любезны…

— В них найдена кровь — вероятно, человек болен геморроем. Третья группа крови. Встречается лишь у семи процентов населения. Вилли Барли зарегистрирован как донор. И у него…

— Ясно. Так какое ты делаешь заключение?

— Не знаю, — поспешила ответить Беата.

— Но ты ведь знаешь, что анус — эрогенная зона? А, Беата? Как у женщин, так и у мужчин. Или забыла?

Беата закрыла глаза. Лишь бы он не начал снова. Не надо. Все давно прошло, и она уже начала забывать, вытеснять это из памяти. Но его голос был твердым и гладким, как змеиная кожа.

— Ты умеешь притворяться очень правильной девочкой, Беата. Мне это нравится. И нравилось, когда ты делала вид, что тебе этого не хочется.

«Никто ничего не знает», — мысленно убеждала себя она.

— А у Халворсена так же хорошо получается? — продолжал Волер.

— Всё, пока, — сказала Беата.

В ушах раздался его смех. И тогда Беата поняла: спрятаться некуда и достать ее могут повсюду. Как это случилось с теми тремя женщинами, которые чувствовали себя в полной безопасности. Потому что нет на свете ни прочных крепостей, ни надежных доспехов.

Эйстейн сидел в такси на Тересес-гате и слушал «Роллинг стоунз», когда вдруг зазвонил телефон.

— Такси Осло, — сказал он в трубку.

— Привет, Эйстейн. Это Харри. У тебя в машине кто-нибудь есть?

— Только Мик и Кит.

— Кто?

— Лучшая группа в мире.

— Эйстейн!

— Н-да?

— «Стоунз» не лучшая группа в мире. Да и песню «Wild Horses» написали не Кит с Миком, а Грэм Парсонс.

— Все это сплетни, и ты это знаешь. Бывай…

— Алло? Эйстейн?!

— Скажи мне что-нибудь хорошее. Быстро.

— «Under My Thumb» — действительно неплохая песня. И в «Exile On Main Street» есть интересные моменты.

— Хорошо. Чего хотел?

— Помощь нужна.

— На дворе три часа ночи. Может, поспишь?

— Не могу, — сказал Харри. — Стоит закрыть глаза, и сразу так жутко становится…

— Тот же кошмар, что и раньше?

— Кино из ада — повтор по заявкам зрителей.

— Про лифт?

— Про лифт. И я каждый раз схожу с ума. Как скоро ты сможешь подъехать?

— Ох, не нравится мне это, Харри.

— Когда?

Эйстейн вздохнул:

— Подожди минут шесть.

Когда Эйстейн поднимался по лестнице, Харри уже напялил джинсы и ждал его в дверях.

Они сели в гостиной. Свет включать не стали.

— Пиво будет? — Эйстейн снял бейсболку с надписью «Playstation» и зачесал назад редкие потные космы.

Харри покачал головой.

— Тогда вот, — сказал Эйстейн и поставил на стол черную тубу, похожую на футлярчик из-под фотопленки. — Держи. Флунипам. Вырубает с гарантией. Одной таблетки за глаза хватает.

Харри внимательно посмотрел на цилиндрик,

потом сказал:

— Я позвал тебя не за этим, Эйстейн.

— Н-да?

— Н-да. Мне хочется узнать про взлом кодов. Как это делается?

— Ты про хакеров? — Эйстейн был немало удивлен. — Собираешься взломать пароль?

— Вроде того. Читал в газете про маньяка? Мне кажется, он оставляет нам закодированные послания. — Харри включил лампу. — Гляди.

Эйстейн посмотрел на лист бумаги, который Харри положил на стол, и удивился:

— Звезда?

— Пентаграмма. Этот символ он оставил дважды. В первый раз вырезал на балке у кровати жертвы, а во второй — нарисовал на пыльном экране телевизора в магазине напротив другого места преступления.

Эйстейн посмотрел на звезду и кивнул:

— И ты думаешь, я помогу тебе разобраться, что это значит?

— Нет. — Харри подпер подбородок руками. — Но надеюсь, ты расскажешь мне про принципы расшифровки кодов.

— Харри, я же взламывал математические коды, а у человеческих — иной смысл, другая

семантика. Я, например, до сих пор ни разу правильно не вычислил, что имеют в виду женщины, когда говорят «нет».

— Представь себе, что в нашем случае задействованы и человеческая логика, и некий подтекст.

— Тогда это уже криптография, тайнопись. Для этого, помимо логического мышления, нужно умение задействовать подсознание и интуицию — все то, что ты знаешь, но не знаешь, что знаешь. Придется использовать линейное мышление и распознавание образов. Слыхал об Алане Тьюринге?

— Нет.

— Этот англичанин в войну расшифровывал немецкие коды. Проще говоря, выиграл Вторую мировую. Он говорил, что для расшифровки нужно сначала понять, в каком измерении действует противник.

— Это как?

— Скажем так, этот уровень выше букв и цифр. Надъязыковой. И ответы надо искать не на вопрос «как», а на вопрос «зачем». Понятно?

— Нет.

— Никто не понимает. Это, скорее, особый дар — вроде ясновидения.

— Предположим, мы знаем зачем. Что дальше?

— Дальше придется потратить уйму времени. Комбинируй варианты, пока не вымрешь.

— Нельзя мне вымирать. И уймы времени у меня нет. Побыстрее можно?

— Тогда есть только один известный мне способ. Транс.

— Ну разумеется, транс. Вот теперь все понятно.

— Я не шучу. Продолжаешь смотреть на информацию, пока не избавляешься от всех мыслей. Все равно что перегрузить мышцу и вызвать ее спазм. Что-то в этом роде. В восемьдесят восьмом я четыре ночи подряд взламывал систему счетов Датского банка. На голом энтузиазме и капельке ЛСД. Получится подсознательно взломать код — считай себя королем. А если не получится…

— То что?

Эйстейн засмеялся:

— Угодишь в психушку. Там полно таких, как я.

— Транс, говоришь?

— Ага. Транс. Интуиция. Может быть, немного фармацевтической помощи…

Харри взял со стола черный цилиндрик и поднес к глазам:

— А знаешь что, Эйстейн?

— Что?

Он кинул тубу через стол, и Эйстейн ловко поймал ее.

— Я пошутил насчет «Under My Thumb».

Эйстейн положил тубу на край стола и нагнулся завязать шнурки на старых, ужасно грязных лыжных ботинках «Пума».

— Да знаю. Как там Ракель? — спросил он.

Харри пожал плечами.

— Ты от этого такой грустный?

— Возможно, — ответил Харри. — Мне тут предложили работу, и не знаю, смогу ли я отказаться.

— Значит, это явно не работа таксиста. Или предлагал не мой шеф.

Харри улыбнулся.

— Извини, но из меня плохой советчик по вопросам трудоустройства. — Эйстейн встал. — Флунипам оставляю здесь. Поступай как знаешь.

Глава 21
Четверг. Пигмалион

Метрдотель с головы до ног изучил человека перед собой. За тридцать лет работы у него выработался своего рода нюх на неприятности, а от этого человека неприятностями разило за версту. Не то чтобы всякая неприятность была во вред — гостям «Театрального кафе» как раз не хватало хорошего скандала, но это должна быть правильная неприятность. Например, когда молодой артист с галереи нараспев заявляет, что он из поколения новых талантов, а хорошее вино можно пить и без многолетней выдержки. Или бывший исполнитель главных ролей из Национального театра провозглашает, что ничего хорошего не может сказать о финансисте за соседним столиком, разве только то, что он гомосексуалист и посему не склонен к размножению. Ну а то, что сейчас лицезрел метрдотель, не обещало скандала. Просто скучная неприятность: неоплаченный счет, храп под столом или потасовка. Сначала он по внешним признакам (грубые черные джинсы, красный нос и бритый

череп) принял его за пьяного рабочего сцены, который собрался в родимый погребок. Но когда тот спросил Вилли Барли, возникло подозрение, что это какая-нибудь помойная крыса из журналистского погребка под уличным рестораном с говорящим названием «Толчок». Метрдотель не испытывал никакого уважения к грызунам, которые беспардонно теребят то, что осталось от бедняги Барли после исчезновения его очаровательной супруги.

— Вы уверены, что означенный человек здесь? — спросил метрдотель.

Он открыл книгу заказов, хотя прекрасно знал, что Барли, как обычно, пришел ровно в десять и сел за свой обычный столик на застекленной веранде, откуда была видна Стортингсгата. Удивительно было то, что приветливый продюсер впервые изменил себе и пришел в четверг. У метрдотеля даже возникли серьезные опасения насчет его психического здоровья.

— Не надо утруждаться, я его вижу, — заявил человек и исчез внутри.

Метрдотель вздохнул и посмотрел на другую сторону улицы. Да, основания опасаться за психику Барли были: поставить летом мюзикл в почтенном Национальном театре… О господи…

Нужного человека Харри узнал по копне волос, но, подойдя ближе, начал сомневаться.

— Барли?

— Харри! — Взгляд просветлел, но тут же снова погас.

Вилли Барли осунулся. Кожа, всего несколько дней назад свежая и загорелая, теперь выглядела мертвой, будто кто-то посыпал ее белой пудрой. Все тело словно съежилось, даже широкие плечи казались у́же.

— Не хочешь сельди? — Вилли кивнул на тарелку перед собой. — Лучшая в Осло. Я всегда ее заказываю. Говорят, хорошо для сердца. Но нужно, чтоб было сердце, а у посетителей этого кафе… — Он махнул рукой, указывая на почти пустой зал.

— Нет, спасибо, — отказался Харри и сел.

— Возьми хотя бы хлебцы. — Вилли подвинул ему корзиночку. — В Норвегии больше нигде не подают настоящий хлеб с цельными фенхелевыми зернами. Как нельзя лучше подходит к сельди.

— Спасибо, не хочу. Разве что кофе.

Вилли подозвал официанта, попросил чашку и повернулся к Харри:

— Как ты меня нашел?

— Был в театре.

— А я ведь просил их говорить, что меня нет в городе. Эти журналисты… — Он показал руками, будто душит кого-то.

Харри не понял: то ли он изобразил, что они его придушили, то ли как он хотел бы расправиться с журналистами.

— Я показал удостоверение и объяснил, что дело срочное, — сказал Харри.

— Хорошо-хорошо.

Появился официант с чашкой. Пока он наливал кофе из кофейника на столе, Вилли неподвижно смотрел на белую скатерть перед Харри. Официант ушел. Харри кашлянул, и Вилли поднял взгляд.

— Если у тебя плохие новости, Харри, давай уж сразу.

Харри отпил из чашки и покачал головой:

— Как там с пьесой?

Вилли бледно улыбнулся:

— Вчера звонили из культурного обозрения «Дагбладет» и спрашивали о том же. Я объяснил, как продвигается работа, а потом журналистка спросила, не повысился ли спрос на билеты после того, как таинственным образом исчезла Лисбет и ее заменила сестра. — Он закатил глаза.

— И что? — полюбопытствовал Харри. — Повысился?

— Спятил? — В голосе Вилли зазвучали нотки ярости и угрозы. — Лето. Люди хотят веселиться, а не плакать над незнакомой им женщиной. Мы потеряли козырную карту. Лисбет Барли — это талант. Такая потеря для проекта — катастрофа! — Несколько человек в зале обернулись на него, но Вилли и не думал говорить тише. — Мы почти не продали билетов. Ну, кроме как на премьеру — те расхватали моментально. Люди жаждут крови. Они чуют скандал. Так что, Харри, мы целиком зависим от суровых критиков. Но именно сейчас меня меньше всего заботит этот чертов мюзикл! — Вилли ударил кулаком по столу, посуда подпрыгнула.

Казалось, ярость сейчас перерастет в бешенство, но вдруг все его раздражение как рукой сняло. На какое-то мгновение выражение лица стало удивленным, словно Барли не понимал, где он, и тут же он закрыл лицо ладонями. Харри поймал взгляд метрдотеля: тот глядел в их сторону с какой-то надеждой.

— Прошу прощения, — сквозь пальцы пробасил Вилли. — Я не могу… Я не сплю…

Он издал звук — что-то среднее между всхли-

пом, усмешкой и икотой — и, снова ударив по столу, с горькой усмешкой обратился к Харри:

— Чем я могу помочь, Харри? Вид у тебя неважный.

— Неважный?

— Подавленный. Меланхоличный. Безрадостный.

Вилли пожал плечами и вилкой отправил в рот порцию сельди на хлебце. Рыба сверкнула кожицей, и в то же мгновение бесшумно появившийся официант подлил ему в бокал шардоне.

— Нужно кое-что уточнить, вопрос у меня интимный и, возможно, неприятный, — сказал Харри.

Вилли покачал головой, запивая еду вином:

— Чем интимнее, тем менее он неприятен, Харри. Я же все-таки человек творческий.

— Ну что ж… — Харри отпил для решимости кофе. — Под ногтем пальца Лисбет мы обнаружили экскременты и кровь. Предварительный анализ показал, что группа — ваша. И хотелось бы знать, стоит ли проводить еще и анализ ДНК.

Вилли перестал жевать, приложил к губам правый указательный палец и задумчиво посмотрел в никуда:

— Нет. Не стоит.

— То есть ее палец контактировал с вашими… экскрементами.

— Накануне ночью мы занимались любовью. Как, собственно, каждую ночь. Я бы и днем не отказался, если б не было так жарко.

— И вы…

— Хочешь спросить, занимались ли мы анальной мастурбацией?

— Э-э-э…

— Проще, совала ли она мне пальцы в задницу? Да, причем часто. Но осторожно. Как и шестьдесят процентов норвежцев в моем возрасте, я страдаю геморроем, поэтому Лисбет никогда не отращивала длинные ногти. А ты, Харри, практикуешь анальную мастурбацию?

Харри поперхнулся кофе.

— На себе или на других? — не отставал Вилли.

Харри покачал головой.

— А зря, Харри, — сказал Вилли Барли. — Стоило бы. Особенно мужчине. Сделав этот шаг, ты откроешь целый мир чувств, о которых раньше не догадывался. Открываясь, проявляя доверие, ты даешь другим возможность буквально познать тебя изнутри. — Вилли жестикулировал вилкой. — Разумеется, это рискованно. Тебе могут сделать больно, но могут и проявить любовь.

И тогда ты весь напитываешься этим чувством, Харри. Оно становится твоим. Считается, что во время соития мужчина овладевает женщиной, но разве это так? Кто кем овладевает? Подумай над этим, Харри.

Харри подумал.

— То же самое и с художниками. Ради того, чтобы испытать любовь, мы рискуем получить вместо нее страшную боль. Это отнюдь не безопасно, Харри. Я рад, что больше не танцую. — Вилли улыбнулся, и по лицу у него скатились две слезы: сначала из одного глаза, а потом из другого. Они параллельно сбежали по щекам и исчезли в бородке. — Я тоскую по ней, Харри.

Харри уперся взглядом в стол. Подумал, что ему пора бы идти, но продолжал сидеть.

Вилли выудил носовой платок и, громко высморкавшись, вылил в бокал остаток вина из бутылки:

— Не хочу тебя обидеть, Харри, но, когда я сказал, что ты неважно выглядишь, я имел в виду, что ты всегда выглядишь неважно. Из-за женщины?

Харри покрутил чашку пальцами.

— Или из-за женщин? — участливо спросил Вилли.

Харри захотелось ответить что-нибудь такое, после чего расспросы прекратились бы, но почему-то передумал и кивнул.

Вилли поднял бокал:

— Ты заметил? Это всегда из-за женщин. Кого ты потерял?

Харри посмотрел на него. Во взгляде бородатого продюсера чувствовалась какая-то беззащитная откровенность и уязвимость, и Харри понял, что может ему довериться.

— Мама умерла от болезни, когда я был маленьким, — сказал он.

— И ты по ней тоскуешь?

— Да.

— Но ведь не только по ней?

Харри пожал плечами:

— Полтора года назад убили мою коллегу. А сейчас Ракель, женщина, которую я люблю… — Он осекся. — Не думаю, что вам это интересно…

— Я так понял, мы дошли до сути дела, — вздохнул Вилли. — Вы хотите разойтись.

— Не мы. Она. А я пытаюсь заставить ее передумать.

— Ага… А почему она хочет уйти?

— Потому что я такой, какой уж есть. Это долгая история, но сказать можно и короче: беда во мне.

Ей хочется, чтобы я был другим.

— Послушай, а приходи с ней на мою пьесу!

— Зачем?

— Потому что ее сюжет перекликается с греческим мифом о скульпторе Пигмалионе, который влюбился в собственную статую, прекрасную Галатею. Он взмолился, чтобы богиня Венера оживила ее и они могли пожениться. И мольба его была услышана. Может, посмотрев пьесу, твоя Ракель увидит, что бывает, когда хочешь изменить человека.

— Становится еще хуже?

— Напротив. Пигмалион, он же профессор Хиггинс, добивается полного успеха. Все пьесы, которые я ставлю, кончаются хорошо. Такой у меня жизненный принцип. А если они кончаются плохо, я сам придумываю счастливую концовку.

Харри покачал головой и криво улыбнулся:

— Ракель хочется, но она не пытается меня изменить. Она умная и идет своей дорогой.

— Что-то подсказывает мне, что она повернет обратно. Я пришлю вам два билета на премьеру.

Вилли сделал знак официанту, чтобы тот принес счет.

— С чего это вы вдруг утверждаете, что она вернется? — спросил Харри. — Вы же ничего о

ней не знаете.

— Верно. Говорю чепуху… Белое вино к обеду — это хорошо, но только в теории. Я стал выпивать больше, чем мне положено, ты уж меня прости.

Официант принес счет, Вилли, не глядя, подписал его и попросил приложить к остальным. Официант удалился.

— Повести даму на премьеру, где для вас заказаны лучшие места, — не такая уж плохая затея, — улыбнулся Вилли. — Сам так делал. Дает отличные результаты.

Харри подумал, что эта улыбка похожа на усталую, грустную улыбку его отца, который улыбался прошлому, потому что в настоящем ему было нечему радоваться.

— Большое спасибо, но… — начал Харри.

— Никаких «но»! В крайнем случае это повод созвониться, если вы с ней долго не разговаривали. Я тебе пришлю два билета, ладно, Харри? Думаю, Лисбет это понравилось бы. И Тойя играет все лучше. Постановка будет замечательная.

— Я подумаю, хорошо? — сказал Харри.

— Отлично. Пора включаться в работу, пока я не уснул. — Вилли встал.

— Кстати… — Харри сунул руку в карман пиджака. — Этот знак мы нашли неподалеку от

двух других мест преступления. Пентаграмма. Он вам не встречался незадолго до исчезновения Лисбет?

Вилли покрутил в руках фотографию:

— Определенно нет.

Харри протянул руку, чтобы забрать снимок.

— Хотя… Подожди-ка… — Вилли в задумчивости почесал бородку. — Я его вроде видел. Но где?

— В квартире? На лестнице? На улице?

Вилли покачал головой:

— Нет-нет, все не то. И не теперь. В другом месте. Давно. Вот только где? А это важно?

— Думаю, да. Позвоните, когда вспомните.

Простившись с Вилли на улице, Харри некоторое время стоял и смотрел в сторону Драмменсвейен, где в лучах солнца блестели трамвайные пути, а из-за марева казалось, будто трамвай парит над ними.

Глава 22
Четверг и пятница. Откровение

Бурбон «Джим Бим», лучшее американское виски, готовят из ржаного зерна, ячменя и на семьдесят пять процентов из кукурузы, которая придает ему приятный сладкий вкус, — главное отличие от обычного виски. Воду для «Джима Бима» доставляют из родника неподалеку от винокурни в Клермонте, штат Кентукки, дрожжи используют тоже особые: некоторые утверждают, что их производят по рецепту 1795 года, который использовал сам Джекоб Бим, прадедушка легендарного Джима. Готовый продукт выдерживают минимум четыре года, прежде чем партии товара расходятся по всему свету. Часть попадает в руки Харри Холе, а он плевать хотел на рецепт Джейкоба Бима и на родниковую воду, считая эти рассказы очередным рекламным трюком наподобие «Фарриса» и Фаррисовского источника. Единственный процент, который его интересует, пишут мелким шрифтом на этикетке.

Харри стоял перед холодильником, держа в руке охотничий нож и разглядывая бутылку с

золотистой жидкостью. Одежды на нем не было. В спальне была такая жара, что он скинул с себя пропотевшие семейные трусы, от которых по-прежнему пахло хлором.

Он не выпивал уже четыре дня. Худшее позади, уверял он себя. Это была неправда. Худшее еще предстояло пережить. Как-то Эуне спросил у него, отчего он пьет. Не задумываясь, Харри ответил: «От жажды». Он часто сожалел, что выпивка приносит больше бед, чем радостей, и трезвым бывал только из практических соображений, а не из принципа. Постоянно пить — утомительно: в награду получаешь лишь небольшую передышку от уныния и боли. Жизнь алкоголика состоит из запоев и перерывов. Где тут настоящая жизнь? На изучение этого философского вопроса у Харри не было времени. Да и ответ никак не изменил бы его жизнь в лучшую сторону. Да и в худшую тоже. Потому что все хорошее — все! — рано или поздно по закону алкогольного тяготения будет потеряно и наступит Великий Сушняк. Так он жил, пока не встретил Ракель и Олега. Тогда трезвость приобрела новое измерение, но закона тяготения никто не отменял, и сейчас у него не осталось сил выдерживать кошмары. Слушать ее крики. Видеть боль в неподвижных, мертвых

глазах. Глядеть, как ее тянет вверх. Он протянул руку к холодильнику. Испытать нужно все. Положив нож рядом с бутылкой, он закрыл дверцу и вернулся в спальню.

Свет включать не стал. Между шторами просвечивала луна.

Казалось, будто кровать собирается сбросить скомканное белье. Харри забрался в постель. В последний раз без кошмаров он спал несколько минут в комнате Камиллы Луен. Тогда ему тоже снилась смерть, вот только страшно не было. Можно запереться в комнате, но спрятаться во сне нельзя.

Харри закрыл глаза.

Шторы шевельнулись. Лунная полоска дрогнула, и на стене отразился черный силуэт кровати, оттенились неровности под обоями, составляя вместе большую пятиконечную звезду.

Она лежала и слушала шум Тройской улицы за окном и его ровное дыхание совсем рядом. Иногда ей казалось, что она слышит крики из зоологического сада, но, возможно, это всего-навсего ночные поезда притормаживали перед вокзалом по ту сторону реки. Звук поезда ему нравился — он сказал об этом, как только они переехали в Трою, на самый верх бурого вопросительного

знака, который Влтава чертила через всю Прагу.

Шел дождь.

Сегодня он уезжает на целый день. Говорит, что в Брно. Она услышала, как он вошел в квартиру, когда уже была в постели. В коридоре шаркнул чемодан, и вот он появился в спальне. Она притворилась, что спит, но через полуопущенные веки смотрела, как он спокойными движениями раздевается, иногда поглядывая на нее в зеркало. Потом он забрался в постель, и она почувствовала его холодные руки и шершавую от высохшего пота кожу. Они любили друг друга под шум дождя по черепице, и его кожа была соленой на вкус, и потом он заснул как ребенок.

Обычно после этого она тоже засыпала, но сейчас спать не хотелось, как не хотелось и признаваться себе, что мысли ее сейчас крутятся вокруг одного и того же. В понедельник вечером он вернулся из Осло, а на следующий день она чистила его одежду и нашла на рукаве короткий светлый волос. А в субботу он снова поедет в Осло — уже в четвертый раз за четыре недели. Конечно, волос мог принадлежать кому угодно. Мужчине. Или даже собаке…

Он начал храпеть.

Она вспомнила, как они встретились. Из-за

открытого выражения лица и доверительного тона она ошибочно приписала ему открытость во всем. Растаяла от него, как весенний снег на Вацлавской площади. Но, пав жертвой такого обаяния, скоро начинаешь терзаться подозрениями: а вдруг, кроме тебя, у него есть кто-то еще?

Впрочем, он относился к ней с уважением. Почти что как к равной, хотя денег у него было достаточно, чтобы обращаться с нею как с обычной проституткой с Перловой улицы. Этот человек был просто клад. Единственный, который она нашла в своей жизни, и единственный, который по-настоящему могла потерять. Она это понимала — и потому не спрашивала ни с кем он был, ни чем занимался.

Но теперь случилось то, что вынуждало ее узнать, действительно ли на него можно положиться. Потому что в жизни появилось кое-что еще более драгоценное. Ему она пока ничего не говорила. Да и сама узнала обо всем лишь три дня назад, когда вернулась от врача.

Она выскользнула из постели и бесшумно прошла к двери. Осторожно опустила дверную ручку и мельком бросила взгляд на его отражение в зеркале над комодом. Вышла в коридор и осторожно закрыла за собой дверь.

Чемодан был мышиного цвета, с выдвижной ручкой. Почти новый, но местами уже поцарапанный, с полуоборванными наклейками таможенного досмотра и названиями городов, о которых она даже не слышала.

В полумраке она видела, что цифровой замок выставлен на «0-0-0». Как и обычно. И знала, что так он не раскроется. Открытым она этот чемодан никогда не видела, кроме тех случаев, когда лежала в постели, а он собирал вещи в дорогу. Совершенно случайно, когда он в последний раз собирался, она увидела цифровую комбинацию на обратной стороне крышки. Запомнить три цифры не так уж сложно, если захотеть. Забыть про все и запомнить три цифры — гостиничный номер, куда ей однажды сказали подойти, уточнив, что надеть и какие есть особые пожелания.

Она прислушалась. За дверью слышалось мерное похрапывание.

Чего-то она не знала. Чего-то и не должна была знать. Чего-то не сделала, хотя следовало бы. Но все это было в прошлом. Она прикоснулась кончиками пальцев к колесикам с цифрами. С этого момента важно было только будущее.

Замки мягко щелкнули и открылись.

Она сидела на корточках и смотрела.

Под крышкой на белой рубашке лежал страшный черный металлический предмет. Пистолет. И не нужно было проверять, чтобы убедиться, что он настоящий. Она видела их и раньше — в своей прошлой жизни. К горлу подступил ком, к глазам — слезы. Она зажала лицо ладонями и дважды прошептала про себя мамино имя.

Прошло всего несколько секунд.

Потом она глубоко и спокойно вдохнула. Она переживет. Они переживут. По крайней мере, это объясняет, почему он не распространяется о том, как зарабатывает такие деньги, уж наверное немалые. У нее в голове мелькнул вопрос: «Разве я не зарабатывала столько же?»

Она собралась с духом.

Чего-то она не знала. Чего-то и не должна была знать.

Она закрыла чемодан и обнулила кодовый замок. Послушала под дверью, осторожно открыла ее и прокралась внутрь. На кровать из коридора упал прямоугольник света. Если бы она перед тем, как закрыть дверь, взглянула в зеркало, то увидела бы, что один глаз у него открыт.

Но она была слишком занята своими мыслями. Вернее, одной мыслью, которую обдумывала снова и снова, лежа и прислушиваясь к шуму улицы,

крикам из зоологического сада и его глубокому ровному дыханию: «С этого момента важно только будущее».

Крик. Звон бутылки, разбивающейся о тротуар. Хриплый смех. Ругань. Кто-то убегает по Софиесгате в сторону стадиона «Бишлет».

Харри смотрел в потолок и слушал ночную улицу. Три часа он проспал без сновидений, проснулся и начал думать. О трех женщинах, двух местах преступлений и одном мужчине, который предложил неплохую цену за его душу. Он пытался отыскать в этом систему. Дешифровать код. Увидеть общую картину. Понять то, что Эйстейн называл особым измерением: не «как», а «зачем».

Зачем переодеваться велокурьером и убивать двух, а скорее всего, трех женщин? Зачем выбирать такие места, где убивать труднее всего? Зачем оставлять послания? И если за каждым убийством стоит сексуальная подоплека, почему ни на теле Камиллы Луен, ни на теле Барбары Свендсен не обнаружено следов насилия?

У Харри разболелась голова. Он отшвырнул пододеяльник и повернулся на другой бок. Цифры электронных часов горели красным, показывая два часа пятьдесят одну минуту. Последние во-

просы Харри задал сам себе. Зачем думать о душе, если это разбивает сердце? Зачем, собственно, переживать о системе, которая тебя ненавидит?

Он встал и вышел на кухню. Посмотрел на шкафчик над мойкой. Открыл кран, подставил под него стакан и дал ему наполниться до краев. Потом открыл ящик, где лежали столовые приборы, и достал оттуда черный цилиндрик. Снял крышку, высыпал содержимое на ладонь. От одной таблетки он уснет. От двух и пары стаканчиков «Джима Бима» ему снесет крышу. От трех и выше — реакция непредсказуемая.

Харри широко раскрыл рот, кинул туда три таблетки и запил стаканом теплой воды.

Вернувшись в гостиную, он поставил пластинку Дюка Эллингтона, которую купил после того, как увидел сцену с Джином Хэкменом в фильме «Разговор», где тот сидит в ночном автобусе, а за кадром звучит фортепианная мелодия, в которой так и сквозит одиночество.

Харри сел в кресло.

«Я знаю только один способ», — сказал тогда Эйстейн.

Харри начал вспоминать все, что произошло с того дня, когда он прошел мимо «Андеруотера» по дороге к указанному дому по Уллеволсвейен.

Пятница. Саннергата. Среда. Площадь Карла Бернера. Понедельник. Три женщины. Три отрезанных пальца. С левой руки. Три места. Никаких особняков — ни там, ни по соседству. Старый многоквартирный дом начала века. Еще один — примерно тридцатых годов. И офисное здание — сороковых. Лифты. Скарре переговорил со специализированными магазинами для велосипедистов в Осло и округе. Они сказали, что не могут помочь касательно экипировки и желтых костюмов, но через компанию «Фалькен» смогли, по крайней мере, достать список тех, кто за последние месяцы покупал дорогие велосипеды из тех, какими пользуются велокурьеры.

Началось действие лекарства. Грубая шерсть кресла приятно покалывала голые бедра и ягодицы.

Жертвы. Камилла, автор текстов в рекламном агентстве, не замужем, двадцать восемь лет, брюнетка, склонна к полноте. Лисбет, певица, замужем, тридцать три года, блондинка, худощава. Барбара, дежурный администратор, двадцать восемь лет, живет с родителями, шатенка. Внешность всех троих — привлекательная, но не броская. Время убийства. Если предположить, что Лисбет убили сразу же, убийства происходят

не в выходные. Ранним вечером, сразу же по окончании рабочего дня.

Дюк Эллингтон играл, и в голове Холе как будто звучали десятки мотивов, в которых следовало разобраться, но он заставил себя отключиться и начал проигрывать только необходимые.

Харри не лез в прошлое жертв, не разговаривал с родными и близкими и доклады просматривал лишь мельком, не находя в них ничего интересного. Ответы были не там. Неважно, кем были жертвы, важно, чем они были, что символизировали. Для этого убийцы жертвы — не более чем внешняя деталь, случайно выбранная из окружающей действительности. Найти символы. Увидеть схему.

Теперь таблетки стали действовать в полную силу. Казалось, будто он принял не снотворное, а галлюциноген. Цепь рассуждений уступила место отдельным мыслям: он как будто поплыл вниз по течению, не в силах управлять движением. Время пульсировало, словно растущая Вселенная. Когда он пришел в себя, вокруг было тихо. И только проигрыватель, доиграв пластинку до конца, тихо скреб этикетку.

Он вернулся в спальню, сел на кровати, скрестив ноги, и стал смотреть на пентаграмму. В

какое-то мгновение она начала плясать, размываясь. Он закрыл глаза. Главное — сфокусировать взгляд.

На рассвете Харри словно не было. То есть он все слышал и видел, но в то же время спал. Проснулся он оттого, что на лестницу перед дверью шлепнулся свежий выпуск «Афтенпостен». Он снова посмотрел на пентаграмму. Она больше не плясала.

Ничто больше не плясало — все встало на свои места. Харри увидел общую картину.

На этой картине был беспомощный мужчина в безнадежном поиске истинного чувства. Наивный идиот, который верит в то, что на свете существует любовь, существуют те, кто любит, существуют вопросы и ответы. На этой картине был Харри Холе. В припадке ярости он стукнулся лбом в самую середину звезды на стене. Из глаз брызнули искры, и он беспомощно осел на постель. Взгляд упал на часы: без пяти шесть. Пододеяльник казался обжигающим и был насквозь мокрым.

Потом кто-то словно нажал на выключатель — и Харри вырубился.

Она налила ему кофе. Он пробормотал «Danke», продолжая листать номер «Обсервера», куплен-

ный, как обычно, в гостинице на углу улицы вместе со свежими круассанами, которые выпекал местный кондитер Глинка. Она никогда не была за границей (разве что в Словакии — какая ж это заграница!), но он уверял, что теперь Прага ни в чем не уступает другим европейским мегаполисам. Когда-то ей хотелось путешествовать. До того как они встретились, в нее влюбился один американский предприниматель, приехавший в Чехию по делам. Ее сняли ему в подарок пражские коллеги по фармацевтической промышленности. Американец оказался милым, невинным толстячком, который обещал ей все на свете, если только она уедет с ним в Лос-Анджелес. Разумеется, она согласилась. Но стоило рассказать об этом Томасу — ее сводному брату и сутенеру, — как тот направился прямиком в номер к американцу и пригрозил ножом. На следующий день предприниматель съехал, и она больше никогда его не видела. А четыре дня спустя, когда она сидела и, переживая, пила вино в баре на Вацлавской площади, появился другой человек. Из глубины зала он наблюдал, как она отшивает одного за другим приставучих мужчин. «Именно тогда я в тебя и влюбился», — всегда говорил он. Не из-за того, что она нравилась другим,

а из-за того постоянства, с которым она отвергала их заигрывания, из-за неподдельной чистоты и непорочности. Он говорил, что и сейчас остались люди, которые это ценят.

В тот раз она разрешила ему угостить ее вином, поблагодарила и пошла домой одна.

А на следующий день он позвонил в дверь ее крохотной квартирки в Страшнице. Он так и не раскрыл секрет, как тогда нашел ее адрес. Но в то мгновение жизнь из серого цвета перекрасилась в розовый — к ней пришло счастье и с тех пор не уходило.

Он листал газету, и листы хрустели в его руках.

Ведь совершенно ясно: такого в ее жизни больше не будет. Если бы не тот пистолет в его чемодане!..

Но она уже решила забыть о пистолете и обо всем остальном. Кроме главного: они счастливы, она его любит.

Она села рядом, не сняв фартука: знала, что ему нравится, когда она в фартуке. Все-таки она разбиралась в том, как угодить мужской душе. Главное искусство — не показывать, что ты это знаешь. Посмотрела на живот, и улыбка сама собой появилась на ее губах.

— Мне нужно кое-что тебе рассказать.

— Да? — Газетный лист не скрыл его усмешки.

— Обещай, что не рассердишься. — Улыбка на ее губах становилась все шире.

— Обещать не могу, — ответил он, не поднимая взгляда.

Она застыла, все еще с улыбкой на лице.

— Что?..

— Полагаю, ты хочешь мне рассказать, что ночью вставала, чтобы обыскать мой чемодан.

Только сейчас она заметила, как изменился его акцент. Певучесть почти пропала. Он отложил газету и посмотрел на нее.

Когда-то она клялась никогда ему не врать: все равно не получится. Но теперь набралась смелости и отрицательно помотала головой. Правда, с лицом она ничего не могла поделать.

Он поднял бровь.

К ее горлу подступил ком.

Прошло мгновение, секундная стрелка больших кухонных часов, которые она купила в «ИКЕА» за его деньги, беззвучно сделала маленький шажок.

Он улыбнулся:

— И там нашла связки писем от моих любовниц, верно?

Она удивленно заморгала.

Он подался вперед:

— Я же шучу, Ева. Что-то не так?

Она кивнула.

— Я беременна, — прошептала она неожиданно быстро, как будто боялась опоздать. — У меня… у нас… будет ребенок.

Он неподвижно сидел и смотрел в одну точку, слушая о том, как сначала у нее появилось подозрение, потом она пошла к врачу и вот теперь знает наверняка. Когда рассказ закончился, он встал и вышел из кухни. А вернувшись, протянул ей маленькую черную сумку.

— Я езжу к маме, — сказал он.

— Что?

— Ты спрашивала, что я делаю в Осло. Езжу к маме.

— У тебя мама… — На самом деле она подумала: «Неужели у него и вправду есть мама?», но закончила: — В Осло?

Он улыбнулся и кивнул на сумку:

— Открой, любовь моя. Это тебе и ребенку.

Она зажмурилась. Открыла глаза и зажмурилась снова. И только потом нашла силы заглянуть в сумку.

— Какая прелесть! — Она почувствовала, как глаза наполняются слезами.

— Я люблю тебя, Ева Марванова. — Его голос снова стал певучим.

Он обнял ее, и она улыбнулась сквозь слезы.

— Прости меня, — шептала она. — Прости. Ты меня любишь, а большего мне знать и не нужно. Остальное не важно. Ты не обязан рассказывать мне про маму. Или про пистолет…

Она почувствовала, как его тело застыло в ее объятиях, и прошептала в самое ухо:

— Я видела пистолет, но я не хочу ничего знать. Ничего, слышишь?

Он осторожно высвободился из ее рук:

— Я устал, Ева, но выхода нет. Теперь уже нет.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты должна узнать, кто я.

— Но я знаю, кто ты, любимый.

— Ты не знаешь, чем я занимаюсь.

— Я не знаю, нужно ли мне это знать.

— Нужно. — Он взял у нее коробку и вынул оттуда цепочку. — Я занимаюсь вот этим. — Луч утреннего солнца сквозь кухонное окно попал на бриллиант в форме звезды, и камень игриво подмигнул. — И этим.

Он достал из кармана пиджака тот самый пистолет. Но теперь ствол был длиннее — из-за черной металлической шишки, навинченной

на дуло.

Ева Марванова не так много знала об оружии, но знала, что это — глушитель. По-английски он метко называется «silencer»[16].

Харри проснулся от телефонного звонка. Во рту словно был кляп. Он поскреб нёбо сухим, словно черствый хлеб, языком. Электронные часы на ночном столике показывали десять часов семнадцать минут. В голове мелькнули обрывки каких-то образов, воспоминаний. Он вышел в гостиную. Телефон звонил уже шестой раз.

Он поднял трубку:

— Харри. Говорите.

— Я хотела извиниться. — Этот голос он всегда с трепетом ждал услышать в телефонной трубке.

— Ракель?

— Это твоя работа, — продолжала она. — За это мне нельзя на тебя злиться. Я просто устала.

Харри сел на стул. Из путаницы полузабытых снов что-то пыталось прорваться наружу.

— Тебе можно на меня злиться, — сказал он.

— Ты полицейский. Кто-то должен о нас заботиться.

---

[16] Примечания: 16

Одновременно «глушитель», «неопровержимый довод» и «человек, заставляющий замолчать других» *(англ.)*.

— Я не про работу, — объяснил Харри.

Она не ответила. Он ждал.

— Я по тебе скучаю, — вдруг всхлипнула она.

— Ты скучаешь по тому, кого хотела во мне видеть, — возразил он. — А я, напротив, скучаю…

— Пока, — резко произнесла она. Словно песня оборвалась на середине мелодии.

Харри сидел и смотрел на телефон. Настроение было одновременно приподнятым и подавленным. Остаток ночного сна в последний раз попытался всплыть на поверхность сознания, но ударился о корку льда, которая с каждой секундой становилась все толще. Поискав на столе сигареты, он нашел только окурок в пепельнице. Язык по-прежнему почти ничего не чувствовал. По его нечеткой речи Ракель, наверное, решила, что он снова напился. Что, в общем-то, недалеко от истины, разве что отрава теперь другая.

Вернувшись в спальню, он снова взглянул на часы. Давно пора на работу. Что-то…

Он закрыл глаза.

В ушах снова зазвучало эхо Дюка Эллингтона. Нет, не то. Слушай дальше! И он услышал визг трамвая, шум кошачьих шагов по крыше и зловещий свист ветра в ядовито-зеленой листве березы на заднем дворе. Еще дальше! Он услышал голос

дома, жалобу шпаклевки на оконной задвижке и где-то глубоко — рев пустого подвала. Услышал, как шуршит простыня по его голому телу и брюзжат нетерпеливые ботинки в коридоре. Как мама шепчет ему перед сном: «За шкафом, за черным шкафом, за черным шкафом его мадам…»[17] И он уснул.

Сон был продолжением его воспоминаний. Он ничего не видел. Он не должен был ничего видеть. Только слышать.

Он слышал на заднем плане чье-то напевное бормотание — словно молитву. Звук был такой, будто он находился в соборе. Вот только капало что-то постоянно. Из-под высокого свода — если он был — донесся быстрый шелест крыльев. Голуби? Кажется, священник или проповедник служил обедню, но звучала она странно. Словно на русском, а то и вовсе на несуществующем языке. Глоссолалия. Прихожане на удивление слаженно пели псалом. Никаких знакомых слов вроде «Иисус» или «Мария». Внезапно паства умолкла и заиграл оркестр. Мелодия была знакомой. Из телепередачи. Постойте! Он услышал, как что-то катится. Шар. Докатился и остановился.

---

[17] Примечания: 17
Из детского стихотворения писательницы Ингер Хагеруп (1905–1985).

— Пять, — произнес женский голос. — Цифра пять.

Вот он.

Код.

Глава 23
Пятница. Число человека

Откровения приходили в голову Харри странным образом. Словно маленькие ледяные капельки, они капали откуда-то сверху. Иногда, конечно, он поднимал голову и, проследив полет капли, отыскивал причинно-следственные связи, но в этот раз откровение было иного толка. Как будто он получил его в дар или даже украл, подслушав шепот ангелов или такую музыку, которая доступна только гениям вроде Дюка Эллингтона, когда услышанный во сне отрывок звучит так явственно, что нужно только сесть за пианино и сыграть его.

Именно это Харри и собирался сделать. Концерт был назначен в кабинете на час дня, и оставалось достаточно времени, чтобы подобрать завершающую часть кода. Но для этого требовалась путеводная звезда. И звездная карта.

По пути в кабинет он заглянул в канцелярскую лавку и обзавелся линейкой, транспортиром, самым тонким пером, какое там нашлось, и парой слайдов. В кабинете он сразу взялся за дело.

Достал из ящика большую карту Осло. Подклеил ее, разгладил и снова водрузил на стену. Затем начертил на слайде окружность, разделил ее на пять секторов — ровно по 72 градуса каждый — и без отрыва руки по линейке соединил между собой дальние точки. Когда рисунок был готов, он поднял его на просвет. Пентаграмма.

Проектора в их зале для совещаний не оказалось, и Харри отправился в зал отдела по борьбе с ограблениями, где начальник отдела Иварссон, против воли собрав оставшихся на работе в июле сотрудников, читал им лекцию на общую тему: «Как я стал таким замечательным».

— Очень надо, — сообщил Харри, выдернул проектор из розетки и уволок его из зала под удивленное хлопанье глаз Иварссона.

Вернувшись в кабинет, Харри вставил слайд в проектор, направил прямоугольник света на карту и выключил верхнюю лампу. Некоторое время он, пыхтя, возился в темном кабинете, поправляя слайд, настраивая дальность проектора и пытаясь правильно сфокусировать черную тень от звезды.

Получилось. Он посмотрел на карту, обвел два дома кругами и сделал два телефонных звонка.

Теперь он был готов.

В начале второго Бьярне Мёллер, Беата Лённ, Том Волер и Столе Эуне тихонько сидели в тесном кабинете Харри и Халворсена. Стульев, разумеется, не хватило — пришлось одалживать у соседей. Сам Харри примостился на краешке письменного стола.

— Вот код, — сообщил он. — Очень простой. Общее в преступлениях надо было отыскать уже давно. Убийца сообщал об этом чуть ли не открытым текстом. Это — цифра.

Все посмотрели на него.

— Пять, — объявил Харри.

— Пять?

— Да, цифра пять. — Он обвел взглядом четыре непонимающих лица.

И тут случилось то, что иногда (а в последнее время — все чаще) случалось с ним после долгих попоек. Без всякого предупреждения земля пропала из-под ног — ему показалось, он падает. Действительность вывернулась наизнанку. В одно мгновение исчезли четверо коллег в его кабинете, пропало дело об убийствах, не стало жаркого летнего дня в Осло. Словно никогда не существовало людей по имени Ракель и Олег. Потом действительность вернулась. Но Харри знал, что за таким припадком паники могут сле-

довать и другие и висит он на кончиках пальцев над бездной.

Он поднял кружку кофе и медленно отпил из нее, постепенно приходя в себя. Как только кружка стукнется о стол, пора возвращаться в реальность, решил Харри. Он поставил ее обратно. Донышко легонько стукнуло.

— Первый вопрос, — сказал он. — Убийца помечает все жертвы бриллиантами. Сколько у них углов?

— Пять, — ответил Мёллер.

— Второй вопрос. У каждой жертвы он отрезает по пальцу с левой руки. Сколько пальцев на одной руке? Третий вопрос. Убийство и исчезновение произошли друг за другом в течение трех недель: соответственно в пятницу, среду и понедельник. Сколько дней в каждом промежутке?

На секунду стало тихо.

— Пять, — ответил Волер.

— А время убийства?

Эуне откашлялся:

— Около пяти.

— Пятый, и последний, вопрос. Кажется, что адреса жертв выбраны случайно, но одно их объединяет. Что, Беата?

Та зажмурилась:

— Пять?

Харри поймал четыре пустых взгляда.

— Черт… — Беата осеклась и покраснела. — Извините, я хотела сказать: пятый этаж. Все жертвы находились на пятом этаже.

— Именно.

Харри направился к выключателю. Лица остальных просветлели.

— Пять! — Мёллер выплюнул это слово, будто оно жгло ему язык.

Когда Харри выключил свет, в кабинете стало совершенно темно, и только по голосу собравшиеся определяли, куда он двигается.

— Число пять используется во многих ритуалах. В черной магии, ведовских обрядах, сатанизме. Но это же число почитается и мировыми религиями. Пять ран, нанесенных Христу. Пять столпов. Пять намазов в исламе. В некоторых письменных источниках пять называют «числом человека», поскольку у нас пять чувств и пять периодов в жизни.

Щелчок — и внезапно перед ними во тьме материализовалось светящееся бледное лицо с глубокими темными глазницами и пятиконечной звездой во лбу. Лицо тихо просопело:

— Прошу прощения… — Харри покрутил лампу

проектора и направил ее со своего лица на белую стену. — Перед вами пентаграмма, или «марин крест», который мы видели рядом с Камиллой Луен и Барбарой Свендсен. Фигура основана на золотом сечении. Как, говорите, его рассчитали, Эуне?

— Понятия не имею, — фыркнул психолог. — Ненавижу точные науки.

— Я тоже, — сказал Харри. — Я нарисовал ее с помощью транспортира — нам этого достаточно.

— Нам достаточно? — переспросил недоумевающий Мёллер.

— До сих пор я демонстрировал только совпадение чисел, что можно списать на случайность. А теперь — доказательство, что это не случайность.

Харри повернул проектор так, что яркий четырехугольник со звездой оказался на карте. Он еще настраивал яркость, а его слушатели уже в волнении затаили дыхание.

— Три места преступления расположены по окружности, центр которой совпадает с центром Осло, — продолжил он. — Кроме того, друг от друга они расположены через семьдесят два градуса. Как видно на этой схеме, места преступления находятся…

— …на концах звезды, — прошептала Беата.

— Господи! — вскрикнул потрясенный Мёллер. — Хочешь сказать, он дал нам…

— Да, путеводную звезду, — закончил Харри. — Код, который говорит нам о пяти убийствах, три из которых уже совершены, а два — еще нет. И по коду они произойдут здесь и здесь. — Харри указал на дома, обведенные на карте кружками.

— И мы знаем когда, — сказал Том Волер.

Харри кивнул.

— Господи! — вновь воскликнул Мёллер. — Пять дней между убийствами — это значит…

— В субботу, — подсказала Беата.

— Завтра, — добавил Эуне.

— Господи! — в третий раз произнес Мёллер. Обращение прозвучало очень искренне.

Рассказ Харри продолжался, иногда прерываясь тревожными голосами остальных. Тем временем солнце чертило в бледном небе высокую летнюю параболу над сонными белыми парусами, которые делали нерешительные попытки вернуться домой. Взмывший в воздух пластиковый пакет из «Рими» проплывал над клубком змеящихся улиц Бьёрвики. На стройплощадке, на месте будущей Оперы, скрючившись, словно гепард над добычей, работал паренек. Он уже заработал мозоли

и теперь зарабатывал что-нибудь пострашней. Надо поторопиться, пока не подоспели гиены.

— Погоди, — сказал Том Волер. — Откуда убийце было знать, что Лисбет Барли живет на пятом этаже, если он поджидал ее на улице?

— Не на улице, — поправила его Беата, — а на лестнице. По словам Барли, входная дверь в доме закрывается плохо. Мы проверили — все верно. Он смотрел на лифт: кто спускается с пятого. А если слышал шаги, прятался на лестнице в подвал.

— Отлично, Беата, — похвалил Харри. — Дальше?

— Он вышел за ней на улицу и… Нет, слишком большой риск. Он остановил ее, когда она выходила из лифта. Усыпил хлороформом.

— Нет, — отрезал Волер. — Так тоже рискованно. В таком случае ему пришлось бы вынести ее в припаркованный прямо перед домом автомобиль, и если бы их кто-нибудь увидел, наверняка запомнил бы марку и номер.

— Никакого хлороформа, — рассудил Мёллер. — И автомобиль стоял поодаль. Он угрожал ей пистолетом и заставил идти перед собой, а на улице держал оружие в кармане.

— Так или иначе, жертвы выбраны случайно, — сказал Харри. — Ключ в месте преступления. Если

бы на лифте вместо Лисбет Барли с пятого этажа спустился ее муж, жертвой стал бы он.

— Если все так, как вы говорите, становится ясно, почему на жертвах нет следов полового насилия, — заметил Эуне. — Раз убийца…

— Преступник.

— Преступник не выбирает жертв, значит, то, что все они молодые женщины, — чистая случайность. В таком случае жертвы не выступают в качестве сексуальных мишеней. Он получает удовлетворение от самого убийства.

— А женский туалет? — спросила Беата. — В тот раз выбор не был случайным. Не естественней ли для мужчины зайти в мужскую уборную, если уж пол жертвы его не интересует? Тогда он не вызвал бы удивления тех, кто увидел бы его на пути туда или обратно.

— Возможно, — согласился Харри. — Но если он готовился так основательно, как мы полагаем, то, очевидно, знал, что мужчин в адвокатской конторе больше, чем женщин. Понимаешь?

Беата часто заморгала.

— Отличный ход мыслей, Харри, — сказал Волер. — В женском туалете попросту меньше риск, что ему и жертве кто-нибудь помешает во время ритуала.

На часах было восемь минут третьего. Наконец в разговор вклинился Мёллер:

— Хорошо, ребята, хватит о мертвых. Давайте-ка теперь поговорим о тех, кто еще жив.

Солнце достигло вершины параболы и теперь катилось вниз, удлиняя тени в пустом дворе школы в Тёйене, где тишину нарушали только удары футбольного мяча о кирпичную стенку. Воздух в кабинете Харри превратился в сироп-ассорти из человеческого пота.

Луч справа от того, что заканчивался на площади Карла Бернера, указывал на Эншёвейен в районе Кампен. Харри объяснил, что здание, на которое приходится вершина луча, было построено в 1912 году, это была больница для туберкулезных больных — «чахоточный дом» его называли, — а позже его приспособили под общежитие: сначала для студентов кулинарного колледжа, через какое-то время для студентов медицинского колледжа, а сейчас — просто для студентов.

Вершина последнего луча попадала на узор из черных параллельных линий.

— Это ведь Центральный вокзал? — удивился Мёллер. — Там никто не живет!

— Вы уверены? — Харри ткнул в маленький

четырехугольник на карте.

— Наверное, депо…

— Нет, все верно, — сказал Волер. — Там действительно дом. Вы разве не замечали его, когда ездили на поезде? Такой странный кирпичный дом, даже с садом…

— Ты имеешь в виду виллу Валле, — догадался Эуне. — Дом станционного смотрителя. Да, я знаю. Думаю, там сейчас офисное здание.

Харри покачал головой и сказал, что он проверил, по этому адресу зарегистрирован один жилец — Олауг Сивертсен, пенсионерка.

— Но ни в общежитии, ни в этом доме пятого этажа нет, — заметил Харри.

— Вы думаете, это его остановит? — спросил Волер, обращаясь к Эуне.

Тот пожал плечами:

— Не думаю. Впрочем, рассматривая детали поведения на уровне индивида, мы ступаем на зыбкую почву догадок.

— Ну что ж, — сказал Волер, — будем исходить из того, что завтра он появится в общежитии. И лучше всего нам встретить его во всеоружии. Согласны?

Все за столом кивнули.

— Отлично, — продолжал он. — Я немедленно

звоню Сиверту Фалькейду из отряда быстрого реагирования и начинаю прорабатывать подробности.

Харри увидел в его глазах огонек азарта. Он узнавал Тома Волера. Деятельность. Хватка. Самозабвение. Это и есть соль полицейской работы.

— Тогда мы с Беатой отправляемся на Швейгордсгата, может быть, застанем хозяйку.

— Будьте осторожны, — повысил голос Мёллер, стараясь заглушить шарканье стульев. — Нельзя допустить утечки информации. Помните, что сказал Эуне: эти ребята любят крутиться возле следствия.

Солнце садилось. Столбик термометра поднимался.

Глава 24
Пятница. Отто Танген

Отто Танген повернулся на бок. Из-за ночной жары пот катил с него градом, но проснулся он не от этого.

Стоило потянуться за звонящим телефоном — и кровать угрожающе заскрипела. Сломалась она больше года назад. В тот раз Отто и Эуд Рита из булочной решили на ней покувыркаться, но неправильно расположились, не рассчитав, что кровать, возможно, была сделана так, что могла раскачиваться вдоль, но никак не поперек.

Эуд Рита была весом с пушинку, но в Отто той весной были все сто десять кило, и кровать с грохотом рухнула. Поскольку Эуд Рита была снизу, Отто пришлось везти ее в больницу — в Хёнефосс — с переломом ключицы. Эуд Рита была в ярости и пригрозила рассказать все Нильсу, своему сожителю и лучшему (и единственному) приятелю Отто.

Нильс в то время весил сто пятнадцать и был хорошо известен своим добродушным нравом. Отто смеялся до одышки, и с тех пор всякий раз,

когда он заходил в булочную, Эуд Рита злобно смотрела на него исподлобья, что не могло не печалить Отто: все-таки та ночь была для него приятным воспоминанием. Последний раз, когда он занимался сексом.

— Студия «Гарри Кол», — прохрипел он в трубку.

Свою фирму он назвал в честь персонажа Джина Хэкмена в фильме, который во многом определил карьерный и жизненный путь Отто. Это был фильм Копполы «Разговор», снятый еще в 1974 году, — про специалиста по прослушке. Никто из узкого круга его знакомых не видел этого фильма. Сам он смотрел его тридцать восемь раз. В пятнадцать лет, узнав, какие возможности открывает нехитрая техника, он купил свой первый микрофон, чтобы подслушивать разговоры в родительской спальне, а на следующий день уже начал копить на первую камеру.

Теперь ему было тридцать пять, и у него были сотни микрофонов, двадцать четыре камеры и одиннадцатилетний сын от дамы, с которой он провел дождливую осеннюю ночь в своем микроавтобусе в Гейло. Он убедил ее назвать мальчика Джином. А насчет его самого она, не задумываясь, сказала, что он куда сильнее любит

свои микрофоны.

Но ведь у него действительно отличная коллекция трубочных микрофонов «Нойман» 1950-х годов и направленных микрофонов «Оффскрин». Последние были специально изготовлены для военных видеокамер, за ними ему пришлось ездить в США и покупать из-под полы. Теперь-то их можно было без проблем заказать по Интернету. Ну а гордость коллекции составляли три российских шпионских микрофона — каждый не больше булавочной головки. Марки на них не было. Он достал их на выставке в Вене. Помимо этого, у Отто была профессиональная студия наблюдения. Таких в Норвегии было всего две. Поэтому время от времени к нему обращалась за помощью полиция, служба безопасности и даже пару раз — служба разведки Министерства обороны. Он с удовольствием работал бы с ними чаще. Ему уже надоело устанавливать камеры слежения в магазинчиках вроде «Севен-элевен» и «Видеоновы» и обучать персонал, у которого не хватало ума постичь всю утонченность наблюдения за ничего не подозревающими людьми. В этой области легче найти братьев по разуму в полиции и Министерстве обороны. Но обслуживание студии «Гарри Кол» стоило денег, и Отто

все чаще приходилось слушать лекции о сокращении бюджета. Дешевле проникнуть в соседний дом или квартиру с собственным оборудованием — в этом они, разумеется, правы. Но иногда никаких других домов поблизости не было, или работа требовала качественного оборудования — тогда в «Гарри Кол» звонил телефон. Как сейчас.

Отто слушал. Кажется, задание было серьезным. Недостатка в жилье рядом с объектом не было, значит, ловят крупную рыбу, а крупная рыба сейчас одна.

— Курьер-убийца? — уточнил он, приподымаясь на постели со всей осторожностью, чтобы кровать не растянулась на шпагате.

Пора бы уже ее поменять, но Отто постоянно откладывал — то ли из сентиментальности, то ли из экономии. Он в очередной раз пообещал себе вскорости обзавестись новой солидной кроватью, может быть, даже круглой, и вот тогда еще раз подкатить к Эуд Рите. Нильс сейчас весил сто тридцать и выглядел отвратительно.

— Дело срочное, — сказал Волер, не отвечая на вопрос, что для Отто было положительным ответом. — Мне нужно, чтобы к завтрашнему утру все было установлено.

Отто расхохотался:

— Хотите, чтобы я за одну ночь установил полное видеонаблюдение и прослушивание всех лестниц, коридоров и лифта в четырехэтажном здании? Это невозможно.

— Дело первостепенной важности, мы…

— Не-воз-мож-но! Понимаете? — Отто нервно засмеялся, и кровать под ним заходила ходуном. — Если это настолько срочно, мы займемся этим на выходных, Волер. В таком случае гарантирую, что все будет готово к утру понедельника.

— Ясно, — произнес Волер. — Извини мою наивность.

Отто так хотелось выторговать себе дополнительные часы работы и избавиться от спешки, но он хорошо разбирался в интонациях клиентов, поэтому уловил, что последнюю фразу инспектор произнес как-то не так.

— Хорошо-хорошо, может быть, договоримся. — Отто пошарил под кроватью, но там были только ящики из-под пива и пыль. — Тогда надо учесть надбавку за ночное время и, конечно, за выходные.

Пиво! Может, купить ящик да пригласить Эуд Риту отпраздновать окончание дела? Или — если она не согласится — Нильса.

— Еще небольшой аванс за оборудование, ко-

торое мне самому придется арендовать. Ведь у меня здесь не все.

— Разумеется, — согласился Волер. — Что-то, очевидно, стоит у Стейна Аструпа из Аскера.

Отто Танген чуть не выронил трубку.

— Ой! — издевательски добавил Волер. — Задел за больное? Ты забыл о чем-то рассказать? Часом, не о гостинцах из Роттердама?

Кровать с треском рухнула.

— С установкой тебе помогут наши сотрудники, — продолжал Волер обычным голосом. — Суй тело в брюки, бери свой чудо-автобус, встречаемся в моем кабинете для ознакомительной беседы и просмотра планов.

— Я… я…

— …премного благодарен? Отлично. Старые друзья снова работают вместе, верно, Танген? Если постараться, собраться и выложиться по полной, все будет замечательно.

Глава 25
Пятница. Глоссолалия

— Это вы здесь живете? — удивился Харри.

Удивился он сходству — настолько разительному, что, когда дверь открылась, он вздрогнул, увидев ее старое бледное лицо. И глаза. Такие же спокойные, такие же теплые. В первую очередь — глаза. Но еще — голос, которым она подтвердила, что она и есть Олауг Сивертсен.

— Полиция. — Харри показал удостоверение.

— Да? Надеюсь, ничего такого не случилось?

Скрещение морщинок и складочек на ее лице приняло обеспокоенное выражение. Харри она так напоминала его бабушку, которая вечно хлопотала за других.

— Нет, что вы, — автоматически соврал он и подкрепил ложь кивком головы. — Можно войти?

— Конечно.

Она открыла дверь и шагнула в сторону. Харри и Беата вошли в дом, где пахло зеленым мылом и старой одеждой. Ну разумеется. Харри зажмурился, а когда открыл глаза, она с полуулыбкой

смотрела на него. Харри улыбнулся в ответ. Она ведь не знала: он ожидает, что старушка вот-вот обнимет его, потреплет по голове и прошепчет, что дедушка в комнате ждет их с сюрпризом.

Она провела Харри и Беату в гостиную, но там никого не оказалось. Зато в комнате (вернее, в комнатах — их было три в ряд) висели хрустальные люстры и стояла массивная старинная мебель. И мебель, и обои были чистыми, но затертыми — так обычно и бывает в доме, где живет один человек.

— Присаживайтесь, — пригласила она. — Кофе?

Это больше походило на мольбу, чем на предложение. Харри сдержанно кашлянул, не зная, стоит ли сразу рассказывать, зачем они явились.

— Было бы здорово, — улыбнулась Беата.

Старушка улыбнулась ей в ответ и зашаркала на кухню. Харри с благодарностью посмотрел на Беату.

— Она похожа на… — начал было он.

— Понимаю, — сказала Беата. — По тебе видно. Она и мне напомнила бабушку.

Харри хмыкнул и посмотрел вокруг.

Семейных фотографий было немного. Серьезные лица на двух черно-белых снимках — оче-

видно, довоенных — и еще четыре фотографии одного и того же мальчика, сделанные в разные годы. На одной из них было прыщавое юношеское лицо с модной — по меркам шестидесятых годов — стрижкой, такими же игрушечными глазками, как и те, что встретили их в дверях, и улыбкой — именно улыбкой, а не той гримасой, которую постоянно корчил Харри, когда его в таком возрасте сажали перед объективом.

Старушка вернулась с подносом, сев, налила кофе и предложила пирожные. Харри дождался, пока Беата поблагодарит за двоих, потом спросил:

— Фру Сивертсен, вы читали в газетах об убийствах молодых женщин в Осло?

Та покачала головой:

— Я о них знаю по заголовкам, ведь в «Афтенпостен» про это пишут на первой странице, но я такие статьи никогда не читаю. — Она улыбнулась, морщинки вокруг глаз сделались глубже. — И смею заметить, я не «фру», а всего лишь старая «фрёкен».

— Прошу прощения, я решил, что… — Харри кивнул на фотографии.

— Да, — сказала она. — Это мой сынок.

Возникла пауза. Ветер донес до них далекий

лай и металлический голос, сообщающий, что поезд на Халден отправляется с семнадцатого пути. Донес и бросил перед занавесками у открытых балконных дверей.

— Извините. — Харри взял чашку, но вспомнил, зачем пришел, и поставил ее обратно. — У нас есть основания полагать, что убийца женщин — серийный маньяк и одной из следующих жертв он выберет…

— Какие замечательные у вас пирожные, фрёкен Сивертсен. — Беата встряла внезапно, даже не успев как следует прожевать. Харри удивленно посмотрел на нее. Со стороны балкона донесся шум приближающегося поезда.

— Они покупные, — смущенно улыбнулась хозяйка.

— Давайте я попробую начать еще раз, фрёкен Сивертсен, — поняв, почему Беата перебила его, произнес Харри. — Во-первых, скажу: причин беспокоиться нет, ситуация полностью под контролем. Во-вторых…

— Спасибо, — поблагодарил Харри, когда они шли вниз по Швейгордсгата мимо депо и низких заводских зданий, на фоне которых сад и вилла были похожи на оазис в черной пустыне.

Беата улыбнулась и даже не покраснела.

— Просто подумала, что не стоит вот так — обухом по голове. Есть же правило: надо походить вокруг да около. Представить вещи не в таком мрачном свете.

— Да, слышал про такое. — Харри прикурил сигарету. — Никогда у меня не получалось разговаривать с людьми. Вот слушать — другое дело. А может… — Он осекся.

— Что «может»?

— Может, я уже ни на что не годен? Может, я уже работаю без отдачи? Может, надо заняться… чем-нибудь другим? Ты не против сесть за руль?

Он бросил ей ключи через крышу машины.

Она поймала и посмотрела на них с каким-то удивленным выражением лица.

В восемь часов в зале для совещаний снова собралась четверка ведущих следователей и Эуне.

Харри доложил о встрече на вилле Валле и сказал, что Олауг Сивертсен отнеслась к делу довольно спокойно. Разумеется, она испугалась, узнав, что, возможно, попала в зону внимания серийного убийцы, но паниковать не стала.

— У Беаты возникла мысль: пускай она какое-то время поживет у сына, — добавил Харри. — По-моему, мысль здравая.

Волер покачал головой.

— Почему нет? — удивился Харри.

— Преступник может наблюдать за будущим местом преступления. Если мы начнем что-то там менять, рискуем его спугнуть.

— То есть ты предлагаешь использовать старую, ни в чем не повинную женщину как… как… приманку? — Беате хотелось скрыть свою злость, но лицо заливалось краской.

Волер некоторое время смотрел на Беату, а она смотрела на него. Когда пауза затянулась, Мёллер открыл рот, чтобы сказать хоть что-нибудь — не важно, что и каким голосом, — но Волер его опередил:

— Главное для меня — поймать этого человека, чтобы все могли спать спокойно. А за бабулей, насколько мне известно, придут только на следующей неделе.

Мёллер рассмеялся — неестественно и громко, потом, почувствовав эту неестественность, еще громче.

— Все равно она никуда не уедет, — сказал Харри. — Ее сын давно живет где-то за границей.

— Вот и хорошо, — ответил на это Волер. — Что до общежития, оно почти пустое, как обычно в каникулярное время. Мы переговорили с оставшимися и попросили их завтра быть дома.

Лишней информации давать не стали, сказали, что хотим поймать домушника на месте преступления. Всю аппаратуру наблюдения установим ночью. Надеюсь, в это время наш преступник спит.

— А отряд быстрого реагирования? — спросил Мёллер.

Волер улыбнулся:

— Радуются.

Харри выглянул в окно, пытаясь вспомнить, каково это — радоваться.

Когда Мёллер завершил совещание, Харри отметил про себя, что пятна пота под мышками у Эуне по очертаниям стали напоминать Республику Сомали.

Они остались втроем. Мёллер достал из холодильника четыре бутылки «Карлсберга». Эуне радостно кивнул, Харри коротко покачал головой.

— Зачем он дает нам ключ к коду, чтобы мы смогли разгадать его следующий шаг? — спросил Мёллер, открывая бутылки.

— Он пытается рассказать нам, как его поймать, — ответил Харри, открывая окно.

С улицы тут же ворвались мошки-однодневки, отчаянно стремящиеся продлить свое суще-

ствование, и звуки летнего городского вечера: прошумела машина, прозвенел чей-то смех, чьи-то каблучки быстро простучали по асфальту. Люди радовались жизни.

Мёллер недоверчиво посмотрел на Харри, потом на Эуне — в поисках подтверждения, что Холе окончательно свихнулся.

Психолог сложил пальцы шпилем перед своим бантом и высказал свое просвещенное мнение:

— Возможно, Харри прав. Не новость, что серийный убийца иногда рискует и помогает следствию, потому что в глубине души хочет, чтобы его остановили. Если верить психологу Сэму Вакнину, серийные убийцы желают быть пойманными и наказанными, чтобы удовлетворить свое садистское суперэго. Я же больше склоняюсь к теории, что им нужна помощь, чтобы остановить чудовище внутри себя. Желание быть пойманным — это в какой-то степени объективное осознание собственной болезни.

— Так они в курсе, что психи?

Эуне кивнул.

— Наверное… — тихо сказал Мёллер, поднимая бутылку, — паршивое ощущение. — И он отправился перезвонить журналисту из «Афтенпостена», интересовавшемуся, поддерживает

ли полиция Комитет по охране материнства и детства, который не рекомендовал выпускать детей на улицу без присмотра.

Харри и Эуне остались слушать у окна звуки незасыпающего Осло. Шум, крики с вечеринки вдалеке, песни «Stroke» временами прерывались криком муэдзина, призывающего мусульман на молитву. Неизвестно почему его голос приобретал какое-то металлическое звучание — это казалось кощунственным, но по-своему завораживало.

— Из чистого любопытства спрошу, — начал Эуне. — Что сыграло решающую роль? Как ты догадался про пятерку?

— В смысле?

— Я немножко понимаю в творческом процессе. Так что случилось?

Харри улыбнулся:

— Скажем так, последним, что я увидел перед тем, как заснуть под утро, были электронные часы рядом на столике. Они показывали три пятерки. Три женщины из пяти.

— Удивительно у тебя мозги работают, — сказал Эуне.

— Ну… — протянул Харри. — Один знакомый, который смыслит в кодах, говорит, для того чтобы

расшифровать, надо ответить на вопрос «зачем». Тут уже ответ не «пять».

— Так зачем?

Харри зевнул и потянулся.

— А вот это по вашей части, Столе. Я не против, если мы просто его поймаем.

Эуне с улыбкой посмотрел на часы и встал.

— Харри, ты удивительный человек. — Он надел твидовый пиджак. — Знаю, ты последнее время пил, но сейчас выглядишь получше. Дела пошли в гору?

Тот покачал головой:

— Просто трезвый.

К вечеру Осло принарядился, словно к празднику, разноцветными рекламами и вывесками.

Неподалеку от своего дома, в свете неоновой вывески бакалеи «Ниязи», Харри увидел женщину в солнечных очках. В одной руке она держала белый пакет, другая рука упиралась в бедро. Женщина улыбалась и всем своим видом показывала, что ждет именно его.

Это была Вибекке Кнутсен.

Харри понял, что это игра, шутливая затея, в которой ему отведена какая-то роль. Он замедлил шаг и улыбнулся в ответ, словно и он хотел увидеть здесь именно ее. Удивительно то, что

действительно хотел, хотя до сих пор этого не осознавал.

— Давненько не видела тебя в «Андеруотере», дорогой. — Она подняла очки и прищурилась, будто солнце по-прежнему пылало над крышами.

— Пытаюсь держаться на плаву, — шутливо ответил Харри, доставая пачку сигарет.

— Ой, каламбурист! — Она потянулась.

Сегодня вместо топов, раскраской напоминающих шкуры экзотических зверей, на ней было голубое платье с декольте, которое она отлично заполняла своими пышными формами. Он протянул ей пачку, она достала сигарету и взяла ее в губы так, что даже Харри это показалось неприличным.

— А что ты тут делаешь? — спросил он. — Я думал, ты затовариваешься в «Киви».

— Закрыто. Скоро полночь, Харри. Пришлось пройтись до тебя, поискать, кто еще работает.

Улыбка стала шире, а глаза зажмурились, как у довольной кошки.

— Опасное место для прогулок такой маленькой девочки в столь поздний час, да еще и в пятницу. — Харри поднес огонь к ее сигарете. — Могла бы и мужа отправить, если уж понадобилось

купить…

— …соку. — Она приподняла пакет. — Чтобы коктейль был помягче. А миленький мой уехал в командировку. Если здесь так страшно, ты должен спасти бедную девочку и отвести ее в безопасное место. — Вибекке кивнула на его дом.

— Могу сделать тебе чашечку кофе, — сказал Харри.

— Что-что?

— Растворимого кофе. Больше у меня ничего нет.

Когда Харри вернулся в гостиную с чайником и банкой кофе, Вибекке Кнутсен сидела на диване, сняв туфли и поджав под себя ноги. Казалось, ее белоснежная кожа светится в полумраке. Она закурила еще одну сигарету — на этот раз собственную, заграничной марки, которую Харри раньше не встречал. Без фильтра. В недолгом свете спички Харри увидел ярко-красный лак ногтей на ногах.

— Не знаю, сколько еще смогу это терпеть, — сказала она. — Он изменился. Теперь, возвращаясь домой, он либо ходит вперед-назад по комнате, либо выходит на улицу — для пробежки. Кажется, будто он никак не может дождаться следующей командировки. Я пытаюсь с ним

заговорить, но он либо огрызается, либо просто меня не понимает. Мы действительно с разных планет.

— Но ведь планеты держатся на орбитах из-за силы притяжения и расстояния между ними. — Харри насыпал в чашку кофе.

— Все каламбуришь? — Вибекке провела по сигарете кончиком розового языка.

Харри ухмыльнулся:

— Я прочитал это как-то, ожидая в приемной, и надеялся, что в моем случае это окажется правдой.

— Знаешь, что самое странное? Я ему не нравлюсь, но знаю, что он меня никогда не отпустит.

— Почему?

— Я ему нужна. Не понимаю для чего, но кажется, будто он что-то потерял и восполняет эту потерю мною. Его родители… С ними он не поддерживает никаких отношений. Я никогда их не видела. Думаю, они даже не догадываются о моем существовании. Не так давно раздался звонок и мужской голос спросил Андерса. Я сразу решила, что это его отец, догадалась по тому, как он произнес имя. Родители за свою жизнь так часто произносят имена детей, что звучание имени ребенка для них естественнее всего, но

в то же время оно для них настолько дорого, что, произнося его, они словно обнажают душу, поэтому стараются произносить имя быстро, словно стесняясь. Когда я сказала, что должна его разбудить, тот мужчина начал бормотать на иностранном языке или… не на иностранном — ну, как если бы мы с тобой второпях подбирали слова. Так говорят в молельнях, когда приходят в состояние транса.

— Глоссолалия?

— Да, именно так это и называется. Я некоторое время слушала. Сначала различила что-то вроде «сатана» и «Содом». Потом и вовсе брань: «шлюха», «дрянь» и прочее — и положила трубку.

— А что на это сказал Андерс?

— Я ему не стала рассказывать.

— Почему?

— Меня в эту их жизнь никогда не допускали, да у меня и желания нет туда соваться.

Харри отпил кофе. Вибекке к чашке даже не притронулась.

— Тебе не бывает одиноко, Харри?

Он посмотрел на нее:

— Совершенно естественно, что иногда тебе хочется, чтобы рядом кто-то был.

— А если рядом кто-то есть, а тебе все равно

одиноко? — Она поежилась, словно по комнате прокатилась волна холодного воздуха. — Знаешь что? А давай-ка с тобой выпьем!

— Извини, в квартире ни капли.

Она открыла сумочку:

— Не принесешь два стакана, дорогой?

— Больше одного не понадобится.

— Ясно. — Вибекке достала фляжку, запрокинула голову и сделала глоток. По подбородку сбежала золотисто-коричневая капля. — Мне даже нельзя пошевелиться, — рассмеялась она.

— Что?

— Андерс запрещает мне двигаться. Ему не нравится. Я должна лежать совершенно неподвижно. Нельзя ни вздохнуть, ни слова проронить. Лучше всего притворяться спящей. Он говорит, у него весь огонь пропадает, когда он чувствует ответную страсть с моей стороны. — Она сделала еще глоток и стала медленно закручивать крышку, глядя при этом на Харри. — Для меня это почти невозможно.

Ее взгляд был таким пристальным, что он невольно задержал дыхание и, к своему неудовольствию, отметил возникшее желание.

Она подняла бровь, как будто тоже это подметила.

— Не присядешь на диван? — хрипло и грубо прошептала она.

Харри увидел, как забилась синяя жилка на ее белой шее. «Просто рефлекс, — рассудил он. — Собака Павлова, которая реагирует всякий раз, когда подают сигнал. Условная реакция — и все».

— Думаю, нет, — ответил он.

— Боишься меня?

— Да.

Низ живота заполнился вязким томлением, словно телу не понравился его ответ.

Вибекке громко рассмеялась, но поймала его взгляд и замолчала. Потом, сделав губки бантиком, по-детски умоляющим голосом затянула:

— Ну Харри…

— Не могу. Ты чертовски замечательная, но…

Она по-прежнему улыбалась, однако во взгляде читалась обида, словно он дал ей пощечину.

— Прости, мне нужна не ты, — сказал Харри.

Что-то изменилось в выражении ее глаз, уголки губ дернулись, будто она вот-вот рассмеется.

— Ха! — произнесла она.

Видно, ей хотелось, чтобы это прозвучало с иронией и подчеркнуто театрально, но получился усталый вздох безысходности. Игра закончилась, они оба выпали из своей роли.

— Извини, — сказал он.

— О, Харри… — прошептала она со слезами на глазах.

Лучше бы она этого не делала: тогда можно было бы просто попросить ее уйти, а сейчас ему пришлось ее утешить:

— Если тебе нужно от меня еще что-то, то у меня этого чего-то нет. Это знала она. Теперь это знаешь и ты.

Часть IV

Глава 26
Суббота. Душа. День

Когда солнце поднялось над Экебергом, разогревая и без того теплое утреннее небо, Отто Танген как раз заканчивал последнюю проверку контрольного пульта.

В автобусе было темно и тесно, к тому же так пахло землей и прелым тряпьем, что не помогали никакие освежители воздуха. Иногда ему казалось, что он сидит в бункере, отгородившись от всего мира и явственно ощущая запах мертвечины.

Старое четырехэтажное общежитие стояло посреди ровной площадки на самой высокой точке Кампена с видом на соседний Тёйен. По обеим сторонам от него — и практически параллельно — возвышались два многоквартирных дома пятидесятых годов постройки. Все три здания были одинаково покрашены и имели однотипные окна, очевидно для целостности впечатления. Но возраст скрыть невозможно: общежитие выглядело дряхлым стариком в компании молодежи, как будто в жилой массив его занесло ураганом.

Харри и Волер согласились, что автобус нужно припарковать вместе с остальными машинами прямо перед общежитием, где хорошо принимался сигнал и автобус не так бросался в глаза. Даже если кого-то из прохожих заинтересует ржавый синий автобус «вольво» с затемненными стеклами, они решат, что он принадлежит группе «Исключенные из детсада», как гласит надпись на боку — черными буквами с белыми черепами вместо точек.

Отерев пот, Отто проверил, хорошо ли работают камеры и все ли углы просматриваются, для того чтобы малейшее шевеление рядом с общежитием фиксировалось хотя бы на одном экране и можно было проследить путь любого человека от входа в здание до каждой из восьмидесяти комнат в восьми коридорах четырех этажей.

Установка, регулировка и проверка камер заняла всю ночь. Во рту до сих пор был горьковатый металлический привкус раствора, который скреплял кирпичи, а на грязной джинсовой куртке — желтоватая штукатурка.

Волер все-таки прислушался к голосу разума и понял, что, если они хотят уложиться в срок, лучше не вспоминать о старых грешках Отто. Разузнать что-либо про само задержание не по-

лучилось, сказали только, что объект весьма любопытный, а доказательств не хватает.

Еще не получилось вести съемку в лифте. Бетонные стены шахты не пропускали даже достаточно сильного сигнала от беспроводной камеры, а провода вызвали бы подозрение или путались в тросе. Волер согласился: все равно в лифте никого, кроме объекта, не будет. Жильцы обещали молчать и запереться в комнатах с четырех до шести.

Помудрив над мозаикой изображений на трех больших экранах, Отто Танген добился логически связной картинки. На левом экране — коридоры на север, от четвертого этажа до первого, в середине — вход, все лестницы и площадки лифта, справа — коридоры на юг.

Отто щелкнул мышью на «Save», сохранил, закинул руки за голову и с довольным урчанием откинулся на спинку кресла. Теперь он контролировал все здание с молодыми студентами и студентками. Было бы у него больше времени, он, возможно, установил бы камеры в комнатах, разумеется втайне от жильцов, — малюсенькие «рыбьи глаза» вместе с российскими микрофонами, — там, где их никогда не найдут. Похотливые

молоденькие медички «aus Norwegen»[18]. Можно было бы смонтировать целую пленку и потом продавать через знакомых. Чертов паскудник Волер! И как он только пронюхал про Аструпа и склад в Аскере? Эта мысль бабочкой промелькнула в голове Отто и исчезла. Он давно подозревал Аструпа в том, что он платит кому-то, кто прикрывает его грешки.

Он закурил. Даже не верилось, что на экранах — прямая трансляция. Больше похоже на фотографии: ни в желтых коридорах, ни на лестницах не заметно ни малейшего движения. Спят еще, наверное, но через пару часиков, надо полагать, выглянет тот тип, который в два часа зашел в триста третью комнату к даме. Та выглядела пьяной и почти готовой. Он — просто готовым.

Отто вспомнил Эуд Риту. Они познакомились на вечеринке у Нильса, который уже тогда лапал ее своими пухлыми ручищами. В тот вечер она протянула Отто маленькую белую ручку и пробормотала: «Эуд Рита», а ему показалось, будто она тихо выругалась.

Отто тяжко вздохнул.

Паскудник Волер до самой полуночи бегал

---

[18] Примечания: 18
«Из Норвегии» *(нем.)*.

вокруг с громилой из отряда быстрого реагирования. Рядом с автобусом они втроем: Отто, Волер и начальник отряда — обсудили обстановку. Чуть позже появятся специально натренированные ребята и по трое распределятся в дальних комнатах коридоров на каждом этаже. Итого двадцать четыре человека в черном, в специальных масках, с оружием и гранатами со слезоточивым газом. Стоит объекту постучать в дверь или попытаться проникнуть в комнату, по сигналу из автобуса они начнут действовать. Отто ждал этого с нетерпением. Он пару раз видел их в деле, и это было увлекательное зрелище: вспышки, грохот, словно на рок-концерте, и в обоих случаях объекты просто замирали в оцепенении, а через пару секунд все было уже кончено. Ему объяснили, что в этом-то и штука: напугать объект так, чтобы он был не в силах пошевелиться и оказать какое бы то ни было сопротивление.

Отто загасил сигарету. Ловушка поставлена. Ждем зверя.

Полицейские собирались подойти к трем. Кроме них, по указанию Волера, никто не имел права ни войти в автобус, ни выйти из него. День обещал быть долгим и жарким.

Плюхнувшись на матрац, Отто подумал: «Инте-

ресно, а что сейчас происходит в триста третьей?» Ему сейчас очень не хватало его кровати. Скрипа, качания. И Эуд Риты.

В то же самое мгновение за спиной Харри захлопнулась входная дверь. Он стоял, собираясь прикурить первую за сегодня сигарету, и смотрел на небо, прикрытое легкой утренней дымкой, сквозь которую казалось, что солнце за эти дни слегка выгорело. Сегодня он выспался. Сон был глубоким, долгим и без всяких сновидений. Даже как-то не верилось.

— Ну и вонища сегодня будет, Харри! По телевизору обещали рекордную жару — после девятьсот седьмого.

Это кричал Али, сосед снизу, хозяин бакалеи «Ниязи». Как бы рано Харри ни вставал, они с братом уже работали вовсю.

Али поднял швабру и на что-то указал. Приглядевшись, Харри увидел кучку собачьего дерьма. Вчера вечером, когда там стояла Вибекке, его еще не было. Наверное, кто-то рассеянный выгуливал собаку утром и забыл убрать.

Он посмотрел на часы. Уже день. Через несколько часов у них будет ответ.

Харри глубоко затянулся. Смесь никотина и свежего воздуха наполнила легкие — система снова

заработала. Впервые за долгое время Харри почувствовал вкус табака, кстати даже приятный, и на секунду забыл, что скоро может потерять все. Работу. Ракель. Душу.

Потому что был день.

И начался он хорошо.

Действительно, как-то не верилось.

Харри заметил, что она обрадовалась, услышав его голос.

— Я переговорил с отцом. Ему это даже больше понравилось, чем Олегу. И Сестрёныш туда собирается.

— Премьера? — переспросила она с веселыми нотками в голосе. — В Национальном театре? Вот это да!

Иногда — как сейчас, например, — ей нравилось говорить с нарочитым воодушевлением, но Харри все равно был рад.

— Что наденешь? — спросила она.

— Ты еще не ответила: да или нет?

— Отвечу.

— Костюм.

— Который?

— Посмотрим… Наверное, тот, что я купил на Хегдехёугсвейен на позапрошлое семнадцатое

мая[19]. Ну, знаешь, такой серый с…

— Это ведь единственный твой костюм, Харри!

— Тогда точно его.

Она рассмеялась. Ее смех был таким же мягким, как ее кожа, и таким же нежным, как поцелуи, и Харри он нравился больше всего на свете.

— Тогда я за вами заскочу в шесть, — сказал он.

— Хорошо. Но, Харри…

— Да?

— Не думай, что…

— Знаю. Это просто поход в театр.

— Спасибо, Харри.

— Да было бы за что…

Она опять засмеялась. Холе знал, что, стоит ей прийти в нужное расположение духа, он может заставить ее смеяться над всем на свете. Они становились как бы одним целым. Одна голова, одна пара глаз. Даже говорить ничего не нужно было. Достаточно просто указать.

Харри заставил себя положить трубку.

Был день. По-прежнему хороший.

Было решено, что во время операции Беата будет дома у Олауг Сивертсен. Мёллер решил не

---

[19] Примечания: 19

17 мая — День Конституции Норвегии. Отмечается масштабными праздничными шествиями.

рисковать, ведь объект (два дня назад Волер начал называть преступника «объектом», и теперь все стали следовать его примеру) мог обнаружить ловушку и внезапно изменить последовательность мест преступления.

Зазвонил телефон. Эйстейн поинтересовался, как у Харри дела. Харри ответил «хорошо» и спросил, что нужно. Эйстейн сказал, что ему просто хотелось узнать, как самочувствие. Харри смутился. К такой заботе он не привык.

— Спишь?

— Ночью спал, — ответил Харри.

— Это хорошо. А код? Разгадал?

— Частично. Теперь я знаю где и когда, но не знаю зачем.

— То есть ты можешь прочитать текст, но не понимаешь, что он означает?

— Вроде того. Разберемся, когда его поймаем.

— И чего ты не понимаешь?

— Многого. Например, зачем нужно было прятать один из трупов. Или эту детальку про пальцы: все с левой руки, но разные: указательный, средний, у третьей жертвы — безымянный.

— Ну так последовательно! Может, он систематик?

— Согласен, но почему бы не начать с большо-

го? Может, в этом тоже заключается сообщение?

Эйстейн хохотнул:

— Брось, Харри. Код, он как женщина. Либо ты его разгадаешь, либо сойдешь с ума.

— Ты уже говорил.

— Да ну? Смотри, какой я заботливый… Глазам своим не верю, Харри, у меня пассажир! Созвонимся.

— О'кей.

Харри посмотрел, как в медленном вальсе кружит сигаретный дым, и взглянул на часы.

Он сказал Эйстейну не все. Кажется, остальные детали скоро станут понятны. Несмотря на ритуалы, в этих убийствах не чувствовалось ни ненависти, ни фанатизма, ни страсти. Ни любви, если уж на то пошло. Это-то и удивляло. Преступник действовал идеально, словно по учебнику или инструкции. Или даже механически. Во всяком случае, у Харри было ощущение, будто он играет в шахматы с компьютером, а не с воспаленным сознанием душевнобольного. Время покажет.

Он посмотрел на часы.

Сердце билось в такт с секундной стрелкой.

Глава 27
Суббота. Операция

Настроение у Отто Тангена становилось все лучше и лучше.

Подремав пару часов, он проснулся от жуткой головной боли и бешеного стука в дверь. Когда он открыл, в автобус ввалились Волер, Фалькейд из отряда быстрого реагирования и тело, назвавшееся Харри Холе и совсем непохожее на инспектора полиции. Первым делом они стали жаловаться на вонь внутри автобуса. Неудовольствие Отто испарилось, когда его угостили кофе (они принесли целых четыре термоса с этим живительным напитком), а уж когда они просмотрели записи, у него появилось то сладостное ощущение, которое всегда предшествует скорому появлению объекта.

Фалькейд сообщил, что вокруг общежития со вчерашнего вечера дежурят сотрудники в штатском, а кинологи обошли подвал и чердак, чтобы удостовериться, что там никто не скрывается. Входили и выходили только жильцы. Если не считать того типа, которого девушка из триста

третьего на входе представила вахтеру своим парнем. Люди Фалькейда были на местах в ожидании приказов.

Волер кивнул.

Время от времени Фалькейд проверял связь со своим отрядом, но это Отто уже не касалось. Он закрыл глаза и просто наслаждался звуками. Вот щелкнула кнопка приема — секунда атмосферного шума, потом бормотание каких-то непонятных кодов, как будто большие дяди играют в разбойников.

— Всем приготовиться, — беззвучно прошептал Отто.

Он представил себе осенний вечер: вот он сидит на яблоне и шпионит за взрослыми в окно. Шепчет: «Всем приготовиться!» — в жестянку, от которой тянется провод к другой жестянке, которую за забором держит Нильс. Он аж подпрыгивает, услышав эти слова, если, конечно, уже не ушел на ужин. Впрочем, этот жестяной телефон никогда не работал так, как написано в «Походной книге бойскаута».

— Скоро начало, — сказал Волер. — Таймер готов?

Отто кивнул.

— Шестнадцать ноль-ноль, — констатировал

Волер. — Значит… сейчас.

Отто нажал на кнопку, и на экране замелькали секунды и их десятые доли. От волнения у него засосало под ложечкой. Да, это интереснее, чем яблоня. Интереснее, чем Эуд-Ритины булочки с кремом. Даже интереснее, чем ее охи и вздохи в постели.

Представление.

Олауг Сивертсен открыла Беате дверь и улыбнулась так, словно ждала этого визита уже давно.

— Это вы! Заходите-заходите! Можете не переобуваться. Ну и жара, правда?

Она повела Беату по коридору.

— Не стоит волноваться, фрёкен Сивертсен. Кажется, скоро мы поймаем преступника, — успокоила Беата хозяйку, шагая вслед за ней.

— Давайте не будем о ваших делах, раз уж пришли ко мне в гости, — рассмеялась Олауг Сивертсен, но тут же испуганно зажала рот рукой. — Ой, да что это я! Ведь сейчас, может быть, этот человек совершает преступление…

Когда они вошли в гостиную, напольные часы вздрогнули от их шагов.

— Чаю, милая?

— С удовольствием.

— Мне можно пойти на кухню одной?

— Конечно, но если для вас необременительна моя компания…

— Ну пошли, пошли.

Казалось, кухню не трогали со времен войны, разве что плита и холодильник были новые. Пока Олауг ставила чайник, Беата нашла себе табуретку.

— Приятно здесь пахнет, — сказала Беата.

— Думаете?

— Да. Мне нравится такой кухонный запах. Я вообще кухни больше люблю, чем гостиные.

— Правда? — Олауг Сивертсен склонила голову набок. — Значит, в этом мы с тобой похожи: я тоже «кухонный» человек.

Беата улыбнулась:

— В гостиной человек старается выглядеть таким, каким хочет себе казаться, а на кухне расслабляешься и словно понимаешь, что нужно быть самим собой. И на «ты» сразу хочется перейти, верно?

— Да, я тоже это замечала.

Женщины рассмеялись.

— Знаешь что? — сказала Олауг. — Я рада, что они прислали именно тебя. Ты мне нравишься. И не надо краснеть, милая, я всего лишь одинокая старуха. Румянец для кавалеров прибереги. Или

ты у нас замужем? Нет? Ну да это горе поправимое.

— А у тебя был муж? — спросила Беата.

— У меня? — Олауг рассмеялась и поставила на стол чашки. — Нет, я была такая молоденькая, когда родился Свен, что никакой надежды не было.

— Неужели никакой?

— Ну, какая-то была, наверное. Хотя в те времена такая женщина ценилась не слишком высоко, и предложения если и делали, то мужчины, которые больше никому не нужны. Трудно было, как говорили, «подыскать себе пару».

— Все потому, что ты мать-одиночка?

— Потому что отец у Свена — немец, милая.

Чайник на плите тихонько присвистнул.

— Тогда понимаю, — сказала Беата. — Ему, наверное, тяжело было в детстве?

Чайник засвистел громче, но Олауг смотрела прямо перед собой, словно не слышала.

— Ты себе даже не представляешь, насколько тяжело. Я до сих пор плачу, когда вспоминаю. Бедный мальчик, — вздохнула она.

— Чайник…

— Смотри-ка. Вот, уже маразм.

Олауг сняла чайник и заварила чай.

— А сейчас чем он занимается? — Беата взгля-

нула на часы: без четверти пять.

— Импортом разных товаров из бывших стран соцлагеря. — Олауг улыбнулась. — Не знаю, какой доход это ему приносит, но слово мне уж больно нравится — «импорт». Глупость, да? А мне нравится.

— Ну, значит, все у него сложилось хорошо, несмотря на тяжелое детство.

— Это да, но не сразу. И у вас в архивах он есть.

— У нас там многие есть. С кем не бывает!

— Но когда он переехал в Берлин, словно случилось что-то. Уж не знаю что. Свен никогда не любил рассказывать, чем занимается. Все держал в таком секрете! Я думаю, он разыскивал отца и разыскал. Это сильно повлияло на его самооценку. Эрнст Швабе был незаурядным человеком. — Олауг вздохнула. — Но я могу и ошибаться. Так или иначе, Свен изменился.

— Каким образом?

— Спокойней стал. Раньше он целыми днями будто охотился.

— За чем?

— За всем: деньгами, острыми ощущениями, женщинами. Знаешь, он похож на отца. Неисправимый романтик и сердцеед. Ему — Свену — нравятся молоденькие женщины. И он им

тоже. Подозреваю, что он наконец нашел себе одну, особенную. По телефону он говорил, что у него для меня новости. Радостный такой был.

— Что за новости? Не сказал?

— Сказал, что пока не будет говорить, скоро приедет сам.

— На виллу Валле?

— Да, сегодня вечером. Ему сначала нужно на встречу. Переночует в Осло, а потом обратно уедет.

— В Берлин?

— Нет-нет. В Берлине он давно уже не живет. Он сейчас в Чехии. В Богемии, как я люблю ее называть. Это я рисуюсь. Бывала там?

— Э-э-э… в Богемии?

— В Праге.

Мариус Веланн сидел в четыреста шестой комнате и из окна смотрел на девушку, которая расстилала полотенце на лужайке перед общежитием. Она была похожа на ту, из триста третьей, которую он со зла стал называть Ширли — она напоминала Ширли Мэнсон, солистку группы «Garbage». Но нет, не она. Солнце над Осло-фьордом скрыли облака. Наконец-то в городе тепло, а на неделе обещали сильную жару. Лето в Осло. Мариус Веланн так этого ждал. Куда лучше, чем

родной Бё-фьорд, где его дожидался полярный день и подработка на автозаправке, мамины пирожки и бесконечные папины вопросы о том, зачем он поступил на журналистику в Осло, если он прирожденный инженер-строитель и мог бы учиться в Тронхейме, в Норвежском университете науки и техники. А еще однообразные субботы в местном клубе, где полно пьяных соседей и одноклассников, которым не удалось вылезти из своей глуши и которые теперь вопят, что те, кто уехал, — предатели. На танцах — музыканты, которые называют себя «блюз-бэндом», а сами не в силах отличить «Creedence» от «Lynyrd Skynyrd».

В Осло он остался не только из-за этого. Он получил работу своей мечты. Он будет писать. Слушать музыку и получать деньги за то, что напечатает о ней свое мнение. Последние два года он рассылал обзоры в разные известные газеты — все безрезультатно, а на прошлой неделе приятель познакомил его с Рюнаром из редакции журнала «Соу Уот!». Тот рассказал, что когда-то держал магазин одежды, но продал его, чтобы работать над «Зоной» — бесплатной газетой, которой предстояло увидеть свет в августе. Приятель сказал, что Мариусу нравится писать обзоры, Рюнар сообщил, что ему нравится рубаш-

ка Мариуса, и тут же принял его в штат. Мариус должен был отображать «новоурбанистические ценности, отзываясь о поп-культуре с иронией, не холодной, но теплой, проницательной и всесторонней» — так сформулировал задание Рюнар. Это обещало немыслимо обогатить Мариуса. Пусть не деньгами, но бесплатными билетами на концерты и фильмы, а также доступом в модные заведения и те круги общества, где можно было обзавестись полезными связями на будущее. Это его шанс, а значит, надо как следует подготовиться. Разумеется, информации для будущих обзоров у него было предостаточно, но он одолжил пару дисков из коллекции Рюнара, чтобы более полно ознакомиться с антологией популярной музыки. Последние дни прошли на волне американского рока восьмидесятых годов: «REM», «Green on Red», «Dream Syndicate», «Pixies». Сейчас, например, в проигрывателе пели «Violent Femmes». Звучит немодно, но энергично: «Let me go wild. Like a blister in the sun».

Девушка внизу поднялась с полотенца. Прохладно. Мариус проследил за ней взглядом до соседнего корпуса. Увидел, как мимо нее проехал велосипедист, по виду курьер, и закрыл глаза. Пора уже что-нибудь написать.

Отто Танген потер глаза желтыми от никотина пальцами. В автобусе чувствовалось напряжение, которое со стороны можно было принять за всеобщее спокойствие. Никто не двигался, никто ничего не говорил. Было двадцать минут шестого, а экраны застыли без всякого движения, лишь маленькие белые цифры в углу отмечали время. По телесам Отто скатился очередной ручеек пота. Вот так посидишь-посидишь и решишь, что кто-то поиграл с оборудованием и подсунул тебе вчерашнюю запись.

Он забарабанил пальцами рядом с клавиатурой. Паскудник Волер ввел запрет на курение.

Отто склонился направо, беззвучно пустил ветры и бросил взгляд на парня со светлым ежиком. За все время тот не сказал ни слова и тихо сидел в кресле. Вид у него был как у отставного швейцара.

— Кажется, сегодня наш приятель решил взять отгул, — заметил Отто. — Может, решил, что слишком жарко. Может, перенес все дела на завтра, а сам решил выпить пивка на Акер-Брюгге? Говорят, погода…

— Заткнись, Танген, — тихо, но отчетливо сказал Волер.

Отто тяжело вздохнул и пожал плечами.

Часы в углу экрана показывали пять часов двадцать одну минуту.

— Кто-нибудь видел, как тот парень выходил из триста третьей? — снова заговорил Волер. Он смотрел на Отто.

— Я до обеда спал, — признался он.

— Надо проверить. Фалькейд?

Начальник отряда быстрого реагирования кашлянул:

— Не думаю, что…

— Сейчас же, Фалькейд!

Некоторое время эти двое смотрели друг на друга, и было слышно, как работают вентиляторы системы охлаждения аппаратуры.

Фалькейд снова кашлянул:

— «Альфа» вызывает «Чарли-два», прием.

Раздался шум.

— «Чарли-два». Прием.

— Немедленно проверьте триста третью.

— Вас понял. Проверяю триста третью.

Отто взглянул на экран. Ничего. Можно подумать…

Они.

Трое. Черная форма, черные шляпы, черные пистолеты-пулеметы, черная обувь. Все произошло быстро, но совершенно неэффектно. Легкий

шорох. И тишина.

Замок они решили не подрывать, а поддеть самой обыкновенной фомкой. Отто был разочарован. Экономят они, что ли?

Люди на экране беззвучно выстроились у двери: один с ломиком подошел к замку, двое, подняв оружие, встали в метре от него. И началось: их действия напоминали хорошо отрепетированные танцевальные па. Дверь раскрылась, двое офицеров с оружием ворвались внутрь, а третий будто нырнул за ними. Отто уже радовался, представляя, как покажет эту запись Нильсу. Дверь за ними почти полностью закрылась, и он пожалел, что все же не поставил камеры в комнаты.

Восемь секунд.

Затрещала рация Фалькейда:

— Триста третья проверена. Девушка и парень. Оба без оружия.

— Живые?

— Вполне… эгхм… живые.

— Парня обыскали, «Чарли-два»?

— Он голый, «Альфа».

— Выведите его в коридор, черт возьми! — выкрикнул Волер.

Отто посмотрел на дверь триста третьей. Вывели голого. Они занимались этим всю ночь и весь

день. Отто смотрел и не мог оторвать взгляда.

— Пусть оденется и идет с вами на позицию, «Чарли-два».

Фалькейд отложил рацию и посмотрел на остальных. Те покачали головами.

Волер с силой хлопнул по подлокотнику кресла.

— Завтра автобус тоже свободен. — Отто бросил быстрый взгляд на инспектора. Сейчас нужно действовать осторожно. — Завтра воскресенье, но я согласен помочь вам за ту же плату. Вы только скажите, когда…

— Смотрите!

Отто автоматически обернулся. Это отставной швейцар наконец-то заговорил, он указывал на средний экран:

— На лестнице. Зашел внутрь и сразу же в лифт.

На две секунды в автобусе воцарилась тишина. Потом Фалькейд скомандовал в рацию:

— «Альфа» всем группам! Возможный объект в лифте. Быть готовыми!

— Нет, спасибо, — улыбнулась Беата.

— Да, наверное, ты уже накушалась, — вздохнула старушка и поставила коробку с пирожными обратно на стол. — Так о чем я? Приятно, что Свен

хотя бы иногда навещает меня.

— Да, в таком большом доме, наверное, скучно одной.

— Ну, иногда я болтаю с Иной. Но сегодня она уехала за город с кавалером. Я передавала ему привет, но молодежь теперь такая странная. Из всего делают тайну, наверное потому, что хотят все испробовать и не знают, что из этого выйдет.

Беата украдкой посмотрела на часы. Харри обещал позвонить, как только все закончится.

— Ты сейчас о чем-то своем думаешь?

Беата медленно кивнула.

— Ну и хорошо, — сказала Олауг. — Будем надеяться, они его поймают.

— Сын у тебя добрый.

— Да, это верно. Но если б он всегда меня навещал так же часто, как в последнее время, я б и не жаловалась ни на что.

— А как часто он приезжает? — спросила Беата.

Наверное, все уже закончилось. Почему Харри не звонит? Неужели он не появился?

— Вот уже месяц каждую неделю. Да нет, чаще. Каждые пять дней здесь бывает. Недолго, правда. Мне действительно кажется, что в Праге его кто-то ждет. Я думаю, сегодня он все же поделится со

мной новостями. А в прошлый раз привез мне украшение. Хочешь, покажу?

Беата посмотрела на старушку и тут поняла, насколько устала. Устала от работы, убийцы-курьера, Тома Волера и Харри Холе, от Олауг Сивертсен, а больше всего — от самой себя, замечательной, добросовестной Беаты Лённ, которая думает, что может чего-то достичь и что-нибудь сделать для других, если только будет любезной. Любезной и способной. Способной постоянно делать то, что другие от нее требуют. Пора было что-то менять, но она не знала, справится ли. Больше всего ей сейчас хотелось попасть домой, спрятаться под одеялом и уснуть.

— И то правда, — сказала Олауг в ответ на ее взгляд. — Смотреть там особенно не на что. Тебе еще чайку?

— Было бы здорово, — машинально ответила Беата.

Олауг уже собиралась налить добавки, но вдруг обнаружила, что Беата закрыла свою чашку ладонью.

— Прошу прощения, — рассмеялась Беата. — Я хотела сказать: «Было бы здорово посмотреть».

— Что?

— Украшение, которое тебе подарил сын.

Олауг просветлела лицом и тут же исчезла с кухни.

«Вот и хорошо, — подумала Беата и подняла чашку. — Надо бы позвонить Харри и узнать, как все прошло». Но не успела.

Вошла Олауг:

— Вот, гляди.

Чашка Беаты Лённ — вернее, Олауг Сивертсен, еще вернее, чашка вермахта — застыла на полдороге.

Беата увидела брошь, а главное — драгоценный камень в центре.

— Свен такие вот импортирует, — продолжала Олауг. — Их, наверное, только в Праге изготавливают.

Бриллиант, ограненный звездочкой.

Беата провела языком по деснам: во рту моментально пересохло.

— Мне надо кое-кому позвонить, — сказала она. Сухость во рту не проходила. — А пока можешь найти фотографию Свена? Желательно, как он выглядит теперь. Очень срочно.

Олауг посмотрела на нее с удивлением, но кивнула.

Отто дышал ртом, смотрел на экран и прислушивался к тому, что говорят вокруг.

— Возможный объект входит в сектор «Браво-два». Возможный объект перед дверью. Готовы, «Браво-два»?

— «Браво-два» готовы.

— Объект стоит. Достает что-то из кармана. Возможно, оружие — руки не видно.

Голос Волера:

— Пошел!

— «Браво-два», действуйте!

— Интересно, — пробормотал отставной швейцар.

Сначала Мариус Веланн решил, что ослышался, но на всякий случай сделал «Violent Femmes» потише. Опять. Стук в дверь. Ну кто это может быть? Ведь все, кажется, разъехались на лето по домам. Это не Ширли. Ее он вчера встретил на лестнице, остановился и спросил, не хочет ли она сходить с ним на концерт. Или в кино, или в театр на премьеру — на выбор. Бесплатно.

Мариус встал. Он почувствовал, что руки у него вспотели. С чего бы это? Ведь вовсе не обязательно, что это она. Он посмотрел вокруг и понял, что до этого момента никогда не задумывался, как выглядит его комната. Нет, беспорядка в ней не было: слишком уж мало предметов. Стены голые, разве что ободранный плакат с Игги Попом и

печального вида полка с бесплатными CD и DVD. Жалкое жилище, в нем нет индивидуальности. В нем нет… Снова постучали. Он быстро заткнул край пледа, торчащий из-за спинки дивана, и направился к двери. Нет, не может быть, чтобы это была она. Не может… Открыл. Не она.

— Господин Веланн?

— Да? — Мариус смотрел на незнакомца с удивлением.

— У меня для вас пакет. — Человек снял рюкзак, достал оттуда конверт формата А4 и протянул Мариусу. На конверте была марка, но не было никаких имен.

— Уверены, что это мне? — спросил Мариус.

— Да. Распишитесь. — Он протянул планшет с прикрепленным листом бумаги.

Мариус сменил удивленный взгляд на вопросительный.

— Извините, ручки у вас не найдется? — улыбнулся велокурьер.

Мариус смотрел на него, понимая: что-то здесь не так. Но что?

— Момент, — сказал он.

Взяв конверт, он положил его на полку рядом со связкой ключей на брелоке в виде черепа, нашел ручку, обернулся и вздрогнул, заметив, что

незнакомец стоит прямо за его спиной.

— Не слышал, как вы вошли. — Мариус издал смешок и уловил в нем нервные нотки.

Не от страха. В его родном поселке гости входили сразу и без спросу, чтобы не выпускать тепло и не впускать холод. Но в этом человеке было что-то странное. Он снял шлем и очки, и тут Мариус понял, что его смущало. Он был слишком старый. Обычно велокурьерам по двадцать с небольшим. А тут, несмотря на подтянутую фигуру, по которой его еще можно было принять за юношу, лицо сразу выдавало возраст. Незнакомцу было далеко за тридцать, а то и за сорок.

Мариус собирался уже что-то сказать, но взгляд его упал на то, что курьер держал в руке. Мариус Веланн видел достаточно фильмов, чтобы узнать очертания пистолета с накрученным на ствол глушителем.

— Это мне? — выдал он.

Незнакомец улыбнулся и направил пистолет на него. Прямо на него. В лицо. Тут Мариус впервые понял, что пора бы испугаться.

— Сядь, — произнес незнакомец. — Открой конверт.

Мариус тяжело опустился в кресло.

— Нужно кое-что написать, — добавил вело-

курьер.

— Отличная работа, «Браво-два»! — выкрикнул Фалькейд, на его бледном лице горел лихорадочный румянец.

Отто тяжело сопел. На экране объект лежал в наручниках на полу перед комнатой номер двести пять. Лицо было повернуто в сторону камеры, так что можно было видеть замешательство этого негодяя, гримасу боли и медленное осознание своего поражения. Сенсация. Нет! Нечто большее. Историческая запись! «Драматический финал кровавого лета в Осло: арест велокурьера-убийцы в момент, когда он готовится совершить свое четвертое преступление». Полмира передерется за эти кадры. О небо! Он — Отто Танген — богач. Никакой больше дряни из «Севен-элевен», никаких паскудников Волеров, он может купить… он может… они с Эуд Ритой могут…

— Это не он, — бросил отставной швейцар.

В автобусе стало тихо.

Волер подался вперед:

— Что ты сказал, Харри?

— Это не он. Двести пятая — одна из комнат, с жильцом которой мы так и не поговорили. По спискам значится Одд Эйнар Лиллебустад. Сложно распознать, что этот парнишка держит

в руке, но по виду вроде ключ. Извините, ребята, но мне кажется, Одд Эйнар Лиллебустад только что вернулся домой.

Отто посмотрел на картинку. Оборудование в его автобусе — купленное и взятое под залог — стоило больше миллиона, с его помощью можно было легко вырезать картинку с рукой, увеличить ее и узнать, прав этот паскудник швейцар или нет. Но этого не потребовалось. Ветка яблони хрустнула. В окнах, выходящих в сад, загорелся свет, и голос в жестянке произнес:

— «Альфа», я «Браво-два». Если верить кредитной карточке, этого парня зовут Одд Эйнар Лиллебустад.

Отто всей тяжестью тела откинулся на спинку кресла.

— Ничего, ребята, — сказал Волер. — Он еще может прийти. А, Харри?

Паскудник Харри не ответил. Молчание прервал писк его телефона.

Мариус Веланн смотрел на два чистых листа бумаги, которые он достал из конверта.

— Ближайшие родственники? — осведомился незнакомец.

В горле встал ком, Мариус хотел ответить, но голос не слушался.

— Я не стану тебя убивать, — заверил курьер, — если будешь делать, как я скажу.

— Мама и папа, — прошептал Мариус. Это прозвучало, как безнадежный сигнал о помощи.

Незнакомец попросил его написать на конверте их имена и адрес. Имена. Такие знакомые. И Бё-фьорд. Закончив, Мариус увидел, что буквы получились неровные, дрожащие.

Велокурьер начал диктовать письмо. Мариус безвольно водил ручкой по бумаге.

— «Привет! Замечательная новость! Я уезжаю в Марокко с Георгом, марокканским студентом, с которым подружился в Осло. Будем жить у его родителей в горном городке под названием Хассане. Меня не будет четыре недели. С мобильной связью там, похоже, проблематично, попробую написать, хотя Георг говорит, что с почтой тоже так себе. Но обязательно свяжусь с вами по возвращении. Удачи…» Подпись?

— Мариус, — сказал Мариус.

— Пиши «Мариус».

Незнакомец попросил его положить письмо в конверт, а конверт — в рюкзак.

— На втором листе напиши только: «Вернусь через четыре недели». Дата и «Мариус». Вот так, благодарю.

Мариус сидел в кресле, опустив голову. Незнакомец стоял прямо за спиной. Порыв ветра тронул занавеску. Истерично свистели птицы. Незнакомец подался вперед и закрыл окно. Теперь в комнате слышалась приглушенная мелодия из аудиоцентра на книжной полке.

— Что за вещь? — спросил он.

— «Like a blister in the sun», — ответил Мариус.

Ее он поставил на повтор. Она ему нравилась, и он написал бы самый хороший отзыв. С теплой иронией.

— Я слышал ее прежде, — сказал незнакомец и, отыскав нужную кнопку, увеличил громкость. — Вот только не помню где.

Мариус поднял голову и посмотрел из окна на притихшее лето, на зеленый газон и березку, словно махавшую ему на прощание. В оконном отражении он увидел, как незнакомец поднимает пистолет и наводит на его затылок.

«Let me go wild!» — визжали маленькие колонки.

Незнакомец снова опустил пистолет:

— Извини. Забыл снять с предохранителя. Вот так.

«Like a blister in the sun!»

Мариус зажмурился. Ширли. Он думал о ней.

Где она сейчас?

— Вспомнил, — сказал незнакомец. — В Праге. Кажется, группа называется «Violent Femmes»? Моя любимая взяла меня с собой на концерт. Они не слишком хорошо играют, как ты думаешь?

Мариус уже открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент пистолет сухо кашлянул, и никто так и не узнал его мнения.

Отто смотрел на экраны. За его спиной Фалькейд на своем разбойничьем языке беседовал с «Браво-два». Паскудник Харри достал мобильный телефон. Говорил коротко и мало. Наверняка позвонила страшненькая дама, изнывающая без мужской любви, подумал Отто и навострил уши.

Волер вообще ничего не говорил, сидел, грыз кулак и смотрел, как уводят Одда Эйнара Лиллебустада. Без наручников. Без всяких подозрений. Без сенсаций.

Отто тоже смотрел на экраны, потому что у него возникло ощущение, будто он сидит у атомного реактора. Снаружи ничего не ясно, но внутри кипит такое, с чем не хочется вступать в тесный контакт ни за что на свете. И он внимательно смотрел.

Фалькейд сказал:

— Конец связи, — и отложил свою говорилку

в сторону.

Паскудник Харри продолжал односложно отвечать в трубку.

— Он не появится, — объявил Волер, глядя на изображения вновь опустевших коридоров и лестниц.

— Говорить об этом еще рано, — ответил Фалькейд.

Волер медленно покачал головой:

— Он знает, что мы здесь. Я чувствую. Сидит где-нибудь и смеется над нами.

«На дереве в саду», — подумал Отто.

Волер встал:

— Пора собираться, парни. Теория про пентаграмму не подтвердилась. Завтра начинаем с нуля.

— Подтвердилась.

Трое обернулись к паскуднику Харри. Тот уже закончил разговор и положил мобильный телефон в карман.

— Его зовут Свен Сивертсен, — продолжал тот. — Норвежский подданный, проживает в Праге, родился в Осло в тысяча девятьсот сорок шестом году, но наша коллега Беата Лённ говорит, что выглядит он намного моложе. Своей матери он подарил точно такой же бриллиант, как и те,

что мы находили на жертвах. Мать утверждает, что в известные нам даты он был в Осло и посещал ее. В вилле Валле.

Отто заметил, как лицо Волера застыло и побледнело.

— Значит, мать, — почти прошептал Волер. — В доме, на который указывал последний луч звезды?

— Да, — сказал Харри. — Она ждет его сегодня вечером. На Швейгордсгата уже едет машина с подкреплением, а моя стоит на улице тут неподалеку.

Он встал с кресла. Волер потер подбородок.

— Перегруппируемся, — сказал Фалькейд и схватил рацию.

— Стоп! — выкрикнул Волер. — Без моей команды ничего не делать.

Остальные посмотрели на него в ожидании. Волер закрыл глаза. Прошло две секунды, и он открыл их.

— Останови машину с подкреплением, Харри, — приказным тоном сказал Волер. — Я хочу, чтобы ни одной полицейской машины на километр не было от того дома. Если он почует хоть малейшую опасность, мы проиграли. Мне кое-что известно об этих контрабандистах. Они всегда

— всегда! — готовят себе пути отступления. Стоит однажды их упустить, и больше они не покажутся. Фалькейд, со своими ребятами остаешься здесь — на всякий случай.

— Но ты же сам сказал, что он не…

— Делай, как я говорю. Может, это наш единственный шанс. Поскольку я отвечаю за дело собственной головой, хотелось бы держать руку на пульсе. Харри, принимаешь на себя командование. Хорошо?

Отто увидел, как паскудник Харри отсутствующим взглядом посмотрел на Волера.

— Хорошо? — повторил тот.

— Просто отлично, — ответил паскудник.

Глава 28
Суббота. Имитатор

Олауг Сивертсен расширенными от испуга глазами смотрела, как Беата проверяет, все ли пули в револьвере на месте.

— Мой Свен? Господи, поймите же, это ошибка! Свен и мухи не обидит.

Беата защелкнула револьвер и отошла к кухонному окну, откуда открывался вид на парковку на Швейгордсгата.

— Будем надеяться. Но чтобы это выяснить, нужно его сначала арестовать.

Сердце Беаты учащенно билось, усталость как рукой сняло. Вместо нее сейчас ощущались легкость и предвкушение чего-то особенного — словно она приняла допинг. Этот старый табельный револьвер принадлежал еще ее отцу. Однажды она услышала, как он сказал товарищу, что никогда не смог бы доверить свою жизнь пистолету.

— Так значит, он не сказал, когда именно придет?

Олауг покачала головой:

— Сказал, ему нужно кое-что уладить.

— У него есть ключ от входной двери?

— Нет.

— Хорошо. Значит…

— Я ее не запираю, когда знаю, что он придет.

— Дверь и сейчас не заперта?

Беата почувствовала, как кровь прихлынула к голове, а голос стал резким и грубоватым. Она не знала, на кого сердится больше: на старушку — за то, что к ней прислали охрану из полиции, а она оставила открытой входную дверь для сына, или на саму себя — за то, что не проверила элементарных вещей.

Она перевела дыхание, чтобы голос стал поспокойней:

— Олауг, прошу оставаться здесь. А я пройду в коридор и…

— Эй, есть кто? — услышала Беата крик за спиной.

Сердце забилось еще быстрее, и она, развернувшись, протянула вперед руку, держа тонкий белый указательный палец на тяжелом гладком спусковом крючке. К двери из коридора двигался силуэт мужчины. Беата не слышала, как он вошел. Добрая-добрая, глупая-глупая…

— Ух ты! — Силуэт хохотнул.

Беата прицелилась в голову, но через долю секунды отпустила крючок.

— Кто это? — спросила Олауг.

— Легкая кавалерия, фрёкен Сивертсен, — ответил человек. — Инспектор Том Волер.

Он протянул руку, бросил короткий взгляд на Беату и сказал:

— Кстати, фрёкен Сивертсен, я позволил себе закрыть вашу входную дверь.

— Где остальные? — спросила Беата.

— Остальных не будет. Только ты и я, дорогая… — Том Волер улыбнулся, и у Беаты мороз пробежал по коже.

Миновало восемь.

По телевизору предупредили, что со стороны Англии надвигается холодный фронт и жара скоро закончится.

В коридоре редакции Рогер Йендем сказал коллеге, что последние два дня полиция жутко неразговорчива, а значит, что-то готовится. Прошел слух, что подняли отряд быстрого реагирования, а его командир Сиверт Фалькейд уже двое суток не отвечает ни на единое телефонное сообщение. Коллега ответил, что Рогер выдает желаемое за действительное, так же думали и в редакции, поэтому на первой странице оказался

холодный фронт из Англии.

Бьярне Мёллер сидел на диване и смотрел «Такт за тактом». Ему нравился ведущий, Ивар Дюрхёуг, и песни, которые звучали в передаче. Пускай кое-кто на службе считает, что это шоу интересно только бабушкам и тетушкам, а ему нравится. Ему всегда казалось, что в Норвегии много талантливых певцов, которые остаются в тени. Но сегодня вечером у Мёллера не получалось сосредоточиться на словах песен: он сидел, бессмысленно уставившись в экран, и думал о текущем докладе, который ему по телефону только что представил Харри.

В пятый раз за полчаса он посмотрел на часы, потом на телефон. Харри обещал позвонить, как только выяснится еще что-нибудь. Начальник криминальной полиции просил Мёллера доложить обстановку, как только операция будет закончена. Мёллер подумал, что у начальства, наверное, в летнем домике тоже есть телевизор и он сейчас сидит точно так же, смотрит на открытые слова на экране (второе и третье: «just» и «called»), молчит и думает совершенно о другом.

Отто затянулся, закрыл глаза и представил себе, как загорелся свет в окнах, ветер шумит в сухих листьях. К его разочарованию, шторы

задернулись. Вторая жестянка давно уже лежала в канаве. Нильс убежал домой.

Свои сигареты у Отто закончились, и он одолжил у того паскудника, который Харри. Спустя полчаса после того, как убрался Волер, тот достал из кармана пачку «Кэмел лайт». Хорошие сигареты. Были б еще не легкими… Когда они закурили, Сиверт Фалькейд неодобрительно посмотрел на них, но ничего не сказал. Теперь голубоватая дымка прикрывала и лицо Фалькейда, и застывшие портреты коридоров и лестниц.

Харри придвинул кресло ближе к Отто и стал разглядывать экраны. Медленно курил и изучал картинки одну за другой, как будто мог найти там что-то новое.

— А это что? — спросил Харри и ткнул в один из секторов левого экрана.

— Тут?

— Нет, выше. На четвертом этаже.

Отто посмотрел на бледно-желтые стены пустого коридора:

— Ничего особенного не вижу.

— Над третьей дверью по правую руку. На штукатурке.

Отто сощурился: какие-то белые отметины. Сначала он решил, что они остались после

неудачной попытки установить одну из камер, но не припомнил, чтобы штукатурку трогали именно в этом месте.

— Что там такое? — подался вперед Фалькейд.

— Не знаю, — ответил Харри. — Отто, как тут можно сделать покрупнее…

Отто выделил мышкой квадрат над дверью. Нажал две клавиши, и фрагмент заполнил весь экран в двадцать один дюйм.

— Небеса милостивые… — прошептал Харри.

— Да уж, техника у меня что надо, — с гордостью сказал Отто и любовно похлопал по пульту. Он уже был готов проникнуться некоторой симпатией к этому Харри.

— Пентаграмма, — продолжал Харри шепотом.

— А?

Но полицейский уже обернулся к Фалькейду:

— Скажи «Дельте-один», или как они там называются, чтоб были готовы. Сейчас я пойду в комнату четыреста шесть. Ждите, пока не увидите меня на экране.

Полицейский встал и достал пистолет, известный Отто по долгим бессонным ночам в Интернете, стоило только набрать в поисковике

слово «handguns»[20], — «Глок-21». Сейчас что-то должно случиться, понял он. Что именно, он пока не знал, но, возможно, сенсационные кадры у него все-таки будут.

Харри вышел.

— «Дельта-один», я «Альфа», — произнес в рацию Фалькейд и отпустил кнопку рации.

Шум. Приятный, пощелкивающий шум.

Остановившись у лифта рядом с входной дверью, Харри на секунду замешкался. Потом потянул ее на себя. Сердце остановилось, когда он увидел перед собой черные прутья. Решетка.

Он отпустил ручку двери, и та медленно закрылась. Все равно уже поздно. Кончился последний прилив энергии, какой чувствуешь, когда бежишь к перрону, хотя знаешь, что поезд уже ушел, но хочешь все-таки увидеть его, прежде чем он исчезнет.

Харри пошел по лестнице. Старался идти спокойно. Когда же убийца приходил сюда? Два дня назад? Неделю?

Сил больше не осталось, каблуки все медленнее отстукивали чечетку по ступеням. Хочется все-таки увидеть…

---

[20] Примечания: 20
Стрелковое оружие *(англ.)*.

Стоило ему свернуть в левый коридор четвертого этажа, как из дальней комнаты появились три фигуры в черном.

Харри остановился под белой звездой, процарапанной на желтой стене.

Под табличкой с номером комнаты — «406» — была другая, с именем. «Веланн». А еще ниже он увидел приклеенный скотчем лист бумаги:

«Уехал. Мариус».

Он кивнул «Дельте-один»: можно начинать.

Через шесть секунд дверь была открыта.

Харри попросил остальных подождать снаружи и внутрь вошел один. Пусто. Он тщательно осмотрел комнату. Чисто и аккуратно. Даже слишком аккуратно. Не вяжется с ободранным плакатом Игги Попа над диваном. Стол прибран, на полке над ним — несколько потрепанных книг карманного формата. Рядом с книгами — пять-шесть ключей на брелоке в виде черепа. Фотография улыбающейся загорелой девчушки. Возлюбленная или сестра, предположил Харри. Между книгой Чарльза Буковски и аудиоцентром стоял белый большой палец — похоже, восковой — и словно подбадривал: «Все отлично! Все ясно! Все о'кей!»

Харри посмотрел на Игги Попа: голый поджа-

рый торс, вздутые вены, выразительный взгляд глубоко посаженных глаз. Как будто этого человека распяли, и, может быть, не один раз. Харри потрогал большой палец на полке. Для гипса или пластика слишком мягкий, на ощупь — как будто настоящий. Холодный, но настоящий. Вспомнился фаллоимитатор у Барли. Пах палец формалином и краской. Харри осторожно сжал его. Краска дала трещину, в нос ударил знакомый резкий запах, и Харри непроизвольно сделал шаг назад.

— Беата Лённ.

— Это Харри. Как там у вас?

— Пока ждем. Волер занял позицию в коридоре, а нас с фрёкен Сивертсен загнал на кухню. Очень по-рыцарски.

— Я звоню из общежития, комната четыреста шесть. Он здесь был.

— Был?

— Он оставил над дверью пентаграмму. Парень, который здесь живет, — некто Мариус Веланн — исчез. Здешние жильцы не видели его уже несколько недель, на двери написано, что он уехал.

— Хм… А может, он действительно уехал?

Харри заметил, что Беата начинает перенимать

его манеру разговора.

— Вряд ли, — сказал он. — Его большой палец остался в комнате. В забальзамированном состоянии.

На том конце повисло молчание.

— Я позвонил вашим в экспертизу. Они уже едут.

— Как же так? — спросила Беата. — Разве вы не контролировали все здание?

— Сегодня — да. Но это случилось дней двадцать назад.

— Откуда ты знаешь?

— Нашел телефон его родителей и позвонил. Им пришло письмо, что он собирается в Марокко. Отец говорит, что Мариус впервые прислал им письмо, обычно он звонит. По почтовому штемпелю и определили.

— Двадцать дней… — прошептала Беата.

— Да. То есть как раз за пять дней до первого убийства — Камиллы Луен. — Он услышал, как тяжело Беата дышит в трубку. — До того убийства, которое мы до сих пор считали первым.

— О господи…

— Это еще не все. Мы собрали жильцов и спросили, не запомнилось ли им что-нибудь с того дня. Девушка из триста третьей сказала, что помнит,

как в тот вечер загорала на газоне перед общагой, а по дороге обратно встретила велокурьера. Запомнила она его потому, что велокурьеры сюда заезжают нечасто, а когда пару недель спустя газеты стали писать о маньяке, в общежитии даже хохмили на этот счет.

— Получается, он перехитрил нас с последовательностью.

— Нет, — ответил Харри. — Просто я олух. Помнишь, я говорил, что отрезанные пальцы являются частью кода, но не мог понять, отчего он начал с указательного? Все оказалось проще некуда. Большой палец, первый на левой руке, отрезан у первой жертвы. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что Камилла Луен была второй жертвой.

— Хм…

«Может, хватит передразнивать, а?» — подумал Харри.

— И теперь не хватает только пятой части кода, — сделала вывод Беата. — Мизинца.

— Понимаешь, что это значит? Его мать рядом с тобой?

— Да. Харри, скажи мне, что он хочет сделать?

— Не знаю.

— Я понимаю, что не знаешь, но все равно

скажи.

Харри задумался:

— Попробую… Сильным мотивом многих серийных убийц было осознание собственной ущербности. Поскольку осталось последнее убийство — пятое, итоговое, велика вероятность, что он уничтожит основную причину своей жестокости. Или себя. Или и то и другое. К его матери это не имеет никакого отношения. Скорее к нему самому. Так или иначе, выбор места преступления логичен.

Беата молчала.

— Ты там, Беата?

— Да. В детстве над ним издевались, ведь его отец — немец.

— Над кем издевались?

— Над тем, кто сюда направляется.

Снова пауза.

— А Волер почему сидит в коридоре один?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что разумнее было бы схватить его вместе, а не держать тебя на кухне.

— Возможно, — ответила Беата. — У меня мало опыта в оперативной работе. Он, наверное, знает, что делает.

— Это да, — подтвердил Харри.

В его голове возникла мысль, которую он старательно пытался отогнать.

— Что-то не так, Харри?

— Хм, — ответил он. — Курить хочется.

Глава 29
Суббота. Он тонет

Харри положил мобильный телефон в карман пиджака и откинулся на спинку дивана. Может, эксперты его за это и отругают, но вряд ли этим он испортит какой-нибудь вещдок. Очевидно, что и на этот раз преступник основательно прибрался. Харри даже почувствовал слабый запах зеленого мыла, когда нагнулся низко к полу, чтобы рассмотреть маленькие черные комочки, намертво втертые в линолеум.

В двери показалось лицо.

— Бьёрн Хольм. Экспертиза.

— Хорошо, — сказал Харри. — Закурить не будет?

Он встал и отошел к окну, а Хольм и его товарищ приступили к работе. Заходящее солнце, словно позолотой, покрывало косыми лучами дома, улицы и деревья в Кампене и Тёйене. Есть ли на свете город красивее, чем Осло в такие часы? Наверное, есть, и не один, но Харри о них не знал.

Он еще раз посмотрел на палец на книжной

полке. Преступник окунул его в краску и приклеил к полке. Скорее всего, и клей и краску он принес с собой. Во всяком случае, в столе не было ни того ни другого.

— Можете проверить, что это за пятна? — спросил Харри, указывая на пол.

— Обязательно проверим, — отозвался Хольм.

У Харри кружилась голова. Он выкурил восемь сигарет кряду. Пить от этого хотелось меньше, но хотелось. Он смотрел на большой палец. Очевидно, преступник воспользовался кусачками. Краска, клей, молоток и какой-то резец — чтобы выбить пентаграмму над дверью. Да тут у него был целый набор инструментов.

Пентаграмма и палец. Тогда зачем клей?

— Похоже на расплавленную резину, — сообщил Хольм, сидя на корточках.

— Как ее плавят? — спросил Харри.

— Ну… можно поджечь или пройтись утюгом. Можно сварочным пистолетом.

— Для чего ее используют?

Хольм пожал плечами.

— Для вулканизации автомобильных шин, например, — ответил его коллега. — Можно что-нибудь заклеить. Или для герметизации. Вроде того.

— А в этом случае?

— Вот уж не знаю. Извиняйте.

— Спасибо.

Большой палец указывал на потолок. Лучше бы он указывал на то, как разгадать код, подумал Харри. А кода не могло не быть. Преступник водил их, словно бессловесную скотину за кольцо в носу. А раз был код, было и решение. Причем довольно простое, если он рассчитывал на смышленую скотину примерно своего уровня.

Харри смотрел на палец. Вверх. Все о'кей. Все отлично. Все ясно.

Вечерний свет заливал комнату.

Харри курил, глубоко затягиваясь, чувствуя, как никотин поднимается по сосудам из легких в тесные капилляры и дальше, дальше — отравляя, убивая, разъясняя… Черт!

Харри тяжело закашлялся.

Палец — в потолок. Комната четыреста шесть. Чердак над четвертым этажом. «Ну конечно! Скотина я бессмысленная!»

Харри повернул ключ, открыл дверь, нащупал на стене выключатель и перешагнул порог. В чердачном помещении не было окон, но оно оказалось просторным, и ходить можно было в полный рост. Вдоль стен рядами выстроились

пронумерованные контейнеры, за проволочной сеткой штабелями лежали предметы, которые уже стыдно было назвать собственностью, но до мусора они еще не дотягивали. Дырявые матрацы, плачевного вида стулья, картонные коробки с одеждой и электрический ширпотреб, выбрасывать который было жалко, потому как еще работал.

Внутрь в сопровождении двух своих бойцов вошел Фалькейд и тут же тихо выругался. Солнце, которое сейчас уже выбилось из сил и висело на западе, целый день нагревало черепицу, и теперь чердак превратился в сауну.

— Кажется, четыреста шестой — в эту сторону. — Харри повернул направо.

— Почему ты так уверен, что он находится на чердаке?

— Потому что преступник сам указал нам на тот очевидный факт, что над четвертым этажом есть пятый. В данном случае — чердак.

— Ты понимаешь, что никакого трупа здесь быть не может?

— Это почему?

— Вчера мы приходили сюда с собакой. Труп, который несколько недель пролежал в такой жаре… В переводе с собачьих ощущений на наши

— это все равно что искать тут воющую заводскую сирену. Даже плохая собака учуяла бы труп, а собака тут вчера была отличная.

— А если труп завернут во что-то и по запаху его найти невозможно?

— Молекулы запаха очень подвижны, им достаточно микроскопической дырочки. Не может быть, чтобы…

— Вулканизация, — догадался Харри.

— Что?

Харри остановился у одного из контейнеров. Двое бойцов тут же оказались рядом с ломиками в руках.

— Проверим сначала вот это, парни. — Он протянул им связку ключей на черепе.

Самый маленький как раз подошел к висячему замку.

— Зайду один, — сказал Харри. — Эксперты не любят лишних следов.

Он взял у кого-то фонарик и оказался в контейнере. Бóльшую часть места тут занимал белый платяной шкаф с двойными дверцами. Харри взялся за одну из ручек и, собравшись с духом, рванул на себя. В нос ударил запах прелой одежды, пыли и дерева. Харри зажег фонарик. На штанге висели многочисленные синие костюмы,

видно доставшиеся Мариусу Веланну от трех поколений предков. Харри посветил внутрь и провел рукой по ткани. Грубая шерсть. Один из костюмов был обернут в тонкий пластик. На дальней вешалке был серый чехол для одежды.

Закрыв шкаф, Харри повернулся к задней стене контейнера, где на раме для сушки висели шторы, судя по виду ручной работы. Он отдернул их и увидел перед собой немой оскал маленьких хищных зубов. Остатки меха были серого цвета, а коричневые глазки-пуговки покрылись заметным слоем пыли.

— Куница, — определил Фалькейд.

— Хм…

Харри посмотрел вокруг. Искать больше негде. Неужели он и вправду ошибся?

И тут его взгляд привлек ковер, по виду напоминающий персидский. Он был скатан и поставлен на попа. Харри подвинул разломанное плетеное кресло, встал на него и посветил внутрь ковра. Полицейские внизу ждали в нетерпении.

— Хм… — Харри слез с кресла и выключил фонарик.

— Ну что? — спросил Фалькейд.

Харри покачал головой. Внезапно его одолела дикая злоба, он пнул платяной шкаф, и тот

некоторое время качался из стороны в сторону, словно исполняя танец живота. Харри нестерпимо захотелось выпить. Один глоток — избавление от боли. Он уже намеревался выйти из контейнера, как вдруг услышал за спиною скрип — будто что-то скользит по стене. Непроизвольно обернувшись, он увидел, как дверца шкафа распахнулась, и, сбивая с ног, на него рухнул чехол для одежды.

Какое-то мгновение Харри не понимал, где он и что с ним случилось. Потом, открыв глаза, сообразил, что лежит на спине. В затылке чувствовалась тупая боль. От его падения с сухого пола взметнулось облачко пыли, и Харри жадно ловил ртом воздух. Тяжелый чехол давил на него, ему казалось, будто он тонет, будто его запихнули в огромный пластиковый пакет с водой. В панике он ударил по гладкому чехлу рукой, и кулак ощутил что-то мягкое и податливое.

Харри замер и лежал теперь совершенно тихо. Мало-помалу его отпустило, и ему больше не казалось, что он тонет. Ему казалось, что он уже утонул: по ту сторону серого пластика он увидел чьи-то остекленевшие глаза.

Так нашли Мариуса Веланна.

Глава 30
Суббота. Арест

За окном тихо, словно робкое дыхание, пронесся блестящий серебристый авиалайнер. Беата смотрела на Олауг Сивертсен. Та, вытянув шею, глядела в окно и часто моргала. Морщины на ее старых руках казались узкими долинами, темно-синие жилы — реками, а костяшки пальцев — горами с белыми снежными шапками. Беата посмотрела на свои руки. Подумала, что пара рук может сделать в течение жизни. И чего не может или не в силах сделать.

В девять пятьдесят шесть Беата услышала, как скрипнула калитка и кто-то зашагал по гравиевой дорожке.

Она встала, сердце забилось легко и часто — как счетчик Гейгера.

— Это он, — сказала Олауг.

— Точно?

Олауг грустно улыбнулась:

— Я слышала, как он ходит по этой дорожке, когда он был еще маленьким. А когда он вырос и стал возвращаться домой поздно, я, бывало,

просыпалась от звуков его шагов. Он пройдет всю тропинку за двенадцать шагов. Можешь посчитать.

В двери неожиданно возник Волер:

— Кто-то идет. Оставайтесь здесь. Что бы ни случилось. Хорошо?

— Это он, — сказала Беата и кивнула на Олауг.

Волер кивнул в ответ и снова исчез.

Беата положила на руку старушки свою ладонь:

— Все хорошо.

— Вот увидите, это ошибка, — сказала Олауг, не глядя на нее.

Одиннадцать, двенадцать. Беата услышала скрип входной двери.

Потом — крик Волера:

— Полиция! Мое удостоверение — на полу перед тобой! Бросай пистолет, или я стреляю!

Она почувствовала, как вздрогнула рука Олауг.

— Полиция! Убери пистолет, или мне придется стрелять!

Зачем кричать так громко? Ведь между ними не больше пяти-шести метров.

— В последний раз предупреждаю! — крикнул Волер.

Она встала и вынула из кобуры на поясе ре-

вольвер.

— Беата… — дрожащим голосом позвала Олауг.

Девушка посмотрела ей в глаза и увидела в них мольбу.

— Бросай оружие! Ты целишься в полицейского!

Четырьмя шагами Беата пересекла кухню, открыла дверь и с изготовленным оружием шагнула в коридор. В паре метров спиной к ней стоял Том Волер, а в конце коридора — мужчина в сером костюме. В одной руке он держал чемодан. Когда Беата выходила из кухни, в ее голове уже был план действий, и сейчас она испытала некоторое недоумение.

— Стреляю! — крикнул Волер.

Беата увидела онемевшее, с открытым ртом лицо мужчины в конце коридора. Плечо Волера дернулось вперед, готовясь встретить отдачу.

— Том…

Она произнесла это тихо, но Том Волер замер, как будто ему стрельнули в спину.

— У него нет никакого пистолета, Том.

Беате казалось, что она смотрит кино. Кто-то нажал на паузу в середине абсурдной сцены, и она застыла, и только кадр подрагивает время от времени. Беата ждала выстрела, но выстрела

не последовало. Естественно, Том же не идиот. Во всяком случае, не в медицинском понимании этого слова. Импульсы свои он контролирует. Наверное, именно это больше всего испугало Беату, когда они еще встречались, — холодное самообладание.

— Раз уж ты все равно здесь, — наконец процедил Волер, — может, наденешь на нашего арестанта наручники?

Глава 31
Суббота. «Разве не радость – ненавидеть?»

Когда Бьярне Мёллер снова вышел к журналистам, осаждающим вход в Полицейское управление, была уже почти полночь. И хотя в жаркой дымке над Осло можно было различить только самые яркие звезды, ему пришлось заслонить глаза рукой от вспышек фотоаппаратов и света камер. На Мёллера обрушился поток вопросов.

— Не все сразу. — Он указал на одну из поднятых рук. — Будьте добры представиться.

— Рогер Йендем, «Афтенпостен». Свен Сивертсен признал свою вину?

— Как раз в настоящий момент у него берет показания ведущий следователь инспектор Волер. Пока он не закончит, я не могу отвечать на такие вопросы.

— Правда ли, что в чемодане Сивертсена обнаружены бриллианты и оружие и что бриллианты в точности такие же, как и те, что находили на жертвах?

— Да, это я могу подтвердить. Теперь вы, про-

шу.

Молодой женский голос произнес:

— Сегодня вечером вы сказали, что Свен Сивертсен проживает в Праге, и мне удалось найти его официальный адрес. Это пансионат, но там отвечают, что он уехал оттуда больше года назад и никто не знает, где он живет теперь. Вам это известно?

Другие журналисты лихорадочно принялись записывать вопрос, а потом и ответ Мёллера:

— Еще нет.

— Я переговорила с некоторыми людьми, — продолжал женский голос с плохо скрываемой гордостью. — Они утверждают, что у Свена Сивертсена в Чехии есть гражданская жена. Имя им неизвестно, но один из опрошенных более чем открыто намекнул, что она была женщиной легкого поведения. А это полиции известно?

— Теперь — да, — ответил Мёллер. — Благодарим за помощь.

— Мы тоже, — крикнул кто-то из толпы, после чего все дружно загоготали. Женщина смущенно заулыбалась.

Голос с эстфоллским произношением представился:

— «Дагбладет». Как это восприняла его мать?

Отыскав глазами в толпе журналиста, задавшего вопрос, Мёллер прикусил нижнюю губу, чтобы со зла не выдать ненужную информацию, и сдержанно ответил:

— Не мне об этом судить. Да, слушаю вас.

— «Дагсависе» интересуется, как за четыре недели труп Мариуса Веланна не был обнаружен на чердаке общежития при такой жаре?

— Вопрос времени еще предстоит уточнить, но, по всей видимости, преступник положил труп в пластиковый чехол для хранения платьев или костюмов и запечатал его резиной для герметичности, прежде чем… — Мёллер замялся: нужное слово никак не приходило на ум. — Повесить его в шкаф на чердаке.

В толпе зашушукались, Мёллер подумал, что, наверное, переборщил с деталями.

Рогер Йендем задал еще какой-то вопрос.

Мёллер видел, как двигаются его губы, а в ушах звучала мелодия Стиви Уандера: «I just called to say I love you». В передаче «Такт за тактом» ее так хорошо пела та — ну как ее? — сестрица, которой должна была достаться главная роль в мюзикле.

— Извините, — очнулся Мёллер. — Вы не могли бы повторить?

Харри и Беата с приличного расстояния смот-

рели на толпу журналистов и курили. Беата сообщила, что по торжественным случаям тоже курильщица, и стрельнула у Харри сигарету.

Сам Харри не чувствовал никакой торжественности. Скорее сонливость.

Вот из дверей показался Том Волер, его улыбающуюся физиономию встретили ослепительными вспышками. По стене Полицейского управления, словно празднуя триумф, заплясали тени.

— Он теперь знаменитость, — сказала Беата. — Человек, который вел расследование и собственноручно арестовал велокурьера-маньяка.

— Два пистолета в руках, и все такое? — улыбнулся Харри.

— Да, прямо Дикий Запад. Можешь объяснить, зачем кричать, чтобы парень бросил пушку, которой у него нет?

— Волер, наверное, имел в виду оружие, которое у Сивертсена было с собой. Я бы крикнул то же самое.

— Ну да, но знаешь, где мы нашли тот пистолет? В чемодане.

— У Волера были все основания считать, что перед ним чемпион Дикого Запада по скоростному доставанию пистолетов из чемодана.

Беата рассмеялась:

— Ты ведь пойдешь выпить с нами пивка?

Он посмотрел на нее, и ее улыбка застыла, а румянец залил все лицо и шею.

— Харри, я не хотела…

— Ничего. Отпразднуешь за двоих, Беата. Я свое дело сделал.

— Но просто побыть с нами ты можешь?

— Вряд ли. Это последнее дело в моей карьере. — Щелчок — и окурок светлячком полетел вниз. — Со следующей недели я больше не полицейский. Может, конечно, именно это и следовало бы отметить, но не таким образом.

— И чем ты займешься?

— Чем-нибудь. — Харри встал. — Чем-нибудь другим.

На стоянке к нему подошел Волер:

— Уже уходишь, Харри?

— Устал. Ну и каково быть знаменитым?

Волер сверкнул белозубой улыбкой:

— Всего лишь пара фотографий для газет. Да ты ведь и сам прекрасно знаешь.

— Если ты про тот случай в Сиднее, то меня представили эдаким ковбоем за то, что я застрелил маньяка, а ты его поймал живым и здоровым. Именно такой герой-полицейский нужен наше-

му социал-демократическому государству.

— Это сарказм?

— В общем-то, нет.

— Ну ладно тогда. Потому что мне все равно, кого они там возведут в герои. Если это укрепит репутацию полиции, пусть рисуют ненатурально-глянцевые картинки с таких, как я. Мы-то у себя знаем, кто герой на самом деле, — сказал Волер. Холе выудил из кармана ключи и остановился перед своим белым «эскортом». — И это я хотел сказать тебе, Харри, от лица всех наших. Дело распутал ты, а не я или кто-нибудь еще.

— Я просто делал свою работу, — хмуро заметил Харри.

— Свою работу, да. Но я хотел поговорить еще кое о чем. Присядем ненадолго?

В салоне стоял густой запах бензина. Харри подумал, что где-то ржавчина все же проела дыру.

От сигареты Волер отказался.

— Первое задание для тебя готово, — сказал он. — Оно совсем нелегкое и небезопасное, и, если справишься, рассчитывай на полное сотрудничество.

— Что за задание? — Харри выпустил струю дыма в зеркало заднего вида.

Волер пощупал кончиками пальцев один из

проводков, торчащих из дыры на приборном щитке, где обычно находится магнитола.

— Как выглядел Мариус Веланн? — спросил он.

— А ты как думаешь? После четырех-то недель в пластиковом пакете.

— Ему было двадцать четыре, Харри. Двадцать четыре. Ты помнишь, какие мечты у тебя были в двадцать четыре, какие надежды?

Харри помнил.

Волер криво ухмыльнулся:

— В то лето, когда мне исполнилось двадцать два, мы с Гейром и Соло отправились путешествовать по молодежной скидке и оказались на Итальянской Ривьере. Денег на гостиницу нам не хватало, хотя перед тем, как уехать, Соло выгреб всю папину кассу в киоске. Так что на ночь мы ставили палатку на пляже, а днем просто ходили и глазели на женщин, машины и яхты. Удивительно, что при этом мы ощущали себя богачами. Потому что нам было по двадцать два года и мы верили, что все это — нам. Словно новогодний подарок, который дожидается под елкой. Камилла Луен, Барбара Свендсен, Лисбет Барли — все они были молодыми. Может, они еще не успели разочароваться, Харри, а? Может, еще ждали, когда можно будет распаковать подарок?

Волер провел рукой по приборному щитку и продолжил:

— Харри, я только что выслушал показания Свена Сивертсена. Ты можешь ознакомиться с ними позже, но уже сейчас я могу сказать тебе, что случится. Он расчетливый, хитрый дьявол. Убедительно разыграет из себя сумасшедшего, обманет присяжных и психологов, и в тюрьму его отправить побоятся. Короче говоря, он окажется в каком-нибудь психиатрическом отделении, где будет вести себя примерно, и через пару лет его уже выпишут. Так и будет, Харри. Вот что мы делаем с отбросами общества, которые нас окружают. Вместо того чтобы избавиться от них, перекладываем с места на место, не понимая, что отбросы продолжают гнить, а когда дом превратится в зараженный, вонючий крысятник, то будет уже поздно. Только посмотри на страны, где преступность укрепилась так прочно, что ее уже не истребишь. Увы, у нашего государства сейчас слишком много денег, и политики наперебой являют примеры щедрости и великодушия. Мы стали слишком мягкими и пушистыми, чтобы брать на себя ответственность за неприятности. Понимаешь?

— Пока да.

— Самое время появиться нам, Харри. Мы возьмем на себя ответственность. Можно сказать, мы займемся уборкой мусора, которую общество боится взять на себя.

Харри затянулся так глубоко, что сигарета затрещала.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, задержав дыхание.

— Свен Сивертсен, — бросил Волер, с опаской выглядывая в окно, — мусор, который ты должен убрать.

Харри с громким кашлем обрушился на руль, выпуская дым из горла.

— Так вы этим занимаетесь? А остальное? Контрабанда? — спросил он.

— Вся прочая деятельность направлена на то, чтобы финансировать эту.

— Это и есть твой собор?

Волер медленно кивнул. Потом наклонился к Харри, и тот почувствовал, что ему что-то положили в карман.

— Ампула, — пояснил Волер. — Это вещество называют «Joseph's Blessing»[21]. Разработано КГБ во время войны в Афганистане. Изначаль-

---

[21] Примечания: 21
Вымышленное название, букв. «Благословение Иосифа» *(англ.)*.

но планировалось для покушений, но больше известно как средство самоубийства — его применяют пленные чеченские боевики. Парализует дыхательную систему. В отличие от синильной кислоты не имеет ни вкуса, ни запаха. Ампулу удобно засунуть под язык или в прямую кишку. Если вскрыть ее, размешать содержимое в стакане воды и выпить, человек умирает в течение нескольких секунд. Задание понятно?

Харри выпрямился. Кашель больше не мучил, но глаза слезились.

— То есть выглядеть будет как самоубийство?

— Свидетели в изоляторе подтвердят, что, увы, при определении в камеру прямую кишку не проверили. Не волнуйся, все договорено.

Харри глубоко вдохнул. От паров бензина подташнивало. Вдалеке жалобно завыла сирена.

— Ты ведь хотел его застрелить?

Волер не ответил. Харри увидел, как к главному входу в изолятор подъехала полицейская машина.

— Ты даже не собирался его арестовывать, а два пистолета с собой взял, чтобы один потом, уже когда пристрелишь, вложить ему в руку, чтобы выглядело так, будто он тебе им угрожал. Ты специально усадил мать и Беату на кухне, а

кричал затем, чтобы они смогли подтвердить, что ты стрелял при самообороне. Беата вышла в коридор слишком рано и сорвала твой план.

Волер тяжело вздохнул:

— Нам приходится убирать. Так ты убрал того убийцу из Сиднея. Закон не работает, его писали для другого времени — более невинного. Прежде чем его изменят, нам нельзя позволить преступникам захватить город. Ты-то ведь это понимаешь: видишь эту грязь каждый день.

Харри посмотрел, как дотлевает его сигарета, и кивнул:

— Мне просто нужна была полная картина.

— Хорошо, Харри. Слушай. Свен Сивертсен будет сидеть в камере предварительного заключения номер девять целые сутки, то есть до утра понедельника. Потом его переведут в хорошо охраняемую камеру в Уллерсму, где нам его не достать. Ключ к камере ты найдешь в служебке, в столе слева от двери. У тебя есть завтрашняя полночь, Харри. Потом я позвоню в изолятор, чтобы убедиться, что велокурьер-маньяк понес заслуженное наказание. Ясно?

Харри снова кивнул.

Волер улыбнулся:

— Знаешь что, Харри? Хоть я и рад, что мы на-

конец в одной команде, все-таки в глубине души мне грустно. А знаешь почему?

Харри пожал плечами:

— Потому что ты думал, что не все на свете продается за деньги?

Волер рассмеялся:

— Холодно, Харри! Потому что мне кажется, что я потерял хорошего врага. Мы похожи. Ты ведь понимаешь, о чем я?

— «Разве не радость — ненавидеть?»

— Что?

— Микаэль Крун. «Raga Rockers».

— У тебя двадцать четыре часа, Харри. Удачи.

Часть V

Глава 32
Воскресенье. Ласточки

Ракель стояла в спальне и изучала свое отражение в зеркале. Через открытое окно она услышала, как подъехала машина и гравий на дорожке захрустел под знакомыми шагами. На туалетном столике перед зеркалом стояла фотография отца. Ракель всегда удивлялась, каким молодым и наивным он на ней выглядел.

Как обычно, она закрепила волосы заколкой. Или стоит сделать другую прическу? Сегодня она надела мамино платье из красного муслина. Не слишком ли нарядно оно выглядит? В детстве отец часто рассказывал, что в первый раз увидел маму именно в этом платье, и Ракель никогда не надоедала эта чудесная, милая сказка. Правда, для нее платье пришлось ушить.

Она ослабила заколку и мотнула головой — волосы рассыпались по плечам. Зазвонил дверной колокольчик, и Ракель услышала, как Олег побежал открывать. Потом — его полный энтузиазма голос и тихий смех Харри. Она в последний раз взглянула в зеркало. Почувствовала, что сердце

забилось быстрее, и вышла из комнаты.

— Мама! Харри при…

Радостный крик Олега осекся, едва она показалась на лестнице. Первая ступенька далась с трудом: высокие каблуки вдруг показались такими шаткими и ненадежными, но потом Ракель нашла точку равновесия и подняла взгляд. Олег стоял у подножия лестницы и, открыв рот, смотрел на нее. Рядом был Харри. Его глаза сияли, и ей показалось, что она ощущает тепло его взгляда на щеках. В руке он держал букет роз.

— Ты такая красивая, мама! — выдохнул Олег.

Ракель закрыла глаза. Оба боковых стекла были опущены, и ветер гладил ее волосы и кожу. Харри осторожно вел «эскорт» по зигзагообразной дороге вниз по Хольменколлвейен. В машине слегка пахло моющим средством. Ракель опустила солнцезащитный козырек, чтобы проверить помаду на губах, и увидела, что даже зеркало на обратной стороне козырька идеально вычищено.

Она улыбнулась, вспомнив их первую встречу. В тот раз Харри предложил подбросить ее до работы, и ей пришлось толкать с ним машину.

Даже не верится, что это та же самая разнесчастная колымага.

Она искоса посмотрела на него.

И та же самая горбинка на носу. И те же мягкие, почти женские губы, которые так выделялись на мужественном лице. Его внешность вряд ли можно было назвать красивой в классическом понимании этого слова, но она была — как это сказать? — выразительной. И его глаза… Даже не глаза. Взгляд.

Он повернулся, словно прочитав ее мысли.

Улыбнулся. Вот она, детская мягкость во взгляде, как будто на нее смотрит смешливый мальчуган. В этом чувствовалось что-то неподдельное, неизбывное, настоящее. Этому взгляду можно было верить. Хотелось верить.

Ракель улыбнулась в ответ.

— О чем думаешь? — спросил он, взглядом возвращаясь к дороге.

— Так, о всяком.

В последние недели у нее действительно было время подумать. Время понять, что на самом деле Харри никогда не нарушал данных ей обещаний. Он ведь не обещал ей, что не сорвется снова. Не обещал, что работа перестанет быть для него самым главным в жизни. Не обещал, что будет легко. Во всем этом она убедила себя сама. И теперь ей это было ясно.

Дом в Уппсале. Харри так много про него рас-

сказывал, что Ракель иногда казалось, будто она сама там выросла. Когда они подъехали, Улав Холе и Сестрёныш уже ждали у калитки.

— Привет, Олег, — сказала Сестрёныш тем серьезным голосом, каким старшие сестры любят говорить с младшими братьями. — А мы тесто поставили.

— Да-а? — Олег нетерпеливо забарабанил по маминому креслу, чтобы его выпустили из машины.

По дороге к городу Ракель откинула голову на спинку сиденья и сказала, что считает Харри привлекательным, но сразу оговорилась, чтобы он не вводил себя в заблуждение на ее счет. Тот ответил, что считает ее куда более привлекательной, и сразу оговорился, что она может вводить себя в любые заблуждения на его счет. Они остановились у Экебергского обрыва — внизу лежал весь город, а между городом и ними летали черные птички с раздвоенными хвостами.

— Ласточки, — улыбнулся Харри.

— Низко как летают, — сказала Ракель. — Значит, будет дождь?

— Да. Передавали, что дождь.

— Ах, какая прелесть! Они поэтому летают? Сообщают о погоде?

— Нет, — ответил Харри. — Они работают, очищают воздух от насекомых.

— А почему они так быстро снуют туда-сюда? Как будто в панике.

— У них не так много времени. Сейчас насекомые еще в воздухе, но с заходом солнца охоту нам придется закончить.

— Ты хотел сказать: «Им придется закончить»?

Она повернулась к нему. Харри смотрел стеклянными глазами куда-то вдаль.

— Да, конечно, — ответил он. — Извини, задумался.

Публика, пришедшая на премьеру, разместилась на площади перед Национальным театром. Там создали тенек, и знаменитости беззаботно беседовали со знаменитостями, кругом вертелись журналисты и тихо жужжали камеры. Если не принимать во внимание сплетни о каком-нибудь новом летнем увлечении, все разговоры были на одну тему: вчерашний арест велокурьера-маньяка.

Когда они проходили внутрь, Харри слегка приобнял Ракель за талию, и она сквозь тонкую ткань почувствовала тепло его пальцев. Вдруг прямо перед ними возникло лицо:

— Рогер Йендем из «Афтенпостен». Извините,

мы проводим опрос. Поймали наконец похитителя той женщины, которая должна была сыграть главную роль в сегодняшнем спектакле. Что вы об этом думаете?

Они остановились, и Ракель почувствовала, как Харри убрал руку с ее талии.

Лицо журналиста застыло в улыбке, но глаза бегали.

— Мы ведь с вами знакомы, Холе. Я работаю в криминальной хронике. Мне довелось пару раз брать у вас интервью по возвращении из Сиднея. Вы как-то сказали, что я единственный журналист, который не искажает ваши цитаты. Помните?

Харри задумчиво посмотрел на Рогера Йендема и кивнул.

— Хм… Решили расстаться с криминальной хроникой?

— Нет-нет! — Журналист решительно помотал головой. — Просто подменяю коллегу. Лето, отпуска. Могу я взять интервью у инспектора полиции Харри Холе?

— Нет.

— Неужели?

— «Нет» — в том смысле, что я не инспектор полиции, — объяснил Харри.

Казалось, журналист был потрясен:

— Но ведь я же вас видел…

Харри быстро посмотрел по сторонам и наклонился к Йендему:

— У вас есть визитка?

— Да… — Он протянул ему белую карточку с логотипом газеты: «Афтенпостен» синими готическими буквами. Харри сунул ее в карман. — Я работаю до одиннадцати.

— Там посмотрим.

Рогер Йендем проводил их удивленным взглядом. Они продолжили подниматься по лестнице. Ракель снова почувствовала теплое прикосновение Харри.

У входа в зал их встретил мужчина с бородкой, улыбкой и слезами на глазах. Ракель видела это лицо раньше — в газетах. Вилли Барли.

— Рад, что вы пришли вместе, — пробормотал он, распахивая объятия.

После секундного замешательства Харри позволил себя обнять.

— А вы, должно быть, Ракель. — Вилли Барли подмигнул ей через плечо Харри. Его он прижал к себе так крепко, как ребенок только что найденную плюшевую игрушку.

— Что это означало? — спросила Ракель, когда

они нашли свои места в середине четвертого ряда.

— Выражение мужской дружбы, — бросил Харри. — Художник…

— Нет, не это. Ты сказал, что больше не инспектор полиции?

— Вчера закончился мой последний рабочий день в Полицейском управлении.

Она посмотрела на него:

— И ты ничего не сказал?

— Что-то я сказал. Тогда в саду.

— И чем ты теперь займешься?

— Чем-нибудь другим.

— Чем же?

— Чем-нибудь совершенно другим. Мне тут через приятеля поступило одно предложение, и я согласился. Надеюсь, для меня наступают лучшие времена. Потом расскажу.

Занавес поднялся.

Когда занавес опустился в последний раз, зал разразился шквалом аплодисментов. Они не стихали еще минут десять.

Актеры выбегали на сцену и убегали поодиночке и в различных комбинациях, до тех пор пока комбинировать уже стало некого и они просто выстроились в ряд послушать овации. Всякий

раз, когда Тойя Харанг делала шаг вперед, чтобы поклониться, раздавались крики «браво». В конце концов на сцену вытащили всех, кто имел к постановке хоть какое-то отношение, и Вилли Барли обнял Тойю, и у всех на глазах были слезы — и на сцене, и в зале.

Даже Ракель достала платок и крепко держала Харри за руку.

— Странно на вас смотреть, — подал голос Олег с заднего сиденья. — Что-то не так?

Ракель и Харри синхронно покачали головами.

— Так вы снова друзья? Или как?

Ракель улыбнулась:

— Олег, мы ведь и не были недругами.

— Харри?

— Да, шеф? — Харри взглянул в зеркало.

— Это значит, что скоро мы снова пойдем в кино? На фильм для мальчишек?

— Возможно. Если это будет хороший фильм.

— Вот как? — вмешалась Ракель. — А я что буду делать в это время?

— Ты можешь играть с Улавом и Сестрёнышем, — радостно предложил Олег. — Мам, это очень здорово! Меня Улав научил играть в шашки!

Харри свернул на площадку перед домом и оста-

новился. Мотор глушить не стал. Ракель вручила Олегу ключи от дома и выпустила его из машины. Вдвоем с Харри они посмотрели, как мальчик вихрем промчался по гравиевой дорожке.

— Господи, каким же он стал большим, — сказал Харри.

Ракель положила голову ему на плечо:

— Зайдешь?

— Не сейчас. Нужно кое-что еще сделать по работе. Закончить дела.

Она погладила его по щеке:

— Можешь зайти и попозже. Если захочешь.

— Хм… Ты хорошо подумала, Ракель?

Она вздохнула, закрыла глаза и прислонилась лбом к его шее.

— Нет. И да. Знаешь, это все равно что прыгать из горящего дома. Лучше уж сломать ноги, чем сгореть.

— Пока не упадешь, кажется, что лучше.

Они сидели, молча смотрели друг на друга и слушали неровное тарахтение мотора. Потом Харри легонько взял Ракель за подбородок и поцеловал. Ей показалось, что она теряет равновесие, теряет почву под ногами, теряет рассудок, и он был единственным ее спасением. И еще ей показалось, что она горит и падает одновременно.

Она не знала, сколько длился поцелуй, и, когда он осторожно высвободился из ее объятий, шепнула:

— Я оставлю дверь открытой.

Ей следовало бы знать, что это глупо.

Ей следовало бы знать, что это опасно.

Но она уже устала думать. Она думала все эти недели без него.

Глава 33
Ночь на понедельник. «Благословение Иосифа»

Машин на стоянке перед изолятором было мало. А людей не было вовсе. Харри повернул ключ зажигания, и мотор с предсмертным хрипом заглох. Он посмотрел на часы. Одиннадцать десять. У него еще пятьдесят минут. Стены детища Телье, Торпа и Осена перебрасывали друг другу эхо его шагов.

Перед тем как войти, Харри перевел дыхание.

В помещении было совершенно тихо. За столами — никого. Харри уловил справа какое-то движение: в комнате дежурного повернулось кресло. Он увидел пол-лица с налитым кровью глазом. Глаз подарил ему пустой взгляд, и кресло развернулось обратно.

Грот. Один. Странно. А может, и нет.

Отыскав в столе ключ от девятой камеры, Харри направился дальше. Из комнаты тюремных надзирателей слышались голоса, но нужная камера располагалась очень удачно: Харри даже не пришлось проходить мимо них.

Он вставил ключ в замок, повернул. Подождал секунду, услышал внутри какое-то шевеление и открыл дверь.

Человек, который смотрел на него с койки, был не похож на убийцу. Харри знал, что это еще ничего не значит. Бывает, у человека все на лице написано, а бывает, и нет.

Это лицо было красивым: правильные черты, густые, коротко подстриженные темные волосы и голубые глаза, про которые, наверное, когда-то говорили, что они «мамины», но со временем они превратились в собственные. Харри было под сорок. Свену Сивертсену — за пятьдесят. Харри подумал, что большинство бы, наверное, подумало наоборот.

Сивертсен был одет в красные тюремные штаны и куртку.

— Добрый вечер, Сивертсен. Инспектор Холе. Будьте добры, поднимитесь и повернитесь ко мне спиной.

Сивертсен поднял бровь. Харри покачал в воздухе наручниками:

— Таковы правила.

Не произнося ни слова, Сивертсен встал, Харри защелкнул наручники и подтолкнул его к койке.

Стула в камере не было. В ней вообще почти

ничего не было, чтобы нельзя было поранить ни себя, ни других. Монополия на наказание здесь принадлежала правовому государству. Харри прислонился к стене и достал из кармана помятую пачку сигарет.

— Сработает дымовая сигнализация, — предупредил Сивертсен. — Очень чувствительная. — Голос у него оказался на удивление звонким.

— Верно. Видимо, приходилось сидеть прежде?

Харри прикурил, встал на цыпочки, поддел крышку сигнализации и вынул батарейку.

— А правила на этот счет что говорят? — едко поинтересовался Свен Сивертсен.

— Не помню. Сигарету?

— Что это? Трюк с «хорошим полицейским»?

— Нет, — улыбнулся Харри. — На вас так много материала, Сивертсен, что даже комедию ломать не придется. Нам не нужны подробности, не нужен труп Лисбет Барли, не нужно никакого признания. Нам, Сивертсен, даже помощь ваша без надобности.

— Зачем же вы пришли?

— Из любопытства. У нас тут глубоководный промысел, и мне стало интересно, кто на этот раз попался мне на крючок.

Сивертсен невесело хохотнул:

— У вас богатая фантазия, инспектор Холе, но я вас разочарую. Может, и кажется, что вы поймали крупную рыбу, а на деле — рваный башмак.

— Будьте добры говорить потише.

— Боитесь, что нас услышат?

— Просто сделайте, как я говорю. Вы кажетесь очень спокойным для человека, которого только что арестовали за четыре убийства.

— Я невиновен.

— Хм… Позвольте мне вкратце обрисовать вам ситуацию, Сивертсен. В вашем чемодане мы находим красный бриллиант. Такие, прямо скажем, на дороге не валяются, и именно такие были найдены на каждой из жертв. Плюс к этому «ческа збройовка», сравнительно редкое оружие для Норвегии, но именно из такого пистолета убили Барбару Свендсен. Вы в показаниях заявили, что в те дни, когда совершались убийства, вы были в Праге. Мы проверили авиакомпании и выяснили, что на каждую из пяти дат — включая вчерашнюю — у вас приходился короткий визит в Осло. Как у вас с алиби на пять часов, Сивертсен?

Свен Сивертсен молчал.

— Я подумал. И решил, что не так уж вы невиновны, Сивертсен, — сказал Харри.

— Мне не важно, что вы думаете, Холе. Что еще

вам от меня нужно?

Не отходя от стены, Харри присел на корточки:

— Вы знакомы с Томом Волером?

— С кем?

Харри выдержал паузу, выпустил дым под потолок. Судя по лицу, Свен Сивертсен несказанно устал. Прежде Харри встречал убийц с непробиваемым черепом и душой дрожащей, словно желе. И таких отморозков, у которых и внутри была непробиваемая кость. Ему стало интересно, к какому типу относится этот экземпляр.

— Сивертсен, не притворяйтесь, будто не помните имени того, кто вас арестовывал, а потом допрашивал. Я спрашиваю, были ли вы с ним знакомы прежде? — Харри заметил, как напряглось на секунду лицо у его собеседника. — Прежде вас судили за контрабанду. На том оружии, что нашли у вас в чемодане, и на других пистолетах имеются особые следы. Их оставляет машинка, которую используют, чтобы стачивать серийные номера. Такие же следы в последние годы мы нередко находили на незарегистрированных образцах, найденных в Осло. Мы считаем, что за этим стоит хорошо законспирированная организация контрабандистов.

— Любопытно.

— Вы перевозили оружие для Волера, Сивертсен?

— Уф, вы что, и этим занимаетесь? — Свен Сивертсен даже не моргнул, но на лбу набухли капельки пота.

— Жарковато, Сивертсен?

— Терпимо.

— Хм… — Харри встал и подошел к мойке. Стоя к Сивертсену спиной, он достал с полки пластиковый стаканчик и открыл воду. — Знаете что, Сивертсен? Я ведь об этом и не подумал бы, если б коллега не рассказала мне о том, как Волер вас арестовывал. Тогда я вспомнил, как он отреагировал на ваше имя, когда я передавал сведения, добытые Беатой Лённ. Он обычно чертовски умело держит себя в руках, а тут вдруг побледнел и на какое-то мгновение застыл, будто не мог пошевелиться. В тот момент я решил: это он понял, что нас провели и у нас еще один труп на подходе. Но когда Лённ рассказала про два пистолета Волера и про то, как он кричал, чтобы вы перестали в него целиться, до меня начало доходить. Нет, испугался он не нового убийства, а, как я уже сказал, вашего имени. Он его помнил. Вы же один из его курьеров. И Волер, разумеется, сообразил, что, если вас обвинят в убийстве, все

тут же выплывет наружу: оружие, которым вы пользовались, причина ваших частых поездок в Осло, все ваши связи. Судья, может, даже скостил бы вам срок за содействие следствию. Поэтому он решил вас пристрелить.

— Пристре…

Харри наполнил стаканчик водой, развернулся и подошел к Свену Сивертсену. Поставил воду на пол и снял с него наручники. Сивертсен потер запястья.

— Выпейте, — сказал Харри. — Потом я дам вам покурить и снова надену наручники.

Свен не торопился исполнять сказанное. Харри посмотрел на часы. Оставалось еще минут тридцать.

— Ну же, Сивертсен!

Свен схватил стаканчик, запрокинул голову и выпил все до дна, не сводя глаз с Харри.

Харри прикурил две сигареты, одну вручил Сивертсену.

— Но вы мне, разумеется, не верите, — продолжал он. — Вы, наоборот, полагаете, что Том Волер выручит вас из этой — как бы это сказать — неприятной ситуации? Что он будет чем-то ради вас рисковать, например премией за долгую и верную службу. В крайнем случае вы полагаете,

что, имея столько сведений против него, вы всегда можете заставить его помочь вам. — Харри медленно покачал головой. — Я думал, вы башковитый, Сивертсен. Такие ребусы нам загадывали, такие пьесы разыгрывали, а сами всегда шли на шаг впереди. Я уже представлял себе человека, который наверняка знает, как мы рассуждаем и чего хотим, а тут вы не смогли понять, как мыслит такая акула, как Том Волер.

— Вы правы. — Сивертсен, полуприкрыв глаза, выпустил в потолок струйку дыма. — Я вам не верю.

Сивертсен стряхнул пепел в пустой стаканчик на полу и промахнулся.

Неужели он нащупал слабину? Харри и раньше так казалось, а потом выяснялось, что он ошибался.

— Слышали, обещают похолодание? — полюбопытствовал он.

— Я за норвежскими новостями не слежу, — усмехнулся Сивертсен, думая, что вышел победителем.

— Дождь еще, — добавил Харри. — Кстати, как водичка на вкус?

— Вода как вода.

— Значит, «Благословение Иосифа» держит

марку.

— Чего Иосифа?

— «Благословение», «Blessing» — без вкуса и запаха. О, кажется, вы о нем слышали? Может быть, даже перевозили для Волера эту продукцию? Чечня — Прага — Осло? — Харри изобразил кривую усмешку. — По иронии судьбы.

— О чем вы?

Харри кинул ему какой-то предмет, тот описал высокую дугу и оказался у Сивертсена в руках. Предмет напоминал личинку. Это была белая капсула.

— Но она пустая… — Свен перевел взгляд на Харри.

— Само собой. Так сказать, привет от нашего общего начальника Тома Волера.

Харри выпустил дым через нос и посмотрел на Сивертсена. Увидел, как задергалась жилка на лбу, как пальцы нервно вцепились в подбородок.

— Ты, Сивертсен, как подозреваемый в четырех убийствах, должен бы сидеть в специальной тюрьме под надежной охраной. Не думал об этом? А ты сидишь в обычном изоляторе, куда может зайти всякий, у кого при себе удостоверение. Я мог бы вытащить тебя отсюда, дежурному

сказать, что повел на допрос, поставить пару подписей, после чего отправить тебя прямиком в Прагу. Или — как в данном случае — в ад. Как ты думаешь, кто распорядился посадить тебя сюда, а, Сивертсен? Кстати, как самочувствие?

Сивертсен сглотнул. Слабина. Ох, какая слабина!

— Зачем вы мне это рассказываете? — прошептал он.

Харри пожал плечами:

— Волер очень выборочно делится информацией с подчиненными, а я, как ты понял, любопытный по природе. А тебе, Сивертсен, самому не хочется, как и мне, увидеть полную картину? Или ты из тех, кто думает, что после смерти обретет вечную жизнь?

Сивертсен побледнел.

— Еще сигарету? — спросил Харри. — Или уже подташнивает?

Последнее слово сработало как детонатор. Сивертсен задышал открытым ртом, мотнул головой, и в следующее мгновение каменный пол камеры украсила желтая блевотина. Некоторое время он сидел и жадно ловил ртом воздух.

Харри неодобрительно посмотрел на те несколько капель, которые попали ему на брюки,

подошел к раковине, оторвал кусок туалетной бумаги, вытер, потом оторвал еще один и подал Сивертсену. Тот отер губы, тяжело уронил голову и закрыл лицо ладонями. Потом он, всхлипывая, заговорил:

— Когда я вошел в коридор… то очень удивился, но понял, что он разыгрывает какую-то роль. Он подмигивал мне и мотал головой: мол, кричит он для кого-то другого. Через несколько секунд я понял его задумку. Вернее, решил, что понял. Я думал… что ему нужно, чтобы другие поверили, будто я вооружен. Тогда ему будет легче объяснить, почему он позволил мне ускользнуть. У него было два пистолета. Я думал, что второй — для меня: если бы кто-нибудь нас увидел, у меня в руке было бы оружие. Я просто стоял и ждал, пока он даст мне пистолет. А потом пришла эта бабенка и все испортила.

Харри снова встал у стены.

— То есть тебе было известно, что полиция ищет тебя по делу о велокурьере-убийце? — потребовал он подтверждения.

Сивертсен покачал головой:

— Нет-нет, никакой я не убийца. Я думал, меня арестовали за контрабанду оружия и бриллиантов. Я знал, что Волер расследует подобные дела

и поэтому все идет так гладко. И думал, по той же причине он собирается помочь мне с побегом. Мне нужно…

Его опять стошнило. На этот раз чем-то зеленоватым.

Харри подал бумагу.

Сивертсен начал плакать:

— Сколько мне еще осталось?

— Сейчас начнется, — ответил Харри.

— Что?

Харри вмял окурок в пол, сунул руку в карман и достал белую таблетку:

— Видишь? — Он держал ее большим и указательным пальцами. Сивертсен кивнул. — Если ты примешь противоядие в течение десяти минут после того, как выпил «Joseph's Blessing», у тебя еще будет какой-то шанс выжить. Эту таблетку я достал у приятеля-фармацевта. Ты спросишь зачем? Отвечу. Затем, что я хочу заключить с тобой сделку. Мне нужно, чтобы ты выступил свидетелем против Тома Волера. Рассказал все, что ты знаешь о его участии в контрабанде оружия.

— Да-да! Только дайте таблетку!

— Но могу ли я на тебя положиться, Сивертсен?

— Клянусь!

— Мне нужен обдуманный ответ, Сивертсен. Откуда я знаю, вдруг ты переметнешься на другую сторону, едва я выпущу тебя из виду? — Харри сунул таблетку обратно в карман. — А время-то идет. Почему я должен верить тебе, Сивертсен? Убеди меня.

— Сейчас?

— «Благословение» парализует дыхательную систему. Те, кто наблюдал за отравленными, утверждают, что это мучительная смерть.

Сивертсен два раза моргнул и начал говорить:

— Вы должны мне верить, ведь если я не умру сейчас, Том Волер поймет, что я разгадал его намерение убить меня. Тогда пути назад у меня не будет, и ему придется разделаться со мной раньше, чем я разделаюсь с ним. У меня попросту нет выбора.

— Хорошо, Сивертсен. Продолжай.

— Здесь, в тюрьме, у меня нет шансов. Все будет кончено еще до того, как за мной придут утром. Единственная возможность — как можно скорее разоблачить Волера и посадить его под замок. А в этом мне никто не поможет… кроме вас.

— Поздравляю, вам достается первый приз. — Харри встал. — Руки за спину, пожалуйста.

— Но…

— Делай, как я говорю. Надо убираться отсюда.

— Таблетка…

— Таблетка называется «флунипам» и помогает разве что от бессонницы.

Свен посмотрел на него с ненавистью:

— Ах ты…

К нападению Харри был готов: он уклонился в сторону и ударил. Сивертсен издал звук, похожий на звук надувного мяча, когда из него выпускают воздух.

Харри поднял его одной рукой, другой — надел наручники.

— Не нужно так беспокоиться, Сивертсен. Содержимое той ампулы, которую мне дал Волер, я слил в унитаз вчера вечером. А если у воды оказался какой-то привкус, то тут уж претензии к городской системе водоснабжения.

— Но… меня…

Они оба посмотрели на лужи желчи на полу.

— Съел что-нибудь не то, — бросил Харри. — Я никому не скажу.

Кресло в комнате дежурного тихо повернулось. Показался полуприкрытый глаз. Потом веко плавно поднялось, глаз пристально посмотрел на них, и Плакса-Грот неожиданно резво вскочил на ноги.

— Это что такое? — пролаял он.

— Арестант из камеры номер девять. — Харри кивнул на Сивертсена. — На допрос в шестую. Где расписаться?

— Допрос? Я не слышал ни про какой допрос.

Грот встал у стола, скрестив руки и широко расставив ноги.

— Насколько мне известно, Грот, мы вам обычно об этом не докладываем, — сказал Харри.

Удивленный взгляд дежурного перебегал от Харри к Сивертсену и обратно.

— Спокойно, — посоветовал Харри. — Небольшое изменение в планах. Арестант не будет принимать лекарство. У нас есть кое-что другое.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Ну разумеется. Если не хотите услышать всю правду, рекомендую поскорее достать журнал, Грот. У нас не так много времени.

Дежурный зажмурил правый глаз, но левым, «плачущим», продолжал смотреть на них.

Харри думал только о том, чтобы дышать ровно, и надеялся, что через одежду не заметно, как часто бьется его сердце. Уже сейчас вся его задумка могла развалиться как карточный домик. Занятная картина. Карточный домик без единого туза. Он надеялся только на то, что мышиные мозги

Грота сработают как предполагается. А предположение было основано на свободной трактовке постулата Эуне о том, что способность человека мыслить рационально, когда дело касается собственных интересов, обратно пропорциональна интеллекту.

Грот хрюкнул.

Харри надеялся, это значит, что он все понял. Понял, что для него, Грота, риска будет гораздо меньше, если Харри выпишет арестанта в законном порядке. Тогда впоследствии он расскажет следователям все как было, без лишней угрозы быть пойманным на вранье, будто никто не входил и не выходил во время таинственной смерти в камере номер девять. И хорошо бы еще, чтобы Грот подумал, что Харри одним росчерком пера может избавить его от этой головной боли, да и проверять лишний раз ничего не надо: Волер же сам говорил, что этот идиот теперь в их шайке.

Грот кашлянул.

Харри написал свою фамилию на пунктирной линии.

— Марш! — сказал он и толкнул Сивертсена в спину.

Ночной воздух на стоянке обдал горло прохладой, будто холодное пиво.

Глава 34
Ночь на понедельник. Ультиматум

Ракель проснулась.

Внизу кто-то вошел в дверь.

Она повернулась и посмотрела на часы. Без четверти час.

Потянувшись в постели, она продолжала лежать и слушать. Ощущение сонливости медленно сменилось покалывающим кожу ожиданием. Ей хотелось притвориться спящей, когда он заберется в постель. Она знала, что это глупая забава, но ей она нравилась. Он просто будет лежать рядом и тихо дышать. А когда она повернется во сне и как бы невзначай положит руку ему на живот, его дыхание станет чаще и глубже. Они будут лежать, не шевелясь, словно соревнуясь, кто продержится дольше. И он проиграет.

Наверное.

Она закрыла глаза. И через мгновение открыла снова, чувствуя какое-то беспокойство.

Она встала, открыла дверь спальни и прислушалась. Ни звука. Пошла к лестнице:

— Харри?

Ее голос прозвучал встревоженно, и от этого ей стало еще страшнее. Она взяла себя в руки и спустилась вниз.

Никого.

Ракель решила, что проснулась из-за того, что ветер хлопнул неплотно закрытой входной дверью.

Заперев ее, она пошла на кухню и налила себе стакан молока. Послушала, как скрипит деревянный дом, как разговаривают друг с другом старые стены.

В полвторого она встала. Харри уже уехал к себе домой, и теперь он никогда не узнает, что он мог бы выиграть сегодня ночью.

По дороге в спальню ей вдруг снова стало страшно. Она повернула обратно, но сразу успокоилась, когда, приоткрыв дверь, увидела, что Олег спит в кровати.

И все равно через час она проснулась от кошмара и не могла найти себе места до самого утра.

Белый «форд-эскорт» плыл сквозь летнюю ночь, словно старая, грохочущая двигателем субмарина.

— Экернвейен, — бормотал Харри. — Сонсгата.

— Что? — переспросил Сивертсен.

— Прикидываю кратчайший путь.

— Куда?

— Скоро увидишь.

Они остановились в узком тупичке рядом с какими-то запущенными частными домиками, затерявшимися посреди многоэтажной застройки. Харри перегнулся через Сивертсена и открыл дверь с его стороны. После того как несколько лет назад в эту машину залезли воры, эта дверь уже не открывалась снаружи. Ракель даже шутила о сходстве характеров машин и их владельцев, и Харри не знал, правильно ли понимает смысл этой шутки. Он обошел машину кругом, вытащил Сивертсена и поставил его спиной к себе.

— Левша? — поинтересовался Харри, отпирая наручники.

— Что?

— Какой рукой бьешь сильнее: правой или левой?

— Да я… вообще не бью.

— Это хорошо.

Харри надел один браслет Сивертсену на правую руку, а другой — себе на левую. Свен непонимающе посмотрел на него.

— Не хочу потерять тебя, любимый, — объяснил Харри.

— А не проще держать меня на мушке писто-

лета?

— Проще, но пару недель назад мне пришлось его сдать. Пошли!

Они пересекли ровную площадку и направились в сторону массивных черных силуэтов многоэтажек, вырисовывающихся на фоне ночного неба.

— Приятно вернуться на старое место? — спросил Харри у входа в общежитие.

Сивертсен пожал плечами.

Когда они вошли, Харри услышал то, что хотел бы услышать меньше всего, — шаги по лестнице. Он посмотрел вокруг, увидел свет в маленьком окошке лифта, отошел в сторону и потянул Сивертсена за собой. Лифт качнулся под их весом.

— Угадай, на какой этаж мы поедем? — спросил Харри. Он сунул Сивертсену в лицо связку ключей на пластиковом брелоке в форме черепа, и тот поднял глаза к потолку. — Не в настроении угадывать? Ладно, Сивертсен, тогда поехали на четвертый.

Свен нажал на черную кнопку с цифрой 4 и посмотрел на дверь, как обычно смотрят, когда ждут, что лифт вот-вот тронется. Харри взглянул на его лицо. Черт, надо признать, если это игра, то актер он блестящий.

— Решетка, — подсказал Харри.

— Что?

— Лифт не пойдет, пока не закроешь решетку, и ты это знаешь.

— Эту?

Харри кивнул. Сивертсен с лязгом потянул железные прутья направо, но лифт стоял.

На лбу у Харри выступили капли пота.

— До конца, — сказал он.

— Так?

— Хватит ломать комедию! — К горлу подкатил ком. — Ее надо закрыть до самого конца. Если она не закроет весь проем, лифт не пойдет.

Сивертсен улыбнулся.

Харри сжал правую руку в кулак.

Лифт вздрогнул, и желтая стена за черными железными прутьями начала ползти вниз. Когда они проезжали второй этаж, через окошко в двери Харри увидел чей-то затылок. Кто-то спускался по лестнице. Надо надеяться, кто-то из жильцов. Во всяком случае, Бьёрн Хольм сказал, что эксперты работу здесь уже закончили.

— Не нравятся лифты? — спросил Сивертсен.

Харри не ответил, глядя, как стена ползет вниз.

— Мы не проехали?

Лифт остановился так резко, что Харри сделал

шаг, чтобы не упасть. Пол снова качнулся. Харри смотрел в стену.

— Что за черт… — прошептал он.

— Вы весь мокрый от пота, инспектор Холе. Думаю, сейчас самое подходящее время, чтобы кое-что вам объяснить.

— Сейчас не подходящее время ни для чего. Выметайся, иначе…

Но Сивертсен встал, загородив собою кнопки, и, судя по всему, выметаться не собирался. Харри поднял его правую руку и только тогда увидел, что в левой у Сивертсена зажат шпатель. С зеленой рукояткой.

— Лежал рядом с сиденьем, — почти виновато улыбнулся Сивертсен. — Нужно прибираться в своей машине. Вы меня слышите?

Сталь сверкнула. Харри попытался сосредоточиться, не запаниковать.

— Слышу.

— Очень хорошо, потому что слушать меня сейчас придется внимательно. Я невиновен. Вернее, я незаконно ввозил в страну оружие и бриллианты несколько лет подряд, но никогда никого не убивал.

Заметив, что Харри пошевелил рукой, Сивертсен поднял свое оружие, и Харри почел за благо

не двигаться.

— Вся контрабанда оружия идет через одного человека, который называет себя Принцем. В один прекрасный момент я понял, что Принц и Том Волер — одно и то же лицо. Даже больше: я могу это доказать. И если я правильно понимаю ситуацию, вы собираетесь подрезать ему крылья, но без моих доказательств Том Волер скорее подрежет ваши. Верно?

Харри смотрел на шпатель.

— Холе?

Он кивнул.

Сивертсен рассмеялся, звонко, почти по-девчоночьи, и сказал:

— Правда, милый парадокс, Холе? Вот стоим мы с вами здесь — контрабандист и ищейка, связанные одной цепью и полностью друг от друга зависящие, — и все равно думаем, как бы друг друга убить, а?

— Это не парадокс, — сказал Харри. — Что тебе нужно?

Сивертсен поднял шпатель и перехватил его так, что рукоятка указывала на Харри, со словами:

— Мне нужно, чтобы вы нашли, кто подстроил все таким образом, чтобы выглядело, будто я

убил четырех человек. Сделайте это, и я поднесу вам голову Волера на серебряном блюдечке. Вы поможете мне — я помогу вам.

Харри пристально посмотрел на Сивертсена. Браслеты наручников лязгнули друг о друга.

— Хорошо, — согласился Харри. — Но давай сделаем это в правильной последовательности. Сначала обезвредим Волера, а потом я смогу спокойно помочь тебе.

Сивертсен покачал головой:

— Я знаю, как обстоят мои дела. Я думал над этим целые сутки, Холе. Мои доказательства против Волера — единственный аргумент в переговорах, а вы — единственный, с кем я могу их вести. Полиция уже празднует победу, и никто из ваших не согласится посмотреть на дело под иным углом, рискуя превратить триумф в ошибку века. Меня обвинят, а этот псих, который убивал женщин, останется на свободе. Меня заманили в ловушку. Без вашей помощи у меня нет шансов.

— Неужели не ясно, что Том Волер и его сообщники в это самое время уже идут по нашему следу? И с каждым часом они подбираются все ближе. И когда — даже не если, а когда — они нас отыщут, нам обоим крышка!

— Мне это ясно.

— Так зачем рисковать? Допустим, все сказанное про полицию — правда, и им не захочется проводить расследование заново. Разве не лучше провести двадцать лет в тюрьме, чем сразу расстаться с жизнью?

— Двадцать лет в тюрьме меня больше не устраивают, Холе.

— Почему это?

— Потому что совсем недавно я узнал о том, что радикально изменит мою жизнь.

— И что же?

— Инспектор Холе, я скоро стану отцом. Найдите настоящего убийцу прежде, чем Волер найдет нас. — Сивертсен протянул ему шпатель. — Вы мне верите?

— Верю, — соврал Харри и положил инструмент в карман пиджака.

Стальной трос снова заскрипел — лифт поехал.

Глава 35
Ночь на понедельник. Полный бред

— Надеюсь, ничего не имеешь против Игги Попа? — спросил Харри, приковывая Свена Сивертсена к батарее под окном в комнате четыреста шесть. — Потому что некоторое время нам придется любоваться только на него.

— Могло быть и хуже. — Свен посмотрел на плакат. — Я ходил на концерт Игги и «Stooges» в Берлине, наверное, еще до рождения того, кто жил в этой комнате.

Харри посмотрел на часы. Десять минут второго. Волер и его команда уже, наверное, проверили квартиру на Софиес-гате и сейчас исследуют близлежащие гостиницы. Неизвестно, сколько времени у них с Сивертсеном в запасе. Харри упал на диван и потер лицо ладонями.

Чертов Сивертсен!

Ведь насколько простой план! Добраться до известного места, позвонить Бьярне Мёллеру и начальнику криминальной полиции, и пусть по телефону выслушают свидетельство Свена Сивертсена против Волера. Сказать им, что на

его арест у них есть три часа, после чего Харри звонит журналистам и преподносит им «бомбу». Потом нужно просто сидеть тихо и дожидаться подтверждения, что Волер пойман. После этого Харри позвонил бы Рогеру Йендему из «Афтенпостен», попросил бы связаться с начальником криминальной полиции и взять комментарий по поводу ареста. И только тогда, когда все будет обнародовано, Харри и Сивертсен вылезут из своей норы.

Абсолютно выигрышная стратегия — и тут Сивертсен выдвигает свой ультиматум.

— А что, если…

— Не начинайте, Холе. — Сивертсен даже не посмотрел в его сторону.

Черт!

Харри снова взглянул на часы. Он знал, что это бесполезно и пора перестать думать об исчезающем времени, собраться с мыслями, начать импровизировать, рассмотреть все возможные варианты в данной ситуации.

— Хорошо. — Харри закрыл глаза. — Расскажи мне свою историю.

Свен Сивертсен подался вперед, наручники лязгнули.

Харри стоял у открытого окна и слушал Сиверт-

сена. Тот начал рассказ с семнадцати лет, когда он впервые увидел своего отца.

— Мама думала, я в Копенгагене, но я поехал в Берлин и отыскал его. Он жил в посольском городке рядом с парком Тиргартен, в большом доме со сторожевыми собаками. Я нашел садовника, он провел меня до входной двери и позвонил. Когда отец открыл, мне показалось, я гляжусь в зеркало. Мы стояли и смотрели друг на друга, мне даже не пришлось представляться. Потом он заплакал и обнял меня. Я прожил у него четыре недели. У него была жена и трое детей. Он не рассказывал мне, чем занимается, а я не спрашивал. У Ранди, его супруги, была неизлечимая болезнь сердца, и она «уехала поправлять здоровье в одном дорогом санатории в Альпах». Эту фразу, похожую на цитату из любовного романа, он произнес совершенно серьезно. Мне показалось, что он отправил ее туда именно поэтому. Он, несомненно, ее любил. Вернее, был влюблен. Когда он говорил о ее скорой смерти, это звучало, как история из дамского журнала.

Однажды вечером в гости зашла одна из подруг его супруги, мы выпили чаю, и за столом отец сказал, что сама судьба соединила их пути, его и Ранди, но они любили друг друга так вызыва-

ющe и не скрываясь, что судьба же решила его наказать, заставив ее угасать в расцвете своей красоты. Он говорил такое не краснея. Той ночью я не мог уснуть и решил заглянуть в его винный шкафчик. По дороге я заметил, как та самая подруга тихо выскользнула из его спальни.

Харри слушал и кивал. Ночной воздух действительно стал прохладнее или ему только так казалось? Сивертсен сменил позу и сюжет рассказа:

— Днем дом был в полном моем распоряжении. У отца было две дочери: Бодиль и Алиса, четырнадцати и шестнадцати лет. Им, разумеется, я казался неотразимым и привлекательным. Незнакомый старший сводный брат приезжает в их маленький мирок с Большой земли. Обе в меня влюбились, но я выбрал Бодиль, младшую. Однажды она рано вернулась из школы, и я повел ее в отцовскую спальню. Когда она захотела убрать запачканное кровью постельное белье, я выгнал ее из комнаты, запер дверь и вручил ключ садовнику с просьбой передать его лично отцу. На следующее утро, за завтраком, отец предложил мне работать на него. Так я начал заниматься контрабандой бриллиантов.

Сивертсен замолчал.

— Время идет, — напомнил Харри.

— Моим участком работы был Осло. Поначалу я допустил пару ошибок, за каждую из которых получил условный приговор, но потом приноровился, и работа пошла как по маслу. Моей специальностью было проходить таможенный контроль в аэропортах. Это было несложно. Всего-то — респектабельно одеться и ничего не бояться. И я не боялся. Я плевал на все опасности. Для маскировки я надевал белый пасторский воротничок. Конечно, это старая уловка и у таможенников могла вызвать подозрение. Вся штука в том, что нужно еще знать, какая у пастора должна быть походка, прическа, обувь, как он держит руки и какие выражения может принимать его лицо. Если научишься этому, тебя почти гарантированно не остановят. Даже если таможенник в чем-то тебя заподозрит, чтобы остановить пастора, ему нужно преодолеть психологический барьер. Представьте себе: мимо проходят волосатые хиппи, а таможенник роется в чемодане пастора и ничего не находит — тут уж он наверняка схлопочет выговор. А для таможенной службы — как и для остальных государственных ведомств — репутация и видимость хорошей работы всегда были важнее действительных

результатов. В восемьдесят пятом году отец умер от рака. Неизлечимая болезнь сердца Ранди продолжала быть неизлечимой, что не помешало ей вернуться домой и продолжить дело мужа. Не знаю, стало ли ей известно про меня и Бодиль, но внезапно я оказался без работы. Норвегия больше не перспективный район, заявила она, но взамен ничего не предложила. Несколько лет я бездельничал в Осло, а потом переехал в Прагу, где после падения «железного занавеса» для контрабандистов открылось настоящее золотое дно. Я хорошо говорил по-немецки и сразу попал в нужную колею. Быстро зарабатывал деньги и столь же быстро их спускал. Заводил друзей, но ни к кому не привязывался. То же самое — с женщинами. Мне это было не нужно. Потому что — знаете, Холе? — выяснилось, что я унаследовал дар отца. Умение быть влюбленным.

Сивертсен кивнул на плакат с Игги Попом и продолжил:

— Никакой афродизиак не действует на женщин сильнее, чем искренняя мужская влюбленность. В основном я заводил романы с замужними — с ними меньше проблем, а в трудные времена они становились верным источником дохода, хоть и ненадолго. Годы проносились, не оставляя

на мне отметин. Мне миновало тридцать, а я, как и прежде, был беззаботно улыбчив, влюбчив и хорош в постели.

Сивертсен прислонил голову к стене и закрыл глаза.

— Должно быть, звучит цинично. Но поверьте, всякий раз я признавался в любви искренне и от всего сердца, как признавался своей жене отец. Я отдавал им все. Но подходило время, и я расставался с ними. Так заканчивалось всякий раз, и я думал, что так будет всегда, пока два года назад осенним днем не зашел в бар на Вацлавской площади. Там я увидел ее. Еву. Да, так ее и зовут — парадоксы существуют, Холе! Что меня сразу поразило, так это то, что она, хоть и не была красавицей, вела себя словно королева красоты. А люди, которые верят в то, что они прекрасны, прекрасны на самом деле. Очаровывать женщин я умел и направился к ней. Нет, она не послала меня к чертям, но так вежливо держала на приличной дистанции, что я потерял голову. — Сивертсен ухмыльнулся. — Потому что никакой афродизиак не действует на мужчин сильнее, чем искренняя женская холодность к тебе. Ей было двадцать шесть. Она моложе меня. У нее чувство стиля в сто раз лучше моего. Но главное,

я не был ей нужен. Она могла продолжать свою работу — она до сих пор думает, что я ничего о ней не знаю, — и ублажать немецких коммерсантов.

— Так почему же не продолжила? — спросил Харри, выпуская дым в Игги.

— Я же влюбился в нее, а моей влюбленности хватало на нас обоих. Мне хотелось, чтобы она была только моей, а для Евы — как и для большинства невлюбленных женщин — на первое место выходила экономическая стабильность. Чтобы получить эксклюзивные права, я должен был много зарабатывать. Контрабанда «кровавых» алмазов из Сьерра-Леоне — дело не слишком рискованное, но оно не превращало меня в неотразимого богача. Контрабанда наркотиков сопряжена со слишком высоким риском. Поэтому я выбрал оружие и Принца. Два раза мы встретились в Праге, чтобы обговорить условия сотрудничества. Второй раз — в открытом кафе на площади. Еву я попросил сыграть роль фотографирующей туристки, и совершенно случайно на большинстве фотографий оказался столик, за которым сидим мы с Принцем. Копии таких фотографий я обычно прикладывал к письмам-предупреждениям, которые отправлял нерадивым компаньонам. Метод действенный.

Но Принц был сама пунктуальность, с ним у меня никогда не было хлопот. Только спустя длительное время я узнал, что он работает в полиции.

Харри закрыл окно и сел на диван.

— Этой весной мне позвонили по телефону, — продолжал Сивертсен. — Говорил норвежец. Восточнонорвежский диалект. Не знаю, как у него оказался мой номер. Казалось, он знает обо мне все, и меня чуть не охватила паника. Да нет, охватила. Он знал, кем была моя мать, за что меня судили, про красные бриллианты-звездочки, которые я возил уже несколько лет. Что еще хуже, он знал, что я занялся оружием. Ему хотелось приобрести и то и другое. Бриллиант и «ческу» с глушителем. Он предложил баснословную цену. Насчет оружия я отказался, сказал, что его нужно покупать по другим каналам. Но он настаивал, что купить ему нужно именно у меня, без посредников. Он увеличил сумму. Ева, как я уже сказал, женщина с потребностями, потерять ее я не мог. Поэтому мы с ним договорились.

— О чем именно вы договорились?

— Условия доставки у него были весьма специфические. Товар нужно было доставить во Фрогнер-парк, к фонтану под Монолитом. Первая доставка произошла чуть больше пяти недель

назад. Прийти нужно было к пяти вечера, когда больше всего туристов и людей, которые приходят в парк отдохнуть после работы. Таким образом, и мне, и ему было бы легко появиться там и уйти незамеченными. В любом случае шансы, что меня кто-нибудь узнает, были минимальные. Много лет назад в пражском баре, куда я обычно захожу, я столкнулся с типом из Норвегии — мы с ним часто дрались в школе. Он меня не узнал. Кроме него и его дамы, с которой он приехал в Прагу в свадебное путешествие, я больше ни с кем из Осло не виделся с тех пор, как уехал отсюда. Понимаете?

Харри кивнул.

— Клиенту не хотелось, чтобы мы встречались лично, но меня это устраивало, — сказал Сивертсен. — Товар я должен был принести в коричневом пластиковом пакете и положить в зеленую — среднюю — урну перед фонтаном. Для него была очень важна точность исполнения. Сумму, о которой мы договорились, он заранее перевел на мой счет в Швейцарии. Он сказал, что само то, что он меня отыскал, сводило на нет возможность обмана с моей стороны, и был прав. Можно сигарету?

Харри дал ему закурить.

— На следующий день после первой доставки он позвонил снова и заказал «Глок двадцать три» и еще один «кровавый» бриллиант на следующую неделю. То же место, то же время, тот же порядок действий. Было воскресенье, но народу в парке не убавилось.

— В тот же день и то же время произошло первое убийство. Мариуса Веланна.

— Что?

— Ничего. Продолжай.

— Так повторялось трижды. С интервалами в пять дней. Но в последний раз все произошло иначе. Нужно было произвести две доставки. Одну — в субботу, другую — в воскресенье, то есть вчера. Клиент просил меня переночевать у матери с субботы на воскресенье, чтобы знать, куда звонить на случай, если планы вдруг изменятся. Меня это устраивало, я и сам собирался так сделать. Я с радостью поехал к маме, готовясь сообщить ей хорошие новости.

— Что скоро она станет бабушкой?

Сивертсен кивнул:

— И что я женюсь.

Харри уточнил:

— Значит, найденные в чемодане бриллиант и пистолет предназначались для воскресной

доставки?

— Да.

— Хм…

— Ну? — спросил Сивертсен, когда почувствовал, что пауза затянулась.

Харри заложил руки за голову, откинулся на диван и зевнул.

— Как фанат Игги, ты, разумеется, слышал его «Blah-Blah-Blah»? Хороший альбом. Полный бред.

— Полный бред?

Свен Сивертсен ударил локтем по батарее, та откликнулась пустым металлическим звуком.

Харри поднялся:

— Пойду проветрю череп. Тут недалеко круглосуточная автозаправка. Чего-нибудь купить?

Сивертсен закрыл глаза.

— Послушайте, Холе. Мы в одной лодке. Лодка тонет. Ясно? Вы не просто чудовище. Вы еще и дурак.

Харри усмехнулся и выпрямился:

— Я об этом подумаю.

Когда он вернулся двадцать минут спустя, Свен дремал на полу, прислонившись к батарее и словно в приветствии подняв прикованную руку.

Харри выложил на стол два гамбургера, картофель фри и большую бутылку колы.

Свен протер глаза:

— Подумали, Холе?

— Ага.

— И что придумали?

— Вспомнил про ваши с Волером фотографии из Праги, что нащелкала твоя подруга.

— Какое отношение это имеет к делу?

Харри отстегнул наручники.

— Фотографии — никакого. Я вспомнил, что она разыгрывала из себя туристку. И делала то, что делают туристы.

— И что же они делают?

— Ты же сам сказал. Фотографируют.

Сивертсен потер запястья и посмотрел на еду на столе:

— А о стаканах вы не подумали, Холе?

Харри указал на бутылку.

Свен открутил крышку и, прищурившись, посмотрел на него:

— Неужели рискнете пить из одной бутылки с маньяком?

— Одна лодка — одна бутылка, — ответил Харри с набитым ртом.

Олауг Сивертсен стояла в гостиной и пустыми глазами смотрела прямо перед собой. Она не стала включать свет, надеясь, что они уй-

дут, решив, будто ее нет дома. Ей звонили по телефону, звонили в дверь, кричали из сада, кидали в кухонное окно маленькие камешки. «Без комментариев», — сказала она и выдернула телефонный шнур. Потом они просто стали ждать перед домом, изготовив свои длинные черные объективы. Когда она пошла занавесить одно из окон, на улице сразу же словно взвился рой насекомых. «Жу-жу-жу, щелк-щелк», — зашумели их аппараты.

Прошли почти сутки, а полиция так и не заявила о том, что все это — недоразумение. Выходные. Может, стоит дождаться понедельника, когда все выйдут на работу и наведут порядок?

Если б только можно было с кем-нибудь поговорить! Но Ина еще не вернулась из загородной поездки со своим таинственным кавалером. Может, позвонить этой девочке из полиции — Беате? Она ведь не виновата, что Свена забрали. Кажется, она понимала, что ее сын не может оказаться убийцей, даже номер свой оставила — на случай, если у Олауг появится что рассказать. Что-нибудь.

Олауг выглянула из окна. Силуэт засохшей груши напоминал скрюченные пальцы, которые тянутся к луне, низко висящей над вокзалом.

Такой она луну никогда не видела. Она была похожа на лицо мертвеца. Синие прожилки на бледной коже.

Где же Ина? Она говорила, что вернется, самое позднее, в воскресенье вечером. Олауг тогда решила, что это очень славно: они попьют чаю, она познакомит Ину со Свеном. Она ведь всегда была так пунктуальна, Ина…

Олауг дождалась, когда настенные часы пробьют дважды.

Потом достала записанный номер.

Ответили с третьего звонка.

— Беата, — услышала она заспанный голос.

— Добрый вечер, это Олауг Сивертсен. Прошу покорнейше простить, что звоню в столь поздний час.

— Все в порядке, фрёкен Сивертсен.

— Олауг.

— Олауг. Прости, я еще не совсем проснулась.

— Я звоню, потому что беспокоюсь за Ину. Она снимает у меня комнату. Ей давно пора было приехать, но тут случилось все это, и… да, и я беспокоюсь.

Ответили ей не сразу, и Олауг уже решила, что Беата снова уснула. Но когда та заговорила, ее голос вовсе не был сонным:

— Так у тебя есть квартирантка?

— Да, конечно, Ина. Она живет в комнате для прислуги. Ах да, я же ее тебе не показала. Это потому, что она находится по другую сторону от задней лестницы. Ина уезжала на все выходные.

— Куда? С кем?

— Мне бы тоже хотелось это знать. С этим человеком она встречается относительно недавно и меня с ним еще не познакомила. Сказала только, что поедет с ним в его загородный дом.

— Следовало рассказать об этом раньше, Олауг.

— Да? Я прошу прощения… я… — Олауг начала всхлипывать и никак не могла остановиться.

— Я ничего такого не имела в виду, — поспешила уверить ее Беата. — Я ведь сержусь не на тебя. Это моя работа — все проверять. Ты же не знаешь, что для нас важно, а что — нет. Я позвоню в колцентр, а они тебе перезвонят, чтобы уточнить Инины приметы и объявить розыск. Уверена, ничего страшного не случилось, но перестраховаться не помешает, а? После этого, думаю, тебе лучше всего поспать, а утром я позвоню сама. Хорошо, Олауг?

— Да, — ответила она как можно более дружелюбно. Ей очень хотелось спросить Беату, как там дела у Свена, но она себя пересилила. — Да, так и

сделаем. Всего доброго, Беата.

Она положила трубку. По щекам катились слезы.

Окончив разговор, Беата попыталась снова уснуть. Она слушала дом. Дом ей всегда что-то нашептывал. В одиннадцать мама выключила телевизор, и сейчас внизу было совсем тихо. Интересно, мама тоже сейчас думает о папе? Они говорили о нем редко. Слишком много это требовало сил. Последний год Беате стало тесно в комнате над маминой, и она начала искать съемную квартиру в центре. А потом она еще стала встречаться с Халворсеном, своим хорошим товарищем из Стейнкьера, которого она называла по фамилии и который относился к ней с искренним восхищением, и Беата это ценила. Она находила маленькие квартирки в городе, но там ей не хватало звуков этого дома, бессловесных монологов, под которые она засыпала всю свою жизнь.

Телефон зазвонил снова. Беата вздохнула и протянула руку.

— Да, Олауг.

— Это Харри. Кажется, ты еще не спишь?

Она села на постели:

— Да я сегодня ночью как будто на коммутаторе сижу. Что у тебя?

— Мне нужна помощь. А кроме тебя, положиться мне не на кого.

— Н-да? Если я правильно поняла, для меня это означает лишние проблемы.

— Кучу. Поможешь?

— А если откажусь?

— Ты сначала выслушай, а потом можешь отказаться.

Глава 36
Понедельник. Фотография

Утром в понедельник солнце без четверти шесть снова выглянуло из-за Экеберга. Охранник на входе в Полицейское управление громко зевнул и поднял глаза от «Афтенпостен» на предъявленное удостоверение.

— Пишут, что будет дождь, — сказал охранник, радуясь, что наконец-то видит человека.

Высокий меланхоличный мужчина коротко взглянул на него и ничего не ответил.

В течение следующих двух минут пришли еще трое таких же меланхоличных и неразговорчивых.

А в шесть все четверо сидели в кабинете начальника Полицейского управления на седьмом этаже.

— Один из наших инспекторов вывел из камеры предварительного заключения возможного убийцу, — сказал начальник Полицейского управления, — и теперь никто не знает, где они.

Одним из его качеств, которые делали его относительно подходящим для своей должности,

было умение кратко сформулировать очередную проблему. Еще одним — в нескольких словах обозначить необходимые меры.

— И я считаю, нужно найти их так быстро, как это только возможно. Что сделано на настоящий момент?

Начальник криминальной полиции глянул на Мёллера с Волером, откашлялся и ответил:

— Мы направили на расследование небольшую, но опытную группу, отобранную присутствующим здесь инспектором Волером. Он же назначен ответственным за поиск. Трое сотрудников службы безопасности, двое из убойного отдела. Они приступили к делу этой ночью спустя всего час после того, как нам доложили, что Сивертсен не вернулся в камеру.

— Оперативно сработано, но почему не извещены патрули и дежурная часть?

— Ларс, мы не стали спешить до совещания. Нам важно твое мнение. Инспектор Волер обещает найти Холе и Сивертсена в течение суток. Также мы контролируем распространение информации. Сейчас об исчезновении Сивертсена знаем только мы четверо и Грот из изолятора. Кроме того, мы позвонили в Уллерсму и отменили перевозку в новую камеру, мотивируя это тем,

что, исходя из недавно полученных сведений, безопасность Сивертсена там будет под вопросом, поэтому его переведут в другое место, которое пока не разглашается. Короче говоря, мы сделали все возможное, чтобы никто ничего не узнал до тех пор, пока Волер и его группа не найдут беглецов. Но разумеется, Ларс, как ты скажешь, так и будет.

Начальник Полицейского управления задумчиво кивнул, потом встал и подошел к окну.

— На прошлой неделе я ехал в такси, — начал он, стоя спиной к собравшимся. — У шофера на сиденье лежала газета, и я спросил, что он думает о велокурьере-маньяке. Всегда интересно, что думают широкие массы. И он ответил, что дело с велокурьером-маньяком обстоит точно так же, как и с терактами одиннадцатого сентября. Вопросы задаются в неправильной последовательности. Все спрашивают кто и как. Но, чтобы решить загадку, нужно сначала ответить на другой вопрос. Какой, Торлейф?

Начальник криминальной полиции не ответил.

— Этот вопрос, Торлейф, «зачем». Таксист оказался неглуп. Кто-нибудь из вас задавал себе этот вопрос, господа? — Начальник управления

качался на каблуках и ждал ответа.

— При всем уважении к таксисту, — наконец выдал начальник криминальной полиции, — я не уверен, что в данном случае есть какое-нибудь «зачем». Во всяком случае, рациональное «зачем». Все здесь знают, что у Холе нестабильная психика и склонность к выпивке. За это его и уволили.

— Даже у безумных есть мотивы, Торлейф.

Деликатно кашлянули.

— Да, Волер?

— Батути.

— Батути?

— Египетский пилот, который сознательно разбил полный пассажирский самолет, только чтобы отомстить компании за то, что ему не дали повышения[22].

— Куда ты клонишь, Волер?

— Вечером в субботу, после того как мы задержали Сивертсена, я догнал Харри на стоянке, чтобы поговорить. Он отказался отмечать завершение дела. Было видно, что он сердится. Из-за того, что его увольняют, и из-за того, что, по его

---

[22] Примечания: 22

Второго пилота Гамиля аль-Батути считали виновным в крушении «Боинга-747» 21 октября 1999 г. Погибли 202 пассажира и 15 членов экипажа. Египетская авиакомпания не согласилась с обвинениями, заявив, что причиной катастрофы, по всей видимости, стала техническая неисправность.

мнению, мы лишили его законной славы человека, задержавшего маньяка.

— Батути… — В окно кабинета брызнули первые лучи солнца, и начальник управления прикрыл глаза рукой. — Бьярне, ты до сих пор не сказал ни слова. Ты-то что думаешь?

Бьярне Мёллер посмотрел на силуэт у окна. Живот болел так сильно, что Мёллер уже не опасался — он надеялся, что тот наконец лопнет. С того самого момента, как его подняли ночью и рассказали об исчезновении, он все ждал, когда же кто-нибудь разбудит его и скажет, что все произошедшее — лишь страшный сон.

— Не знаю, — вздохнул он. — Честно говоря, мне до сих пор непонятно, что происходит.

Начальник управления медленно кивнул.

— Если выяснится, что мы это скрываем, нас четвертуют, — сообщил он.

— Отлично сформулировано, Ларс, — сказал начальник криминальной полиции. — Но если выяснится, что мы упустили серийного убийцу, нас тоже четвертуют. Даже если мы найдем его снова. Но у нас еще есть возможность решить все по-тихому. У Волера, как я понял, есть план.

— Любопытно послушать. Волер?

Том Волер сжал правую руку в кулак и обхватил

ее левой ладонью.

— Скажем так, — начал он. — Зная, что права на неудачу у нас нет, я готов использовать несколько нетрадиционные методы. Зная также, какие могут быть последствия, думаю, что лучше вам будет не знать моего плана.

Начальник управления обернулся, на лице у него читалось глубокое удивление.

— Это, конечно, благородно, Волер. Но боюсь, мы не можем согласиться…

— Я настаиваю.

Начальник нахмурился:

— Настаиваешь? Ты знаешь, чем рискуешь, Волер?

Волер разжал ладони и посмотрел на них.

— Да. Но я беру на себя всю ответственность. Я вел расследование и работал с Холе бок о бок. Моей обязанностью как непосредственного руководителя было вовремя понять, что он собирается сделать, и предотвратить это. Во всяком случае, после беседы на стоянке.

Начальник управления изучающим взглядом посмотрел на Волера и снова отвернулся к окну. Полоска света медленно ползла по полу. Он расправил плечи и вздрогнул, словно от холода.

— Времени тебе — до полуночи, — сказал он,

глядя на оконное стекло. — Потом об исчезновении узнает пресса. И еще. Этого совещания не было.

На выходе из кабинета Мёллер заметил, как начальник Полицейского управления пожал Волеру руку и улыбнулся ему с благодарностью. Так благодарят сотрудников за верную службу, подумалось Мёллеру, так подбадривают человека, идущего на самопожертвование. Так негласно назначают наследника. Принца.

Эксперт Бьёрн Хольм чувствовал себя полным идиотом. Он стоял с микрофоном в руке перед толпой японцев. Те с ожиданием смотрели на него. Его ладони были скользкими от пота. Причем не из-за жары — напротив, в автобусе, который припарковался рядом с «Бристолем», исправно работал кондиционер и было относительно прохладно. Нет, потел он из-за того, что ему приходилось говорить в микрофон. По-английски.

Гид представила его как сотрудника норвежской полиции — «a Norwegian police officer», и какой-то улыбчивый старик тут же достал фотоаппарат, как будто Бьёрн Хольм был частью экскурсии. Он взглянул на часы. Семь. У него еще несколько групп впереди, так что надо собраться с силами. Он набрал воздуху в легкие и начал с

тех предложений, которые заготовил по дороге:

— We have checked the schedules with all the tour operators here in Oslo, — сказал Хольм. — And this is one of the groups that visited Frognerparken around five o'clock on Saturday. What I want to know is: who of you took pictures there?[23]

Никакой реакции.

Хольм в замешательстве посмотрел на гида.

Та с улыбкой поклонилась ему, освободила от микрофона и повторила пассажирам, как показалось Хольму, то же самое сообщение. На японском. Закончив, она отвесила легкий поклон, и Хольм увидел лес рук. Фотолаборатории придется попотеть.

Напевая засевшую в памяти попсовую песенку про безработицу, Рогер Йендем запер машину. Путь от гаража до нового офиса «Афтенпостен» был недалекий, но он знал, что ему придется бежать. И не потому, что он опаздывал на работу, — отнюдь. Причина была в том, что Рогер Йендем принадлежал к тем редким счастливчикам, которые с энтузиазмом начинают каждый рабочий день и обожают все, что связано с рабо-

---

[23] Примечания: 23

Мы проверили расписания всех туроператоров в Осло… И вы — одна из тех групп, которые посещали Фрогнер-парк в субботу около пяти. Мне нужно знать, кто из вас там фотографировал? *(англ.)*

той. В данном случае — кабинет и рабочий стол с телефоном, компьютером и стопкой свежих газет, а также голоса коллег, бурлящие звуки кофеварки, сплетни в курилке и напряженное ожидание на утренних планерках. Вчерашний день он провел перед домом Олауг Сивертсен, а добыл всего лишь ее фото в окне. Но это ничего. Трудности ему нравились. А уж где этих трудностей хватало, так это в отделе криминальной хроники. Деви шутила, что он уже превратился в наркомана. Ему это слово не нравилось. Наркоманом был его младший брат Томас. А Рогер был здоровым человеком. Политолог по специальности, он совершенно случайно увлекся криминальной хроникой. Но Деви, конечно, имела в виду, что эта работа вызывала определенную зависимость. Начинал он политическим обозревателем, потом его на некоторое время попросили вести колонку криминальной хроники. С тех пор ему постоянно требовался адреналин, который он мог получить только при написании статей о жизни и смерти. Он сразу же пошел к главному редактору и попросил перевести его туда на постоянную работу. У редактора это был, видно, не первый случай, поэтому он распорядился без лишних проволочек. С тех пор Рогер стал бежать на работу

вприпрыжку.

Но сегодня его остановили на полдороге.

— Доброе утро, — сказал возникший словно из-под земли мужчина в короткой черной кожаной куртке и темных очках, хотя в гараже был полумрак.

Рогер нагляделся на полицейских и знал, что этот — один из них.

— Доброе, — откликнулся он.

— У меня к вам просьба, Йендем. — Человек держал руки по швам.

Рогер посмотрел на черные волоски на тыльной стороне его ладоней и подумал, что естественнее было бы держать руки в карманах куртки, за спиной или скрестив на груди. А так казалось, он вот-вот пустит их в дело. Причем неясно в какое.

— Да? — Рогер услышал, как «а» эхом раскатилось по стенам, все больше и больше приобретая вопросительную интонацию.

Полицейский в штатском подался вперед:

— Ваш младший брат сидит в Уллерсму.

— И что? — Рогер знал, что на улице светит утреннее солнце, но тут, в подземном гараже, ему вдруг стало ужасно холодно.

— Если вам небезразлична его судьба, не откажите нам в одной услуге. Вы слушаете, Йендем?

Рогер растерянно кивнул.

— Если вам позвонит инспектор Харри Холе, вам нужно сделать следующее. Спросите, где он. Если он не захочет ответить, назначьте ему встречу. Скажите, что не хотели бы рисковать и историю его напечатаете, только если встретитесь с ним лично. Встреча должна состояться сегодня до полуночи.

— Какую историю?

— Очевидно, он начнет выдвигать необоснованные обвинения в адрес одного коллеги, чью фамилию я не хотел бы называть, но это вас волновать не должно. Его обвинения не должны появиться в печати.

— Но…

— Вам все понятно? После его звонка свяжитесь с нами по этому номеру и скажите, где Холе находится или где и когда вы договорились встретиться. Ясно?

Он сунул левую руку в карман и протянул Рогеру листок с номером телефона.

Тот покачал головой. Как бы сильно он ни был напуган, ему вдруг захотелось расхохотаться. А возможно, одно вытекало из другого.

— Я знаю, что вы из полиции. — Рогер старался не улыбаться. — И должны понимать, что это не

пройдет. Я журналист и не могу…

— Йендем. — Полицейский снял темные очки. Хоть вокруг и было темно, зрачки его серых глаз были с булавочную головку. — Ваш младший брат сидит в камере сто семь. Каждый вторник ему, как и большинству тамошних чудил, проносят необходимую дозу, и он сразу же вкалывает ее, никогда не проверяя. До сих пор ему везло. Понимаете?

Рогер понял, и ему не захотелось ничего уточнять.

— Очень хорошо, — сказал человек в черной куртке. — Вопросы?

Сглотнув, Рогер спросил:

— А почему вы думаете, что Харри Холе будет мне звонить?

— Потому что он в отчаянном положении. — Полицейский снова надел очки. — А еще вчера у Национального театра он взял у вас визитную карточку. Удачи, Йендем.

Он ушел, а Рогер остался дышать пыльным, спертым воздухом подземного гаража. Когда он все-таки решил пойти в офис, шел он медленно и неохотно.

Клаус Торкильсен попросил коллег не беспокоить его и запер дверь. На экране центральной

диспетчерской «Теленор-Осло» прыгали и плясали телефонные номера.

Рубашка пропотела насквозь, но не потому, что он бежал на работу; дошел он как раз спокойно — не слишком быстро, но и не слишком медленно — и уже хотел подняться в свой кабинет, как его остановила дежурный администратор, окликнув по имени. Вернее, по фамилии — так Клаусу нравилось больше.

— Посетитель, — сказала она, указывая на мужчину, который устроился рядом на диване.

Клаус Торкильсен был удивлен, потому что его должность не предполагала никаких посещений. И не случайно: в работе и личной жизни Клаус всегда стремился ограничивать круг общения лишь самыми нужными людьми.

Незнакомец встал с дивана, сообщил, что он из полиции, и попросил его присесть. Клаус тут же утонул в мягком кресле, чувствуя, что начал потеть. Полиция. Последний раз он имел с ней дело лет пятнадцать назад. Хотя ему всего лишь пришлось заплатить штраф, с тех пор ребят в униформе он старался обходить стороной. Стоило посетителю открыть рот, как пот покатился с Клауса градом.

Без долгих предисловий полицейский сказал,

что им нужно отследить один номер. Однажды Клаус уже делал это для правоохранительных органов. Работа не особо хитрая. Включенный мобильный телефон каждые полчаса отправляет сигнал, который фиксируется базовыми городскими станциями. Кроме того, разумеется, базовые станции ловят и регистрируют все входящие и исходящие звонки абонента. По наложению зон покрытия отдельных станций можно выяснить, где находится телефон, как правило, с точностью до квадратного километра. В прошлый раз он проделывал это в Кристиансанне, в Банехее, и по этому поводу было столько шуму!

Клаус сказал, что подобные вопросы нужно решать с его начальством, но человек из полиции заявил, что дело срочное и времени на служебную волокиту не остается. Помимо того самого номера (который, как выяснил Клаус, принадлежит некоему Харри Холе), он просил проследить за входящей и исходящей информацией ряда лиц, с которыми абонент мог контактировать, и вручил Клаусу список номеров и электронных адресов.

В помещении работал кондиционер, и вспотевшего Клауса из жара бросило в холод. Он спросил, почему полиция обратилась именно к нему, а не к другим, более опытным сотрудникам.

— Потому что мы знаем, что вы никому об этом не расскажете, Торкильсен. Как и мы не расскажем вашему начальству и коллегам, что в январе тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года вас застукали без штанов в Стенс-парке. Наша осведомительница сообщила, что под пальто у вас совсем ничего не было. Холодно, наверное…

Торкильсен безуспешно попытался проглотить ком в горле. Ему же сказали, что через несколько дней эту запись удалили из полицейской картотеки.

Даже сейчас, когда он уже сидел в диспетчерской, ком страха никак не хотел исчезать, потому что отследить местонахождение этого телефона оказалось вовсе не просто. Да, он был включен и каждые полчаса исправно сигналил, но каждый раз из другого района города, словно издеваясь над Клаусом.

Он переключил внимание на список остальных номеров. Одним из них был внутренний телефон на Кьёльберг-гате, 21. Он проверил — служба криминалистической экспертизы.

Звонок. Беата подняла трубку сразу же.

— Ну? — спросил голос на том конце.

— Пока паршиво, — ответила она.

— Хм…

— Двое сотрудников проявляют фотографии и пачками приносят мне.

— Свена Сивертсена там нет?

— Если в момент убийства Барбары Свендсен он и был у фонтана во Фрогнер-парке, ему не повезло. Ни на одной из фотографий его не оказалось. А ведь я уже пересмотрела больше сотни.

— В белой рубашке с короткими рукавами и синих…

— Харри, ты мне это уже говорил.

— Похожих лиц нет?

— Харри, у меня отличная память на лица. На фотографиях его нет.

— Хм…

В кабинет заглянул Бьёрн Хольм, и она жестом пригласила его войти. Он положил на стол новую пачку фотографий, еще пахнущих раствором, показал на одну из них, поднял большой палец вверх и удалился.

— Погоди, — сказала Беата. — Тут у меня кое-что прояснилось. Пришли фотографии от группы, которую возили туда в субботу около пяти. Сейчас поглядим…

— Погляди.

— Н-да… Опа… Угадай, на кого я сейчас смотрю?

— Он?

— Ага. Свен Сивертсен собственной персоной. В профиль, перед шестью вигеланновскими титанами. Как будто идет мимо.

— У него в руке коричневый пакет?

— Нижняя часть срезана. Не видно.

— Хорошо. Значит, он был там.

— Да, но в субботу никого не убили. Так что, Харри, на алиби не тянет.

— Хотя бы что-то из его рассказа — правда.

— Ну… Лучшее вранье на девяносто процентов состоит из правды.

Беата почувствовала, как краснеют уши: только что она дословно процитировала одну из максим Харри. Даже интонации его повторила.

— Где ты? — поспешила спросить она.

— Как я уже говорил, нам обоим будет лучше, если ты не будешь этого знать.

— Извини, забыла. — После неловкой паузы Беата сказала: — Мы продолжаем проверять фотографии. У Бьёрна есть список туристических групп, которые были во Фрогнер-парке во время других убийств.

Харри неопределенно хмыкнул, что Беата расценила как благодарность, и положил трубку.

Харри пальцами помассировал глаза, сжал

переносицу и крепко зажмурился. Сегодня утром он спал два часа, итого шесть за последние трое суток. Он знал, что, возможно, ему еще долго не доведется нормально поспать. Сегодня ему снились улицы: перед глазами плыла карта Осло в кабинете, вспоминались названия. Сонсгата, Ниттедальгата, Сёрумгата, Шедсмугата — все эти маленькие улочки-закоулочки Кампена. Потом во сне наступила ночь и начался снегопад. Вот он идет по улице в Грюнерлёкке (по Марквейен или Тофтесгата?) и видит у обочины красный спортивный автомобиль, а в нем — двух человек. Подойдя ближе, замечает, что на пассажирском сиденье — женщина в старинном платье и голова у нее свиная. Харри начинает звать ее. Кричит: «Эллен!» Когда она открывает рот, чтобы ответить, из него валятся мелкие камешки.

Харри повел головой из стороны в сторону, словно наводя резкость изображения, и посмотрел на пол, где на матраце лежал Свен Сивертсен.

— Вот что, — сказал Холе. — Знакомая, с которой я сейчас говорил по телефону, запустила ради нас целый механизм, из-за чего может не только лишиться работы, но и угодить за решетку как сообщница. Поэтому мне нужно как-то успокоить ее мятущуюся душу.

— В смысле?

— Мне хочется, чтобы она увидела копию какой-нибудь фотографии, где вы с Волером в Праге.

Свен рассмеялся:

— Ты что, туго соображаешь, Харри? Я же говорю, это мой единственный козырь в игре. Если я его выложу сейчас, мое спасение тут же завершится.

— Возможно, это случится даже раньше, чем ты думаешь. Нашли твою субботнюю фотографию, где ты во Фрогнер-парке. Но тебя там не было видно в день убийства Барбары Свендсен. Странно, да? Учитывая, что японцы щелкают фонтан все лето. Для тебя это неважные новости. Поэтому я прошу тебя созвониться со своей сожительницей и попросить ее отправить снимок по факсу или электронной почте Беате Лённ из службы криминалистической экспертизы. Если хочешь приберечь козырь, пусть физиономия Волера будет смазана, но мне нужна фотография, где ты на какой-то площади сидишь с кем-то, кто похож на Тома Волера!

— На Вацлавской площади.

— Не важно. У нее в запасе час. Не успеете — наш договор теряет силу. Ясно?

Сивертсен пристально посмотрел на Харри, прежде чем ответить:

— Не знаю, может, ее нет дома.

— Беременная женщина. Она не работает, — сказал Харри. — Уверен, что она сейчас сидит дома и ждет твоего звонка. В твоих интересах, чтобы это было так. Осталось пятьдесят девять минут.

Сивертсен забегал взглядом по комнате, потом посмотрел на Харри и покачал головой:

— Не могу, Холе. Не могу ее в это впутывать. Она ни в чем не виновата. Пока что Волер не знает ни о ней, ни о том, где мы живем в Праге. Если мы проиграем, он все это выяснит и доберется до нее.

— А каково ей будет в одиночку растить ребенка, чей отец мотает пожизненный срок за четыре убийства? Не чума, так холера, Сивертсен. Пятьдесят восемь.

Сивертсен закрыл лицо руками:

— Черт…

Когда он снова поднял глаза, Харри протягивал ему красный мобильник.

Кусая губы, он набрал номер и прижал телефон к уху. Харри посмотрел на часы. Маленькая стрелка рубила время на секунды. Сивертсен нервно

ерзал. Насчитав двадцать секунд, Харри спросил:

— Ну как?

— Вероятно, она уехала к матери в Брно, — предположил Сивертсен.

— Очень жалко… тебя. — Харри продолжал смотреть на часы. — Пятьдесят семь.

Он услышал, как телефон полетел на пол, повернул голову и успел увидеть перекошенное лицо Сивертсена, прежде чем тот вцепился ему в горло. Харри резко ударил его по запястьям, и хватка ослабла. Потом он дернулся вперед, ударил во что-то податливое, ударил снова и почувствовал, между пальцами теплую густую кровь. В голову пришла дикая ассоциация: бабушкины бутерброды с клубничным вареньем. Он поднял руку и ударил снова. Увидел, как этот прикованный, беспомощный человек пытается защититься от удара, и от этого остервенел еще больше. Он чувствовал себя усталым, испуганным и остервенелым.

— Wer ist da?[24]

Харри замер. Они с Сивертсеном переглянулись. Оба не открывали рта. Гнусавил телефон на полу:

---

[24] Примечания: 24
Кто это? *(нем.)*

— Sven? Bist du es, Sven?[25]

Харри схватил трубку и поднес ее к уху.

— Sven is here, — медленно сказал он. — Who are you?[26]

— Eva, — сердито ответил женский голос. — Bitte, was ist passiert?[27]

— Беата Лённ.

— Это Харри. Я…

— Перезвони на мобильник, — сказала она и положила трубку.

Через десять секунд он уже снова был на проводе, как он продолжал это называть. Хотя проводов никаких не было.

— Что случилось?

— За нами следят.

— Каким образом?

— У нас стоит специальная программа, которая предупреждает, когда телефон и электронную почту начинает контролировать третья сторона. Мы используем ее как защиту от хакеров, но сейчас Бьёрн говорит, что это дело рук самого

---

[25] Примечания: 25
Свен? Это ты, Свен? *(нем.)*

[26] Примечания: 26
Свен здесь… Кто говорит? *(англ.)*

[27] Примечания: 27
Ева… Пожалуйста, скажите, что случилось? *(нем.)*

сетевого оператора.

— Прослушка?

— Вряд ли, но все входящие и исходящие звонки и письма фиксируются.

— Это Волер со своими ребятами.

— Я тоже так думаю. Теперь они знают, что ты мне звонил. Значит, я тебе больше не помощник, Харри.

— Сожительница Сивертсена сейчас отправит тебе фото с пражской встречи Сивертсена и Волера. Волер сфотографирован со спины, поэтому на вещдок это не тянет. Мне нужно, чтобы ты посмотрела и сказала, похоже ли это на правду. Фотография отсканирована, ее пришлют по почте. Скажи адрес.

— Ты что, Харри, не слышишь меня? Они фиксируют всех отправителей и позвонивших. Что, по-твоему, будет, если на почту придет письмо из Праги? Я не могу, Харри. Мне еще нужно придумать внятный ответ на вопрос, почему ты мне звонил, а я соображаю медленней, чем ты. Господи, ну что я им скажу?

— Успокойся, Беата. Тебе не придется ничего говорить. Я тебе не звонил.

— Да что ты говоришь? Ты позвонил уже целых три раза.

— Они-то об этом не знают. Я звоню с телефона, который одолжил у приятеля.

— Так ты это предусмотрел?

— Мобильный телефон отправляет сигналы базовым станциям, и по ним можно определить, где находится абонент. Если Волер заставил сотрудников «Теленора» искать меня по этим сигналам, им придется попотеть, поскольку мой телефон сейчас находится в более-менее постоянном движении по всей территории Осло.

— Это меня интересует меньше всего. Харри, не присылай сюда ничего, хорошо?

— Хорошо.

— Извини, Харри.

— Ты уже дала мне правую руку, Беата, и не нужно извиняться за то, что решила оставить левую себе.

Он постучал в дверь. Отрывисто. Пять раз. Прямо под табличкой «303». Надеясь, что стук услышат, несмотря на оглушающую музыку. Подождал. Уже собрался постучать еще раз, но музыка за дверью стала тише. Послышались шаги босых ног. Дверь открылась.

— Да? — Вид у нее был такой, будто ее разбудили.

Он показал ей удостоверение — кстати говоря,

уже недействительное, поскольку в полиции он больше не работал.

— Еще раз прошу прощения за субботнее недоразумение, — начал Харри. — Надеюсь, эти остолопы не слишком вас напугали, когда вломились?

— Все в порядке. — Она состроила гримаску. — Вы ведь всего лишь делали свою работу.

— Да. — Харри качнулся на каблуках и бросил быстрый взгляд по сторонам. — Мы с коллегой из криминалистической экспертизы продолжаем осматривать комнату Мариуса Веланна на предмет улик. Как раз сейчас нам должны прислать документ по сети, а у меня ноутбук завис. Документ очень важный, я вспомнил, что в субботу вы сидели в Интернете, и подумал…

Она махнула рукой, давая понять, что остальные разъяснения излишни, и пригласила его внутрь.

— Комп уже включен. Мне, наверное, надо бы извиниться, что у меня тут не прибрано, но извиняться как-то лень.

Харри сел перед экраном, запустил программу отправки сообщений, достал бумажку с адресом Евы Марвановой и набил его на заляпанной, грязной клавиатуре. Сообщение вышло коротким:

«Ready. This address»[28]. Отправил.

Потом повернулся в кресле и посмотрел на студентку. Та сидела на диване и как раз влезала в узкие джинсы. Харри даже не заметил на входе, что она была в трусиках, наверное, из-за ее длинной майки с большим изображением конопляного листа.

— Сегодня без гостей? — спросил он, чтобы както скоротать время, пока ему пришлют ответ.

По выражению ее лица он понял, что попытка завязать беседу была не особенно удачной.

— Трахаемся только по выходным, — сказала она, взяла с пола носок, понюхала его и только после этого надела.

Заметив, что Харри не собирается продолжать разговор, довольно улыбнулась.

Харри же про себя отметил, что ей пора обратиться к стоматологу.

— Вам письмо, — сообщила студентка.

Он вернулся к экрану. Сообщение от Евы. Никакого текста, только приложение. Он дважды щелкнул по нему, экран стал черным.

— Он старый и тормозной. — Студентка улыбнулась еще шире. — Щас загрузится. Надо только

---

[28] Примечания: 28
Готов. Адрес — этот *(англ.)*.

подождать.

Картинка на экране начала медленно открываться. Сначала Харри увидел синее небо, потом небо закончилось и началась серая стена и черно-зеленый памятник. Потом — сама площадь. Столы. Свен Сивертсен. Мужчина в кожаной куртке спиной к камере. Черные волосы. Массивная шея. Разумеется, этой фотографией нельзя было ничего подтвердить, но Харри ни на секунду не сомневался, что перед ним Том Волер. И тут его внимание привлекло…

— Эй, мне надо в сортир, — сообщила студентка, видя, что Харри сидит, уставившись в экран, и не собирается уходить. — Здесь все ужасно слышно, и я стесняюсь. Поэтому не могли бы вы…

Харри встал, пробормотал «спасибо» и вышел.

На лестнице между третьим и четвертым этажом он остановился.

Там, на фотографии… Невозможно, чтобы это была случайность. Теоретически невозможно. Или все-таки случайность?

Глава 37
Понедельник. Исповедь

Они были одного роста. Двое мужчин стояли друг против друга в храме Святой равноапостольной княгини Ольги. Теплый, застоявшийся воздух приятно пах благовониями и неприятно — табаком. Солнечная погода в Осло держалась уже почти пять недель подряд, и Николай Луб в своем плотном шерстяном облачении обливался потом, читая слово перед исповедью:

— Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое…

Недавно он пробовал купить новое, не такое тяжелое облачение на Вельхавенс-гате, но там сказали, что для православных священников у них ничего нет. Прочитав молитву, он положил книгу на аналой рядом с распятием. Сейчас человек перед ним кашлянет — они всегда это делают перед исповедью, как будто пытаясь таким образом избавиться от своих грехов. У Николая было смутное ощущение, будто этого человека он видел раньше, но где — он не помнил. Имя самое обычное. Николаю даже казалось, что это было

ненастоящее имя. Возможно, этот человек — из другого прихода. Иногда люди приходили покаяться здесь в своих маленьких тайнах, потому что это была небольшая малоизвестная церковь, где они никого не знали. Николаю часто доводилось принимать покаяние у лютеран Норвежской государственной церкви. Просите, и дано будет. Господь милостив.

Мужчина кашлянул. Николай закрыл глаза и решил, что сразу же по приходе домой омоет тело душем, а слух — музыкой Чайковского.

— Святой отец, так выходит, что порок, как и вода, ищет, где ниже. Если есть в характере хоть малая дырочка, трещинка, слабинка, порок всегда найдет ее.

— Все мы грешники, сын мой. Ты пришел в чем-то покаяться?

— Да. Я был неверен моей любимой женщине. Изменил ей с развратницей и, хотя не любил ее, не нашел в себе сил, чтобы отказаться.

К горлу Николая подступил ком:

— Продолжай.

— Она… Я был словно одержим ею.

— Был, говоришь? Так значит, ты перестал с нею встречаться?

— Они умерли.

Николай вздрогнул, не только от его слов, но и от интонации, с которой он их произнес.

— Они?

— Она была беременной. Мне кажется.

— Мне печально слышать о твоих потерях, сын мой. А твоя супруга знает об этом?

— Никто об этом не знает.

— А от чего она умерла?

— От пули в голове, святой отец.

Николая обдало холодом. Ком подступил снова.

— Ты в чем-то еще хочешь покаяться, сын мой?

— Да. Есть один человек. Полицейский. Я видел, как женщина, которую я люблю, пошла к нему, и в мою голову закрались мысли о том, чтобы…

— Да?

— Согрешить. Это все, святой отец. А теперь вы можете прочесть молитву об отпущении?

В храме стало тихо.

— Мне… — начал Николай Луб.

— Святой отец, мне пора идти. Вы не будете так добры?

Николай снова закрыл глаза, начал читать и открыл их, только когда дошел до слов:

— Прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих,

во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Он перекрестил голову мужчины, тот прошептал благодарность и быстрыми шагами вышел из церкви.

Николай остался на том же месте, слушая эхо собственных слов. Кажется, он вспомнил, где видел этого человека. В Старом Акере, он приходил с новой Вифлеемской звездой взамен сломанной.

Как священника Николая связывал обет соблюдать тайну исповеди. И услышанное не заставило бы ее нарушить, но что-то неладное было в самом голосе мужчины — в том, как он говорил про свои мысли о том, чтобы… Чтобы что?

Николай выглянул в окно. Где же облака? Кажется, вот-вот начнется дождь, но сначала будут гром и молния.

Он запер дверь, встал на колени перед маленьким алтарем и начал молиться с таким искренним чувством, какого не испытывал уже многие годы. Просил Господа укрепить и наставить на путь истинный. И даровать прощение.

В два часа в дверях кабинета Беаты появился Бьёрн Хольм и сказал, что у него кое-что для нее есть.

Она встала и прошла за ним в фотолабораторию. На шнуре для просушки висел только что

напечатанный снимок.

— Сделано в прошлый понедельник, — сказал Бьёрн. — Примерно полшестого, то есть через полчаса после убийства Барбары Свендсен. За это время можно спокойно доехать на велосипеде от площади Карла Бернера до Фрогнер-парка.

На фотографии была улыбающаяся девочка на фоне фонтана. Рядом с ней был виден кусок скульптуры. Беата ее узнала — «Дерево и ныряющая девушка». Она любила забираться к этой скульптуре в детстве, когда мама с папой на воскресенье выезжали с ней в город и шли гулять в Фрогнер-парк. Папа говорил, что у Густава Вигеланна ныряльщица символизировала девичий страх перед тем, как шагнуть во взрослую жизнь и стать матерью.

Сейчас Беата смотрела не на нее. Она смотрела на самый край фотографии, где у зеленой урны стоял мужчина с коричневым пакетом в руке. Он был одет в облегающую желтую куртку и черные спортивные штаны, какие носят велосипедисты. На голове был черный шлем, на лице — солнечные очки и маска.

— Велокурьер, — прошептала Беата.

— Лица все равно не видно, — ответил Бьёрн Хольм.

— Да, но… — Голос Беаты прозвучал словно эхо. Не сводя глаз с фотографии, она протянула руку. — Лупу…

Хольм отыскал увеличительное стекло на столе между пакетиков с реактивами и передал ей.

Беата прикрыла один глаз и начала водить лупой по фотографии.

Бьёрн Хольм посмотрел на начальницу. Он, разумеется, слышал истории про то, как она работала в следственном отделе, как сидела сутки напролет, запершись в видеокомнате, просматривала записи ограблений: кадр за кадром, подмечая все новые подробности телосложения и жестикуляции, контуры лиц за масками, и в конце концов устанавливала личности налетчиков, потому что видела их раньше (к примеру, на записи налета на почту, которую сделали пятнадцать лет назад, когда сама Беата еще под стол пешком ходила, а потом оставили в архиве на жестком диске, где записаны миллионы лиц и каждый налет за всю историю видеонаблюдения). Кто-то утверждал, что у Беаты очень хорошо развита часть мозга, отвечающая за память на лица. Поэтому Бьёрн Хольм смотрел не на фотографию, а на то, как Беата рассматривает каждую деталь, хотя понимал, что ничему у нее

не научится, потому что для этого нужны особые врожденные способности, которых у него нет.

Потом он понял, что Беата рассматривает вовсе не лицо мужчины.

— Коленка, — сказала она. — Видишь?

Бьёрн Хольм подошел ближе:

— Что там?

— На левой. Похоже на пластырь.

— То есть нам нужно искать человека с пластырем на ноге?

— Смешной ты, Хольм. Прежде чем искать того, кто на этой фотографии, нужно выяснить, может ли он быть нашим веломаньяком.

— А у кого мы это выясним?

— У единственного человека, который видел его с близкого расстояния. Сделай копию фотографии, а я пошла за машиной.

Свен Сивертсен с убитым видом смотрел на Харри. Тот только что изложил ему свою невероятную теорию.

— Я действительно ни о чем не подозревал, — прошептал Сивертсен. — Я никогда не видел фотографии жертв в газетах. На допросах мне называли имена, но они мне ничего не говорили.

— Ну пока это только теория, — сказал Харри. — Мы не знаем, действительно ли это велокурьер-

маньяк. Нужны конкретные доказательства.

Сивертсен ухмыльнулся:

— Лучше докажи, что у тебя уже достаточно материала, чтобы с меня сняли обвинение. Тогда я представлю свидетельства против Волера.

Харри пожал плечами:

— Я могу позвонить начальнику моего отдела, Бьярне Мёллеру, попросить его приехать на патрульной машине и забрать нас отсюда в целости и сохранности.

Сивертсен решительно покачал головой:

— В этом деле наверняка уже замешаны чины повыше Волера. Я никому не верю. Сначала представь доказательства.

Харри сжал и разжал кулаки:

— У нас есть еще вариант: пойти к журналистам и все им рассказать. И про маньяка, и про Волера. Таким образом мы себя обезопасим.

Сивертсен посмотрел на него с подозрением.

— Наше время убегает, — сказал Харри. — Он уже ближе. Неужели не чувствуешь?

Сивертсен потер запястья.

— Хорошо, — сказал он. — Давай.

Харри сунул руку в задний карман и достал погнутую визитку. На секунду задумался, возможно представляя последствия своего звонка. Или не

представляя. Набрал номер рабочего телефона. Голос в трубке ответил на удивление резко:

— Рогер Йендем.

Харри слышал на заднем плане гул голосов, жужжание аппаратуры и звонки других телефонов.

— Это Харри Холе. Мне нужно, чтобы вы меня внимательно выслушали, Йендем. У меня есть информация о велокурьере-маньяке и о контрабанде оружия, в которой замешан один из моих коллег в полиции. Вы слышите?

— Да-да.

— Отлично. Давайте так: я вам даю эксклюзивную информацию, а вы размещаете ее на сайте «Афтенпостен» так быстро, как только можете.

— Договорились. Вы откуда звоните, Холе?

Судя по голосу, он был удивлен отнюдь не так сильно, как предполагал Харри.

— Это не важно. У меня есть сведения, подтверждающие, что Свен Сивертсен не велокурьер-маньяк и что офицер, который вел расследование, вот уже несколько лет занимается незаконным ввозом оружия в Норвегию.

— Фантастика. Но полагаю, вы понимаете: я не могу все это напечатать на основании телефонной беседы.

— Что вы имеете в виду?

— Ни одна серьезная газета не станет публиковать обвинение в адрес инспектора, особенно в контрабанде оружия, не убедившись в достоверности источника. Ни на секунду не сомневаюсь, что вы — тот, за кого себя выдаете, но откуда мне знать, что вы не пьяны, или не сошли с ума, или и то и другое? Если я поленюсь проверить истинность информации, газете может грозить судебное разбирательство. Давайте встретимся, Холе. Я обещаю, что все запишу с ваших слов.

В возникшей паузе Харри услышал, как рядом с Йендемом кто-то заливисто и беззаботно засмеялся.

— В другие газеты можете даже не звонить — вам ответят то же самое. Доверьтесь мне, Холе.

Харри задержал дыхание.

— Хорошо, — согласился он. — В «Андеруотере». Далсбергстиен. В пять. Приходите один, иначе я сматываюсь. И никому ни слова! Ясно?

— Ясно.

— До встречи.

Харри нажал «сброс» и, задумавшись, закусил нижнюю губу.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказал Свен.

Бьёрн Хольм и Беата свернули с шумной аллеи Бюгдёй и в следующее мгновение оказались на тихой улочке с внушительными виллами с одной стороны и фешенебельными старинными многоквартирными домами — с другой. На обочинах тут и там стояли роскошные немецкие автомобили.

— Красиво живут, — заметил Бьёрн.

Они остановились перед желтым, будто кукольным домом.

После второго звонка домофон ожил.

— Да?

— Андре Кляузен?

— Это я.

— Беата Лённ, полиция. Можно войти?

Андре Кляузен встретил их в дверях в халате, не доходящем до колен, почесывая ссадину на щеке и особо не скрывая зевоты.

— Извините. Вернулся домой поздно ночью, — сказал он.

— Наверное, из Швейцарии?

— Нет, всего лишь из загородного дома. Заходите.

Гостиная Кляузена была маловата для той коллекции произведений искусства, которые в ней были, и Бьёрн Хольм тут же отметил, что хозяин

менее всего склонен к спартанскому минимализму. В одном из углов комнаты бил фонтанчик и обнаженная древнегреческая богиня поднимала руки к потолку, расписанному в стиле Сикстинской капеллы.

— Мне хочется, чтобы вы вспомнили тот момент, когда встретили велокурьера в приемной адвокатской конторы, — сказала Беата. — А потом взглянули на этот снимок.

Кляузен взял фотографию и начал ее пристально разглядывать, продолжая ковырять ссадину на щеке. Бьёрн Хольм между тем осматривался в комнате. За одной из дверей послышался топот, а потом кто-то поскребся в дверь.

— Возможно, — сказал Кляузен.

— Только возможно? — Беата присела на краешек стула.

— Очень вероятно. Одет точь-в-точь. Шлем, опять же — очки.

— А пластырь на колене у него был?

Кляузен тихо рассмеялся:

— Как я уже говорил, не имею привычки так внимательно разглядывать мужские тела. Если вам будет от этого легче, скажу, что моя интуиция твердо говорит: «Да! Это он и есть». Но не более… — Он развел руками.

— Спасибо. — Беата встала.

— Не за что, — отмахнулся Кляузен, проводил их до двери и протянул руку.

Хольм, замявшись на мгновение, пожал, а когда Кляузен протянул ее Беате, та слегка улыбнулась и покачала головой:

— Извините, но у вас кровь на пальцах. И на щеке.

Кляузен схватился за щеку.

— Ох, действительно! — с улыбкой сказал он. — Это все Трулс, моя собака. На выходных совсем разыгрался, на природе-то.

Он смотрел на Беату, и улыбка становилась все шире и шире.

— Всего хорошего, — попрощалась она.

Оказавшись на улице, Бьёрн Хольм вздрогнул, сам не понимая почему.

Клаус Торкильсен направил в лицо оба вентилятора, но те лишь гнали на него все тот же душный воздух. Он ткнул пальцем в толстый экран. Внутренний телефон службы криминалистической экспертизы. Абонент только что окончил разговор. Уже в четвертый раз ему звонили с одного и того же номера. Разговоры были непродолжительные.

Он дважды щелкнул по этому номеру, что-

бы получить сведения об абоненте. На экране появилось имя. Двойной щелчок по имени — высветились адрес и место работы. Потом он набрал номер, на который ему было велено звонить, если появится какая-нибудь информация.

— Алло? — подняли трубку на том конце.

— Это Торкильсен из «Теленора». С кем я говорю?

— Не задавайте лишних вопросов, Торкильсен. Что вы хотите нам сообщить?

Торкильсен почувствовал, что рубашка прилипла к подмышкам.

— Я тут кое-что проверил, — начал он. — Мобильный телефон этого Холе найти невозможно: он постоянно перемещается, но есть другой номер, с которого несколько раз звонили на Кьёльберг-гате.

— Да? Чей он?

— Номер принадлежит некоему Эйстейну Эйкеланну. Он зарегистрирован как таксист.

— Ну и что?

Торкильсен оттопырил нижнюю губу и попытался сдуть капельки, собравшиеся на запотевших очках.

— Я подумал о возможной взаимосвязи между таксистом и телефоном, который постоянно пе-

ремещается по городу.

На том конце молчали.

— Алло? — позвал Торкильсен.

— Информация принята, — сказал голос. — Продолжайте слежение, Торкильсен.

Когда Бьёрн Хольм и Беата заходили в здание на Кьёльберг-гате, у нее зазвонил телефон.

Она быстрым движением вытащила его из-за пояса и, посмотрев на экран, прижала к уху.

— Харри? Пусть Сивертсен задерет левую штанину. У нас есть фото велосипедиста в маске с коричневым пакетом перед фонтаном, она была сделана в полшестого в прошлый понедельник. У велосипедиста на коленке пластырь.

Бьёрн еле поспевал за своей начальницей — они шли по коридору. Беата завернула в кабинет.

— Ни пластыря, ни раны? — переспросила она. — Да нет, это ничего не доказывает. К твоему сведению: Андре Кляузен с большой долей вероятности подтверждает, что именно велосипедиста на фото он видел у «Халле, Тюне и Веттерлида».

Она села за письменный стол.

— Что?

Бьёрн Хольм увидел, как она смешно хмурит

брови.

— Вот как. — Она отложила телефон и посмотрела на него, будто не веря тому, что только что услышала. — Харри говорит, что знает, кто совершил все эти убийства.

Бьёрн не ответил.

— Проверь, свободна ли лаборатория, — сказала она. — Нам подбросили новую работу.

— Какую работу? — осведомился Бьёрн.

— По-настоящему дерьмовую.

Эйстейн Эйкеланн сидел в такси на стоянке неподалеку от Санкт-Хансхёуген и, полуприкрыв глаза, смотрел на длинноногую девушку, которая сидела в кресле на тротуаре перед «Явой» и обогащала свой организм кофеином. Шума кондиционера не было слышно из-за громкой музыки, раздававшейся из наушников.

«Faith has been broken, tears must be cried…»

Злые языки утверждали, что автор этой песни — Грэм Парсонс, а Кит и «Роллинг стоунз» украли ее для альбома «Липкие пальцы», пока были во Франции, пытаясь всеми мыслимыми и немыслимыми способами прослыть гениальными.

«Wild, wild horses couldn't drag me away…»

Эйстейн вздрогнул: одна из задних дверей открылась. Человек, наверное, незаметно подошел

сзади, выйдя из парка. В зеркале Эйстейн увидел загорелое лицо с мощными челюстями, глаза прятались за зеркальными солнцезащитными очками.

— До Маридальского озера. — Голос был приятным, но в нем чувствовались командные нотки. — Если не затруднит.

— Да нет, — пробормотал Эйстейн.

Он выключил музыку, в последний раз затянулся и выбросил окурок из окна.

— Куда именно к озеру? — спросил он.

— Поехали, потом скажу.

Они поехали вверх по Уллеволсвейен.

— Обещали дождь, — попытался завязать разговор Эйстейн.

— Потом поговорим, — отрезал голос.

«Это вместо чаевых», — подумал Эйстейн.

Через десять минут позади остались многоэтажные дома, и они оказались среди двориков и домиков близ Маридальского озера. Этот переход от города к деревне всегда ему нравился, а однажды пассажир-американец даже спросил его, не проезжают ли они музей под открытым небом.

— Там дальше поверни налево, — сказал голос.

— В лес? — спросил Эйстейн.

— Да, конечно. Что ты нервничаешь?

Эйстейн снова взглянул в зеркало, но мужчина пересел, и теперь можно было видеть только половину его лица.

Сбавив скорость, Эйстейн включил левый поворотник и свернул на гравиевую дорожку, поросшую травой.

Что-то ему не понравилось.

С обеих сторон дороги ветки, играя на свету зелеными листьями, словно приглашали их в чащу. Эйстейн ударил по тормозам. Колеса в последний раз шаркнули по гравию, и машина остановилась.

— Извините, — сказал он зеркалу. — Недавно чинил ходовую часть. К тому же здесь мы не ездим. Если хотите, я могу позвонить — и пришлют другую машину.

Казалось, человек на заднем сиденье улыбается. По крайней мере, одной половиной лица.

— А с какого телефона ты собираешься звонить, Эйкеланн?

Эйстейн почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом.

— С собственного? — прошептал голос.

Мозг Эйстейна лихорадочно перебирал варианты ответов.

— Или с телефона Харри Холе?

— Не понимаю, о чем вы, мистер. Дальше я не поеду.

Человек рассмеялся:

— Мистер? Ты ошибаешься, Эйкеланн.

Эйстейн хотел было сглотнуть подступивший к горлу ком, но сдержался:

— Слушайте, раз уж я вас не довез, куда нужно, можете не платить. Выходите, а я пока вызову другую машину.

— Если верить твоему личному делу, ты головастый, Эйкеланн. Так что, думаю, понимаешь, что мне нужно. Ненавижу штампы, но я добьюсь своего во что бы то ни стало, и ты сам можешь выбрать: по-хорошему или по-плохому.

— Не понимаю, о чем… ай!

Человек ударил Эйстейна по затылку, чуть выше шеи, и он, невольно подавшись вперед, с удивлением заметил, что глаза наполняются слезами. Не из-за боли — нет, этот удар был из тех, какими обмениваются в школе, готовя настоящие побои на потом. Но слезные железы, наверное, уже поняли то, что отказывался признать мозг: начались серьезные проблемы.

— Где у тебя телефон Харри, Эйкеланн? В бардачке? В багажнике? Может быть, в кармане?

Эйстейн не ответил. Его мозг продолжал в беше-

ном темпе отбрасывать варианты. Кругом — лес. Что-то подсказывало, что человек на заднем сиденье хорошо натренирован и догонит Эйстейна за считаные секунды. Есть ли у него сообщники поблизости? Может, стоит нажать кнопку тревоги и разослать этот сигнал остальным автомобилям? Имеет ли он право вовлекать в это других?

— Понятно, — сказал человек. — Значит, по-плохому. Знаешь что? — Эйстейн не успел среагировать, а он уже обхватил его за шею и вдавил в кресло. — Так я и думал.

Очки у Эйстейна слетели. Он протянул к ним руку, но не достал.

— Поднимешь тревогу — я тебя убью, — прошептал мужчина ему в ухо. — Не в фигуральном, а в самом буквальном смысле. Умертвлю.

Хотя в мозг Эйстейна Эйкеланна не поступал кислород, он слышал, видел и чувствовал запахи на удивление хорошо: видел сеть капилляров на обратной стороне собственного века, различал запах одеколона своего пассажира и слышал в его голосе повизгивающие радостные нотки.

— Где он, Эйкеланн? Где Харри Холе?

Эйстейн беззвучно открыл рот, и человек ослабил хватку.

— Я не понимаю…

Горло сжали снова.

— Последняя попытка, Эйкеланн. Где твой собутыльник?

Эйстейн почувствовал боль и мучительное желание жить, но он знал, что скоро все закончится. В подобных переделках он бывал и раньше. Это просто переходная стадия. Скоро разговор пойдет куда спокойней и приятней. Шли секунды. Мозг начал отключать отделы, отвечающие за чувства. Первым отказало зрение…

Хватка опять ослабла, и к мозгу хлынул поток кислорода. Зрение вернулось. Боль тоже.

— Мы все равно его найдем, — произнес голос. — А уж ты выбирай, хочешь ты пережить это событие или нет.

Эйстейн почувствовал, как что-то холодное и твердое скользнуло по виску, по кончику носа… Вестернов Эйстейн в жизни пересмотрел немало, но видеть револьвер сорок пятого калибра на таком близком расстоянии ему еще не доводилось.

— Открой рот.

А на вкус пробовать — уж тем более.

— Считаю до пяти и стреляю. Если захочешь что-то сказать, кивни. Желательно раньше, чем я скажу «пять». Раз…

Эйстейн пытался совладать со страхом смерти.

Говорил себе, что люди мыслят рационально и этот человек ничего не выиграет, если убьет его.

— Два…

«Логика — на моей стороне», — думал Эйстейн. У дула был вкус металла и крови, и от этого начинало подташнивать.

— Три. И не расстраивайся о машине, Эйкеланн. Я тщательно все уберу и вымою после себя.

Эйстейн почувствовал, как тело начинает дрожать, это была непроизвольная реакция, и он мог только отметить ее, но не прекратить. Вспомнилась ракета, которую он как-то видел по телевизору. Та тоже подрагивала за несколько секунд до того, как ее отправили в холодное и пустое космическое пространство.

— Четыре.

Эйстейн кивнул. Энергично и несколько раз.

Револьвер исчез.

— Он в бардачке, — задыхаясь, сказал он. — Харри сказал, что я не должен ни выключать его, ни отвечать на звонки. А сам взял мой.

— Да плевал я на ваши телефоны, — ответил голос за спиной. — Я хочу услышать, где Холе.

— Я не знаю. Он ничего не сказал. То есть сказал, что нам обоим будет лучше, если я ничего не буду об этом знать.

— Соврал. — Это прозвучало мягко и спокойно, и Эйстейн не понял, злится его пассажир или забавляется. — Лучше будет только ему, Эйкеланн, не тебе.

Холодный револьвер ожег щеку, словно раскаленный утюг.

— Погодите! — выпалил Эйстейн. — Харри что-то говорил. Вспомнил. Он сказал, что спрячется дома.

Эти слова выскользнули очень быстро, и ему показалось, будто он недостаточно четко все произнес.

— Мы там были, идиот.

— Да я не про тот дом, где он живет. Дом в Уппсале, где он вырос.

Человек на заднем сиденье рассмеялся, и тут же дуло револьвера попыталось залезть Эйстейну в ноздрю. Стало больно.

— Мы отслеживали твой телефон в течение нескольких часов, Эйкеланн, и знаем, из какого района Холе звонил, это не Уппсал. Ты попросту врешь. Иначе говоря, «пять».

Послышался писк. Эйстейн закрыл глаза. Писк не прекращался. Он уже умер? Писк начал складываться в мелодию. Что-то знакомое. «Пурпурный дождь». Принс. Это звонил мобильный.

— Да, слушаю, — откликнулся голос с заднего сиденья.

Эйстейн пока не решался открыть глаза.

— В «Андеруотере»? В пять? Хорошо. Собирайте всех парней, я еду.

Эйстейн услышал шорох одежды. Время шло. Он услышал, как лесная птица громко затянула свою трель. Красиво. Что это была за птица, он не знал. А должен бы. Но главное — зачем. Нужно знать, зачем она поет. Теперь он уже никогда этого не узнает. На плечо легла ладонь.

Эйстейн осторожно открыл глаза, посмотрел в зеркало и увидел белоснежную улыбку.

Потом голос с теми же радостными нотками распорядился:

— В центр, шофер. И поживее.

Глава 38
Понедельник. Туча

Ракель резко открыла глаза. Сердце билось часто и сильно. Она заснула. Вокруг раздавался непрекращающийся шум купающейся детворы. Во рту чувствовался горьковатый привкус травы, а жара накрывала спину, словно одеялом. Ей что-то снилось? Что-то, от чего она проснулась?

От внезапного порыва ветра теплое одеяло исчезло. Ракель вздрогнула.

«Удивительно, как быстро иногда забываются сны», — подумала она и обернулась. Олега рядом не было. Она приподнялась на локтях и посмотрела вокруг.

В следующую секунду она была уже на ногах.

— Олег! — крикнула Ракель и бросилась бежать.

Она нашла его у бассейна с вышкой. Он сидел на краю и беседовал с мальчиком, которого Ракель, кажется, уже видела. Наверное, одноклассник.

— Привет, мам. — Олег, прищурившись, поглядел на нее и улыбнулся.

Ракель взяла его за руку, крепче, чем сама этого

хотела.

— Я тебе говорила, чтобы ты без спросу не уходил?

— Но ты ведь спала, мам. Я не хотел тебя будить.

Олег казался удивленным и слегка пристыженным. Одноклассник почел за благо отсесть подальше.

Она отпустила его руку. Вздохнула и посмотрела на горизонт. На голубом небе виднелось одно-единственное белое облачко. Оно словно указывало вверх — как будто кто-то только что запустил ракету.

— Скоро пять, мы едем домой ужинать. — Ее голос звучал отчужденно.

Когда уже ехали в машине, Олег спросил, придет ли Харри.

Ракель молча покачала головой.

Когда они остановились на перекрестке Сместадкрюссе, она наклонилась, чтобы снова посмотреть на облако. Оно не исчезло, но поднялось повыше и снизу потемнело.

Ракель напомнила себе запереть дверь, когда они приедут домой.

Глава 39
Понедельник. Встречи

Рогер Йендем остановился перед аквариумом в окне «Андеруотера». Посмотрел на пузырьки. Ему вспомнилось, как навстречу ему быстрыми, порывистыми движениями плывет семилетний мальчишка с такой паникой на лице, будто в целом мире спасти его может только он, Рогер, его старший брат. Рогер кричит и смеется, но Томас не понимает, что он уже давно на мелководье и можно просто встать на дно. Иногда Рогеру казалось, что после того, как он научил младшего брата плавать в воде, тот стал тонуть на земле.

Рогер зашел в бар и некоторое время стоял, привыкая к темноте. Кроме бармена, внутри был только один посетитель: рыжеволосая женщина сидела вполоборота с сигаретой в пальцах, перед ней стоял полупустой бокал пива. Рогер спустился по лестнице и заглянул в полуподвальный зал: ни души. Он решил ждать в баре. По пути туда он скрипнул половицей, и рыжеволосая подняла взгляд. На ее лицо падала тень, но то, как она сидела, ее осанка заставили его подумать, что она

красива. Или была красивой. Он заметил сумку рядом с ее столом. Наверное, и она кого-то ждет.

Он заказал пива и посмотрел на часы.

До пяти часов он бродил по округе, чтобы не прийти сюда раньше назначенного срока. Не хотел проявлять лишнее рвение: это могло вызвать подозрения. Хотя кто заподозрит в чем-нибудь журналиста, если ему не терпится узнать, возможно, о самой громкой сенсации этого года? Но дело было не только в этом.

Разгуливая по улицам, он искал их: машину, припаркованную там, где ее не должно быть, человека с газетой на углу улицы, спящего бомжа на скамеечке. Ничего такого не нашел. Разумеется, они профессионалы. Это-то его и пугало больше всего. Осознание того, что они могут провернуть свое дело и исчезнуть незамеченными. Он слышал, как один коллега в подпитии сказал, что в последние годы за стенами Полицейского управления творится такое, что, даже если об этом написать, общественности все равно не захочется в это верить.

Он снова посмотрел на часы. Семь минут шестого.

Интересно: когда Харри Холе войдет, они тут же ворвутся, чтобы его схватить? Рогеру ведь ничего

не сказали. Только то, что он должен пойти на встречу, как условлено, и вести себя так, словно он на работе. Он заказал пива и сделал большой глоток, надеясь, что алкоголь утихомирит разгулявшиеся нервы.

Десять минут. Бармен сел в углу за стойкой и погрузился в чтение книги «Фьорды».

— Извините, — обратился к нему Рогер.

Бармен поднял взгляд.

— Сюда недавно не заходил мужчина? Высокий, светловолосый, с…

— Простите. — Бармен послюнявил палец и перевернул страницу. — Я заступил на смену перед самым вашим приходом. Спросите лучше вон у той женщины.

Секунду поколебавшись, Рогер отхлебнул еще пива и встал.

— Прошу прощения…

Женщина посмотрела на него с полуулыбкой:

— Да?

Только тут он увидел: это не тень, на ее лице синяки. На лбу, скулах и на горле.

— Я должен встретиться здесь с одним человеком, но боюсь, он ушел, не дождавшись меня. Выше чем метр девяносто, с коротко подстриженными светлыми волосами.

— Молодой?

— Ну да… Думаю, ему лет тридцать пять. Выглядит немного… потрепанным.

— Красный нос и голубые глаза, которые кажутся и молодыми, и старыми одновременно? — Она продолжала улыбаться, но он понял, что не ему, а скорее собственным мыслям.

— Да, это может быть он, — неуверенно произнес Рогер. — Так он сюда…

— Нет, сама его жду.

Рогер посмотрел на нее. Неужели она действительно одна из них? Полноватая, в легком подпитии дама в возрасте около тридцати? Не похоже.

— Думаете, он придет? — спросил Рогер.

— Нет. — Она подняла бокал. — Те, кого действительно ждешь, никогда не приходят. Приходят другие.

Рогер вернулся к бару. Его бокал уже убрали со стойки. Он заказал еще.

Бармен поставил музыку. В полумраке негромко зазвучала композиция группы «Gluecifer»:

«I got a war, baby, I got a war with you!»

Он не придет. Харри не придет. Что бы это могло значить? Ведь, черт возьми, это не по его вине!

В полшестого дверь бара открылась.

Рогер с надеждой поднял взгляд и увидел мужчину в кожаной куртке. Тот смотрел на него.

Рогер покачал головой.

Мужчина бросил взгляд вокруг. Провел ладонью по шее и вышел.

Первой мыслью Рогера было побежать следом. Спросить, что значит этот жест рукой? Что операция завершена? Или что Томасу… Зазвонил мобильный телефон. Он ответил.

— No-show?[29] — поинтересовался голос.

Это был голос не того мужчины в кожаной куртке и точно уж не Харри, но что-то в нем было знакомое.

— Что мне делать? — тихо спросил Рогер.

— Пробудешь там до восьми, — ответил голос, — и позвонишь на нужный номер, если он появится.

— А Томас?..

— С твоим младшим братом ничего не случится, пока ты делаешь то, что мы тебе говорим. И никому ни слова.

— Разумеется. Я…

— Удачно посидеть, Йендем.

Рогер сунул телефон в карман и окунулся в

---

[29] Примечания: 29
Не появился? *(англ.)*

пивной бокал. Когда он вынырнул, чтобы перевести дыхание, было уже восемь — прошло два с половиной часа.

— Ну, что я говорила?

Рогер обернулся. Она стояла прямо за спиной, жестом подзывая бармена. Тот нехотя начал вставать со стула.

— А кто это — «другие»? — спросил Рогер.

— Какие «другие»?

— Вы сказали, что вместо тех, кого действительно ждешь, приходят другие.

— Те, кого приходится брать, да еще и с благодарностью, милый. Такие, как ты или я.

Рогер развернулся к ней. Как она это говорила… Без рисовки, без драмы, с улыбкой безысходности. Он почувствовал что-то особенное. Какое-то родство. Теперь он разглядел ее глаза, губы. Конечно, она красива.

— Это вас так муж побил? — спросил он.

Она подняла голову и, выставив вперед подбородок, посмотрела, как бармен наливает пиво.

— А вот это не ваше дело, молодой человек, — отрезала она.

Рогер на мгновение закрыл глаза. Какой странный день. Один из самых странных в его жизни. Стоит ли прекращать странности?

— Может стать и моим, — сказал он.

Она обернулась и пристально на него взглянула.

Он кивнул на ее столик:

— Судя по размерам вашей сумки, уже бывший муж. Если вам сегодня нужна полоса для аварийной посадки, у меня большая квартира и найдется даже лишняя спальня.

— Вот как? — Ее интонация была скорее отрицательной, но выражение лица изменилось. Теперь в нем появился какой-то вопрос, даже любопытство.

— Квартира внезапно увеличилась этой зимой, — сказал он. — С вашего разрешения я еще посижу здесь и, если вы готовы составить мне компанию, с удовольствием заплачу за ваше пиво.

— Действительно, — произнесла она. — Почему бы нам не подождать вместе?

— Человека, который так и не придет?

Ее смех вышел грустным, однако она все же сумела засмеяться.

Свен сидел на стуле и смотрел из окна на улицу.

— Может, тебе все-таки лучше было бы сходить? — спросил он. — Может, у журналиста это

случайно вырвалось.

— Не знаю… — Харри лежал на диване и изучал завитки сигаретного дыма, которые поднимались к потолку. — Думаю, что он, скорее бессознательно, предупредил меня об опасности.

— Одно то, что ты описал Волера как «офицера, который вел расследование», а журналист назвал его «инспектором», вовсе не означает, что журналист знает, что это Волер. Он мог и угадать.

— Может, и случайность, а может, специально хотел предупредить меня, зная, что его прослушивают.

— Ты параноик, Харри.

— Вероятно, но это не означает…

— …что тебя не ищут. Говорил уже. Ты мог бы позвонить другим журналистам…

— Я никому не верю. Кроме того, думаю, нам не стоит больше звонить с этого телефона. Мне вообще кажется, его надо выключить.

— Волер же не может знать, с какого телефона ты звонишь.

Зеленый сигнал «Эрикссона» погас, и Харри сунул его в карман пиджака.

— Ты, Сивертсен, очевидно, плохо знаешь, что Том Волер может и чего не может, — угрюмо сказал он. — Мы с моим другом-таксистом догово-

рились, что между пятью и шестью он позвонит мне из телефона-автомата. Ты слышал звонок?

— Нет.

— Значит, они уже знают о телефоне. Он приближается.

Свен громко вздохнул:

— Харри, тебе уже говорили, что ты все время повторяешься? И меня удивляет, что ты не особенно-то надрываешься, чтобы вызволить нас из этой передряги.

Харри пустил под потолок жирное кольцо сизого дыма.

— У меня даже возникло такое чувство, будто ты хочешь, чтобы нас нашли, а все остальное — видимость, — вздохнул Свен. — То есть мы чертовски хорошо прячемся, а он — ты в этом уверен — исхитрится и найдет нас.

— Любопытная версия, — пробормотал Харри.

— Эксперт из «Норске Мёллер» подтвердил твою догадку, — сказала Беата, жестом выставляя Бьёрна Хольма из кабинета.

По шуму на заднем фоне она поняла, что Харри говорит из телефона-автомата.

— Спасибо за помощь, — ответил он. — Как раз то, что мне было нужно.

— Да?

— Надеюсь.

— Харри, я только что звонила Олауг Сивертсен. Ей очень плохо.

— Хм…

— Не только из-за сына. Она боится за свою квартирантку, которая уезжала на выходные за город и до сих пор не вернулась. Я не знаю, что ей сказать.

— Что скоро все закончится.

— Обещаешь?

Смех Харри прозвучал сухо, как пулеметная очередь.

— Это как раз я тебе могу обещать, — сказал он.

Щелкнул сигнал внутренней связи.

— К вам посетитель, — прогнусавил голос дежурного.

На часах миновало четыре, а значит, на дежурстве должна была быть женщина из службы охраны. Беата подметила, что, кто бы ни был на посту, все они со временем начинают говорить в нос.

Она нажала кнопку на стареньком селекторе:

— Пускай немного подождут, я занята.

— Да, но…

Беата выключила внутреннюю связь:

— Суета!

На том конце было слышно дыхание Харри, вот подъехал автомобиль, выключили мотор. Тут Беата заметила, что свет в комнате стал падать как-то иначе.

— Мне пора, — произнес Харри. — Надо поторопиться. Может, позже перезвоню. Если все пойдет, как я думал. Хорошо? Беата?

Она положила трубку. Ее взгляд был прикован к двери в кабинет.

— Ну? — сказал Том Волер. — Разве ты не говоришь хорошим друзьям «до свидания»?

— Разве на входе тебе не сказали подождать?

— Сказали.

Том Волер закрыл дверь и потянул за шнур, закрывая жалюзи на окне. Прошел по кабинету, встал рядом с креслом и посмотрел на стол.

— Что это? — спросил он, указывая на две стеклянные пластины, прижатые друг к другу.

У Беаты участилось дыхание.

— Если верить лаборатории — семя, — стараясь говорить равнодушно, ответила она.

Он легко коснулся рукой ее шеи. Она замерла.

— Ты разговаривала с Харри? — Он провел пальцем по ее коже.

— Убери руку! — рявкнула она, собрав все свое

самообладание.

— Ой-ой-ой, что-то не так? — Волер, улыбаясь, поднял обе руки вверх. — Разве тебе не нравилось, Лённ?

— Что тебе нужно?

— Дать тебе шанс. Думаю, я должен тебе его предоставить.

— Думаешь, должен? За что же это?

Она склонила голову набок и посмотрела на Волера. Тот облизнул губы и наклонился к ней:

— За содействие. И подчинение. И неторопливость в постели.

Беата ударила, но он легко поймал ее запястье в воздухе и заломил ей руку за спину. Она, нагнувшись вперед в кресле, ударилась головой о стол. В ушах слышалось его шипение:

— Я даю тебе шанс сохранить свою должность, Лённ. Мы знаем, что Харри звонил тебе с телефона своего дружка-таксиста. Где он? — Волер заломил руку сильнее, она застонала. — Я знаю, это больно, — сказал он. — И знаю, что боль никогда не заставит тебя разговориться. Так что делаю это для своего собственного удовольствия. И твоего тоже.

Он прижался к ней. В ушах у Беаты звонко пульсировала кровь. Она прицелилась и удари-

ла лбом кнопку внутренней связи. Ударила так сильно, что пластмасса треснула.

— Да? — прогнусавил голос.

— Хольма сюда, быстро! — простонала Беата, прижимаясь щекой к столу.

— Есть.

Волер нехотя выпустил ее руку. Беата выпрямилась.

— Свинья! — закричала она. — Я не знаю, где он. Он бы никогда не допустил, чтобы я оказалась в таком опасном положении.

Том Волер пристально, изучающе посмотрел на нее. Беата заметила интересную перемену: она больше не боялась его. Рассудок говорил ей, что он опасен, как никогда, но в его взгляде читалось беспокойство, которого она прежде не замечала. Он только что на ее глазах потерял самообладание — всего на несколько секунд — первый раз в жизни, по крайней мере при ней.

— Я за тобой еще вернусь, — угрожающе сказал он. — Обещаю. Ты знаешь, обещания я держу.

— Что случилось?.. — начал Бьёрн Хольм, но осекся и быстро шагнул в сторону.

Том Волер выбежал в коридор.

Глава 40
Понедельник. Дождь

В полвосьмого солнце уже висело над Уллерном, и вдова Даниельсен, стоя на своей веранде на Томас-Хефтиес-гате, отметила, что над Ослофьордом в сторону города плывут облака. Внизу по улице прошли Андре Кляузен с золотистым ретривером Трулсом. Ни клички собаки, ни имени его хозяина она, конечно, не знала, но часто видела, как эта парочка возвращается с Гимлетеррассе. Они остановились на красный свет перед перекрестком возле остановки такси на аллее Бюгдёй. Вдова Даниельсен предположила, что они направляются в сторону Фрогнер-парка.

Оба они казались усталыми, а пес к тому же и грязным.

Она наморщила нос, когда, приотстав от хозяина на полшага, пес присел на тротуар и начал справлять большую нужду. Хозяин не проявил никакого желания убрать за собакой и, едва на светофоре загорелся зеленый, потянул ее за собой. Вдова Даниельсен одновременно пришла в негодование и в восторг. В негодование — потому

что она всегда радела за благоустроенность города, по крайней мере благоустроенность по этой части. А в восторг — потому что теперь у нее был материал для нового письма в редакцию «Афтенпостен», это с недавних пор стало ее хобби.

Она стояла и смотрела на место преступления, а собака с хозяином быстрыми шагами (очевидно, подгоняемые тяжестью собственной вины) двигались по Фрогнервейен. Потом она стала свидетелем того, как женщина, спеша в противоположную сторону и стараясь проскочить на зеленый свет, стала жертвой безответственности отдельных граждан. Очевидно, женщина была слишком занята, окликая такси на стоянке, и не заметила, куда наступила.

Вдова Даниельсен громко шмыгнула носом, в последний раз посмотрела на армаду облаков и вошла в комнату — писать в редакцию.

Легким дыханием вдали пронесся поезд. Олауг открыла глаза и обнаружила, что стоит в саду. Удивительно. Она совсем не помнила, как выходила из дома. Сейчас она стояла здесь, посреди рельсов и шпал, чувствуя сладостный запах роз и сирени, который почему-то напоминал ей о смерти. Она потерла виски — не помогло. Даже наоборот. Потом посмотрела на небо. Оно было

затянуто облаками. Так вот почему стало так темно… Олауг посмотрела вниз, на свои босые ноги. Бледная кожа, синие жилы — ноги старухи. Она поняла, почему встала именно здесь. Здесь, на этом самом месте, любили стоять они, Эрнст и Ранди. Она помнила, как смотрела на них из окошка комнаты для прислуги. Они стояли здесь в сумерках рядом с кустами рододендрона, которых сейчас уже нет. Закатное солнце бросало последние лучи, и он что-то тихо шептал по-немецки. Вот он срывает розу и втыкает ее в прическу супруге. Она смеется и прижимается лицом к его шее. Они тихо стоят в обнимку и смотрят на запад. Ранди кладет мужу голову на плечо. Они все втроем смотрят, как заходит солнце. Олауг не знала, что думали при этом супруги Швабе, но сама она мечтала о том, что однажды солнце взойдет и для нее. Молодое и красивое.

Олауг непроизвольно бросила взгляд на окно комнаты для прислуги. Там не было Ины, не было молодой Олауг. Только темное стекло, отражающее взбитые сливки облаков.

Ей захотелось плакать из-за того, что лето проходит. Может, не так быстро, но проходит. А потом остаток жизни потечет своим чередом. Строго по расписанию. Ведь расписание — штука

нужная.

Она уловила за спиной какое-то движение и тяжело, медленно обернулась. Почувствовала, как приминается под чьими-то ногами прохладная трава, и, не успев повернуться до конца, застыла.

Собака.

Собака смотрела на нее так, словно извинялась за еще не совершенный поступок. В то же самое мгновение кто-то бесшумно вышел из тени фруктовых деревьев и оказался рядом с собакой. Мужчина. С небольшими черными глазами, совсем как у его собаки. Олауг показалось, будто ее душит какой-то маленький зверек — ей стало тяжело дышать.

— Мы зашли в дом, но там вас не оказалось. — Мужчина склонил голову набок и посмотрел на нее так, как смотрят на диковинную букашку. — Вы не знаете, кто я, фрёкен Сивертсен, но мне уже давно хотелось с вами встретиться.

Олауг открыла рот — и закрыла его снова. Мужчина подошел ближе. Олауг посмотрела ему через плечо.

— Господи, — прошептала она, протягивая руки.

Девушка спустилась по лестнице, со смехом пробежала по гравиевой дорожке и упала к ней

в объятия.

— Я так за тебя испугалась, — сказала Олауг.

— Да? — удивилась Ина. — Мы просто немножко задержались в загородном доме. Ведь каникулы же!

— Да, да. — Олауг обняла ее еще крепче.

Собака, английский сеттер, радостно подбежала к ним и, встав на задние лапы, передние положила Олауг на спину.

— Тея! — прикрикнул мужчина. — Сидеть!

Тея села.

— А это?.. — Олауг наконец выпустила Ину из объятий.

— Это Тярье Рю. — Щеки Ины загорелись, что было заметно даже в сумерках. — Мой жених.

— Боже мой! — всплеснула руками Олауг.

Мужчина, широко улыбаясь, протянул ей свою ладонь. Красавцем он не был — курносый нос, лохматые волосы, близко посаженные глаза, — но у него был прямой, открытый взгляд, который Олауг понравился.

— Очень приятно, — сказал он.

— И мне, — отозвалась Олауг, надеясь, что в полумраке не видно ее слез.

Тойя Харанг не замечала запаха, пока они не выехали на Йосефинес-гате.

Она с подозрением взглянула на таксиста. Смуглый, но все-таки не негр, иначе бы она не рискнула сесть в машину, — дело тут не в расизме, а в статистике.

Тогда откуда этот запах?

Она заметила, что шофер поглядывает на нее в зеркало. Может, она оделась слишком вызывающе: чересчур глубокий вырез или короткая юбка? У нее мелькнула другая мысль, куда приятнее. Может, он узнал ее, потому что читал сегодняшние газеты, где на фотографиях была она, Тойя Харанг. «Наследница музыкального трона», — писали газеты. Правда, в «Дагбладет» ее назвали «очаровательно неуклюжей» и заявили, что она правдоподобнее сыграла цветочницу Элизу, чем светскую даму, в которую ее превратил профессор Хиггинс. Но все критики сходились в одном: танцевала и пела она лучше всех на свете. Вот. Что бы на это сказала Лисбет?

— На праздник? — спросил таксист.

— В некотором роде, — ответила Тойя.

«Праздник для двоих», — подумала она. Праздник для Венеры и… как там его? Ну, второе имя?.. Ну ладно, зато Венера — это она. Вчера, когда они отмечали премьеру, он подошел к ней, прошептал на ушко, что он давно ее тайный поклонник,

и пригласил к себе домой на сегодняшний вечер. Он даже не старался скрыть свои намерения, и ей бы следовало отказать. Категорически и решительно.

— Наверное, будет весело, — с оттенком зависти произнес таксист.

Категорически отказать. Она до сих пор помнила запах сена и силоса, видела перед собой полоски света на засыпанном соломой полу амбара и пряжку отцовского ремня, которым в нее пытались вбить правила поведения. Категорически отказать. Она не забыла, как потом на кухне мать гладила ее по голове и спрашивала, почему Тойя не может быть как Лисбет — послушной умницей. Однажды Тойя вырвалась и закричала, что она такая, какая есть, и, наверное, набралась этого у отца, она видела, чем они с Лисбет занимаются в сарае, разве мама этого не знала? Тойя увидела, как изменилось мамино лицо, не потому что мать поверила, а потому что дочь теперь ни перед чем не остановится, чтобы сделать им больно. Тогда Тойя завизжала, что всех их ненавидит. Из комнаты с газетой в руке пришел отец. По их лицам Тойя видела: они понимают, что вот теперь она не врет.

Интересно, а сейчас, когда все остались там, да-

леко, она по-прежнему их ненавидит? Этого Тойя не знала. И едет она туда вовсе не из ненависти к «правильным» родителям или сестре, нет, согласилась просто ради забавы. И еще потому, что отказаться от такого предложения было просто невозможно.

Она дала таксисту двести крон и улыбнулась, отказавшись взять сдачу. Несмотря на запах в машине. Только когда такси уехало, до нее дошло, почему шофер так на нее смотрел. Пахло не от него, а от нее.

— Проклятье!

Она чиркнула ковбойским сапогом по краю тротуара — там появилась коричневая полоска. Она поискала глазами лужу, но их в Осло не было уже недель пять. Махнув на все рукой, она подошла к двери и позвонила.

— Да?

— Это Венера, — мурлыкнула она и про себя улыбнулась.

— А это Пигмалион, — ответил голос.

Вот, точно!

Домофон на входной двери заурчал. Тойя на секунду замешкалась — последняя возможность к отступлению. Она решительно откинула волосы назад и открыла дверь.

Он ждал ее у входа в квартиру с бокалом в руке.

— Ты сделала, как я просил? Никому не сказала, что едешь сюда? — спросил он.

— Да ты что, с ума сошел? — Она закатила глаза.

— Возможно. — Он распахнул дверь. — Заходи, познакомишься с Галатеей.

Она рассмеялась, хоть и не поняла, о чем он. Рассмеялась, хоть и почувствовала, что вот-вот случится что-то ужасное.

Харри припарковался чуть ниже по Марквейен, заглушил мотор и вышел из машины. Прикурил сигарету и посмотрел вокруг. Людей на улицах не было, казалось, все попрятались по домам. Невинные белоснежные облака успели превратиться в тучи и укрыть небо свинцово-синим одеялом.

Он прошел мимо стен, изукрашенных граффити, и остановился у входной двери. Отбросил сигарету, от которой остался один фильтр, и позвонил. От этой жары у него потели ладони. Или от страха? Он посмотрел на часы и отметил время.

— Да? — ответил раздраженный голос из домофона.

— Добрый вечер, это Харри Холе.

Нет ответа.

— Из полиции, — добавил он.

— Конечно. Извините, не о том мысли были. Входите.

Дверь открылась, и Харри начал подниматься по длинной, нескончаемой лестнице.

Обе хозяйки встречали его у входа в квартиру.

— Бррр… — поежилась Рута. — Вот-вот начнется.

Харри остановился перед ними на лестничной клетке.

— Дождь, — пояснила «Тронхеймский орел».

— Ах да. — Харри отер ладони о брюки.

— Чем мож-п-мочь, Холе?

— Помогите поймать велокурьера-маньяка, — сказал Харри.

Тойя свернулась в постели калачиком и смотрела на свое отражение в зеркальной двери, снятой со шкафа и приставленной к стене. Она слышала шум воды в душе этажом ниже. Он смывал ее с себя. Тойя повернулась. Матрац мягко обволакивал тело. Она взглянула на фотографию: они улыбались в камеру. Это была какая-то поездка, возможно во Францию. Она провела рукой по прохладному одеялу. Его тело тоже было холодным. Холодным, твердым и мускулистым, вовсе

не старым. В особенности ягодицы и ляжки. Он сказал, что это потому, что когда-то танцевал. Тренировал мышцы в течение пятнадцати лет, и они никуда уже не денутся.

Тойя посмотрела на его брюки на полу, на черный ремень.

Пятнадцать лет. Никуда уже не денутся.

Она перевернулась на спину, забралась на кровати чуть выше, чувствуя, как перекатывается вода по внутренней стороне резинового матраца. Теперь все будет по-другому. Тойя будет умницей. Послушной. Совсем как хотели папочка с мамочкой. Она стала Лисбет.

Тойя прислонилась головой к стене, а тело все глубже погружалось в матрац. Вот что-то ткнуло ей между лопаток. Ей казалось, она лежит в лодке на реке… Откуда взялась эта мысль?

Вилли спрашивал ее, умеет ли она обращаться с фаллоимитатором. Она пожала плечами. Послушная. Он открыл ящик с инструментами. Она зажмурилась, но все равно видела перед собой полоски света на засыпанном соломой полу амбара. А когда почувствовала что-то во рту, на вкус оно оказалось словно силос. Но она ничего не сказала. Умница.

Такой же умницей она была, когда Вилли учил

ее говорить и петь, как сестра. Ходить и улыбаться, как она. Он дал гримеру фотографию Лисбет и объяснил, что хочет, чтобы Тойя выглядела именно так. Единственное, чего она не научилась делать, — так это смеяться, как Лисбет, и Вилли попросил ее не смеяться. Иногда ей было не совсем ясно, в чем дело: в роли Элизы Дулитл или в отчаянной тоске Вилли по Лисбет. А сейчас она лежала здесь. Возможно, здесь дело тоже было в Лисбет — для него и для нее. Как там говорил Вилли? Порок стремится достичь дна?

Что-то снова ткнуло ей между лопаток, и Тойя недовольно заерзала.

Сама она, откровенно-то признаться, не слишком тосковала по сестре. Не то чтобы она была меньше остальных потрясена ее исчезновением, но оно открывало для нее новые двери. У нее взяли интервью, а группе «Спиннин Уил» предложили неплохие деньги за серию концертов в память Лисбет. И конечно, эта роль в мюзикле, которая обернулась таким успехом. Когда они праздновали премьеру, Вилли сказал, что теперь ей нужно только научиться быть знаменитостью. Звездой. Дивой. Она сунула руку за спину. Что там мешает? Ничего не нащупала. Через какое-то время вновь словно кто-то дотронулся до нее.

Надо выяснить.

— Вилли?

Она хотела было крикнуть погромче, чтобы перекричать душ, но вспомнила строгий наказ Вилли не повышать голос. Сегодня у нее выходной, но все остальные дни недели ей придется петь каждый вечер. Когда она пришла, он и вовсе попросил ее молчать, хотя до того собирался отрепетировать с нею пару сцен, которые на премьере получились хуже остальных, и даже попросил нанести грим, чтобы для лучшего эффекта быть похожей на Элизу.

Тойя стянула простыню, под ней ничего не оказалось, лишь синий полупрозрачный резиновый матрац. Что же тогда выпирало? Она провела по матрацу рукой. Что-то было под резиной, но ей ничего не было видно. Она потянулась к лампе на ночном столике, включила ее и повернула в сторону матраца. Неровность исчезла. Она положила ладонь на то место, где она была, и стала ждать. Когда она появилась снова, Тойя поняла, что внутри матраца есть какой-то предмет, который тонет, если на него нажать, а потом снова всплывает. Она убрала руку.

Вначале она увидела только контур, который проявился на резине. Словно чей-то профиль.

Нет, не словно! Это был чей-то профиль. Тойя легла на живот, затаила дыхание. Теперь она чувствовала: там, в матраце было тело, которое выталкивающая сила тянула наверх, когда сила притяжения тянула ее собственное тело вниз — словно два человека пытались стать одним. Возможно, так и получилось бы, потому что Тойе казалось, что она смотрится в зеркало.

Теперь ей захотелось кричать, сорвать голос и больше не быть послушной. И умницей тоже. Захотелось снова стать Тойей, но сделать этого она не могла. Она могла только вглядываться в бледно-голубое лицо своей сестры, которое смотрело на нее глазами без зрачков, и слышать, как шумит душ — словно помехи по телевизору — и как сзади нее на пол падают капли, давая понять, что Вилли больше не в душе.

— Не может быть, чтобы это был он, — сказала Рута. — Это… это… не вяжется.

— В последний раз, когда я был здесь, вы говорили, что у вас появлялись мысли о том, чтобы перелезть к Барли по крыше и пошпионить, — напомнил Харри, — потому что дверь на его террасу все лето стоит распахнутой. Вы в этом уверены?

— Ну да. Но разь-не проще прост-п-звонить? — спросила «Тронхеймский орел».

Харри покачал головой:

— Он сразу заподозрит неладное. А упустить его мы не можем. Мне обязательно нужно взять его сегодня вечером, если уже не слишком поздно.

— Позн-ля ч-во? — спросила «Тронхеймский орел», прищурив один глаз. — У вас, н-деюсь, с собой ордер или что-то тип-того?

Харри покачал головой:

— У меня оправданное подозрение. Ордер не требуется.

Над головой Харри тихо, словно предостерегая, громыхнул гром. Водосточный желоб на крыше был покрашен в желтый цвет, но уже давно покрылся обширными рыжими пятнами. Харри схватился за него обеими руками и осторожно проверил на прочность. Желоб жалобно скрипнул, из стены вылез винт и со звоном упал во внутренний двор. Харри отпустил желоб и выругался. Но выбора нет. Он поднялся на перила балкона и подтянулся. Посмотрев вниз, он непроизвольно затаил дыхание. Сушившаяся внизу простыня казалась не больше почтовой марки, которая случайно вылетела из окна.

Оттолкнувшись ногами, он оказался на крыше. Хотя та была крутой, сцепление между черепицей и мощными подошвами ботинок «Доктор

Мартенс» было достаточным, чтобы пройти два шага до трубы, которую он обнял, как дорогого сердцу человека. Потом выпрямился и посмотрел вокруг. Над Несоддланном сверкнула молния, поднявшийся ветер начал трепать пиджак. Харри вздрогнул, когда перед самым его лицом пронеслась черная тень. Тень покружила и нырнула вниз. Ласточка. Харри успел увидеть, как она нашла прибежище под крышей.

Он вскарабкался на верх крыши, заметил метрах в пятнадцати черный флюгер и, раскинув руки, как канатоходец, пошел по коньку.

На половине пути случилось непредвиденное.

Харри услышал шум, который поначалу принял за шелест листьев на деревьях внизу. Шум становился сильнее, и рама для сушки белья во дворе начала вращаться и визгливо скрипеть. Пока Харри не ощущал особого ветра, но сейчас сильный порыв ударил ему в грудь, и он, отступив на шаг, несколько мгновений стоял, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Сзади застучали по черепице чьи-то быстрые шаги — дождь! Великий потоп. Раскат грома — и в ту же секунду вода была повсюду. Время сушки закончилось. Харри пытался удержать равновесие, но он словно балансировал на куске мыла. Подошвы

скользили, и он в отчаянии подался в сторону флюгера, протягивая к нему руки, растопырив пальцы. Правая рука царапнула мокрую черепицу в поисках, за что бы зацепиться, но ничего не нашла. Сила притяжения взяла свое, и ногти лязгнули по крыше, словно коса о точильный камень, — Харри заскользил вниз. Он услышал, как затих визг рамы во дворе, почувствовал коленями водосточный желоб и понял, что край уже совсем близко. Он вытянулся в отчаянной попытке ухватиться за какую-нибудь антенну. Удалось. Левой рукой. Антенна изогнулась, угрожая переломиться и сбросить его во двор, но выдержала.

Харри схватился за антенну обеими руками и подтянулся. Подобрал под себя ноги и изо всех сил прижал резиновые подошвы к черепице. Дождь злобно хлестал по лицу, но Харри все же добрался до конька, сел на него, вытянув ноги по скатам крыши, и отдышался. Антенна внизу сложилась чуть ли не пополам — кому-то сегодня придется сильно постараться, чтобы посмотреть вечером «Такт за тактом».

Дождавшись, пока сердце успокоится, Харри поднялся и неуверенно продолжил свой путь, пока не обнялся с флюгером.

Терраса Барли была врезана в крышу, и он с

легкостью спрыгнул на терракотовую плитку. Звук брызг от его прыжка не был слышен на фоне шума и плеска воды в переполненном водосточном желобе.

Стульев на террасе не было. В углу стоял черный и холодный гриль. Но дверь на террасу оставалась открытой.

Харри подобрался к ней и прислушался.

Сначала он слышал только, как дождь барабанит по крыше, но, когда осторожно переступил порог и проник в квартиру, до ушей донесся другой звук. Тоже вода, но в ванной на нижнем этаже. Душ. Ну, хоть сейчас повезло. Харри нащупал шпатель в кармане насквозь мокрого пиджака. Голый и невооруженный Барли — куда более радужная перспектива, нежели вооруженный, если, конечно, у Вилли еще оставался пистолет, который Свен в субботу доставил во Фрогнер-парк.

Дверь в спальню была распахнута. Рядом с постелью лежал короткий саамский нож из ящика для инструментов. Харри подкрался к двери и заглянул внутрь.

В комнате было полутемно, единственным источником света была лампа на ночном столике. Харри встал в ногах кровати и первым делом

взглянул на стену, где висел портрет улыбающихся Лисбет и Вилли во время их свадебного путешествия. Они стояли на фоне величественного старинного здания и конной статуи. Теперь Харри знал, что это не Франция. Свен сказал, что каждый мало-мальски образованный человек должен узнать статую всенародно любимого чешского героя Вацлава[30] перед Национальным музеем на Вацлавской площади в Праге.

Привыкнув к полумраку, Харри перевел взгляд на кровать — и обмер: перестал дышать и застыл неподвижно, как снеговик. Одеяло валялось на полу, простыня была наполовину стянута, так что был виден кусок синего матраца. На постели спиной вверх лежал голый человек, слегка приподнявшись на локтях и глядя на светлое пятно от настольной лампы.

Дождь дал последнюю дробь по крыше и резко закончился. Человек на кровати, очевидно, не слышал, как Харри вошел в комнату, но тут возникла проблема. Обычная проблема для снеговика в июле. С него начало капать. Вода тихонько

---

[30] Примечания: 30

Св. *Вацлав* (Вячеслав) Пржемыслович — король Чехии (в 907–935, по другим источникам — 936). Ревностно вводил христианство. Убит своим братом-язычником Болеславом. День св. Вацлава — национальный праздник в Чехии.

струилась с пиджака на пол — Харри этот звук казался громче канонады.

Человек на кровати насторожился и обернулся. Сначала повернул голову, потом все свое голое тело.

Первым, на что Харри обратил внимание, был возбужденный половой орган, качающийся туда-сюда как метроном.

— Ох ты! Харри! — воскликнул Вилли Барли одновременно с испугом и облегчением.

Глава 41
Понедельник. Хеппи-энд

— Спокойной ночи.

Ракель поцеловала Олега в лоб и тщательно укутала в одеяло. Потом спустилась вниз, села на кухне и стала смотреть на дождь за окном.

Ей нравилось, когда идет дождь. Воздух становился чище. Смывалось все старое. Обновление — вот что нужно. Начать сначала.

Она подошла к входной двери и удостоверилась, что та заперта. В третий раз за вечер. Чего, собственно говоря, она боится?

Включила телевизор. Шла какая-то музыкальная передача. Трое сидели за одним роялем и улыбались друг другу. «Как маленькая семья», — подумала Ракель.

Воздух разорвало ударом грома, и она вздрогнула.

— Как ты меня напугал! — Вилли Барли покачал головой, и его детородный орган повторил то же движение.

— Могу предположить, — сказал Харри. — Я же вошел через террасу.

— Нет, Харри. Не можешь.

Вилли перегнулся через край постели и, подобрав с пола одеяло, укутался.

— А я-то думал, ты в душе.

Вилли покачал головой и сделал неопределенную гримасу:

— Не я.

— А кто?

— У меня посетитель… ница. — Он с ухмылкой кивнул на стул, на котором лежали замшевая юбка, черный лифчик и чулок с эластичным краем. — Одиночество делает нас, мужчин, слабее. Не так ли, Харри? Мы ищем утешение там, где можем его найти. Одни — в бутылке. Другие… — Вилли пожал плечами. — Мы ведь сознательно допускаем ошибки, разве нет? И конечно, Харри, совесть у меня нечиста.

Глаза Харри привыкли к полумраку, и он заметил на щеках Вилли мокрые полоски от слез.

— Харри, обещай, что никому не расскажешь. Это был неверный шаг.

Харри подошел к стулу, перекинул одинокий чулок через спинку и сел.

— А кому я могу это рассказать, Вилли? Твоей жене?

Комнату внезапно осветило молнией, вслед за

этим донеслись раскаты грома.

— Так зачем ты пришел?

— Думаю, ты знаешь, Вилли.

— Скажи уж.

— Мы пришли забрать тебя.

— Почему «мы»? Ты ведь один.

— С чего ты взял?

— Твой взгляд. Движения. Я знаю людей, Харри. Ты проникаешь ко мне, стараясь сделать это незаметно и неожиданно. Когда охотятся стаей, так не поступают, Харри. А почему ты один? Где остальные? Кто-нибудь знает, что ты здесь?

— Это не важно. Допустим, я один. Все равно ты предстанешь перед судом за убийство четырех человек… — Вилли приложил палец к губам, словно обдумывая услышанное, пока Харри называл имена: — Мариус Веланн, Камилла Луен, Лисбет Барли, Барбара Свендсен.

Некоторое время Вилли смотрел в никуда. Потом медленно кивнул и отнял палец от губ:

— Как ты догадался, Харри?

— Понял, зачем все это делалось. Из ревности. Ты ведь хотел отомстить им обоим? Когда узнал, что Лисбет встречалась со Свеном Сивертсеном, когда вы ездили в свадебное путешествие в Прагу.

Вилли закрыл глаза и запрокинул голову. Матрац булькнул.

— Я не сразу понял, что ваша с Лисбет фотография была сделана в Праге, но сегодня мне по почте пришла другая пражская фотография — с той же статуей.

— И тогда все стало ясно?

— Ну… Поначалу я отогнал от себя эту версию как абсурдную. Потом в ней начал прослеживаться здравый смысл — насколько это понятие вообще применимо к таким бредовым поступкам. Оказалось, велокурьер-убийца вовсе не сексуальный маньяк. Он разыграл целую пьесу, чтобы преступления выглядели серией, а убийцей сочли Свена Сивертсена. Только один человек мог поставить такой спектакль — профессионал. Человек, для которого театр — работа и страсть.

Вилли открыл один глаз:

— Если я правильно понял, ты полагаешь, что этот человек решил убить четверых, чтобы отомстить одному?

— Из пяти указанных жертв только трое были выбраны случайно. Ты устроил все так, чтобы казалось, будто места преступлений определила случайно нарисованная пентаграмма. Но на самом деле пентаграмма чертилась, исходя из двух

имеющихся точек, — твой собственный адрес и дом матери Свена Сивертсена. Хитро, но геометрия тут простая.

— Ты и вправду веришь в эту свою версию, Харри?

— Свен Сивертсен никогда не слышал ни о какой Лисбет Барли, но он сразу вспомнил ее, когда я обмолвился, что девичья фамилия Лисбет — Харанг.

Вилли молчал.

— Единственное, чего я не понимаю, — заметил Харри, — зачем было так долго ждать, прежде чем отомстить?

Вилли плавно сел в постели.

— Начну с того, Харри, что я не понимаю, к чему все твои инсинуации. Стоило бы мне признаться, и мы с тобой оба волей-неволей могли бы оказаться в сложной ситуации. Но коль скоро мне повезло и я знаю, что ты ничего не сможешь доказать, буду даже рад с тобой поболтать. Ты знаешь, я ценю людей, которые умеют слушать. — Харри нервно поежился, а Вилли продолжал: — Да, Харри, я в курсе, что у Лисбет был роман с этим человеком, но узнал я про него только этой весной.

На улице снова пошел дождь, капли мягко застучали в окно.

— Она сама рассказала?

Вилли покачал головой:

— Она бы никогда этого не сделала. В ее семье все молчуны. Вот только однажды я подумал, что мы затянули с отделкой квартиры. В тот же день я нашел письма.

— Вот как…

— Задняя стена в ее комнате не оштукатурена — голая кладка столетней давности, с тех пор как дом построили. Выглядит солидно, но зимой ужасно холодно. Я хотел покрыть ее панелями изнутри, но Лисбет была против. Это мне показалось удивительным: ведь она — женщина практичная, выросла в деревне и не стала бы капризничать из-за старой стены. Поэтому однажды, дождавшись, когда она уйдет, я решил обследовать стену, но ничего не нашел. Пока не отодвинул в сторону ее стол. Стена как стена, но я простучал каждый кирпичик, и один из них поддался. Я вынул его: в тайнике за ним оказалось два письма. Одно было отправлено Лисбет Харанг на незнакомый мне адрес. Сначала мне захотелось положить письма обратно, не читая. Но я человек слабый, я не утерпел. «Любовь моя, я постоянно думаю о тебе. До сих пор ощущаю поцелуи твоих губ, прикосновение твоего те-

ла…» — так начиналось его письмо.

Матрац снова булькнул.

— Эти слова ожгли меня плетью, но я продолжал читать. Удивительно, но казалось, будто каждое слово в этом письме написано мною. Закончив описывать, как громко они предавались утехам, он перешел к подробностям: что они вытворяли друг с другом в гостиничном номере в Праге. Но больше меня ранило не описание половых актов, а цитаты ее высказываний касательно наших с нею отношений. Оказывается, для нее это было всего лишь «практичное решение жизни без любви». Можешь себе представить, Харри, каково это чувствовать? Когда понимаешь, что женщина, которую ты любишь, не только предала тебя, но никогда тебя не любила. Не быть любимым — не означает ли это, что вся жизнь прошла впустую?

— Нет, — ответил Харри.

— Нет?

— Будь добр, продолжай.

Вилли пристально посмотрел на Харри.

— В конверт он вложил свою фотографию: наверное, в предыдущем письме она умоляла ее прислать. Я узнал его. Это был норвежец, которого мы встретили в кафе на Перловой — весьма со-

мнительной улице Праги, где полно проституток и более или менее замаскированных борделей. Когда мы вошли, он сидел у стойки. Я обратил на него внимание, потому что он выглядел как модель фирмы «Босс» — солидный и стильный мужчина, элегантно одет и уже в возрасте. Но с такими молодыми, игривыми глазами, которые больше всего нравятся женщинам. Я не особенно удивился, когда через некоторое время этот мужчина подошел к нашему столику, представился по-норвежски и предложил купить у него подвеску. Я вежливо отказался, но он все равно достал ее из кармана и показал Лисбет. Она, разумеется, начала вздыхать и говорить, как ей понравилось украшение, — красный бриллиант в форме пятиконечной звезды. Когда я спросил, сколько он хочет за подвеску, он заломил такую цену, что я посчитал это безумием и попросил его уйти. Улыбаясь как победитель, он написал на бумажке адрес другого кафе и сказал, что мы сможем встретить его там в то же время, если вдруг передумаем. Бумажку он, разумеется, подал Лисбет. Я помню, что полдня после этого ходил в плохом настроении, но потом все забылось. Лисбет умеет избавлять от ненужных мыслей. Умела… — Вилли провел пальцем по щеке. — Од-

ним своим присутствием.

— Хм… А что было в другом письме?

— Это было ее письмо, которое она отправила ему, но на почте поставили штамп: «Вернуть адресанту». Она писала, что пытается отыскать его всеми возможными способами, но по телефону, который он ей дал, никто не отвечает, а в пражской справочной новый номер не зарегистрирован. Она писала, что надеется, письмо все-таки дойдет до него, и спрашивала, не уехал ли он из Праги и разобрался ли с экономическими проблемами, из-за которых ему приходилось занимать деньги у нее.

Вилли хохотнул:

— Если что, она вновь готова помочь, потому что любит его. Больше ни о чем не думает, разлука сводит ее с ума. Она надеялась, что со временем это пройдет, но вместо этого будто отрава разлилась по всему ее телу, и теперь страдает каждая клеточка. А некоторым клеточкам, должно быть, приходилось особенно туго. Потому что, писала она, когда она позволяет своему супругу — то есть мне — заниматься с ней любовью, то закрывает глаза и представляет его на моем месте. Естественно, я был потрясен. Но я просто умер, когда увидел дату на конверте. — Вилли снова

зажмурился. — На штампе значился февраль этого года.

Новая вспышка молнии озарила комнату, и тени, словно призраки, взметнулись на стены.

— Что в таких случаях обычно делают? — спросил Вилли.

— Действительно, а что?

Вилли бледно улыбнулся:

— Не знаю. Я приготовил ей ужин с паштетом из гусиной печени и стаканом сладкого белого вина. Я устелил ее постель розами, и мы любили друг друга ночь напролет. А когда под утро она уснула, я лежал и смотрел на нее. Я знал, что не могу без нее жить, но знал я и другое: чтобы полностью ее обрести, мне сначала нужно ее потерять.

— Значит, тогда ты и начал планировать всю эту постановку? Каким образом убьешь свою жену и одновременно позаботишься о том, чтобы наказание за это понес человек, которого она любит.

Вилли пожал плечами:

— Я подошел к этой работе, как ко всякой другой. А любой сотрудник театра знает, что главное — это иллюзия. Ложь должна быть настолько правдоподобной, что в правду не захочется верить. Возможно, звучит парадоксально, но с моей

профессией быстро понимаешь, что достичь этого куда легче, чем обратного. Люди сильнее привыкли ко лжи, чем к правде.

— Хм… Расскажи, как ты это делал?

— Зачем мне рисковать?

— Все равно я не смогу использовать твои слова в суде. Я не свидетель и в квартиру твою проник незаконным образом.

— Да, но ты умный парень, Харри. Может, я проговорюсь, а вы потом используете это для следствия.

— Может быть. Но мне кажется, тебе самому хочется рискнуть.

— Зачем?

— Затем, что тебе нужно это рассказать. Ты просто сгораешь от нетерпения. Прислушайся сам к себе.

Вилли Барли расхохотался:

— Так ты думаешь, что знаешь меня, Харри?

Харри покачал головой. Он пошарил по карманам в поисках сигарет, не нашел. Наверное, выронил пачку, когда упал на крыше.

— Я тебя не знаю, Вилли. Ни тебя, ни таких, как ты. Пятнадцать лет работаю с убийцами, а наверняка усвоил только одно. Они все ищут, кому бы обо всем рассказать. Помнишь, какое

слово ты с меня взял в театре? Что я найду преступника. Я свое слово сдержал. Хочешь сделку? Ты рассказываешь мне зачем. А я скажу, какие доказательства у меня есть против тебя.

Вилли изучающим взглядом посмотрел на Харри. Провел одной рукой по матрацу — вверх и вниз.

— Ты прав, Харри. Мне хочется рассказать. Вернее, мне хочется, чтобы ты понял. Насколько я тебя знаю, ты, возможно, даже сумеешь понять. Я ведь следил за тобой с самого начала следствия. — Вилли рассмеялся, увидев, как изменилось лицо у Харри. — Не знал, а?

В ответ Харри только пожал плечами.

— Найти Свена Сивертсена оказалось не так-то легко, как я думал, — начал Вилли. — Я сделал копию той фотографии, которую он прислал Лисбет, и поехал в Прагу. Прочесывал кафе и бары на Перловой и на Мустеке: показывал фото и спрашивал, знает ли кто-нибудь норвежца по имени Свен Сивертсен. Впустую. Но было ясно: кое-кто из них знает больше, чем хочет сказать. Через несколько дней я поменял тактику. Я начал спрашивать, кто мог бы раздобыть для меня красные бриллианты, которые, как я слышал, можно достать в Праге. Я выдавал себя за датского

коллекционера драгоценных камней по имени Петер Сандманн и обещал баснословные деньги за бриллиант в форме пятиконечной звезды. Дал адрес своей гостиницы. Через два дня в моем номере зазвонил телефон. Его голос я узнал сразу же, свой постарался изменить, к тому же говорил на английском. Сказал, что сейчас веду переговоры о покупке другого бриллианта, и спросил, могу ли я перезвонить ему вечером — чуть позже. Есть ли у него телефон, по которому я всегда могу с ним связаться? Я слышал, с каким трудом он пытается скрыть свое нетерпение, и подумал, что ничего не будет стоить назначить ему в тот же вечер встречу в каком-нибудь темном переулке. Но я должен был совладать с собой. Как охотник, который держит дичь на мушке, но не стреляет, пока не видит, что попадет наверняка. Понимаешь?

Харри медленно кивнул:

— Понимаю.

— Он дал мне номер своего мобильного. На следующий день я уехал в Осло. Неделю я выяснял всю интересующую меня информацию о Свене Сивертсене. В Национальном регистре значилось двадцать девять Свенов Сивертсенов, девять из них подходили по возрасту, и только у одного не было постоянного места жительства в Норвегии.

Я записал последний известный адрес, выяснил номер в справочной и позвонил. Ответила мне пожилая женщина. Она сказала, что Свен — ее сын, но он не живет у нее уже много лет. Я сказал, что мы с парой его одноклассников по начальной школе решили собрать всех вместе на юбилей. Она сообщила, что он живет в Праге, но много разъезжает, поэтому постоянного адреса и телефона у него нет. Кроме того, она сомневается, что он захочет встретиться с кем-то из одноклассников. Попросила повторить мое имя, но я сказал, что учился с ним в одном классе всего полгода и Свен вряд ли меня запомнил. А если и запомнил, то наверняка потому, что как раз в то время у меня были проблемы с полицией. Кстати, ходили слухи, что у Свена они тоже были. Это правда? Ее голос сразу стал недобрым. Она сказала, что это все было давным-давно, и неудивительно, что Свен так плохо себя вел: мы же так скверно с ним обращались. Я извинился за весь класс, повесил трубку и позвонил в городской суд. Представился журналистом и попросил найти, за что судили Свена Сивертсена. Уже через час у меня была предельно ясная картина, чем он занимается в Праге. Контрабанда бриллиантов и оружия. В моей голове начал созревать план. Я конструировал

его из известных мне деталей. Контрабандист. Пятиконечные бриллианты. Оружие. И адрес его матери. Уже улавливаешь взаимосвязь?

Харри не ответил.

— Я снова позвонил Свену Сивертсену через три недели после того, как уехал из Праги. Я говорил по-норвежски своим обычным голосом, сразу же перешел к делу и сказал, что давно уже ищу человека, через которого мог бы без посредников получать оружие и бриллианты одновременно, и наконец-то нашел его, а именно — Свена Сивертсена. Он спросил, откуда мне известно его имя и телефон. Я ответил, что ему же будет лучше, если я сохраню все в тайне, и предложил не задавать друг другу ненужных вопросов. Ему это не понравилось, и разговор уже вот-вот готов был зайти в тупик, но тут я сказал, сколько готов заплатить за его товары. Деньги вперед, сказал он, и желательно на счет в Швейцарском банке. Он спросил: «Это в кронах?» А я слегка удивленным голосом ответил: «Нет, разумеется, в евро». Я знал, что такая сумма сама по себе исключает возможность того, что я из полиции. Из таких дорогих пушек не палят по воробьям вроде Сивертсена. Тут он согласился. Я обещал перезвонить. Закончил я обдумывать свой план, уже когда шли последние

репетиции мюзикла. Ну, Харри? Пойдет?

Харри покачал головой. Шум воды в ванной не прекращался. Сколько же времени она еще будет принимать душ?

— Мне нужны подробности.

— Это уже технические моменты, — отмахнулся Вилли. — Разве это интересно?

— Мне — интересно.

— Ну хорошо. Первым делом нужно было придумать Свену Сивертсену характер. Раскрывая персонаж перед публикой, главное — показать, какие мотивы им движут, о чем он мечтает, чего хочет. В общем, все, что придает образу живость. Я решил представить его убийцей без рационального мотива, но с сексуальной потребностью ритуальных убийств. Я не скажу ничего нового, но главное было сделать так, чтобы все жертвы — кроме матери Сивертсена — были выбраны будто бы случайно. Я почитал о маньяках и узнал пару занятных деталей, которые решил использовать. Например, связь между маньяком и его матерью или выбор Джеком Потрошителем места преступления, в котором следователи усматривали код. Тогда я пошел в Бюро городского планирования и купил там точную карту центра Осло. Вернувшись домой, я провел линию

от дома на Саннергата до того дома, где живет мать Свена Сивертсена. Исходя из этой линии, я начертил точную пентаграмму и нашел адреса домов, расположенных ближе всего к другим концам звезды. Признаюсь, что чувствовал прилив адреналина, когда, склонившись над картой с карандашом в руке, представлял себе, что здесь — именно здесь — живет человек, чью судьбу я сейчас просто перечеркну. В первые несколько ночей я фантазировал, кем они могли бы оказаться, как могли бы выглядеть и какая жизнь у них была до сих пор. Но я быстро о них забыл, потому что они были не важны, это были эпизодические роли, бессловесные статисты.

— Строительный материал.

— Прошу прощения?

— Ничего. Продолжай.

— Я знал, что по «кровавым» бриллиантам и орудиям убийств вы обязательно найдете Свена Сивертсена. Чтобы усилить иллюзию ритуального убийства, я оставлял подсказки вроде отрезанных пальцев, пятидневных интервалов между убийствами, пяти часов вечера и пятого этажа. — Вилли улыбнулся. — Мне хотелось, чтобы это было не слишком просто, но и не слишком сложно. И немного забавно. В хороших трагедиях

всегда есть юмор, Харри.

Харри приказал себе сидеть смирно и спросил:

— Первый пистолет ты получил за несколько дней до первого убийства — Мариуса Веланна, верно?

— Да. Он лежал в урне во Фрогнер-парке, как и было условлено.

Харри затаил дыхание:

— И каково это, Вилли? Каково это — убивать?

Вилли оттопырил нижнюю губу, словно задумался над ответом:

— Они правы — те, кто говорит, что первый раз самый сложный. Пройти в общежитие не составило труда, а вот заварить пластиковый пакет с трупом оказалось сложнее и дольше, чем я ожидал. Хотя я полжизни носил на руках пышных норвежских балерин, затащить на чердак этого парня оказалось не так-то легко.

Пауза. Харри кашлянул:

— А потом?

— Потом я поехал во Фрогнер-парк, чтобы забрать еще один пистолет и бриллиант. Этот полунемец Свен Сивертсен оказался именно таким жадным аккуратистом, как я и ожидал. А ведь неплохо срежиссировано — сделать так, чтобы во время каждого убийства он оказывался

во Фрогнер-парке? Ведь он как бы совершал преступление и, разумеется, старался, чтобы никто его не заметил и не узнал, где он был. Я просто-напросто заставил его лично позаботиться об отсутствии алиби.

— Браво! — воскликнул Харри и провел указательным пальцем по мокрой брови.

Ему казалось, будто все вокруг стало влажным, словно вода, просачиваясь сквозь крышу и стены, попадала сюда со стороны террасы и ванной комнаты.

— Все, что ты до сих пор мне рассказывал, Вилли, я и сам понял. Поведай мне то, чего я не знаю. Расскажи о своей жене. Куда ты ее дел? Соседи видели, что ты регулярно появляешься на балконе, так как же тебе удалось вынести ее из квартиры до нашего прихода?

Вилли улыбнулся.

— Молчишь… — протянул Харри.

— Чтобы в пьесе осталась хоть какая-нибудь загадка, драматургу полезно хоть иногда промолчать.

Харри вздохнул:

— Хорошо, ну тогда объясни мне хотя бы, для чего нужно было все так усложнять? Почему просто не убить Свена Сивертсена? Такая воз-

можность у тебя в Праге была. Это было бы куда проще и менее опасно, чем убивать трех ни в чем не повинных людей и свою жену в придачу.

— Во-первых, мне нужен был козел отпущения. Если бы Лисбет просто исчезла, все подумали бы на меня. Потому что всегда виноват муж, верно, Харри? Но самая главная причина в том, что любовь — это жажда, Харри. Ей нужно пить, ей нужна вода. «Жажда мести» — красиво сказано, а? Ты понимаешь, о чем я, Харри. Смерть — это не месть. Смерть — это освобождение. Хеппи-энд. А для Свена Сивертсена я хотел подготовить настоящую трагедию, нескончаемое страдание. И у меня получилось. Свен Сивертсен превратился в одну из беспокойных душ, которые бродят по берегу реки Стикс. А я — лодочник Харон, который отказывает им в переправе на другой берег, в царство мертвых. Или для тебя греческая мифология — что китайская грамота, Харри? Я приговорил его к жизни. Пусть она поглотит его так, как поглотила меня. Когда испытываешь ненависть, не зная адресата, в итоге направляешь ее на самого себя и свою проклятую судьбу. Так случается, когда тебя предает любимый человек. Но каково всю жизнь провести в заточении, когда тебя осудили за то, чего ты не совершал? Найдется ли месть

лучше, Харри?

Харри еще раз нащупал в кармане шпатель.

Вилли коротко рассмеялся. Следующая фраза явно была цитатой:

— Не отвечай, Харри, по тебе и так видно.

Харри закрыл глаза. Голос Вилли продолжал:

— Ты ничем от меня не отличаешься. Тобою тоже движет порок, а порок всегда стремится достичь…

— …дна.

— Да, нижней точки. Кажется, теперь твоя очередь, Харри. Что там у тебя за доказательства? Что-то, что может причинить мне беспокойство?

Харри открыл глаза:

— Сначала скажи мне, где она, Вилли.

Вилли тихо рассмеялся и приложил руку к сердцу:

— Она здесь.

— Бред, — отрезал Харри.

— Если Пигмалион мог полюбить Галатею, статую женщины, которую он никогда не видел, почему я не могу любить статую моей супруги?

— Я тебя не понимаю, Вилли.

— И не обязательно, Харри. Знаю, другим это понять сложно.

Он замолчал, и Харри услышал, что вода в душе

продолжает литься с прежней силой. Как же он мог избавиться от трупа, чтобы никто этого не заметил?

В звуки льющийся воды снова вплелся шепот Вилли:

— Моя ошибка была в том, что я верил в возможность снова пробудить статую к жизни, а женщина, которая могла это сделать, не захотела понять, что иллюзия сильнее, чем то, что мы называем реальностью.

— О ком ты сейчас говоришь?

— О другой, живой Галатее, о новой Лисбет. Она испугалась и могла все испортить. Теперь я вижу: мой удел — жить со статуей. Но и это прекрасно.

Харри всей влажной кожей чувствовал какую-то неприятность.

— Ты когда-нибудь трогал статую, Харри? Это не передать словами. Кожа мертвого человека не теплая, но и не совсем холодная.

Вилли погладил синий матрац.

Ощущение дискомфорта сковало Харри холодом. Словно ему сделали инъекцию ледяной воды. Когда он заговорил, слова давались ему с трудом:

— Тебе больше нечего сказать?

Вилли вытянулся в постели:

— Странные вопросы ты задаешь, Харри. Я закончил свою историю, а где твои доказательства?

Он протянул руку и взял что-то с ночного столика. Предмет сверкнул металлическим блеском, и Харри замер. Вилли поднял его выше. Наручные часы.

— Уже поздно, Харри. Думаю, визит пора заканчивать. Ничего, что она так и не появилась из душа до твоего ухода?

Харри продолжал сидеть.

— Найти преступника — только половина обещания, которое ты взял с меня, Вилли, — сказал он. — Другая половина — что я должен наказать его. Сурово. Мне кажется, ты просил от чистого сердца. Ведь где-то в глубине души ты жаждешь наказания, разве нет?

— Время Фрейда уже прошло, Харри. Как и твое, впрочем.

— Так тебе не хочется послушать доказательства?

Вилли с явным раздражением вздохнул:

— Если после этого ты уйдешь, прошу.

— Мне следовало обо всем догадаться, когда палец Лисбет с перстнем пришел по почте. Средний палец левой руки. Vena amoris. Преступник сооб-

щил, чьей любви хотел бы добиться. Парадокс, но именно палец на тебя и указал.

— Указал?

— Вернее, экскременты, найденные под ногтем.

— С моей кровью. Ну да. Это старая новость, Харри, и я уже объяснял, что нам нравилось…

— Да-да. Когда мы это узнали, экскременты больше не исследовали. Все равно там не найдешь ничего интересного. Путь от ротовой полости до прямой кишки занимает от двенадцати до двадцати четырех часов, и за это время желудок и кишечник превращают еду в неопределенные биологические отходы. Даже под микроскопом сложно распознать, что человек ел. Но кое-что все-таки проходит через пищеварительный тракт целым и невредимым, а именно семена…

— Харри, можно сделать лекцию покороче?

— Мы нашли зернышко. Ничего особенного. Поэтому я только сегодня, уже узнав возможную личность преступника, попросил провести лабораторный анализ семечка. И знаешь, что выяснилось?

— Без понятия.

— Это цельное зерно фенхеля.

— И что?

— Я переговорил с шеф-поваром «Театрального кафе». Ты оказался прав, заявляя, что больше нигде в Норвегии не готовят хлеб с цельными фенхелевыми зернами. Как нельзя лучше подходит…

— …к сельди, — закончил Вилли. — Которую, как ты знаешь, я там заказываю. Ну и что?

— Ранее ты заявлял, что в ту среду, когда пропала Лисбет, ты, как обычно, позавтракал сельдью в «Театральном кафе». Утром, где-то между девятью и десятью. Удивительно, как семечко успело попасть из твоего желудка под ноготь Лисбет.

Он сделал паузу, чтобы убедиться, что Вилли усвоил эту порцию рассуждений.

— Ты сказал, что из квартиры Лисбет вышла около пяти, то есть примерно через восемь часов после твоего завтрака. Допустим, перед самым ее выходом вы занимались сексом. Но как бы эффективно ни работал твой кишечник, он не успел бы за восемь часов доставить фенхелевое зернышко в прямую кишку. Это физиологически невозможно.

Вилли слушал с открытым ртом. Харри заметил, как дернулось его лицо при слове «невозможно».

— Самое раннее, когда это зернышко могло там оказаться, — девять вечера. Стало быть, палец

Лисбет побывал в тебе вечером, ночью или на следующий день — уже после того, как было заявлено об исчезновении. Понимаешь, о чем я, Вилли?

Тот смотрел на Харри. Вернее, в его направлении, поскольку взгляд был устремлен гораздо дальше.

— Это мы называем вещественным доказательством, — сказал Харри.

— Понимаю, — кивнул Вилли. — Конкретный и неопровержимый факт?

— Именно.

— Судье и присяжным такое, наверное, нравится? Даже лучше, чем признание, а, Харри?

Полицейский кивнул.

— Фарс, Харри. Я задумывал это как фарс, где актеры появляются и уходят через двери. Я позаботился о том, чтобы соседи видели, что мы сидим на террасе, перед тем как завести Лисбет в спальню. Там я достал пистолет из ящика с инструментами, и она, широко раскрыв глаза, — да-да, совсем как в фарсе! — посмотрела на ствол с глушителем.

Вилли вынул руку из-под одеяла. Харри увидел в ней пистолет. С черной шишкой, навинченной на дуло. Пистолет был направлен в его сторону.

— Присядь, Харри.

Харри сел на стул, чувствуя, как острый шпатель уткнулся ему в бок.

— Она не понимала самого комичного. Разумеется, тут должна была быть поэзия. Тут должен был быть половой акт, при котором я бы забил горячий свинец туда, куда обычно извергал семя. — Вилли встал с постели, та булькнула и заколыхалась. — Но фарс требует стремительности. И мне пришлось сочинить быструю развязку.

Голый, он встал перед Харри и поднял пистолет:

— Я направил дуло на ее лоб, который она сморщила от удивления, как делала это, когда считала, что мир несправедлив или просто непонятен. Как в тот вечер, когда я рассказал ей о пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион», на которой основывался мюзикл «Моя прекрасная леди». Там Элиза Дулитл выходит замуж не за профессора Хиггинса, который из уличной девчонки превратил ее в образованную мадемуазель, а за молодого Фредди[31]. Лисбет была вне себя: она считала, что Элиза всем обязана профессору, а Фредди — неинтересный и ничтожный человек.

---

[31] Примечания: 31

Об этом говорится в Послесловии к пьесе.

Знаешь, Харри, я начал плакать.

— Ты псих, — прошептал Харри.

— Очевидно, — серьезно согласился Вилли. — То, что я сделал, чудовищно. Здесь не хватает того самообладания, которое можно встретить у людей, движимых ненавистью. А я обычный человек, следующий движениям сердца. А оно призывало меня к любви — той самой, которая Божий дар, которая превращает нас в Божьи орудия. Разве пророков и Христа при жизни не считали безумцами? Конечно, Харри, мы безумны. Безумны, зато чище всех в этом мире. Когда люди скажут, что то, что я сделал, — сумасшествие и у меня нет сердца, я спрошу в ответ: «У кого же в действительности нет сердца? У того, кто не может убить свою любовь? Или у того, кто любим, но не умеет любить в ответ?»

Последовала долгая пауза.

Харри откашлялся:

— Так ты ее застрелил?

Вилли легко кивнул.

— У нее во лбу появилась маленькая ранка, — сказал он с каким-то удивлением в голосе. — Потом — черная дырочка, будто ее прокололи гвоздем.

— А потом ты решил ее спрятать. В единствен-

ном месте, где ее наверняка не нашла бы даже полицейская собака.

— В квартире было жарко. — Вилли смотрел поверх его головы. — О стекло билась муха. Я снял с себя всю одежду, чтобы не запачкать ее кровью. Нужные инструменты лежали в ящике. Кусачками я отрезал ей средний палец на левой руке, раздел ее, достал пульверизатор с силиконовой пеной и заделал пулевое отверстие, рану на месте пальца и все остальные отверстия в ее теле. С утра я уже спустил матрац, и теперь он был наполнен водой лишь наполовину. Я почти ни капли не пролил, когда засовывал ее внутрь через проделанную прорезь, и заделал шов с помощью клея, резины и сварочного пистолета. Это оказалось легче, чем в первый раз.

— И с тех пор она лежит там? Погребенная в собственной постели?

— Нет-нет, — возразил Вилли, продолжая смотреть мимо Харри. — Я не хоронил ее, скорее, вернул в утробу. Это стало началом обновления.

Харри понимал, что самое время испугаться, не бояться уже опасно. Лучше будет, если в горле у него сейчас пересохнет, а сердце забьется в бешеном темпе, но вместо этого он ощущал только усталость.

— А отрезанный палец ты запихнул себе в анус? — уточнил Харри.

— Хм, лучше места не найти. Я же знал, что вы придете с собакой.

— Можно было найти и другой тайник, погерметичнее. Дело, наверное, в твоем извращенном понятии об удовольствии? Куда, например, подевался палец Камиллы Луен, который ты отрезал до того, как убить ее?

— Камилла, да… — Вилли кивнул, улыбаясь так, словно для него это было приятным воспоминанием. — Пусть это останется нашей с нею тайной, Харри.

Он снял оружие с предохранителя.

— Отдай пистолет, Вилли. — Харри сглотнул. — Все кончено. Этим ты ничего не добьешься.

— Разумеется, добьюсь.

— Чего же, позволь спросить?

— Того же, чего и всегда, Харри. Произведение закончится как надо. Неужели ты думаешь, что публике понравится, если я вот так просто дам себя арестовать и увести? Нужен грандиозный финал, Харри. Хеппи-энд. Если пьеса кончается плохо, я сам придумываю счастливый конец. Это…

— …девиз моей жизни, — прошептал Харри.

Вилли улыбнулся и приставил пистолет ему ко лбу.

— Я хотел сказать: «Девиз твоей смерти».

Харри закрыл глаза. Ему хотелось одного — заснуть и, покачиваясь, поплыть по реке. На другой берег.

Ракель вздрогнула и открыла глаза.

Ей снился Харри. Они плыли в лодке.

В спальне царил полумрак. Ей только послышалось или действительно что-то случилось?

Дождь успокаивающе барабанил по крыше. На всякий случай она проверила, включен ли мобильный телефон на ночном столике. Вдруг он позвонит?

Она снова закрыла глаза и поплыла дальше.

Харри уже не ощущал времени. Когда он открыл глаза, свет в пустой комнате будто бы падал по-другому. Харри не знал, секунда прошла или минута.

Постель была пуста. Вилли исчез.

Вернулись звуки воды. Дождь. Душ.

Харри, покачиваясь, поднялся и посмотрел на синий матрац. По спине пробежали мурашки. При свете настольной лампы он увидел под резиной контуры человеческого тела, очертания

лица выпирали на поверхности, словно гипсовая маска.

Харри вышел из спальни. Дверь на террасу по-прежнему была распахнута. Он подошел к перилам и посмотрел во двор. Потом, оставляя мокрые следы на белых ступенях, спустился на нижний этаж. Открыл дверь в ванную. На фоне душевой перегородки вырисовывался женский силуэт. Харри дернул перегородку в сторону и увидел Тойю Харанг. Она стояла, вернее, висела, уронив голову на грудь. Шея была привязана черным чулком к душевой лейке, с длинных опущенных ресниц капала вода. Приоткрытый рот заполняла какая-то желтая масса, напоминающая застывшую пену. Ею же оказались забиты ноздри и маленькая дырочка в виске.

Он выключил воду в душе и вышел.

На лестнице никого не было.

Харри ступал осторожно, своего тела он почти не чувствовал, как будто оно превратилось в камень.

Бьярне Мёллер.

Нужно позвонить Бьярне Мёллеру.

Он вышел во внутренний двор. Накрапывал дождь, но Харри не чувствовал и его. Скоро он совсем окоченеет. Рама для сушки белья больше

не скрипела, но он этого не замечал. Он искал на асфальте желтую пачку. Нашел, достал сигарету, попытался прикурить, но оказалось, что кончик сигареты намок. В пачку попала вода.

Позвонить Бьярне Мёллеру. Пусть приедут сюда, затем они с Мёллером отправятся в общежитие, запишут на пленку показания Свена Сивертсена против Тома Волера. Он услышит, как Мёллер отдаст приказ об аресте Волера, и со спокойным сердцем поедет домой. К Ракели.

Рама для сушки была у него за спиной.

Он выругался, разломил сигарету пополам и снова попытался прикурить. Что это он так нервничает? Ведь все уже закончилось. Все.

Он обернулся к раме для сушки белья.

Из двух пластиковых шнуров, на которых повесился Вилли, выдержал только один. Барли висел, вытянув руки по бокам, волосы прилипли к лицу, а взгляд был направлен вверх, словно в молитве. Харри вздрогнул от мысли, что зрелище это — на удивление красивое. Голое тело, задрапированное мокрой простыней, больше всего напоминало фигуру на носу галеона. Вилли сделал, что хотел, — потрясающий финал.

Харри вынул из кармана мобильник и ввел PIN-код. Пальцы не слушались. Сейчас. Харри набрал

номер Бьярне Мёллера и уже собирался нажать кнопку вызова, но телефон вдруг зазвонил. Харри вздрогнул. Ему захотелось отбросить его. На экране отобразилось голосовое сообщение. Ну и что? Аппарат не его. Он замешкался. Внутренний голос шептал ему, что сначала нужно позвонить Мёллеру. Он закрыл глаза и нажал на кнопку.

Женский голос известил, что у него одно сообщение. Послышался гудок. Несколько секунд тишины. Потом шепот: «Привет, Харри. Это я».

Том Волер.

«Ты выключил телефон, Харри. Неумно. Потому что мне нужно с тобой поговорить, как ты сам понимаешь».

Произнося это, Том держал трубку так близко ко рту, что Харри казалось, будто он шепчет ему в самое ухо.

«Извини за шепот, но нам ведь не хочется его будить? Угадай, где я сейчас? Наверное, угадаешь. Возможно, ты даже это предвидел».

Харри затянулся сигаретой, не обращая внимания на то, что она не тлеет.

«Здесь темновато, но я вижу над кроватью плакат футбольной команды. Поглядим. «Тоттнем»? А на ночном столике — игровая приставка „Геймбой“. А сейчас слушай, я буду держать телефон

над самой его кроватью».

Харри прижал мобильник к уху так сильно, что заболела голова.

В трубке послышалось равномерное дыхание маленького мальчика, который мирно спал в кровати в большом деревянном доме на Хольменколлвейен.

«Харри, у нас повсюду глаза и уши, так что не пытайся позвонить еще куда-нибудь или переговорить с кем-то. Просто делай так, как я говорю. Позвони на этот номер. Поговорим. А сделаешь что-нибудь другое — я убью мальчика. Понимаешь?»

Сердце начало усиленно качать кровь в окаменевшие руки и ноги, и вскоре онемение сменилось невыносимой болью.

Глава 42
Понедельник. «Марин крест»

Шептались оконные дворники, шипела резина.

«Эскорт», поднимая брызги, пронесся через перекресток. Харри ехал так быстро, как мог, но дождь лил стеной, и сцепление с дорогой было ненадежное.

Он прибавил газу и следующий перекресток проскочил на желтый. По счастью, на улицах не было автомобилей. Харри взглянул на часы.

Оставалось двенадцать минут. Восемь минут назад он стоял на Саннергата, набирая нужный номер. Восемь минут назад он услышал знакомый шепот:

— Наконец-то.

И Харри сказал то, чего не хотел говорить, но чего не мог не сказать:

— Если ты его тронешь, я тебя убью.

— Ну-ну… Где вы с Сивертсеном находитесь?

— Понятия не имею. — Харри смотрел на раму для сушки белья. — Что тебе нужно?

— Просто встретиться с вами. Услышать, по-

чему ты нарушил наш договор. Узнать, чем ты, может быть, недоволен. Еще не поздно, Харри. Я на многое готов пойти, чтобы заполучить тебя в команду.

— Хорошо, — согласился Харри. — Встретимся. Я подъеду к вам.

Том Волер тихо рассмеялся:

— Я бы и со Свеном Сивертсеном поговорил. Думаю, будет куда лучше, если я сам к вам подъеду. Назови адрес. Ну?!

Харри замешкался.

— Ты слышал, как перерезают человеческое горло? — полюбопытствовал Волер. — Сначала такой скрипучий звук, когда сталь входит в хрящ. Потом — завывания, как в воздушной трубе. Значит, перерезано дыхательное горло. Или глотка? Никогда их не различал.

— Общежитие. Комната четыреста шесть.

— Тьфу ты! Я должен был догадаться.

— Должен был.

— Если ты собираешься устроить там засаду, Харри, лучше откажись от этой затеи. Я возьму мальчишку с собой.

— Нет! Не… Том… Будь добр…

— Добр? Ты сказал «добр»?

Харри не ответил.

— Я поднял тебя из грязи и дал еще один шанс. Ты был так добр — всадил мне нож в спину. Я не виноват, что мне приходится все это делать. Виноват ты. Помни это, Харри.

— Послушай…

— Через двадцать минут дверь должна быть широко открыта, а вы должны сидеть на полу на видном месте и держать руки за головой.

— Том!

Но на этом разговор закончился.

Харри крутанул руль и почувствовал, как автомобиль теряет устойчивость на дороге. По обочинам текла вода, и на секунду ему представилось, будто он в какой-то сказочной стране, где законы физики отменили. Всего на секунду, но у Харри появилось чувство свободы, как будто все уже закончено и поздно что-либо менять. Потом устойчивость вернулась, а сказочная страна исчезла.

«Эскорт» свернул к общежитию и остановился перед входом. Харри выключил зажигание. Девять минут. Он обошел автомобиль, открыл багажник и, отбросив в сторону пустые бутылки и склянки, вынул оттуда скотч. Поднимаясь по лестнице, он достал из кобуры пистолет. Проверить оружие он не успел, но надеялся,

что после падения с пятнадцати метров «ческа збройовка» не пострадала. Он остановился на четвертом этаже перед лифтом. Ручка на двери была металлическая, с круглым деревянным набалдашником. Размер как раз подходящий, чтобы незаметно прикрутить с внутренней стороны пистолет без глушителя. Харри зарядил оружие и приладил его к двери двумя кусками клейкой ленты. Если все пойдет как нужно, воспользоваться им не придется. Мусоропровод рядом с лифтом открылся со скрипом, но глушитель упал в него совершенно бесшумно. Оставалось четыре минуты.

Харри отпер дверь комнаты номер четыреста шесть. У батареи звякнуло железо.

— Какие новости? — Это прозвучало как мольба.

Отковывая Свена от радиатора, Харри почувствовал, как дурно у того пахнет изо рта.

— Плохие, — ответил Харри. — Он приезжает сюда с Олегом.

Харри и Свен сидели на полу в коридоре и ждали.

— Опаздывает, — сказал Свен.

— Да.

Пауза.

— Давай называть песни Игги Попа на букву «си», — предложил Свен. — Начинай.

— Отстань.

— «China Girl».

— Не сейчас, — буркнул Харри.

— Помогает. «Candy».

— «Cry For Love».

— «China Girl».

— Уже было. Сам называл, Сивертсен.

— У нее две версии.

— «Cold Metal».

— Боишься, Харри?

— До смерти.

— Я тоже.

— Отлично. Шансы выжить растут.

— Насколько? На десять процентов? На двад…

— Тшшш! — шикнул Харри.

— Это лифт? — прошептал Сивертсен.

— Поднимаются. Дыши глубоко и спокойно.

Они услышали, как с тихим стуком лифт остановился. Прошло две секунды. Лязгнула решетка. Тихий протяжный скрип. Харри понял, что Волер осторожно открывает дверь.

Тихое бормотание. Звук открываемого мусоропровода. Свен вопросительно посмотрел на Харри.

— Подними руки так, чтобы он мог их видеть, — прошептал Харри.

Они синхронно подняли руки вверх, лязгнув наручниками. Открылась стеклянная дверь в конце коридора.

На Олеге были тапки, пижама и спортивная куртка. В голове Харри внезапно возникла картина. Коридор. Ночная рубашка. Шарканье тапок. Мама. Больница.

Прямо за спиной Олега шел Том Волер. Он держал руки в карманах короткой куртки, Харри различал очертания дула пистолета.

— Стоять! — приказал Волер Олегу, когда между ними и Харри со Свеном оставалось пять метров.

Олег смотрел на Харри испуганными черными глазами. Харри старался смотреть в ответ с уверенностью и решительностью во взгляде.

— Парни, а что это вы прикованы друг к другу? Уже стали неразлучными?

Говорил Волер громко, и Харри понял, что он просмотрел списки, составленные перед совместной операцией, и выяснил то, что Харри уже знал: жильцов сейчас на четвертом этаже не было.

— Мы поняли, что, в общем-то, сидим в одной лодке, — ответил Харри.

— А почему вы сидите не в комнате, как я ска-

зал?

Волер встал так, чтобы Олег оказался между ними.

— А зачем тебе нужно, чтобы мы сидели в комнате?

— Сейчас вопросы задаешь не ты, Холе. Марш в комнату.

— Извини, Том.

Харри повернул свободную руку, между пальцами были зажаты два ключа, побольше и поменьше.

— От комнаты и от наручников, — пояснил он.

Потом открыл рот, положил ключи на язык, подмигнул Олегу и сглотнул.

Том Волер недоверчиво смотрел, как ходит его кадык.

— Придется изменить план, Том, — вздохнул Харри.

— И какой он будет теперь?

Харри прислонился к стене, поджал под себя ноги и почти уже встал, когда Волер достал из куртки пистолет. Увидев направленное на него оружие, Харри скривился, похлопал себя по груди и сказал:

— Ты ведь помнишь, Том, что я несколько лет за тобой следил и уже изучил твои повадки. Ты убил

Сверре Ульсена у него дома, а представил как самооборону. И на портовом складе проделал то же самое. Так что, думаю, ты собирался убить меня и Свена Сивертсена в комнате, а потом выставить это в таком свете, будто я сначала застрелил его, а потом застрелился сам. После чего ты покинул бы место преступления, предоставляя коллегам возможность найти меня. В полицию позвонил бы анонимный доброжелатель и сообщил, что слышал выстрелы в общежитии.

Том Волер нетерпеливо посмотрел по сторонам.

Харри продолжал:

— Все логично: инспектор Харри Холе, алкоголик и психопат, не выдержал наконец. Его бросила любимая женщина, выкинули из полиции. Он похищает арестанта. Саморазрушающая ярость оканчивается кошмаром, личной трагедией. Так?

Волер слабо улыбнулся:

— Неплохо. Только ты забыл маленькую деталь: от любовной тоски ты ночью проникаешь в дом своей бывшей возлюбленной и похищаешь ее сына. Его труп найдут рядом с вашими.

Харри старался дышать спокойно:

— Ты действительно думаешь, что они про-

глотят эту историю? Мёллер? Начальник криминальной полиции? СМИ?

— Разумеется, — сказал Волер. — Ты что, не читаешь газет? Не смотришь телевизор? Эту историю будут обсасывать пару дней, максимум неделю, если за это время ничего не случится, ничего по-настоящему интересного.

Харри не ответил.

Волер улыбнулся:

— А тут интересно только то, что ты верил, будто я вас не найду.

— Уверен?

— В чем?

— В том, что я не знал, что ты найдешь сюда дорогу?

— В таком случае я бы на твоем месте смотался отсюда. Ну а сейчас, Холе, путей к отступлению не осталось.

— Это точно. — Харри сунул руку в карман пиджака.

Волер вскинул пистолет. Харри достал из кармана мокрую пачку сигарет:

— Я в ловушке. Вопрос только: на кого ловушка? — Он достал сигарету.

Волер сощурил глаза:

— В смысле?

— Ну… — Харри разломил сигарету надвое и сунул фильтр в зубы. — Паршиво, когда все в отпусках, а? Народу не хватает ни чтоб установить в общаге камеры видеонаблюдения, ни чтоб их убрать. — Харри заметил, как у его коллеги мелко задрожало веко. Он указал пальцем через плечо. — Посмотри в правый верхний угол, Том. Видишь?

Волер быстро взглянул, куда указывал Харри, потом опять на него.

— Я уже сказал, Том, что знаю, как у тебя работает голова. Знал я и то, что рано или поздно ты нас найдешь. Главное было не поддаться раньше времени, чтобы ты не заподозрил ловушку. С утра в воскресенье я долго беседовал с одним нашим общим знакомым. До сих пор он сидит в автобусе и ждет, когда же начнется действо. Помаши Отто Тангену.

Том Волер часто заморгал, как будто в глаз ему попала соринка, и довольно неуверенно произнес:

— Ты блефуешь, Харри. Я знаю Тангена. Он никогда бы на такое не отважился.

— Я передал ему все права на дальнейшую продажу этого видеоматериала. Только представь себе, Том. Запись грандиозного шоу с участием ве-

локурьера-маньяка, сумасшедшего следователя и продажного инспектора. Телеканалы всего мира встанут в очередь. — Харри шагнул вперед, натянув цепочку наручников. — Том, может, чтобы не усложнять себе жизнь, отдашь мне пистолет?

— Стой где стоишь, Харри, — прошипел Волер и мгновенно направил оружие в спину Олегу.

Харри остановился. Том Волер перестал мигать. Он усиленно и сосредоточенно работал желваками. Никто не шевелился. В коридоре общежития стало так тихо, что Харри показалось, будто он слышит шум стен, длинноволновую, почти неслышную вибрацию, крохотное изменение давления воздуха, фиксируемое ухом. Стены пели. Прошло секунд десять. Волер смотрел не мигая. Эйстейн как-то рассказывал, сколько информации человеческий мозг может обработать за одну секунду. Цифр Харри не помнил, зато не забыл комментарий Эйстейна, что мозг человека за десять секунд может просканировать среднюю публичную библиотеку.

Волер все-таки моргнул и сразу стал выглядеть спокойнее. Харри не знал, что это означает, но, скорее всего, ничего хорошего.

— Любопытная штука — дело об убийстве, — сказал Волер. — Человека считают невиновным,

пока не доказано обратное. К тому же я пока не вижу камер, на которые записывались бы какие-нибудь противоправные действия с моей стороны.

Он подошел к Харри и Свену и дернул за цепь наручников — так резко, что Свен вскочил на ноги. Не спуская глаз с Харри, Волер быстро обыскал свободной рукой их пиджаки и брюки.

— Напротив, я делаю свою работу. Задерживаю полицейского, который похитил заключенного из изолятора.

— Ты только что признался перед камерой, — сказал Харри.

— Вам — да, — улыбнулся Волер. — Насколько я помню, эти ваши камеры записывают изображение, а не звук. Это обычный арест. К лифту!

— А похищение ребенка? — спросил Харри. — У Тангена есть кадры, где ты направляешь на мальчика оружие.

— Ах, это… — Волер толкнул Харри в спину, и тот, споткнувшись, сделал несколько шагов вперед, потянув за собой Свена. — Он, очевидно, встал среди ночи и, не сказав маме, поехал в Полицейское управление. Он ведь и раньше так делал? Скажем так, я встретил мальчишку у входа, как раз когда отправлялся искать тебя и Свена. Когда

я разъяснил ему ситуацию, он сказал, что хочет помочь. На самом деле это он захотел разыграть из себя заложника, чтобы ты, Харри, не наделал глупостей и никого не поранил.

— Десятилетний мальчик? — вздохнул Харри. — Ты действительно думаешь, что кто-то в это поверит?

— Поглядим, — ответил Волер. — Ладно, народ, идем к лифту. Кто первый попробует выкинуть фокус, тот первый получит пулю.

Волер подошел к двери лифта и нажал на кнопку вызова. В глубине шахты послышался грохот.

— Удивительно, как тихо в таких общежитиях становится в летние месяцы. А? — Волер улыбнулся Свену. — Почти как в доме с привидениями.

— Хватит, Том. — Слова давались Харри с трудом, как будто в рот набился песок. — Слишком поздно, пойми, что тебе никто не поверит.

— Повторяетесь, дорогой коллега. — Волер бросил взгляд на подрагивающую стрелку в круглом окошке, которая сейчас больше всего напоминала стрелку компаса. — Мне поверят, Харри, по той простой причине, что никто не сможет мне возразить. — Он провел пальцем по губам.

Теперь Харри понял его задумку. Лифт. В лифте не было камеры. Там все и случится. Он не знал,

как Волер собирается потом все это представить. Может, возникла потасовка, Харри вырвал у него пистолет… Но в одном он не сомневался: там их всех и убьют — в лифте.

— Папа… — начал Олег.

— Все будет в порядке, дружок. — Харри попытался улыбнуться.

— Да, — сказал Волер, — все будет в порядке.

Послышался пощелкивающий металлический гул. Лифт приближался. Харри посмотрел на круглую дверную ручку. Пистолет он прикрепил так, чтобы можно было схватиться за рукоятку, положить палец на спусковой крючок и одним движением оторвать оружие от двери.

Лифт остановился перед ними и слегка вздрогнул.

Харри набрал воздуха в легкие и вытянул руку. Пальцы скользнули по шершавой внутренней стороне ручки. Он ожидал почувствовать холодную сталь. Ничего. Деревяшка. И никому не нужный кусок скотча.

Том Волер вздохнул:

— Боюсь, Харри, я выбросил его в мусоропровод. Ты и вправду подумал, что я не буду искать спрятанное оружие?

Продолжая держать их на мушке, Волер одной

рукой открыл железную дверь и приказал:

— Мальчишка — первый.

Олег посмотрел на Харри. Тот отвел глаза. Он не мог видеть его взгляд, в котором, как он знал, читалась все та же мольба: «Скажи, что все будет хорошо». Вместо этого Харри молча кивнул на дверь.

Олег зашел в лифт и встал в самый дальний угол. Блеклый свет с потолка освещал коричневую стену «под палисандр», изукрашенную признаниями в любви, девизами, приветами и схематичными изображениями половых органов.

Над головой Олега красовалась неприличная надпись.

«Могила, — подумал Харри. — Это наша могила».

Он сунул свободную руку в карман. Лифты ему никогда не нравились. Харри дернул к себе левую руку, и прикованный к нему Свен потерял равновесие и с шумом упал рядом с Волером. Тот повернул голову, и в это же мгновение Харри занес правую руку над головой. Прицелился, словно матадор шпагой, зная, что другой попытки не будет и что точность важнее, чем сила.

Ударил.

Металл с треском прорвал кожаную куртку и вошел в мягкую ткань чуть выше правой ключицы, прорезал яремную вену, попал в плечевой нервный узел и парализовал мышцы руки. Пистолет звонко упал на каменный пол и поскакал по лестнице. Волер с удивлением посмотрел на правое плечо: в нем торчала маленькая зеленая рукоятка шпателя. Рука висела плетью.

Этот день у Волера выдался длинным и по-настоящему дерьмовым. Первую порцию дерьма он получил рано утром, когда его разбудили и сообщили, что Харри с Сивертсеном исчезли. Вторую — когда выяснилось, что поймать Харри не так-то просто, и Тому пришлось доказывать остальным, что нужно использовать мальчишку, а те отказались. Сказали, что слишком опасно. В глубине души он всегда знал, что в крайней ситуации ему придется действовать одному. Всегда. Никто не будет его останавливать, никто не будет ему помогать. Верность — вопрос шкурный, а своя шкура всегда дороже. День шел, а дерьма становилось все больше. Теперь он не чувствовал свою руку. Единственное, что он чувствовал, — это теплую струю, которая толчками лилась по груди.

Он снова повернулся к Харри и успел заметить его увеличивающееся в размерах лицо. В следую-

щее мгновение голова затрещала: Харри ударил его лбом по переносице. Том Волер прогнулся назад. Харри сделал хук справа, но Том увернулся. Харри подался вперед, но левая рука по-прежнему была прикована к Свену Сивертсену. Том жадно глотнул воздуха, чувствуя, как боль наполняет жилы белой бодрящей яростью. Он снова обрел равновесие. Оценил расстояние, согнул ноги в коленях, слегка оттолкнулся и, крутанувшись на одной ноге, другой ударил Харри в висок. Блестящий удар — в джиткундо его называют «оу тек». Харри упал и потянул за собой Свена.

Том обернулся в поисках пистолета: тот лежал на лестничной клетке внизу. Схватившись за перила, Том в два прыжка оказался на месте. Правая рука по-прежнему не слушалась. Он выругался, схватил пистолет левой и ринулся обратно.

Харри и Свена уже не было.

Он успел заметить, как плавно закрывается дверь лифта. Зажав пистолет зубами, он левой рукой дернул дверную ручку. Так сильно, что показалось, плечо вылетит из сустава. Закрыто. Том прислонил лицо к дверному окошку-иллюминатору. Они уже задернули решетку и оживленно переговаривались.

День выдался действительно дерьмовым, но

сейчас все изменится, сейчас он станет идеальным. Том поднял пистолет.

Харри, тяжело дыша, прислонился к задней стенке, ожидая, когда же лифт поедет. Он только что задернул решетку и нажал на кнопку с надписью «Подвал». Дверь дернулась, снаружи послышалась ругань Волера.

— Эта чертова дрянь не хочет ехать, — прошептал Свен и встал на колени возле Харри. Лифт дернулся, как будто икнув, но никуда не поехал. — Если этот долбаный лифт так туго соображает, он быстрее добежит по лестнице и встретит нас с распростертыми объятиями!

— Заткнись, — тихо сказал Харри. — С лестницы в подвал не попасть: дверь заперта.

За круглым окошком шевельнулась тень.

— Ложись! — крикнул Харри и толкнул Олега к решетке.

Со звуком пробки, вытягиваемой из винной бутылки, пуля попала в лжепалисандровую панель над головой Харри. Он подался к Олегу и потянул за собой Свена. В то же мгновение лифт снова дернулся и со скрипом пополз вниз.

— Да чтоб тебя! — шепотом выругался Свен.

— Харри… — начал Олег.

Послышался шум бьющегося стекла, и Харри

непроизвольно зажмурил глаза от осколков, но успел заметить между прутьями решетки торчащий из окошка кулак прямо над головой Олега.

— Харри! — Крик Олега заполнил все: уши Харри, нос, рот, горло.

Он словно тонул в этом крике. Открыв глаза, Харри увидел широкие зрачки Олега, его губы, искривленные в гримасе боли и паники, и большую белую руку, вцепившуюся в длинные волосы мальчика. Олег оторвался от пола.

— Харри!

Потом Холе не видел ничего, вглядывался, но не видел. Белая паника застилала все. Но он слышал. Слышал крик Сестрёныша.

— Харри!

Слышал крик Эллен. Крик Ракели. И все звали его на помощь.

— Харри!

Белизна перед глазами постепенно темнела. Он теряет сознание? Крики становились тише, словно угасающее эхо. Его сознание куда-то плыло. А ведь они правы. Он всегда убегает в самый ответственный момент. Старается исчезнуть. Пакует чемодан. Открывает бутылку. Запирает дверь. Пугается. Слепнет. Они всегда правы. В конечном итоге всегда.

— Папа!

Харри ударили в грудь ногой. Он снова прозрел. Перед ним в воздухе дергался Олег: Волер вцепился в него железной хваткой. Лифт остановился. Харри сразу понял почему: сместилась решетка. Харри посмотрел на Свена, который с застывшим лицом сидел рядом.

— Харри! — крикнул Волер с той стороны. — Пускай лифт обратно, или я пристрелю мальчишку.

Харри встал и тут же упал, успев увидеть то, что хотел. Дверь четвертого этажа была на полметра выше, чем лифт.

— Если ты будешь стрелять оттуда, убийство окажется у Тангена на пленке, — сказал Харри.

Он услышал тихий смех Волера.

— Скажи мне, Харри, была бы у тебя действительно тяжелая кавалерия, наверное, уж давно прискакала бы?

— Папа… — простонал Олег.

Харри закрыл глаза:

— Послушай, Том. Лифт не пойдет, пока я нормально не закрою решетку. Твоя рука между прутьями. Отпусти Олега, чтобы я закрыл ее.

Волер снова рассмеялся.

— Думаешь, я дурак, Харри? Решетку нужно

подвинуть на пару сантиметров, и с этим вы справитесь, даже если я не отпущу мальчишку.

Харри посмотрел на Свена, но тот глядел пустыми глазами вбок.

— Ладно, — сказал Харри, — но на мне наручники. Надо поднять Свена, а он совсем никакой.

— Свен! — крикнул Волер. — Ты меня слышишь?

Свен вяло поднял голову.

— Свен, помнишь Лодина? Твоего предшественника из Праги?

Эхо гремело на лестнице. Свен громко сглотнул.

— Его голову в токарном станке? Свен! Хочешь попробовать?

Свен, покачиваясь, встал на ноги. Харри схватил его за плечо и притянул к себе.

— Ты понимаешь, что нужно сделать, Свен? — крикнул он в бледное сомнамбулическое лицо, свободной рукой доставая из заднего кармана ключ. — Ты должен сделать так, чтобы решетка больше не дергалась. Слышишь? Держи ее, когда мы поедем. — Харри указал на одну из круглых стертых кнопок на панели.

Свен апатично смотрел, как Харри отпирает ключом наручники. Затем кивнул.

— Хорошо! — крикнул Харри. — Мы готовы! Задвигаем!

Свен встал к решетке спиной, взялся за нее обеими руками и потянул вправо. Прутья потянули руку Волера за собой. Он застонал. Контакты на решетке и на полу тихо щелкнули.

— Готово! — крикнул Харри.

Пауза. Харри отошел в сторону и посмотрел вверх. В маленький просвет между краем окна и плечом Волера он увидел два взгляда: широко открытый, злобный глаз Волера и рядом слепое черное дуло пистолета.

— Поднимайтесь, — приказал Волер.

— Если пощадишь мальчика, — ответил Харри.

— Договорились.

Харри медленно кивнул и нажал на кнопку.

— Я знал, что в конце концов ты образумишься, Харри.

— Само собой.

Он увидел, как Волер нахмурился, — может быть, заметил, что с запястья Харри свободно свисает наручник, и ему это не понравилось. А может, ему тоже стало ясно: момент настал.

Трос предостерегающе заскрипел, лифт вздрогнул. В то же мгновение Харри шагнул вперед,

встал на цыпочки, и стальной браслет с глухим щелчком сомкнулся вокруг запястья Волера.

— Что за… — начал Волер.

Харри поджал под себя ноги. Наручники врезались в кожу обоим: девяностопятикилограммовый Холе тянул Волера вниз. Тот пытался сопротивляться, но ушел в окошко по плечо, полностью его закрыв.

Дерьмовый день.

— Черт! Отпусти меня!

Том кричал, прижимаясь плечом к холодной железной двери. Он пытался вытянуть руку, но вес был слишком велик. В ярости он кричал и со всей силы молотил пистолетом в дверь. Так не должно было случиться. Они все разрушили. Они разрушили, разметали его замок, как будто он был из песка, а теперь стоят и смеются. Но он им покажет, однажды он им всем покажет! И тут он почувствовал… Прутья решетки терлись о предплечье — лифт поехал. Но не туда. Вниз. Горло стянуло, словно веревкой. Он понял: ловушка захлопнулась. Лифт превратился в медленную гильотину. Скоро проклятье настигнет его.

— Держись за решетку крепче, Свен! — услышал он крик Харри.

Том отпустил Олега и рванул руку на себя, но

Харри оказался слишком тяжелым. Тома охватила паника. Он сделал новую отчаянную попытку, и еще одну. Ноги скользили по гладкому каменному полу. Он почувствовал плечом потолок лифта. Рассудок покидал его.

Он хотел крикнуть: «Нет, Харри! Стой!» — но захлебнулся слезами и выдавил только:

— Пожалуйста…

Глава 43
Ночь на вторник. «Ролекс»

Тик-так, тик-так.

Харри сидел с закрытыми глазами, слушал ход секундной стрелки и считал, думая, что тиканье золотого «ролекса» — верный показатель того, что время не остановилось.

Тик-так, тик-так.

Если он считал правильно, они уже просидели в лифте четверть часа. Пятнадцать минут. Прошло девятьсот секунд с того момента, как Харри нажал на «стоп» между первым этажом и подвалом и сказал, что теперь они в безопасности и нужно просто ждать. Девятьсот секунд они сидели тихо как мыши и слушали. Шаги. Голоса. Звуки открывающихся и закрывающихся дверей. Харри с закрытыми глазами считал тиканье «ролекса» на запястье окровавленной руки на полу лифта, к которой он до сих пор был прикован.

Тик-так, тик-так.

Харри открыл глаза. Снял наручник, размышляя, как же он откроет багажник автомобиля, если проглотил ключ от него.

— Олег, — прошептал он и осторожно потряс спящего мальчика за плечо. — Мне нужна твоя помощь.

Олег встал.

— А смысл? — спросил Свен, глядя, как Олег становится Харри на плечи и отвинчивает с потолка обе лампы дневного света.

— Принимай, — сказал Харри.

Свен протянул руку и взял у Олега одну лампу.

— Во-первых, мои глаза должны привыкнуть к темноте, — пояснил Харри. — Во-вторых, когда дверь откроется, стрелять в нас будет гораздо труднее.

— Волер? В подвале? — с сомнением в голосе спросил Свен. — Брось, кто такое переживет? — Он указал лампой на бледную, словно восковую руку на полу. — Представь себе, сколько крови он потерял.

— Я просчитываю все возможные варианты, — ответил Харри.

Стало темно.

Тик-так, тик-так.

Харри шагнул из лифта, подался в сторону и пригнулся. Услышал, как закрылась дверь за спиной. Дождался, пока лифт поедет. Они договорились, что Олег со Свеном поднимут лифт и

остановят его между подвалом и первым этажом, где они будут в безопасности.

Харри затаил дыхание и прислушался. Пока — никаких следов призрака. Он распрямился во весь рост. Сквозь окошко двери в другом конце подвала падал свет. Вокруг громоздились садовые стулья и столы, старые комоды и лыжи. Харри стал ощупью пробираться вдоль стены. Нашел дверь и открыл ее. В нос ударил сладковато-тошнотворный запах мусора. То, что нужно. Он зашел внутрь. Воздух был спертым и жарким от гниения. Ступая по набитым отходами пакетам, яичной скорлупе и упаковкам из-под молока, Харри добрался до дальней стенки. Там лежал пистолет. Один кусок клейкой ленты до сих пор был на нем. Убедившись в том, что пистолет по-прежнему заряжен, Харри вернулся в подвал.

Он осторожно шел на свет — к той самой двери. Она должна была выходить на лестницу.

Когда он подошел поближе, то увидел за стеклом темный силуэт. Лицо. Харри непроизвольно пригнулся, но тут же понял, что человек с той стороны не видит его в темноте. Взяв пистолет двумя руками, он медленно сделал два шага вперед. Лицо было прижато к стеклу, Харри различал его черты. Он взял его на мушку. Это был Том.

Широко раскрытыми глазами он смотрел сквозь него в темноту.

Сердце Харри билось так сильно, что пистолет подрагивал в руке.

Он ждал. Медленно текли секунды. Ничего не происходило.

Тогда он опустил пистолет.

Подошел к стеклу и взглянул в глаза Тома Волера. Их уже покрыла бледно-голубая пленка. Харри обернулся и тоже посмотрел в темноту. Что бы там ни привлекло взгляд Тома, оно уже исчезло.

Холе стоял и слушал, как упрямо и настойчиво пульс отсчитывает: тик-так, тик-так. Харри не понимал, что это означает, кроме того, что он жив, потому что человек по ту сторону двери мертв, и можно открыть дверь, потрогать его кожу и почувствовать, как тепло покидает тело, как кожа меняет свою природу, превращаясь из живой ткани в оболочку.

Харри приложил свой лоб ко лбу Тома Волера, между ними было ледяное стекло, и оно обжигало кожу.

Глава 44
Ночь на вторник. Бормотание

Они остановились перед светофором на площади Александра Кьелланда.

Дворники двигались влево-вправо. Через полтора часа небо тронет утренняя заря, а покуда ночь расстилала над городом темно-серый брезент облаков.

Харри сидел на заднем сиденье и обнимал Олега. Навстречу им по пустому тротуару на Вальдемар-Транес-гате, пританцовывая, шла парочка. Прошел час с того момента, как Харри, Свен и Олег вышли из лифта и из общежития под дождь, нашли раскидистый дуб, который Харри видел еще из окна, и сели под ним на сухую траву. После этого Харри первым делом позвонил в редакцию «Дагбладет» и поговорил с дежурным. Потом он позвонил Бьярне Мёллеру, рассказал ему о последних событиях и попросил разыскать Эйстейна Эйкеланна. И только после этого разбудил своим звонком Ракель. Через двадцать минут площадка перед общежитием осветилась вспышками фотоаппаратов и огнями мигалок:

как всегда, пресса и полиция появились вместе — как Гог и Магог.

Харри, Олег и Свен сидели под дубом, наблюдая, как люди вбегают в общежитие и выбегают из него.

Потом Харри затушил сигарету и сказал:

— «Character».

Свен кивнул, но заметил:

— Такую я не помню.

Когда они вышли из своего укрытия, на них тут же налетел Бьярне Мёллер и затолкал в полицейскую машину.

Сначала их отвезли в Полицейское управление для предварительной дачи показаний, которую Мёллер деликатно назвал «разбором полетов». Когда Свена забирали в изолятор, Харри настойчиво потребовал, чтобы у его камеры круглосуточно дежурили полицейские из службы охраны. Мёллер с некоторым удивлением спросил, действительно ли так велика вероятность побега. Харри в ответ покачал головой, и Мёллер решил вопросов больше не задавать.

Потом они позвонили и попросили патрульную машину, чтобы доставить Олега домой.

Светофор неприятно пищал в ночной тишине. Парочка пересекла Уэлланс-гате. Женщина дер-

жала над головой куртку, которую, очевидно, дал ей мужчина. Тот шел в насквозь мокрой рубашке и отчего-то громко смеялся. Харри показалось, что он с ними знаком.

Загорелся зеленый. Перед тем как уехать, Харри заметил под курткой рыжие волосы.

Когда они проезжали Виндерн, дождь внезапно кончился, облака разошлись, будто занавес, открывая взгляду новорожденный месяц в черном небе над Осло-фьордом.

— Наконец-то, — сказал Мёллер, с улыбкой оборачиваясь к пассажирам.

Харри решил, что он о дожде.

— Да, наконец-то, — согласился он, продолжая смотреть на месяц.

— А ты очень храбрый парень. — Мёллер похлопал Олега по коленке, мальчик бледно улыбнулся и посмотрел на Харри.

Мёллер снова повернулся к дороге. Живот перестал болеть — как рукой сняло.

Эйстейна Эйкеланна нашли там же, куда привели Свена Сивертсена, — в камере предварительного заключения. Если верить записям Плаксы-Грота, его посадил туда Том Волер по подозрению в вождении такси в пьяном виде — анализ показал крохотную промилле алкоголя

в крови. Когда Мёллер распорядился отбросить все формальности и немедленно отпустить Эйкеланна, Плакса-Грот вдруг оказался на удивление покладистым, даже не стал кочевряжиться.

Патрульная машина свернула на гравиевую дорожку и встала возле дома. Ракель ждала их на крыльце.

Перегнувшись через Олега, Харри открыл дверь. Мальчик выпрыгнул и побежал к маме.

Мёллер и Харри сидели и смотрели, как они молча стоят, обнявшись.

У Мёллера зазвонил мобильный телефон. Он дважды сказал в трубку «да», один раз «есть» и убрал телефон в карман.

— Беата. В мусорном ящике во дворе дома Барли нашли мешок с полной экипировкой велокурьера.

— Хм…

— Будет сущий ад, — продолжал Мёллер. — Все хотят урвать от тебя кусочек, Харри. Акерсгата, НРК, ТВ-2. И иностранцы тоже. Представляешь, о велокурьере-маньяке слышали уже даже в Испании. А, ну да что я тебе рассказываю. Ты же через такое уже прошел.

— Переживу.

— Переживешь. Знаешь, у нас ведь есть кадры

всех событий в общежитии. Вот только не понимаю, как это Танген умудрился в воскресенье вечером включить аппаратуру в своем автобусе и, забыв ее выключить, уехал к себе в Хёнефосс. — Мёллер с подозрением посмотрел на Харри, но тот ничего не ответил. — Ты просто везунчик, у него на жестком диске хватило места на несколько суток записи. Невероятно. Выглядит так, будто все спланировали заранее.

— Почти что, — пробормотал Харри.

— Готовится большая внутренняя чистка. Я позвонил в ОСО и сообщил о деятельности Волера. Мы не хотим, чтобы участники его «лиги» оставались служить в полиции. Первое совещание завтра, положим этому конец, Харри.

— Ясно, шеф.

— Мне кажется, ты не слишком-то в это веришь.

— Ну… А вы?

— Почему я должен в этом сомневаться?

— Потому что вы тоже знаете, на кого можете положиться, а на кого — нет.

Мёллер дважды моргнул, не находя подходящего ответа. Потом быстро взглянул на полицейского за рулем.

— Можете немножко подождать, шеф? — Харри

вышел из машины.

Ракель отпустила Олега, и тот скрылся за дверью. Она стояла скрестив руки на груди. Когда Харри подошел совсем близко, она посмотрела на его рубашку:

— Ты весь промок.

— Ну… Когда идет дождь…

— …я мокну. — Она грустно улыбнулась и погладила его по щеке. — Теперь все закончилось?

— На сегодня — все.

Она закрыла глаза и прижалась к нему. Харри обнял ее.

— Он скоро забудет и оправится, — сказал он.

— Знаю. Говорит, что не боялся, потому что ты был там.

— Хм…

— Как сам?

— Отлично.

— Правда? Правда, что все закончилось?

— Закончилось, — прошептал ей на ухо Харри. — Последний день на работе.

— Хорошо, — сказала она.

Она прижалась к нему так крепко, что ему казалось, будто они слились в одно целое.

— На следующей неделе пойду на новую работу.

— Это которую ты нашел через приятеля?

— Да. — Ее запах пьянил. — Через Эйстейна. Ты помнишь Эйстейна?

— Таксиста?

— Да. Во вторник — экзамен на вождение. Я целыми днями только и делал, что повторял про себя улицы Осло.

Она рассмеялась и поцеловала его в губы.

— О чем ты думаешь? — спросил Харри.

— О том, что ты сумасшедший.

— Мне пора, — сказал он.

Она попыталась улыбнуться, но Харри сказал, что у нее не получается.

— Я больше не могу. — Она начала тихонько всхлипывать.

— Сможешь, — поддержал ее Харри.

— Я не могу… без тебя.

— Это не так, — сказал Харри и снова прижал ее к себе. — Ты отлично проживешь и без меня. Вопрос в том, сможешь ли ты отлично прожить со мной.

— Это вопрос? — прошептала она.

— Знаю, тебе надо его обдумать.

— Ничего ты не знаешь.

— Хорошенько подумай, Ракель.

Она чуть отодвинулась и внимательно посмот-

рела ему в лицо. «Ищет, что изменилось», — подумал он.

— Не уходи, Харри.

— Мне нужно еще кое-куда съездить. Если хочешь, могу приехать завтра с утра. Мы могли бы…

— Что?

— Я не знаю… у меня нет никаких планов… и идей. Ну так как?

Она улыбнулась:

— Превосходно!

Он посмотрел на нее, потом, собравшись, поцеловал в губы и ушел.

— Тут? — спросил водитель, глядя в зеркало. — Разве не закрыто?

— Понедельник — пятница с двенадцати до трех, — ответил Харри.

Машина остановилась у края тротуара перед «Боксером».

— Вы со мной, шеф?

Мёллер покачал головой:

— Он хотел видеть только тебя.

Бар закрывался, и последние гости собирались расходиться. Начальник криминальной полиции сидел за тем же столиком, что и в прошлый раз. Глубоко посаженные глаза невозможно было

разглядеть в полумраке. Бокал пива на столе был почти пустым. Лицо дернулось, на нем появилась прорезь рта.

— Поздравляю, Харри.

Харри сел напротив.

— Очень хорошая работа. Объясни, как ты пришел к выводу, что Свен Сивертсен не велокурьер-маньяк.

— Я увидел фотографии Сивертсена в Праге и понял, что видел фотографию Вилли и Лисбет на том же фоне. Ну и еще проверили остатки вещества под ногтем…

Собеседник нагнулся над столом, приблизив лицо к Харри. От него пахло пивом и табаком.

— Я не про доказательства, Харри. Я про идею. Когда ты начал подозревать? Что заставило тебя копать в нужном направлении?

Харри пожал плечами:

— Да лезут в голову разные мысли… Слишком хорошо все сходилось.

— Что ты имеешь в виду?

Харри почесал подбородок.

— Вы знаете, что Дюк Эллингтон просил настройщиков не настраивать идеально его пианино?

— Нет.

— Когда пианино настроено абсолютно, оно плохо звучит. То есть звучит оно правильно, но теряет какую-то теплоту и искренность. — Харри стал ковырять столешницу. — Велокурьер-убийца давал нам идеальный код, который точно объяснял где и когда. Но не зачем. Этим самым он заставил нас сосредоточиться на событиях, а не на мотиве. Каждый охотник знает, что, если хочешь разглядеть дичь в темноте, смотреть надо не прямо на нее, а чуть в сторону. Я перестал рассматривать факты, как только все услышал…

— Услышал?

— Ну да. Эти так называемые серийные убийства были идеально настроены. Все звучало правильно, но ненатурально. Преступления совершались словно по сценарию, давая нам четкое объяснение. Такой ясной часто бывает ложь, а правда — очень редко.

— Тогда ты все и понял?

— Нет, но я перестал смотреть на детали и попытался добраться до сути.

Начкрим кивнул и посмотрел на пузатый пивной бокал, который он крутил по столу. В опустевшем баре неприятный звук раздавался резко и громко.

Он откашлялся и произнес:

— Я ошибался насчет Тома Волера, Харри. Приношу свои извинения.

Харри не ответил.

— Я не собираюсь подписывать приказ о твоем увольнении. Я хочу, чтобы ты остался у нас. Знай, я тебе доверяю. Целиком и полностью. И надеюсь, Харри… — поднял он лицо, и прорезь рта приняла форму улыбки, — что ты мне тоже.

— Мне надо подумать, — сказал Харри.

Прорезь исчезла.

— Насчет работы, — объяснил он.

Собеседник заулыбался снова. На этот раз и глазами.

— Конечно. Позволь мне заказать тебе пива. Уже закрыто, но если я скажу…

— Я алкоголик.

Начальник криминальной полиции на секунду замешкался, затем коротко засмеялся:

— Извини. Забыл. У меня к тебе еще один вопрос, Харри. Ты…

Харри ждал — бокал пива с отвратительным звуком нарезал очередной круг по столу.

— …подумал, как представишь это дело?

— Представлю?

— Да. В отчете. И журналистам. Им обязательно захочется поговорить с тобой. Если выплывет

дело с Волером и контрабандой, они станут перемывать косточки всей полиции. Поэтому важно, чтобы ты не говорил…

Харри искал в карманах сигареты, а его собеседник — подходящие слова.

— Чтобы ты не давал им версии, которая допускает ложное толкование, — наконец сказал он.

Харри понимающе улыбнулся и посмотрел на последнюю сигарету. Начкрим решительно допил остатки пива и отер рот тыльной стороной ладони.

— Он что-нибудь сказал?

Харри поднял бровь:

— Вы про Волера?

— Да. Он что-нибудь сказал перед смертью? Что-нибудь про своих сообщников? Про тех, с кем он работал?

Харри решил поберечь последнюю сигарету.

— Нет. Ничего. Абсолютно ничего, — ответил он.

— Жаль. — Собеседник посмотрел на него без всякого выражения. — А эти записи, которые были сделаны, они нам не могут в этом помочь?

Харри встретился с ним взглядом. Он знал, что этот человек проработал в полиции всю жизнь. У него была выразительная внешность: нос ост-

рый, как лезвие топора, узкие губы и большие натруженные руки. Он был тем, что называют костяком организации, твердым и прочным гранитом.

— Кто знает, — ответил Харри. — Но чего зря беспокоиться, раз у нас все равно будет версия, не допускающая… ложных толкований. — Харри наконец отковырял кусочек лакового покрытия.

Словно по сигналу, свет в баре начал мигать.

Харри встал. Они смотрели друг на друга.

— Подвезти? — спросил начальник криминальной полиции.

Харри покачал головой:

— Мне недалеко.

Начальник долго и крепко жал ему руку. Уже в дверях Харри обернулся:

— Кстати, вспомнил, что Волер сказал перед смертью.

Седые брови взметнулись вверх.

— Да? — осторожно спросил начальник криминальной полиции.

— Да. Он сказал: «Пожалуйста».

Харри срезал дорогу через кладбище. С деревьев капало. Капли, тихо вздыхая, падали сначала на нижние листья, потом на землю, которая жадно их пила. Он шел по тропинке между могилами

и слышал, как бормочут между собой мертвые. Он остановился и прислушался. Перед ним стоял темный, спящий приходской дом в Старом Акере. Мертвые тихо шептались. Харри повернул налево и вышел из калитки в сторону Тельтхусбаккен.

Когда Харри зашел в квартиру, он стащил с себя одежду, встал под душ и включил горячую воду. Стены запотели, мелкие капельки набухали и стекали на пол, а он все стоял, пока кожа не стала пунцовой. Пока он шел в спальню, вода успела испариться, и Харри, не вытираясь, лег в постель, закрыл глаза и стал ждать, когда придет сон. Или воспоминания. Что раньше?

Вместо этого послышалось бормотание. Он слушал.

О чем они там шепчутся? Что замышляют? Они переговариваются кодами.

Харри сел в постели, прислонил голову к стене. Перед усталыми глазами мерцал знак пентаграммы.

Посмотрел на часы. Скоро рассвет.

Он встал и вышел в коридор. Порылся в карманах пиджака, нашел последнюю сигарету. Отломил намокшую половину и закурил. Сел в кресло в гостиной и стал ждать, когда наступит утро. В комнату лился лунный свет.

Он думал про Тома Волера, который сейчас смотрит в глаза вечности, про их беседу на террасе у полицейской столовой и про человека из Старого города, которого он позже разыскал. Найти его было несложно: он работал все в том же семейном магазинчике и называли его старой кличкой, Соло.

— Том? — переспросил человек за полированной стойкой и провел рукой по лоснящимся жирным волосам. — Как же, помню. Бедолага. Отец часто его колотил. Отец у него был безработный каменщик. Пил. Друг? Да нет. Мы с ним никогда не дружили. Ну да, Соло — это я. Турне по Европе? — Он рассмеялся. — Да я дальше Мосса не выезжал. Не думаю, что у Тома было много друзей. Помню, он был добрым парнем, из тех, что переводят старушек через дорогу. Скрытный, чем-то на шпиона похож, странный — это точно. Его отец погиб. Несчастный случай. Жуткое происшествие.

Харри провел безымянным пальцем по гладкой поверхности стола, почувствовал, как к коже пристают мелкие песчинки. Он знал, что это желтая пыль со шпателя. Автоответчик подмигивал ему красным глазом. Наверняка какой-нибудь журналист. Завтра начнется! Он осторожно

лизнул кончик пальца. На вкус пыль была горьковатой. Штукатурка. Он уже сообразил, что этим шпателем Вилли Барли высекал пентаграмму над дверью четыреста шестой комнаты. Харри покатал песчинки на языке, определяя вкус. Если это действительно так, то каменщик использовал странный раствор, потому что чувствовался какой-то сладковатый привкус. Нет, металлический. Привкус яйца.